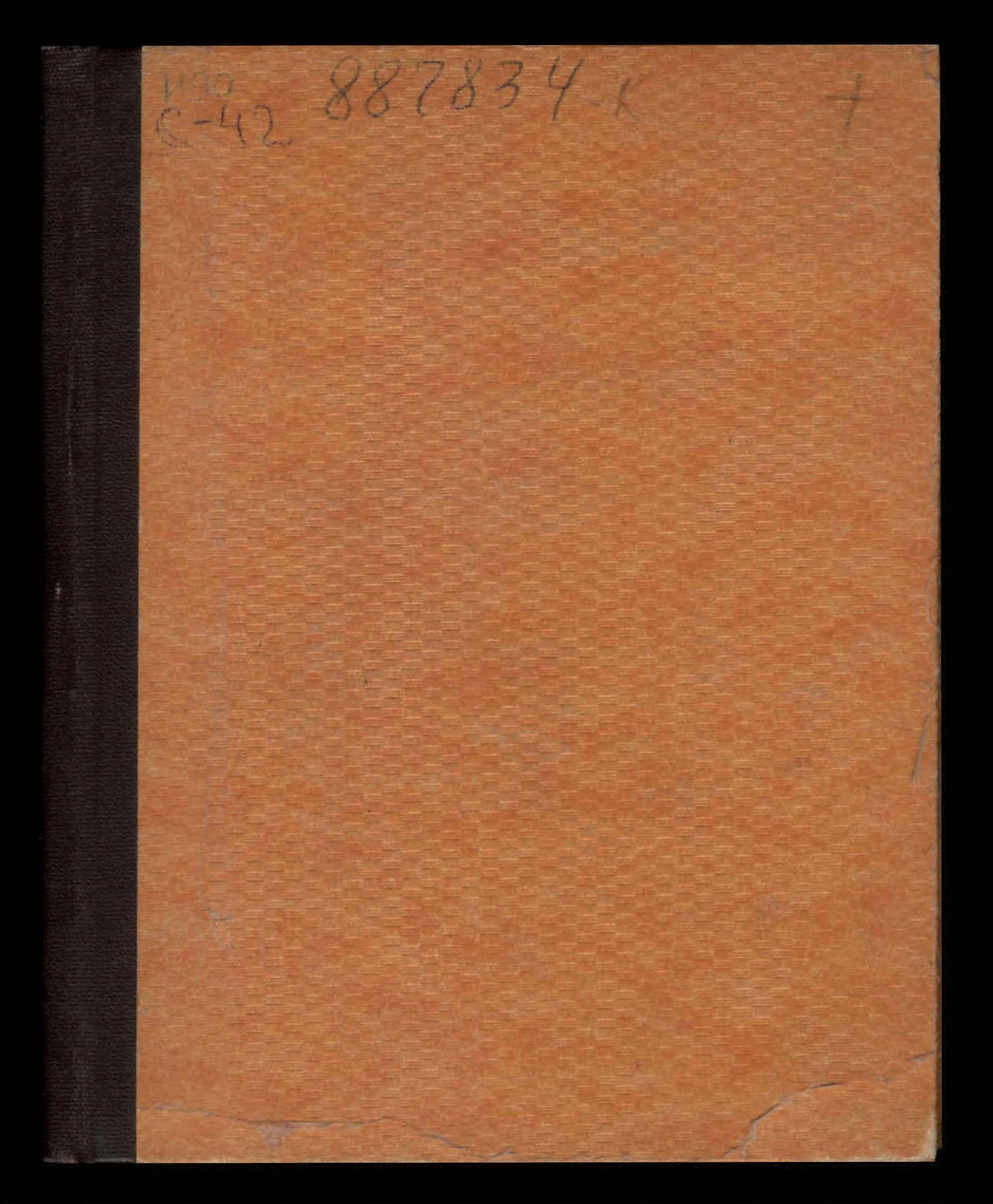
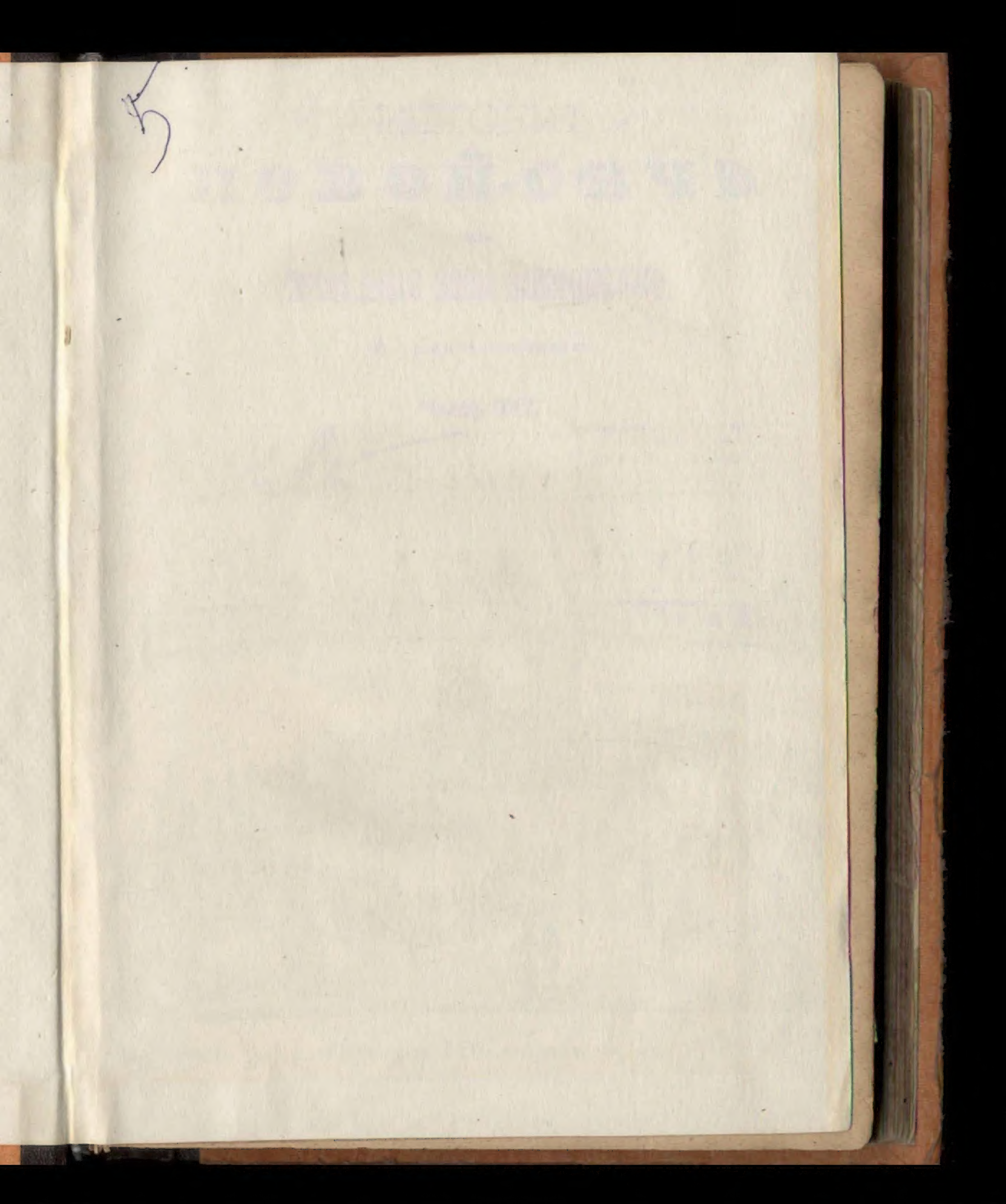

887834-к

ИСТОРІЯ
НОВОЙ-СѢЧИ

или

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

А. Скальковскаго.

Часть III.

Церковь, рада, и курени Запорожскіе, въ 1773 году

край

ИСТОРІЯ

НОВОЙ-СѢЧИ

или

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО

НА ОСНОВАНІИ ПОДЛИННЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ ЗАПОРОЖСКАГО СѢЧЕВАГО АРХИВА

УДОСТОЕННАЯ ПОЧЕТНАГО ОТЗЫВА

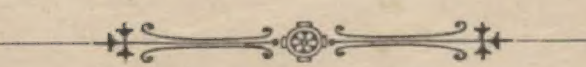
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

А. Скальковскаго.

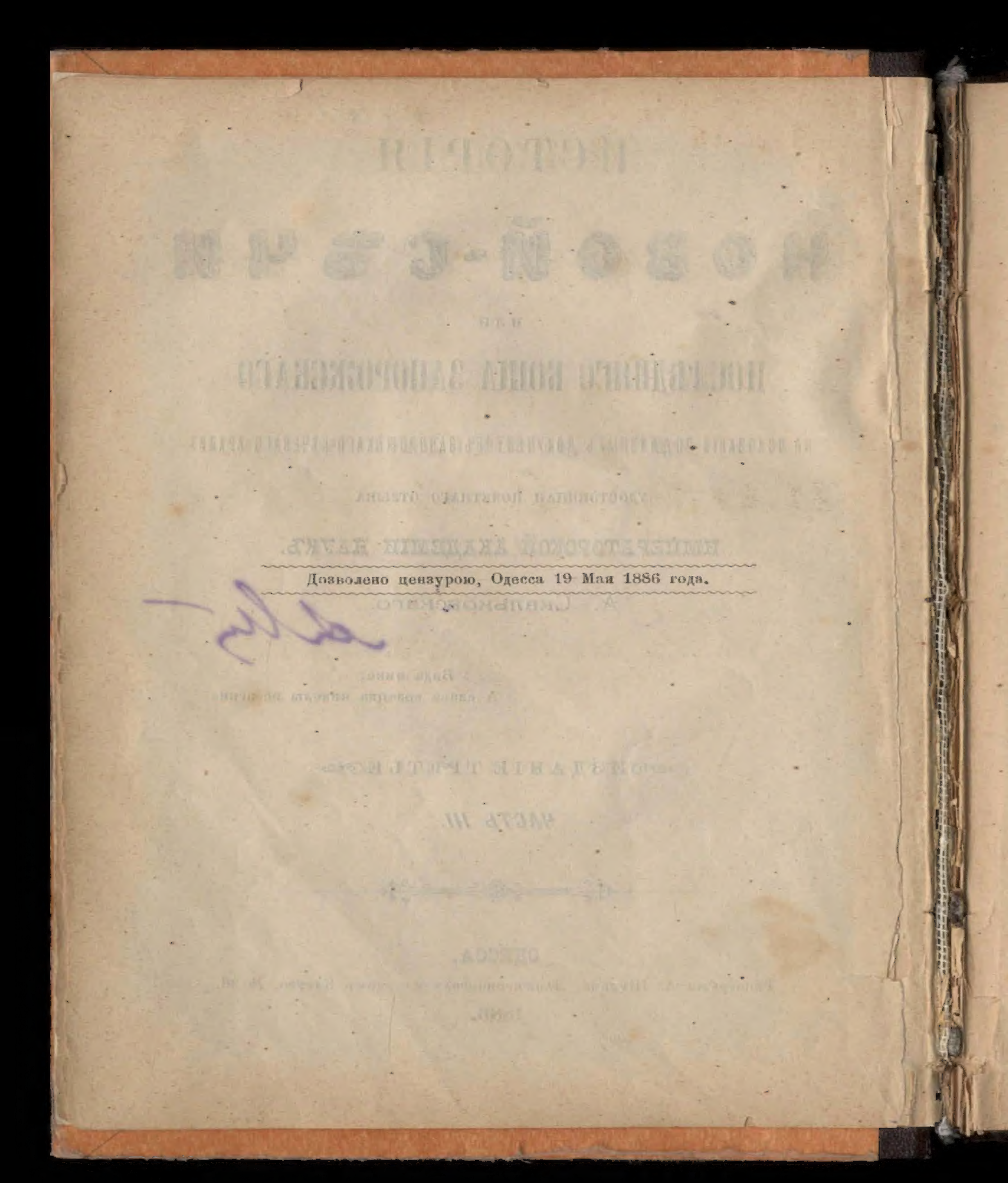
. . . Бида мине,
А слава козацка николы не згине.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

ЧАСТЬ III.

ОДЕССА,
Типографія А. Шульце, Ланжероновская ул., домъ Карузо, № 36.
1886.

Дозволено цензурою, Одесса 19 Мая 1886 года.

ИСТОРІЯ

НОВОЙ-СѢЧИ

ИЛИ

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО

ЧАСТЬ III.

ИСТОРІЯ НОВОЙ-СѢЧИ

или

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО

ЧАСТЬ III.

ИСТОРІЯ НОВОЙ-СѢЧИ ИЛИ ЧЕТВЕРТАГО И ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО ВОЕННАГО ОРДЕНА.

ПЕРІОДЪ II.

ГЛАВА I.

Крымъ-Гирей, наѣздъ Крымцевъ на Новую-Россію, война съ Турціею. Кампанія Запорожцевъ 1769 года.

Кому изъ Русскихъ неизвѣстна та знаменитая война 1769—1774 годовъ, которую называютъ войною *Румянцовскою*, а справедливѣе наименовать должно борьбою Руси съ Востокомъ. Театромъ этой войны отчасти были южныя и западныя степи Запорожья, а потому, по связи обстоятельствъ, и мы должны говорить о ней. Но въ разсказѣ нашемъ мы намѣрены коснуться тѣхъ только событій, въ которыхъ участвовали Запорожцы подъ знаменами славныхъ Русскихъ полководцевъ: Румянцова, Панина или Долгорукаго Крымскаго,

черпая повѣсть нашу изъ свѣдѣній самими Запорожцами намъ оставленныхъ. Такимъ образомъ и достовѣрнымъ свидѣтелемъ и настоящимъ источникомъ исторіи этихъ событій будутъ: Высочайшія грамматы, ордера военныхъ начальниковъ того времени, а еще болѣе отрывки изъ «походныхъ журналовъ» или переписки этого войска. Онѣ тѣмъ безпристрастнѣе разскажутъ намъ всю истину, что никогда не назначались для публики; напротивъ онѣ составляли часть особенныхъ «секретовъ» войсковой канцеляріи. Надобно было Запорожцамъ окончить свое политическое существованіе, чтобъ ихъ лѣтописецъ, какъ наслѣдникъ, воспользовался единственнымъ «добромъ», послѣ нихъ оставшимся — ихъ канцелярскимъ архивомъ, и то малою его частицею; — чтобъ извлекъ изъ него ту нескладную, быть можетъ, повѣсть, которую теперь предлагаемъ читателямъ.

Но прежде скажемъ два слова о началѣ или причинахъ этой достопамятной войны. Уже въ концѣ II-й части настоящей книги говорили мы о началѣ и дѣйствіяхъ столь извѣстной и столь пагубной для Польши, Барской конфедераціи. Ея предводители, въ особенности-же предпріимчивые: ***Казиміръ Пулавскій***, староста Варецкій и ***Красинскій***, епископъ Подольскій, видя слабость своихъ силъ и холодность къ нимъ большей части народа, рѣшились искать помощи за границею. Ихъ агенты разсѣяны были: въ Турціи, Молдавіи, Саксоніи [у принцевъ, дѣтей послѣдняго короля и курфирста Августа III], даже въ Крыму и у Запорожцевъ, приглашая ихъ къ войнѣ противу Россіи и тѣсному союзу съ Польшею, которой они называли себя

представителями. Даже Французскій дворъ, не смотря на банкротство своихъ финансовъ, внутренніе раздоры и угрожавшія ему бѣдствія, увлеченный краснорѣчіемъ Красинскаго, пребывавшаго въ Парижѣ. и деньгами, и чрезъ посла своего въ Константинополѣ, помогалъ конфедератамъ при Портѣ Отоманской. Одинъ изъ посланцевъ его, отправленный въ Крымъ, посѣщалъ всѣ почти Ногайскія жилища въ Буджакѣ и Едисанской ордѣ [Херсонской губ.] и ихъ видѣвшіе Запорожскіе купцы дали знать о томъ правительству. Другой Барскій эмиссаръ чрезъ Умань дошелъ было до Балты, но здѣсь партизанами противной имъ партіи былъ схваченъ и немедленно повѣшенъ. Третій, наконецъ, пробрался въ Запорожье, гдѣ Поляки имѣли знакомства, и на тѣхъ изъ козаковъ, которые происходили изъ Польскаго дворянства и католиковъ, полагали большія надежды. Нѣкоторые Польскіе и иностранные писатели [въ числѣ послѣднихъ былъ и баронъ де Тоттъ] увѣряютъ, что Запорожцы склонили ухо къ подговорамъ Барскихъ конфедератовъ и обѣщали если не содѣйствіе, то хотя неутралитетъ въ случаѣ войны съ Россіею; — но это явная выдумка, судя по событіямъ Уманскаго выше нами описаннаго мятежа, гдѣ Запорожскіе бѣглецы съ остервенѣніемъ терзали все, что было Польское; а еще болѣе по достовѣрнымъ, у насъ имѣющимся современнымъ письменнымъ свидѣтельствамъ. Этому можетъ служить прагматическимъ документомъ слѣдующій отрывокъ изъ Высочайшей грамматы Императрицы Екатерины, данной кошевому Петру Калнишевскому и войску Запорожскому 19 Декабря 1768 г., т. е. за нѣсколько дней до открытія

войны со стороны Турціи. Въ ней сказано: «Мы съ особливымъ удовольствіемъ увѣдомились чрезъ Нашего Кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова, какимъ похвальнымъ образомъ поступилъ ты атаманъ со старшинами, при учиненіи вамъ отъ враговъ Нашихъ и всего христіанства гнусною лестью и ядомъ наполненнаго предложенія, для склоненія васъ и со всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ Запорожскимъ войскомъ, къ измѣнѣ и предательству противъ церкви Божіей и противу Насъ. Мы почитаемъ васъ въ числѣ ревнительнѣйшихъ сыновъ и защитниковъ Нашего истиннаго благочестія и преданій Христа Спасителя Нашего, слѣдственно между Нашими найусерднѣйшими подданными; потому никогда наймалѣйшаго сомнѣнія имѣть не могли о вашей со всѣмъ войскомъ къ Намъ вѣрности, а напротивъ того отъ всѣхъ васъ всегда ожидали и впредъ ожидаемъ таковаго оную показывающаго при подобныхъ случаяхъ поступка; со всѣмъ тѣмъ однакожь Мы сей знакъ вашего должнаго вѣрноподанническаго усердія съ Императорскимъ Нашимъ благоволеніемъ пріемлемъ и при первомъ случаѣ за то Высочайшую Нашу милость ко всему Нвшему вѣрному Низовому Запорожскому войску оказать не оставимъ. Между тѣмъ же Мы Высокомонаршие всѣхъ васъ обнадеживая, что Мы всегда готовы, по заслугамъ онаго войска и по справедливымъ его прошеніямъ, показывать къ нему Монаршее Наше милосердіе и снисхожденіе»[1].

Между тѣмъ интриги Французскаго двора и алчность Турецкаго дивана къ деньгамъ конфедератовъ,

---

[1]) Этой замѣчательной громматы мы нашли только два отрывка, и то въ копіяхъ.

возъимѣли полный успѣхъ. Турки съ жаромъ искали войны и легко къ тому нашли поводъ. Небольшая Русская армія, дѣйствовавшая въ Польшѣ противъ конфедератовъ, загнала одну ихъ партію къ Днѣстру. Часть ушла въ Бессарабію подъ начальствомъ *Іоакима Потоцкаго*, подчашаго Литовскаго. За ними посланъ былъ полковникъ *Вейсманъ* съ Русскими драгунами, но Турки ихъ не допустили. Тогда Ягубъ-Ага, каймаканъ Дубосарскій, пребывающій въ Балтѣ [о которомъ мы уже говорили выше], подъучилъ нѣсколько Поляковъ, за границею бывшихъ соединясь съ толпою гайдамакъ, напасть на Вейсмана и такимъ образомъ заманить къ границѣ, т. е. рѣчкѣ Ко́дымѣ, которая дѣлила вновь это устроенное мѣстечко на двѣ части; лѣвая сторона подъ названіемъ *Юзефгрода*, принадлежала Польшѣ, правая, т. е. собственно *Балта* хану Крымскому, котораго каймаканъ былъ тамъ *гатманомъ* или пограничнымъ губернаторомъ. Русскій отрядъ, погнавшись за конфедератами, достигъ до самаго мостика на Кодымѣ, у котораго они держались; въ пылу боя забывъ о границѣ, которая ничѣмъ не была обозначена, врывается въ Турецкую часть города, убиваетъ и гайдамакъ и конфедератовъ; — пожаръ довершаетъ невольное нарушеніе границы и мира. Это происшествіе, сто разъ случавшееся прежде, не обращало никогда вниманія Порты, но графъ де Верженъ [de Vergenne], посолъ Французскій, умѣлъ воспламенить умъ Турецкаго дивана до такой степени, что война была объявлена и Русскій резидентъ *Обрѣзковъ* посаженъ въ Семибашенный замокъ. Чтобы вести наступательную войну, вызванъ былъ

достойный предводитель авангарда, — герой Ногаевъ. Крымъ-Гирей, ханъ Крымскій.

Уже подъ 1758 г. упомянуто было, какимъ образомъ этотъ Ханъ, послѣдній отблескъ храбрыхъ потомковъ Чингизъ-Хана, вошелъ на Крымскій престолъ, въ противность не только Татарской аристократіи [т. е. Ширинскихъ, Аргинскихъ и др. большихъ Мурзъ] но даже и самой Порты. Но правленіе его было не долго. Диванъ не могъ простить ему ни его военной репутаціи, ни его правъ на Турецкій престолъ, ибо не только въ Крыму, но и въ Турецкомъ народѣ считали Хановъ прямыми наслѣдниками своихъ падишаховъ; ни тѣхъ средствъ, которыя онъ употребилъ, чтобы сдѣлаться ханомъ. Въ 1764 г. Диванъ нашелъ удобный случай отмстить ему во время неудачнаго похода Крымцевъ въ горы, гдѣ отъ Черкесскаго оружія и холода не только ханскіе сеймены, но даже свыкшіеся съ горскими войнами Кубанскіе Ногайцы были совершенно истреблены. Крымъ-Гирей былъ сверженъ и заточенъ въ Родосъ, а Максудъ-Гирей сынъ Селаметъ-Гирея II хана былъ возведенъ на его мѣсто. Такъ прошло 4 года. Когда въ 1768 г. война съ Русскими была провозглашена, Султанъ не только призвалъ его изъ заточенія, но съ особенною торжественностію возвратилъ ему знаки ханскаго достоинства и позволилъ дѣйствовать впередъ по его произволенію, лишь бы Россіи нанести жестокіе удары. Крымъ-Гирей послѣ совѣщаній съ визиремъ, главно-командующимъ надъ приготовленными войсками, немедленно пустился въ Буджакъ и основалъ свое пребываніе въ Каушанахъ. Оттуда писалъ онъ къ конфедератамъ, пребывавшимъ,

въ числѣ 1,500 чел. подъ предводительствомъ Іоакима Потоцкаго, бывшаго региментара барской конфедераціи, въ Хотинскомъ цынутѣ и другихъ частяхъ сѣверной Бессарабіи, и приглашалъ ихъ къ началу Декабря въ Каушаны или же въ Балту, для открытія вмѣстѣ военныхъ дѣйствій. Этотъ же Потоцкій искалъ связи съ великимъ визиремъ и имѣлъ съ нимъ свиданіе, но, дурно принятый, остался въ ханскихъ владѣніяхъ, не обнажая оружія. Весь Крымъ и всѣ орды должны были выступить въ поле, давая, кромѣ съѣстныхъ припасовъ и оружія, по 3 всадника на 8 семействъ. Жившіе тогда на Кубани Некрасовцы или Кара-Игнатъ-козаки, какъ ихъ называли Татаре, явились одни изъ первыхъ и составили особый отрядъ въ 500 чел., столь много цѣнимый Ханомъ, что онъ считался въ составѣ его тѣлохранителей. Опасаясь движенія Запорожцевъ, вѣчныхъ своихъ враговъ, онъ попытался лестью и дружбою если не привлечь ихъ на свою сторону, то хотя усыпить ихъ бдительность. Въ числѣ другихъ употребленныхъ на то хитростей было слѣдующее. Въ Октябрѣ 1768 г. въ Крыму захвачены были, по приказанію Максудъ-Гирея-Хана, Русскіе и Запорожскіе промышленники, при соляныхъ озерахъ пребывавшіе и въ *ясыръ* для продажи назначены. Не смотря на всѣ требованія Коша сераскиръ Едичкульской Орды Ногайцевъ *Сашбъ-Гирей-Султанъ*, которому они достались въ собственность, выдать ихъ не хотѣлъ. Въ Октябрѣ 1768 г. явился въ Кошъ посланецъ Крымъ-Гирея-Хана, Али-Акай-Ага съ письмомъ Перекопскаго каймакана *Салихъ-Аги*, въ которомъ сказано, что новый ханъ далъ ему повелѣніе: «находящихся въ Крыму Россійское купечество

и солевозовъ-козаковъ, опредѣля къ нимъ для безопасности отъ Ногай [Ногайцевъ] конвой, чрезъ Ногай провесть даже до границы и на ту сторону [Русскій берегъ] Днѣпра въ цѣлости, благополучно препроводивъ, вручить г. кошевому и чтобы такимъ образомъ кошевой и Крымскихъ людей въ границу возвратилъ». Каймаканъ исполнилъ такія приказанія Хана; собравъ всѣхъ задержанныхъ людей съ имуществомъ и скотомъ, съ нарочнымъ посланцемъ до Камяннаго [противъ Никополя] доставилъ. Письмо же свое каймаканъ оканчиваетъ увѣреніемъ, что ханъ желаетъ: «если во внутреннихъ Крымскихъ городахъ имѣются [Русскіе] купцы и козаки, то когда они поисправя свои надобности, на обратномъ пути въ Перекопъ пріѣдутъ, то и тѣ равномѣрно съ провожатыми и конвоемъ возвращены въ Кошъ будутъ. Что же касается до вступленія въ ханское владѣтельство Его Св. Крымъ-Гирея-Хана, Ногайцами причинены обиды и шкоды, то отъ Его Св. приказано Сераскиръ-Султану [Едичкульской орды], все безвозвратно собравъ въ удовольствіе обиженнымъ вашимъ возвратить. И оные всѣ пропажи уже собраны и ежели Вы вмѣстѣ съ Али-Акай-Агою пошлете своего человѣка, то ему все вручено будетъ непремѣнно».

Получивъ столь благопріятное письмо, Кошъ отправилъ за Днѣпръ писаря Никитинскаго перевоза для пріема плѣнныхъ, и такимъ образомъ возвращены были изъ Крыма безъ окупа: 70 козаковъ Запорожскихъ, Путивльскій купецъ Михаилъ Макаровъ, 4 Малороссійскихъ жителей, 95 возовъ, 1 будка [т. е. кибитка], 299 воловъ и 12 лошадей. Удивленные такою щедростью самаго храбраго и надменнаго хана, Запорожцы дали

знать о томъ чрезъ гонцевъ своихъ въ Кіевъ генералу Воейкову какъ главному командиру Новой-Россіи, и графу Румянцову, генералъ-губернатору Украйны. Воейковъ, какъ государственный человѣкъ, понялъ хитрость дикаго Крымскаго дипломата и отвѣчалъ: «что Кошу довольно извѣстны свойства и предпріимчивость Крымъ-Гирея, слѣдственно, на сладкіе отзывы его и Перекопскаго каймакана отнюдь полагаться и оплошать не должно; паче потому что можетъ быть ханъ сею приманкою думаетъ насъ усыпить и чрезъ то въ *своемъ намѣреніи* лучшій себѣ успѣхъ доставить». [8 Ноября 1768].

Каково было это *намѣреніе* Крымъ-Гирея, скоро доказали — кровью залитыя и Татарскимъ наѣздомъ истоптанныя поля нашего края. Манифестъ Императрицы Екатерины, отъ 18 Ноября 1768 г. извѣстилъ всю Россію о заключеніи посла Ея въ Семибашенный замокъ, приготовленіи Порты къ войнѣ, и что Она съ оружіемъ въ рукахъ идетъ карать дерзкихъ и невѣрныхъ враговъ Имперіи.

Двѣ Русскія арміи — одна, или *первая*, наступательная, подъ предводительствомъ фельдмаршала князя Голицына, двинулась чрезъ Западную Россію къ Днѣстру; другая, подъ начальствомъ графа Петра Алек. Румянцова, въ видѣ наблюдательнаго корпуса, сформировалась со стороны Украины и Новой Россіи и къ ней причислены Запорожцы. Но прежде нежели войска Русскія двинулись впередъ, Крымъ-Гирей, какъ ураганъ, повергся на Новую-Россію. Г. М. Исаковъ едва успѣлъ укрѣпить нѣсколько полуразрушенныхъ Ново-Сербскихъ шанцевъ, запереться съ гарнизономъ въ

Крѣп. Св. Елисаветы, какъ уже передовыя толпы Ногайцевъ Буджакскихъ и Едисанскихъ пробрались чрезъ Бугъ по льду довольно крѣпкому, между Вознесенскомъ и Ольвіополемъ, столь внезапно и въ столь большомъ числѣ, что небольшая команда Запорожцевъ въ Гарду находившаяся не могла удержаться. По сказанію очевидца, Французскаго консула въ Крыму барона де Тоттъ, они сперва достигли рѣки Мертвыхъ-Водъ и по ней подвигались къ сѣверу чрезъ Запорожскія степи, пока не дошли до Новосербіи, т. е. Елисаветградской провинціи [1]. Жаль, что до сихъ поръ имѣемъ столь мало достовѣрныхъ извѣстій объ этомъ важномъ для Новой-Россіи событіи; тогда какъ, быть можетъ, потомки многихъ тогда дѣйствовавшихъ лицъ живы досель и наслѣдовали бумаги, современныя наѣзду и пораженію Крымцевъ. Какъ интересны должны быть записки или хотя замѣтки генерала Исакова, командовавшаго въ столь обширномъ, почти безоружномъ и беззащитномъ краѣ! До сихъ поръ мы принуждены ссылаться на свидѣтельства иностранца и еще агента того самаго министра, котораго интриги зажгли, можно сказать, эту кровавую, хотя и достославную для Россіи борьбу. Вотъ напримѣръ одинъ достовѣрный и современный документъ, который, какъ эпизодъ этого наѣзда, спѣшимъ сообщить читателямъ. Это простой оффиціальный рапортъ вальдмейстера [лѣсничаго] секундъ-маіора *Максимова*, писанный въ нѣсколько дней послѣ Крымскаго вторженія [2]. «По приказанію

[1] *Mémoire du Baron de Tott sur les Turcs et les Tatares.* 1785, Часть 1 стр. 153 и др.

[2] Этотъ любопытный документъ отыскан покойнымъ Г. П. Соколовымъ въ остаткѣ архива крѣп. Св. Елисаветы.

начальства, говорить онъ, вѣдомства моего Гончарской [Александрійскаго уѣзда Херсонской губ.] и вновь поселенной мною [Максимовской] слободѣ, обыватели съ женами и дѣтьми для сохраненія отъ непріятельскаго набѣга, оставя домы свои, скрывались въ *Черномъ-Лѣсу*, въ пристойныхъ мѣстахъ; а сего Генваря 24 ч. въ полдни непріятель въ великой силѣ въ оныя слободы вступилъ и въ оныхъ ночлегъ имѣлъ и въ ту свою бытность обывательскіе дворы, равно и бывшее въ лагерѣ Черноліѣсскомъ казенное строеніе, все безъ остатка огнемъ выжегъ. При вступленіи же онаго непріятеля въ слободы, когда еще сперва малое число Татаръ показалось, то тѣ Гончарской и другихъ слободъ скрывающіеся въ лѣсахъ обыватели, съ имѣющимися при нихъ ружьями самоохотно вышедъ изъ лѣсу къ слободѣ Гончарской, чинили ему непріятелю, ружейною пальбою и другимъ оружіемъ, сопротивленіе и нѣсколько непріятельскихъ людей побили до смерти. При чемъ и изъ нихъ слобожанъ нѣсколько побито, а другихъ ранили, кои раненные спасшися бѣгомъ въ живыхъ остаются, а сколько числомъ съ обѣихъ сторонъ побито, то и познать не можно. За чѣмъ Слобожане многіе еще изъ лѣсовъ не собрались, а непріятель своихъ побитыхъ людей огнемъ сожигаетъ. Я уже нынѣ съ имѣющеюся при мнѣ командою нахожусь въ укрѣпленномъ мѣстѣ въ шанцѣ Цыбулевскомъ [на р. Ингульцѣ въ Александрійскомъ уѣздѣ], къ которому шанцу на другой день, т. е. 25 ч. тотъ же непріятель чинилъ приступъ, однакожъ съ помощію Божіею чрезъ употребленный противъ его воинскій отпоръ, никакого тому шанцу вреда не учинилъ; да и въ предбудущее время проживать

имѣю въ ономъ же шанцѣ Цибулевскомъ, ибо пока сія начавшаяся съ варварами война продолжаться будетъ, но то время въ неукрѣпленныхъ мѣстахъ жить будетъ опасно». [26 Января 1769 г.]. Баронъ де Тотъ разсказываетъ, что Крымъ-Гирей отправилъ Калгу-Султана къ Самарѣ и Бахмуту, а самъ, выступивъ изъ Каушанъ, съ остальными Крымцами и частью Турокъ соединился у Балты, пошелъ къ Бугу и у впаденія въ него р. Мертвыхъ-Водъ перешедъ его по льду, — вверхъ по этой послѣдней рѣчкѣ, слѣдовалъ степями Запорожскими отвердѣвшими отъ мороза, до Ингула. Здѣсь на правомъ берегу этой рѣки Крымскіе предводители держали совѣтъ и боясь, какъ видно, осаждать кр. Св. Елисаветы, даже простые шанцы, положили огнемъ и мечемъ истребить весь открѣтый край до самой Польской границы. Онъ говоритъ, что *Аджамка* [тогда 19-ая рота Елисаветградскаго Пикинернаго полка] и 150 другихъ селъ сдѣлались добычею пламени. Другіе писатели считаютъ до 30,000 душъ погибшими или въ плѣнъ взятыми, въ томъ числѣ будто бы 200 дѣвицъ, посланныхъ въ даръ султану Мехметъ-Амину. Мы вполнѣ увѣрены, что это число было преувеличено; въ 1769 г. вся Елисаветградская провинція съ поселенными полками и гарнизономъ имѣла едва 35,000 душъ об. п., 50 шанцевъ и столько же начатыхъ слободъ и хуторовъ. Если къ нимъ причислить 20 или 30 зимовниковъ, то и тогда числа 150 не достанетъ, хотя по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ многіе шанцы Татаре обходили, не смѣя къ нимъ даже приблизиться, а многихъ селъ и зимовниковъ и не видали, особенно тѣхъ, которые построены уединенно по балкамъ и близъ

овраговъ[1]. Наѣздъ Крымцевъ такъ былъ внезапенъ и быстръ, что обѣ арміи, какъ мы сказали выше, изъ квартиръ своихъ еще не тронулись, когда вся почти Елисаветградская провинція и часть зимовниковъ Запорожскихъ по Ингулу, Корабельной, Мертвымъ-Водамъ [въ Бугогардовой паланкѣ] была захвачена врагами, или пожрана пламенемъ. Противу столь опаснаго набѣга только Гардовой полковникъ съ 400 козаковъ Запорожскихъ, выбитый изъ своего поста на Бугѣ и Г. М.

[1]) Вотъ описаніе, сдѣланное Барономъ де-Тотъ, этого страшнаго наѣзда, взятое нами изъ упомянутыхъ выше его записокъ: «L'armée dirigeant sa marche vers le nord, cherchait à se rapprocher du grand Ingoul (р. Ингулъ), sur la position duquel on n'avait que des notions assez vagues. Ce fut aussi par une marche forcée de 12 lieues que nous parvînmes à asseoir notre camp sur la rive de ce fleuve: quelques habitations abandonnées et des meules de foin qui les environnaient, nous furent d'un grand secours. Nous touchions à la Nouvelle-Servie, nous étions arrivés au point d'où l'incursion devait frapper sur ces malheureux habitans, et le conseil de guerre fut convoqué pour régler la quantité de troupes, nécessaires à cette expédition. Tandis qu'il se rassemblait, un courrier et quelques prisonniers, faits par les patrouilles, déposèrent que sur notre droite les cosaques Zaporoviens (изъ Бугогардовской паланки) contenus par le Calgà-Sultan, ayant demandé et obtenu de ce prince le neutralité, venaient de refuser tout secours au gouverneur-général. de S-te Elisabeth (??). Les prisonniers ajoutaient que ce fort situé sur notre gauche contenait une forte garnison. Ces details éclairèrent le Khan et les généraux sur leur véritable position. Il fut décidé que le tiers de l'armée, composé de volontaires, rassemblé sous les ordres d'un sultan et de plusieurs mirzas, passerait le fleuve à minuit, se diviserait en plusieurs colonnes, se subdiviserait succéssivement et couvrirait ainsi la surface de la Nouvelle-Servie pour y brûler tous le villages, toutes les récoltes ammoncelées, enlever tous les habitans et emmener tous les troupeaux. Le détachement fut également prévenu que le reste de l'armée, après avoir passé l'Ingoul le lendemain, dirigerait sa marche à petites journées vers la frontière de Pologne, en serrant S-te Elisabeth, pour protéger les fourrageurs et attendre leur retour». Наконецъ, взгляните на картину опустошеній, произведенныхъ Татарами. Les colonnes de fumée

Исаковъ съ 4,000 поселенныхъ гусаръ и пикинеръ отстаивали крѣп. св. Елисаветы и нѣкоторые шанцы, т. е. села на скоро землянымъ валомъ и рвомъ укрѣпленныя, ожидая прибытія арміи со стороны Малороссійскаго рубежа. Но когда отъ холода, голода и оружія часть Татара погибла, потерявъ ³/₄ всего своего скота, когда при переправѣ чрезъ Ингулъ и Мертвоводье часть Спаговъ потонула, а добыча была слишкомъ бѣдна,

qui bordaient l'horizon à droite et le fort S-te Elisabeth que nous apercevions à gauche, ne laissait plus d'incertitude sur la route que nous devions tenir. Nous la dirigeâmes vers des espèces de *jalons* placés devant nous, et que nous reconnûmes bientôt pour une préparation de feux de signaux. Des charpentes triangulaires à huit étages remplies de paille et de fagots, n'étaient sans doute destinées qu'à répandre l'alarme à la première apparition des Tatares, elles ne servirent cependant que des guides à leur armée jusqu'à *Adjemka*; ce bourg préservé des ravages de l'incursion par sa position dans le voisinage de S-te Elisabeth, ne nous présenta qu'un petit nombre d'habitans et l'on soupçonna que la plus grande partie s'était refugié sous les canons de cette forteresse». Замѣчательно, что *Баронъ де-Тотъ* упоминаетъ здѣсь о Запорожскихъ *фигурахъ*, описанныхъ нами въ главѣ IV, I-й части настоящаго очерка. Описанная здѣсь Аджамка, бывшая 19-я рота Елисаветградскаго Пикинернаго полку, находится въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи. «Quelque soin q'on eût mis, en arrivant, à la recherche des habitans d'Adjemka, ce ne fut que le surlendemain, au moment du départ lorsqu'on mit le feu à toutes les meules du bled et de fourrage qui récélaient ces malheureux, qu'ils vinrent se jetter dans les bras de leurs ennemis, pour échapper aux flammes qui dévoraient leurs récoltes et leur foyers. L'ordre de brûler Adjemka fut exécuté si précipitamment et le feu prit à toutes ces maisons couvertes de chaume avec une telle violence et une telle rapidité, que nous ne pûmes en sortir nous mêmes qu'à travers les flammes. L'atmosphère, chargée de cendre et de la vapeur de neiges fondues, après avoir obscurci le soleil pendant quelque temps, forma de la réunion de ces matières une neige grisâtre, qui craquait sous la dent. 150 villages également incendiés en produisant le même effet étendirent ce nuage des cendres jusqu'à 20 lieues en Pologne, où notre arrivée put seule donner l'explication de ce phénomène». Сказка о предательствѣ Запорожцевъ послѣ грамматы 19 Декабря 1769 г. не стоитъ опроверженія.

чтобы поддерживать непостоянное мужество, или лучше сказать звѣрство Ногаевъ, — Крымъ-Гирей зная, что войска Русскія чрезъ Польшу приближаются къ Днѣстру, поднявши свои кибитки, пустился назадъ. По его слѣдамъ пустился за нимъ въ погоню Исаковъ и многіе отряды Татаръ и Турокъ были настигнуты и истреблены. Наѣздники, какъ стадо дикихъ звѣрей, безъ оглядки спасались бѣгствомъ столь же быстро, какъ и свой наѣздъ совершали, такъ что къ концу Февраля 1769 г. ни одного Ногайца или Крымца не осталось за Бугомъ. Но это было только преддверіе настоящей кампаніи.

Съ раннею весною обѣ Россійскія арміи приступили къ границѣ Новой Россіи и Бессарабіи; главная подъ начальствомъ генерала князя Александра Михайловича Голицына въ Апрѣлѣ перешла Днѣстръ и вскорѣ взяла Хотинъ, не смотря на сильное сопротивленіе Турокъ и конфедератовъ подъ начальствомъ І. Потоцкаго тамъ бывшихъ. Румянцевъ со стороны Малороссіи вошелъ въ Новороссійскую губернію и занялъ постепенно всю линію отъ Бахмута до крѣп. Св. Елисаветы. Съ частію его корпуса генералъ-поручикъ фонъ-Бергъ расположился по южнымъ границамъ Запорожья, по рр. Конской, Бердѣ до устьевъ Днѣпра и долженъ былъ въ случаѣ движенія непріятельскаго съ этой стороны чрезъ Ногайскія степи, итти къ Сивашу и даже на полуостровъ Крымскій. Такимъ образомъ и Запорожское войско призвано было къ оружію. Румянцевъ послалъ кошевому слѣдующій ордеръ:

«По открывшимся отъ непріятеля движеніямъ къ нашимъ границамъ, повелѣваю Вамъ со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ, приготовленнымъ къ походу,

тотчасъ съ полученія сего выступить изъ Сѣчи, слѣдовать немедленно по большой дорогѣ къ крѣп. Св. Елисаветы и между рр. Зеленой и Желтой, при *Широкой-Балкѣ* [Херс. уѣзд. близъ Ингульца] расположиться, до дальнѣйшаго повелѣнія». [9 Іюня 1769 г.].

Въ это время командиръ Запорожскихъ лодокъ внизу Днѣпра на стражѣ находившихся, войсковый старшина *Филиппъ Стягайло*, донесъ Кошу, что на противоположной сторонѣ рѣки, противу устья рѣчки Камянки и оврага Мѣловаго, за 80 только верстъ отъ Сѣчи, Татарскій отрядъ въ 2,000 чел. хотѣлъ было переправиться черезъ Днѣпръ для наѣзда на Запорожье, но низовая, т. е. лодочная команда ихъ атаковала, 4 транспорта затопила, многихъ убила и въ плѣнъ захватила. Изъ такой добычи 10 чел. плѣнныхъ, 4 знамена и 1 перначь Кошъ оставилъ въ Сѣчи, а остальныхъ Татаръ для «языка» отправилъ къ главнокомандующему, требуя приказаній: должно ли Запорожскому войску слѣдовать по прежнему ордеру, или сидѣть въ Сѣчи для охраненія границы, весьма угрожаемой отъ непріятеля? При чемъ Кошъ извѣщалъ графа Румянцова, что одинъ козакъ, взятый было въ плѣнъ при порогахъ и ушедшій отъ Татаръ, показалъ старшинѣ, что Татаре готовились сдѣлать еще разъ нападеніе на Русскія границы и что уже до 17,000 всадниковъ отправилось къ Запорожскимъ границамъ со стороны Калміусской паланки [Вердянскаго уѣзда].

Графъ Румянцовъ, надѣясь на корпусъ фонъ-Берга, расположенный вдоль Крымской границы, и имѣя крайнюю нужду въ легкомъ войскѣ, особенно столь храбромъ и столь знакомомъ съ Татарами, какъ

Запорожцы, приказалъ кошевому: оставивъ въ Сѣчи при судьѣ войсковомъ *Иванѣ Бурнось* пѣхотный отрядъ для защиты ихъ Коша и заготовленія фуража, съ остальнымъ, готовымъ къ бою товариствомъ, выступить немедля въ походъ. При чемъ выхваляя усердіе и храбрость «водяной» команды, писалъ кошевому Петру Калнишевскому: «Учиненные вами надъ непріятелемъ поиски, возвышаютъ общественно славу всего Запорожскаго войска, и особливо вашу. Они суть истиннымъ доказательствомъ вашихъ неутомимыхъ трудовъ и ревностнѣйшей вѣрности, вашей и всего Запорожскаго войска къ Е. И. В-ву». [15 Іюня 1769].

Кошевой немедленно выступилъ въ поле. При немъ, подъ сѣнью большой войсковой хоругви собралось: 14 войсковыхъ старшинъ, 17 полковниковъ, 31 полковыхъ старшинъ [писарей и эсауловъ], 36 походныхъ куренныхъ атамановъ, 1 войсковый пушкаръ съ 105 канонерами; отецъ намѣстникъ Сѣчевыхъ церквей съ тремя іеромонахами, войсковый довбышъ [или полицмейстеръ] и въ 36 куреняхъ: 7,350 козаковъ. Артиллерія состояла изъ 8-ми пушекъ и 4-хъ фальконетовъ. Войсковый старшина *Яковъ Качаловъ* несъ большую войсковую, т. е. Императорскую хоругвь; войсковые старшины: *Николай Косапъ* былъ войсковымъ обознымъ или начальникомъ штаба, *Сидоръ Бѣлый* войсковымъ эсауломъ или намѣстникомъ кошеваго, *Иванъ Глоба* войсковымъ писаремъ. Кромѣ того съ войсковымъ старшиною *Филиппомъ Стягайлою* на судахъ внизу Днѣпра, при 3-хъ полковникахъ, 8-ми старшинахъ полковыхъ, 4-хъ хорунжихъ и одномъ іеромонахѣ, 38 канонеровъ и 1,690 козаковъ: да въ разныхъ постахъ подъ начальс^томъ

войсковаго старшины *Андрея Порохни* и двухъ полковниковъ: *Николая Чернаго* и *Омельки Шпака*. 10 старшинъ и 1,260 козаковъ. Всего-же въ походѣ и на отводныхъ караулахъ: 140 старшинъ и 10,300 козаковъ, при 12 пушкахъ и 38 судахъ съ фальконетами. Запорожскій отрядъ, дошедъ до означеннаго мѣста, получилъ приказъ слѣдовать къ Бугу, занять линію отъ Орлика [Ольвіополя] и Гарду до устья р. Метвыхъ-Водъ и наблюдать за дѣйствіями непріятеля со стороны Очакова. Отсюда два отряда въ 1.000 человѣкъ каждый, подъ командою войсковыхъ старшинъ *Андрея Ляха* и *Алексѣя Чернаго*, пошли въ авангардъ къ Г. М. Зоричу.

Вскорѣ опасенія Запорожцевъ вполнѣ оправдались; едва войско дошло до р. Арбузинки [Бобринецкаго уѣзда Херсонской губ.], какъ Татаре, подъ бунчукомъ самаго Калги-Султана, пробившись чрезъ линію генерала фонъ-Берга, истребили команду Калміусскаго полковника и ворвавшись въ Самарскую, Протовчанскую и даже Орельскую паланки, сдѣлали ужасныя тамъ опустошенія. Села: Перещепино, Козырщина, Лычковка и др.; — зимовники: по рѣч. Орели, Богатой, Волчьей, Кильчени, Самарѣ и Протовчѣ были обращены въ пепелъ; изъ жителей, нѣкоторые убиты или захвачены въ плѣнъ, остальные разбѣжались. Вотъ вѣдомость о потеряхъ войска въ самомъ началѣ этого набѣга:

1] Въ Орельской паланкѣ	людей убито . .	1.
» » »	взято въ плѣнъ . .	34.
» » »	сожжено дворовъ	50.
» » »	занято скота	6,923 шт.
2] Въ Самар. и Протов.	людей убито . . .	53.
« »	взято въ плѣнъ	222.

Въ Самар. и Протов. сожжено зимов. 52.
» » » занято скота... 15,857 шт.
въ томъ числѣ 600 лошадей, принадлежавшихъ къ зимовнику кошеваго на р. Протовчѣ, изъ коихъ 160 были верховыя.

Запорожцы, имѣвшіе тамъ подъ начальствомъ войсковаго старшины Порохни не болѣе 1260 козаковъ, не могли противустоять столь превышающимъ ихъ силамъ, а потому просили помощи на Украинской линіи; ея начальникъ генералъ-поручикъ фонъ-Штофельнъ съ своими полками, отрядомъ Донцевъ и Калмыкъ [впрочемъ скоро ушедшихъ] поспѣшилъ къ нимъ и Татаре были прогнаны. Но Штофельнъ среди похода разбитый параличемъ, отвезенъ былъ въ Козловскую крѣпость; въ его отсуствіе козаки боролись почти одни. Вотъ одинъ эпизодъ вольно любопытный изъ этого наѣзда. Это жалоба полковника *Николая Чернаго* на холодность войсковаго старшины Порохни, главнаго командира Запорожскихъ отрядовъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра бывшихъ. Изъ этого документа съ одной стороны видѣнъ рыцарскій духъ козачества, вѣчно жаждущаго войны, съ другой уваженіе къ войсковой дисциплинѣ опытнаго старшины, не смѣвшаго дѣйствовать безъ приказаній Коша. «Увѣдомившись мы [писалъ Чорный къ судьѣ Бурносу], что непріятель пробрался въ Россійскую границу и уже попакостилъ нѣкоторыя слободы, также и около Самары, — собравъ со всѣхъ зимовниковъ отъ высшихъ пороговъ по всему Днѣпру козаковъ и съ своими всѣми командами, пришли мы до стоявшаго обозомъ противу насъ въ великомъ Лузѣ войсковаго старшины Андрея Порохни, гдѣ съ нимъ купно стоялъ

и подполковникъ *Карлъ Пейкинъ* съ 500 своими козаками и москалями, и начали мы говорить ему: «ходимо противу непріятеля на вершины рѣчокъ Конской, Московки и другихъ», къ чему было и подполковникъ Карлъ Пейкинъ весьма охотно приступилъ, говоря такъ: «пѣхота беретъ у меня порохъ, свинецъ и пушки; ходимъ противу непріятеля, гдѣ онъ будетъ *ясыръ* гнать не споможе ли Богъ что отнять», а у Порохни было три пушки. И началъ Порохня говорить: «я не пойду на степь, ибо велику силу орды изъ тясьмы дознаваю», и пошелъ до Самары; только напрасно насъ 5 дней колотилъ, что мы войско изъ зимовниковъ собирали, по его до насъ письму, чтобъ ему дать помочь, когда непріятель нападетъ. Когда же получили мы зъ Коша ордеръ, чтобъ итти противъ непріятеля на трактъ, прочитавши его предъ всѣми козаками, весьма израдѣли всѣ козаки, и тотъ самый ордеръ послали къ Порохнѣ, чтобъ и онъ стать могъ на трактъ: яко у него пушки и у москаля [въ отрядѣ подпол. Пейкина] превеликія пушки, картечи и запасу довольно. Но онъ Порохня сказалъ: «что онъ ордеру самъ не получалъ, что вертаться не хочетъ» и сталъ больше стращать, такъ что и москаль за нимъ съ пушками поплелся. А москаль весьма хотѣлъ съ нами на трактъ идти говоря, что «съ пѣхотою при пушкахъ и въ Крымъ пойду». И такъ наши козаки стали говорить: «когда Порохня съ пушками боится и москаля съ собою повелъ, сами идти безъ пушекъ тоже боимось. Однакъ когда велите ордеромъ, пойдемъ на вершины рѣчокъ къ тойже *тясьмѣ* [слѣду Татарскому], куда непріятель изъ Россіи ретировался, толькожъ безъ

пушекъ и сами знаете, вельможный пане, что противу силы не можно сподѣваться [надѣяться] стати, а уже вскорѣ и повороту непріятеля сподѣваемся, а и орда тымъ трактомъ идти будетъ, куды и прежде шла, ибо по всему степу *пожарня* [6 сентября 1769]. Въ другомъ письмѣ онъ присовокупилъ: что видя нерѣшительность Порохни «когда вся команда изъ Низу [Днѣпра] собралась, пошли мы въ рѣчку Конскую, то уже Калмыковъ, Доновъ и Сербовъ, на той *тясьмѣ* которою непріятель зъ Россіи поворотясь ишелъ, найшли съ утекшими отъ непріятельскихъ рукъ 4 пикинерами, которыхъ они идучи еще въ Россію на бекетахъ [пикетахъ] забрали. О множествѣ ея довольно мы узнали: не было больше какъ тысячь три, не такъ что говорилъ Порохня на 20 верстъ «самой тясьмы, а ей [Орды] цѣлое царство пошло!» А когда она ишла въ Россію на бекетѣ 20 чел. пикинеровъ цѣлый день добувала. Когдажъ у нихъ запасу не стало, то въ вечеру живыхъ забрала съ собою подъ Орель. А поворотясь оттолъ уха и лытки [икры] повырѣзововавъ, на смерть помучила на томъ мѣстѣ, гдѣ она ихъ добувала и покидала. Народа жъ и скота премножество погнала сего Сентября 5 и 6 чиселъ чрезъ Московку и Конску рѣчку; не подалеку отъ Днѣпра пройшла. Еслибы наша команда одна отъ другой не такъ далеко стояла, то можно бы и часто приходить на степъ и провѣдывать, а то нашей команды не можно недѣль за двѣ собрать въ одно мѣсто. Ежелибъ она и теперь собралась завременно, когда мы стали извѣщать, то благополучно бъ по войсковому ордеру сбылось». [12 Сентября 1769 г. съ Кичкасъ].

Графъ Румянцовъ, давъ знать Кошу, что Хотинъ уже взятъ, предложилъ имъ, кромѣ наблюденія за движеніемъ непріятеля, дѣйствовавшаго со стороны Днѣстра до самаго Буга, такъ что даже Бершадская волость Подольской губ. была вся истреблена, — отправить для «поисковъ непріятеля» отрядъ Запорожцевъ къ сторонѣ Очакова. Но самолюбіе Коша было сильно оскорблено подчиненіемъ его отряда Г. М. Зоричу и Румянцову большаго труда стоило убѣдить упрямое козачество и принудить къ повиновенію. Впрочемъ въ послѣдствіи заслуги браваго Зорича привлекли къ нему сердца всего Низоваго товариства. Два отряда были сейчасъ снаряжены въ Ногайскія степи и Едисанскія кочевья: одинъ подъ начальствомъ бывшаго судьи *Павла Головатаго*, съ 4 войсковыми старшинами, 6 полковниками и 9 полковыми старшинами, дѣйствовалъ близъ Очакова; другой подъ начальствомъ войсковаго старшины *Андрея Носача* направленъ къ Днѣстру. Реляціи обоихъ приводимъ здѣсь:

1]. ***Меморіалъ Головатаго.***[1]

«При слѣдованіи за Бугъ первой ночлегъ имѣли при Чертальскомъ броду [близъ м. Кантакузовки Од. уѣзда] и слѣдовали по надъ Бугомъ до устья Мечетной

[1]) О дѣйстіяхъ своихъ Головатый прислалъ съ козакомъ слѣдующее донесеніе Кошу, изъ лагеря на р. Еланцѣ, написанное на обрывкѣ какого-то Турецкаго письма. «Вчерашняго въ рѣч. Янчакракѣ, а позавчерашняго чиселъ при р. Аджидерѣ (у Овидіополя) съ непріятелемъ Турками и Янчарами въ способное время случилось учинить хорошую баталію, и Божіимъ пособленіемъ нѣсколько надъ оными въ обоихъ мѣстахъ успѣхъ имѣли, какъ-то: Турковъ и Янчаръ убили до 100 чел. слишкомъ; рогатаго скота, коней и овецъ въ добычѣ равно

Черталы. Отъ которой пойшли въ р. Чичаклею и въ одной отдохъ имѣли. Съ оной пошедши слѣдовали вершинами Сарыгольскими [рѣч. Царишолъ или Сары-Гёлъ Од. Уѣз.] до Тилигула рѣчки, въ коей пониже Журавки ночлегъ имѣли. По утру къ устью сей же рѣчки обратно въ путь свой слѣдовали и съ оной приближаясь къ Сажилищамъ, состоящимъ не вдаль отъ Очакова, въ Сариголѣ ночлегъ имѣли на степу безводномъ. По утружъ пришли въ рѣчку Сасикъ, въ которой, когда пойманные языки арнауты увѣрили, что въ Очаковѣ и въ околичностяхъ войска немного есть, то откомандировано полковниковъ: *Колпака*, *Чепегу* и *Носа* съ 500 командою въ село Аджи-Гасанъ, состоящее надъ моремъ при устьѣ Берзани по ту сторону оной, кое отъ Очакова верстъ за 15, а отъ Бендеръ чаять верстъ за 40 [болѣе 120]. Гдѣ въ селѣ живущихъ Турковъ и ихъ женъ и дѣтей выстрѣляли и вырѣзали, а прочихъ въ двухъ лодкахъ бросившихся до побѣгу, въ морѣ потопили и оное село сожгли, гдѣ взяли Турковъ въ полонъ и прочего народа, о коемъ списокъ приложенъ. И съ онаго села досталось получить въ добычь овецъ тысячъ пять, рогатаго скота 600, коней на пастьбы ходящихъ паши Очаковскаго 30, да муловъ 50, палатокъ 10, разнаго багажу немалое число и 1 перначъ. Повернувшись же оттоль въ рѣчку Березань, оные полковники стояли повыше Каменнаго-Броду. Главная жъ команда въ 13 день [Августа] между Джемерлеемъ и

и *языковъ* съ Туркомъ и Яничаръ хорошій достатокъ имѣемъ. Коего при взятіи случилось и своихъ сущихъ христіанъ, женъ и дѣтей и находящихся у непріятелей въ ясыръ достать и оные всѣ нынѣ при насъ остаются» (14 Августа 1769).

Янчокракомъ [нынѣ станціи Одесск. уѣзда] имѣла баталію съ Турками, Янчарами и Бошняками, отправленными въ партію съ Очакова и шедшими изъ Кефи въ Бендеры, до заходу солнца, и вырѣзавши до двухъ сотъ оныхъ непріятелей, одного взяли Янчарина въ полонъ и добули знаменъ 8, съ коихъ одно нѣсколько порвато; коней съ уборомъ по числу убитаго непріятеля, шабель, *булдимокъ* [?], пистолетовъ, съ прочими воинскими орудіями, денегъ и прочихъ вещей до немала. Гдѣ съ нашей стороны убито одного куреннаго атамана (*Григорія Чорнаго*) и 7 чел. коз. да ранено легко 3 козака. И совокупясь въ одно мѣсто съ прописанными полковниками, маршировали обратно въ свои границы и... 17-го числа въ войско прибыли». Въ эту экспедицію взято въ плѣнъ 16 Турокъ съ однимъ агою и освобождено отъ плѣну 63 души об. п., большею частью Грузинъ и Волоховъ.

Кошъ немедлено донесъ объ этомъ графу Румянцову и изъ добычи, которая по обычаямъ была раздѣлена въ войскѣ, главнокомандующему послано два жеребца съ сѣдломъ и уборомъ, и два мула. Графъ Румянцовъ прислалъ для раздачи дѣйствовавшему отряду 1000 руб. въ награду, и отдавая оффиціально справедливость храброму войску, писалъ особо кошевому: «Радуюсь о пріобрѣтенной славѣ мужествомъ вашихъ подкомандныхъ и благодарю усердно за участіе, которое вы мнѣ опредѣлили при полученной добычѣ отъ непріятеля. Я великое удовольствіе въ томъ бы имѣлъ, еслибъ былъ когда случай раздѣлить съ вами равно такуюжъ корысть». [22 Августа 1769].

Въ концѣ тогожъ мѣсяца опечаленный неудачами

въ Буджакѣ, фельдмаршалъ князь Голицынъ оставилъ армію и уѣхалъ въ Петербургъ, а начальство надъ нею принялъ Румянцовъ. Вторая же армія и войско Запорожское поступило въ команду графа *Петра Ивановича Панина*, до пріѣзда котораго, т. е. до 17 Сентября 1769 года, командовалъ генералъ *Князь Василій Долгорукій*.

Въ Сентябрѣ того же года другой отрядъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины *Андрея Носача*, перешелъ Бугъ, сдѣлалъ экспедицію къ Очакову и даже Аккерману для поисковъ надъ непріятелемъ, и вотъ «меморіалъ» этой партіи, въ которой участвовали 5 войсковыхъ старшинъ, 6 полковниковъ и 3,100 козаковъ.

2]. *Меморіалъ Семена Галицкаго.*

25 Сентября, по выходѣ изъ Коша войска Запорожскаго Низоваго [у Орлика] въ партію, при старшинахъ и полковникахъ Запорожскихъ козаковъ, коихъ числомъ 3,100 и переправясь чрезъ Синюху, ночлегъ имѣли. А въ 26 день Сентября оттоль пошедъ всѣ чрезъ Бугъ рѣку въ бродъ, на устьѣ Кодымы [1], но надъ оною для ночлегу расположились, разставивши по курганамъ бекеты. Какъ сталъ свѣтъ, пошли надъ Кодымою въ гору до полдня и учинивши обѣденный роздыхъ, послѣ онаго съ Кодыми пошли въ степь чрезъ балки, къ сторонѣ Очакова на низъ Буга, и когда надъ вечеромъ у пруда главный командиръ *Андрей Носачъ* заболѣлъ такъ что и ѣхатъ не могъ, то возвративши его до Коша, пойшли съ эсауломъ его въ Черталу, гдѣ въ Черталѣ повыше криницы и ночевали безъ воды.

[1]) Рѣчка Кодыма впадаетъ въ Бугъ близъ с. *Конецполя* Подольской губ. и съ *Каменнаго-моста* Херсонской губ.

«28 числа рано на разсвѣтѣ, собравшись все войско въ сходку, изобрало главнымъ командиромъ на мѣсто заболѣвшаго Носача полковника *Семена Галицкаго*, съ которымъ съ Черталы пошли въ Чечеклею и тамъ имѣли роздыхъ довольный. А по надъ вечеръ переправившись чрезъ р. Чечеклею и по надъ оною расположившись, ночевали. 29 ч. рано какъ разсвѣло пошли съ Чечеклеи въ рѣч. Телигулъ; куда пришедши, что былъ великій дождь, по надъ оною расположились и ночевали, разставивши караулы. 30-го ч. какъ только стало свѣтать имѣли чрезъ оный Телигулъ переправу, по большой вязкой грязи до половины дня. Переправившись же пошли съ Телигула къ Куяльникамъ и на пути ходящихъ на степи больше 10 лошадей наѣхавши, получили въ добычь. И прибывши въ балку, которая впала въ Куяльники, въ оной расположившись и поставивши караулъ, имѣли ночлегъ.

1-го Октября на праздникъ Покрова Богоматери, какъ уже гораздо свѣтъ сталъ, съ той балки пошли и перешедши не очень далеко въ Куяльникъ рѣчку, впадающую въ Дальникъ[1] и тамо расположившись, стояли чрезъ весь день. Гдѣ съ бекета усмотрѣно было Ногайцевъ ѣздящихъ 3-хъ, за коими старшина войсковый Софронъ Черный съ козаками слѣдомъ хотя и ѣздилъ, но что съ далека увидѣли, догнать не могли. Къ вечеру съ той балки переправившись чрезъ р. Куяльникъ пошли по надъ лиманомъ Дальницкимъ, кой впадаетъ въ Черное море, степомъ ночью. Гдѣ на пути

[1]) Рѣчка Дальникъ близъ самой Одессы особымъ лиманомъ (*Сухимъ*) впадаетъ въ Черное море. Куяльникъ въ него не впадаетъ, а уходитъ въ особый лиманъ близъ самой Одессы.

съискали стадо Ногайское и при ономъ 7 челов. Ногайцевъ, съ коихъ 5 взяли живыхъ, а 2 зарѣзали, и при распросѣ тѣхъ Ногайцевъ, что войска на сей сторонѣ Днѣстра нѣтъ, а только лошадиныхъ табуновъ въ кутахъ[1] и къ морю много, и при оныхъ пастуховъ немного находится, — пойшли къ морю и чрезъ всю ночь идучи сыскивали стада и займали, а пастуховъ рѣзали. И пришедши ночью до моря къ селу Турецкому, состоящему между Очаковомъ и Бѣлогородомъ [Аккерманомъ], кое отъ Бѣлогорода верстъ за 20, завомое *Хаджибею* [нынѣ Одесса] предъ свѣтомъ и мало близъ онаго отдохнувши, на разсвѣтѣ какъ только имѣли учинить на село нападеніе, то невзначай наѣхавшихъ съ Очакова въ Бѣлгородъ двохъ сотъ Турковъ напали. И учинивши на ихъ нападеніе, въ чемъ видя они свою невзмогу, ко оборонѣ себѣ спѣшились съ лошадей, съ намѣреніемъ отбиться и при перестрѣлкѣ должной съ обѣихъ сторонъ, при помощи Божіей оныхъ Турковъ спѣшившись тоже козаки много выкололи и взяли ранѐнныхъ въ полонъ 9 чел., кои по причинѣ ранъ отъ стужи съ дождемъ бывшей, померли на пути, объявляя, что ишли въ Бѣлгородъ. При такомъ сраженіи весь ихъ багажъ, ружье, лошади съ уборомъ, также знамя два, булаву желѣзную и литавры мѣдные въ добычь получили. Нашихъ же ранено двохъ. Между чѣмъ въ селахъ довольно Турковъ мужеска и женска полу поколото. Паланка жъ [замка] въ томъ селѣ имѣющейся, въ которую нѣкоторое число сельскихъ

---

[1]) *Кутъ, kąt (уголъ),* мѣсто уединенное надъ моремъ или рѣкою. Такія названія часто находятся въ нашемъ краѣ, напр. *Тарханъ-Кутъ, Веселый-Кутъ* и пр.

жителей убѣжало, что пушекъ въ ней довольно, недоставанно [не штурмовали]. И попаливши многія хаты и прочое строеніе въ селѣ и въ другихъ мѣстахъ около тога мѣста Хаджибея, такъ и въ степу ходячій скотъ рогатый, овцы, лошади завернули, коего всего числомъ: лошадей болѣе 20,000, рогатаго скота 1,000, овецъ 4,000, верблюдовъ 180 позаймавши, а пастуховъ нѣкоторыхъ вырѣзавши, а прочихъ же въ полонъ забравши, пошли отъ моря по надъ лиманомъ Хаджибейскимъ и пришли до перваго Куяльника Кучурганскаго [Кучурганъ рѣч. въ Тирaспол. и Одесск. уѣздахъ], гдѣ переправившись и отдыхъ имѣли. А отъ толь пошедши ночью, перешли средній Куяльникъ и мало надъ онымъ отдохнувши, пошли къ третьему [большому] Куяльнику и свѣтомъ уже третій [Куяльникъ] перешедши, поѣхалъ въ Тилигулъ 3-го Октября, гдѣ переправившись, имѣли отдохъ. Потомъ пошедши, и въ Чичиклеѣ ночью переправившись, отдохъ имѣли. 4-го дня въ свѣтѣ пойшли чрезъ Черталы до Буга, куда пришедши на устье Черталы противъ Броду-Чертальскаго, по надъ Бугомъ расположились и ночевали. 5-го Октября пошли по надъ Бугомъ и выше Гарду въ *Красуни* чрезъ Бугъ, поднявши плавни, сами и скотъ переправились и учинили оному раздѣлъ».

Мы должны сдѣлать здѣсь замѣчаніе, что если приведенные нами «*меморіалы*» не важны среди знаменитыхъ военныхъ подвиговъ Русской арміи въ эту достославную кампанію, то весьма любопытны въ историческомъ отношеніи, какъ образецъ той войны, которую всегда вели Запорожцы, какъ лучшая картина ихъ быта въ степяхъ. Для насъ они интересны еще

и потому, что театромъ экспедиціи были окрестности Одессы и самое селеніе Хаджибей, на развалинахъ котораго она основана. Замѣтимъ мимоходомъ, что когда предводитель отряда по болѣзни удалился, войско само избрало ему преемника, и въ эту должность призвало, не смотря на присутствіе 5 войсковыхъ старшинъ, одного полковника т. е. младшаго чиномъ старшинъ, но вѣроятно достойнѣе другихъ по своей храбрости и искуству. Кошъ этому избранію не могъ и не хотѣлъ противиться, какъ видно изъ рапорта его главнокомандующему [13 Октября 1769], гдѣ при исчисленіи особенно отличившейся старшины, полковникъ Семенъ Галицкій показанъ первымъ.

Изъ пріобрѣтенной добычи: плѣнниковъ, лошадей, верблюдовъ и во иной збруи, Запорожцы часть отдѣлили «въ презентъ» для важнѣйшихъ сановниковъ Имперіи. Главнокомандующему графу Панину послали двухъ плѣнныхъ Ногайцевъ, 4 верблюда и 3 жеребцовъ; князю Долгорукому 1 Ногайца, 2 верблюдовъ и 1 жеребца. При чемъ Кошъ писалъ къ графу, что войско оставило для себя на память 1 знамя и добытые литавры, и проситъ, чтобы настоящая его усердная служба «для предбудущихъ временъ въ военную книгу записана была». Наконецъ при всеподданнѣйшемъ рапортѣ войсковый старшина *Софронъ Чорный* посланъ ко двору Монархини съ плѣнными и подарками изъ добычи на полѣ битвы пріобрѣтенной: Императрицѣ 2 Ногайскіе мальчика, булава и знамя; Цесаревичу 1 мальчикъ Ногаецъ и одного Хаджибейскаго Турка сынъ *Джеферъ*, съ которыми посланъ былъ и войсковый толмачъ

Андрей Константиновъ [1]. 25 Декабря т. г. онъ воротился въ Кошъ и привезъ отъ перваго тогда министра *Графа Никиты Панина* письмо, въ которомъ извѣщалъ: «что онъ представилъ плѣнниковъ Ея И. В. и Его Высочеству, которые приняты съ новымъ и особливымъ монаршимъ благоволеніемъ какъ къ вамъ, почтенный господинъ кошевой и старшины, такъ и ко всему храброму Низовому Запорожскому войску». [11 Декабря 1769].

Главнокомандующій графъ Панинъ, благодарилъ тоже за совершенные подвиги и подарки, и желая офиціально вознаградить войско за его подвиги, отдалъ по всей своей арміи слѣдующій приказъ:

«Отправленная, по повелѣнію моему, отъ Запорожскаго войска знатная партія для поиску надъ непріятелемъ отъ стороны моря къ р. Днѣстру, нашедъ слѣдующую отъ Очакова къ онымъ мѣстамъ достаточную партію, храбрымъ и искуснымъ своимъ нападеніемъ всю на голову побила подъ предводительствомъ *Семена Галицкаго, Макара Нагая, Алексѣя Чорнаго, Софронія Чорнаго* и *Сидора Бѣлого* и полковниковъ *Іоанна Мощенскаго, Антона Красовскаго, Якова Расколупы, Ивана Яблуновскаго, Степана Делека* и *Харька Чепеги*, взяла отъ нея два знамя, булаву и литавры, а потомъ въ тѣхъ же мѣстахъ получила въ добычь и въ свой Кошъ дѣйствительно привела плѣнныхъ Турокъ и Татаръ 18 чел.; лошадей больше 20,000, рогатаго скота 1,000, овецъ 4,000 и 180 верблюдовъ. О которой предъ Е. И. В. отъ сего войска столь знаменитой и подобной предковъ

[1]) Бывшій послѣ статскимъ совѣтникомъ и резидентомъ Русскимъ при ханѣ Крымскомъ.

своихъ славы, услугѣ, всѣмъ симъ чинамъ обьявляю какъ на приношеніе управляющему праведное и побѣдоносное оружіе Нашей всемилостивѣйшей Государыни всещедрому Богу отъ каждаго, благодаренія, — такъ и на похвальное для будущихъ времянъ свидѣтельство знаменитыхъ при здѣшней арміи военныхъ, нынѣшнею кампаніею, дѣйствъ сего войска». [20 Октября 1769].

Въ заключеніе походовъ 1769 г. приведемъ еще одинъ довольно любопытный эпизодъ изъ мелкихъ войнъ, полагая, что знаменитыя дѣла главной арміи, подъ знаменами Румянцова, Панина и Долгорукаго, будутъ описаны рукою болѣе опытною и болѣе свѣдущею въ военной исторіи нашего отечества. Послушаемъ разсказъ одного Татарскаго плѣнника. Во время наѣзда Татаръ Ногайскихъ на Самарѣ и Бахмутѣ, козаки Запорожскіе и Донскіе подъ начальствомъ полковника Колпака, настигли ихъ на р. Волчьей [14 Ноября 1769] разбили и истребили ихъ совершенно, взяли 1 знамя, 160 лошадей, 74 сайдаковъ, 8 паръ пистолетовъ, 12 копій и всѣ вьюки съ хлѣбомъ и платьемъ. Въ плѣнъ достался одинъ только Татаринъ, весь исколотый. Этотъ плѣнникъ, Ногаецъ Джамбуйлуцкой орды *Джумали* приведенный въ Сѣчь такъ разсказываетъ свои похожденія:

«Въ прошедшемъ Августѣ мѣсяцѣ, когда Татаре дѣлали впаденіе въ ваши границы и разоренія чинили около Самары, въ то время Татарскою ордою командовалъ Калга-Султанъ, а по немъ былъ самый старшій *Шахтеміръ-Ага.* Когда они съ почученною добычею въ Крымъ возвратились и Татаре по ихъ кочевьямъ были

распущены, въ то время означенный старшина Шахтеміръ-Ага сдѣлалъ Калгѣ-Султану просьбу, чтобъ онъ ему позволилъ собрать охотниковъ и съ оными ѣхать еще въ Россійскія границы, для нападенія и полученія добычи. На которую его просьбу Калга-Султанъ слушая ему отвѣтствовалъ: «не лучше ли оное намѣреніе отложить, дабы тѣмъ въ Россійскихъ границахъ не дѣлать тревоги, а по наступленіи зимы онъ самъ Калга-Султанъ съ ордою намѣренъ въ Россійскія границы идти, и чтобы обождать до того времени». Однако на послѣдокъ на просьбу Шахтеміръ-Аги согласился и позволилъ охотниковъ набрать, а онъ получа то позволеніе послалъ въ Татарскія жилища своего вѣдомства публиковать и охотниковъ вызывать, обнадеживая при томъ, что они конечно съ хорошею добычею возвратятся. Почему его вѣдомства Татаръ-охотниковъ къ Перекопу вышло человѣкъ 150, да при немъ безотлучно находящихся было исправныхъ Татаръ до 40, а сверхъ того изъ другихъ мѣстъ собрались, такъ что всѣхъ охотниковъ набралось до 500. Въ собранномъ числѣ былъ знатной наѣздникъ и во всякихъ случаяхъ отважный Татаринъ и провожатый [югбашче] владѣнія [орды] Джамбуйлуцкаго, именемъ *Лолба-Хаче*, который видя стараніе Шахтеміра весьма охотно шелъ и другихъ приглашалъ, а особливо тѣхъ, кои въ послѣднее на Самарѣ бывшее нападеніе небыли и не поспѣли. И какъ они собравшись всѣ отборные охотники, назадъ тому 17 дней [29 Октября] подъ предводительствомъ вышеписаннаго Аги, изъ подъ Перекопа пошли къ Россійскимъ границамъ, для полученія добычи, людей и скота, а предводитель Шахтеміръ-Ага имъ всѣмъ

объявлялъ, что гдѣ только случай будетъ, то они увидятъ, что онъ прежде всѣхъ свое усердіе и храбрость покажетъ. И такъ они шли день и ночь, останавливаясь только нѣсколько часовъ для отдохновенія и кормленія лошадей, коихъ кормили однимъ полевымъ кормомъ. А сего мѣсяца [Ноября] на 14 число остановясь на ночь, послали отъ себя партію до 30 чел., чтобъ они развѣдали и мѣста осмотрѣли, нѣтъ ли табуновъ и карауловъ, и какъ свободнѣе къ Бахмуту пройтить, также и не попадутсяль гдѣ для *языка*, какіе люди. Сія партія 14 числа по утру рано пришла на рѣчку Торецъ [Бахмут. уѣз. Екат. губ.] и по утру жъ какъ свѣтъ на тамошній хуторъ и мельницу напали и взяли 5 чел. и до 20 воловъ и когда тѣхъ людей привели въ большую партію, то тѣхъ приведенныхъ спрашивали о нашемъ войскѣ гдѣ оное стоитъ и есть ли караулы? На что получили извѣстіе, что есть вездѣ заставы, а войска стоятъ по городамъ. Однакъ положили идти къ Бахмуту съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы отогнать какой нибудь табунъ или напасть на караулъ и какъ скоро начали передовые марщировать, а задніе еще съ мѣста подымались: вдругъ увидѣли назади 7 чел. козаковъ, кои имъ обратный путь пересѣкать могли и видя то усумнилися, разсуждали, — «конечно Россійскія войска ихъ нагонять и путь обратной совсѣмъ пересѣкутъ». Мыслили и говорили разное, впередъ ли идти или назадъ обратиться, потомъ въ скорости увидѣли козаковъ [вѣроятно цѣлый отрядъ], въ задъ имъ зашедшихъ, почему они и принуждены были обратиться на козаковъ и на нихъ ударить, что немедленно и исполнили, а напереди всѣхъ былъ главный ихъ предводитель

Шахтеміръ-Ага со *значкомъ*, а подлѣе его отважный наѣздникъ Хозба-Хаче. Однако въ скорости и тотъ же моментъ усмотрѣли ихъ главнаго предводителя убитаго и при немъ Хозбе-Хаче, коихъ на храбрость и предводительство надѣялись и оробѣли и тѣ кои не столь храбры тотчасъ въ бѣгство обратились, а кои поазартнѣе были, то сопротивлялись. Первые ретирующіеся сколько можно поспѣшали назадъ, однакожъ и тѣхъ козаки нѣкоторыхъ догоняли и кололи, а взятыхъ на мельницѣ людей и скотъ козаки отбили, а по убитіи старшаго предводителя и *значокъ* взяли, а онъ [Джумали], когда начальника своего лошадь хотѣлъ ловить, то его свой Татаринъ укололъ дротикомъ и лошади ловить не велѣлъ, а послѣ, въ скорости, раненнаго взяли живаго». Вотъ что онъ говоритъ о движеніи своей Ногайской братьи: «Какъ скоро Татарская орда, которая послѣднее на Самарѣ грабительство чинила, въ Крымъ возвратилась, то при роспускѣ оной отъ Калги-Султана было приказано: чтобы они лошадей хорошенько кормили, ибо они по наступленіи зимы всѣ востребуются. Прошлаго лѣта Крымскіе Татаре въ походъ ни къ Хотину, ни къ Очакову не ходили, а передъ Перекопскою линіею въ лагерѣ стояли. О числѣ ихъ судить можно потому, что когда со всего Крыма всѣхъ годныхъ къ оружію потребуютъ, то до 30,000 набраться можетъ [1]. Крымскій ханъ [Крымъ-Гирей] все лѣто въ Крыму не былъ и нынѣ его тамъ нѣтъ, а находится съ Татарскими

---

[1]) Изъ показанія этого Татарина можно убѣдиться, какъ всегда увеличивали число Татаръ или Турокъ во время войны. Судя по самымъ достовѣрнымъ даннымъ полагаемъ, что во всю кампанію ханъ Крымскій съ Ногаями и Крымцами не имѣлъ и 30,000 войска.

[Ногайскими] ордами въ Каушанахъ. А изъ Крымской орды находится только нѣсколько человѣкъ, составляющихъ его свиту. Въ Крыму же остается Калга-Султанъ [преемникъ престола], который живетъ подъ самыми горами въ г. Карасубазарѣ. Внутри Крыма полеваго корму весьма недостаточно и за тѣмъ назадъ тому недѣль съ четыре [въ половинѣ Октября] скотскіе табуны выгнаны за Перекопъ [т. е. на Ногайскую степь] и намѣрены тамо чрезъ всю зиму содержать».

Между тѣмъ войска 2-й арміи стали на зимнія квартиры вдоль Днѣстра въ Польскихъ воеводствахъ и въ Малороссіи, а Запорожское войско отпущено въ Сѣчь; но прежде еще получило ордеръ главнокомандующаго графа Панина, учредить по прибытіи въ Сѣчь посты такимъ образомъ, чтобы прикрыть ими не только свои жилища, но и всю Имперію отъ покушеній непріятеля. Такимъ образомъ Запорожцы должны были содержать и своею грудью охранять сторожевую линію: «отъ р. Днѣпра вправо по своей границѣ до р. Ингульца, а вверхъ онаго до верховья р. Березоватой, съ онагожъ верховья на р. Каменку, а съ р. Каменки къ послѣднему на низу порогу на р. Днѣпрѣ; съ тогожъ порогу отъ лѣваго берега Днѣпра за рѣчку Волчьи-Воды до устья р. Каменки и вверхъ по оной до устья рѣчки Гайчулы, а съ оной на р. Конскія воды, до могилы Токмакъ». [Ордеръ 25 Октября 1769]. На этомъ основаніи Кошъ Запорожскій учредилъ 16 «бекетовъ» или постовъ подъ начальствомъ войсковаго старшины *Андрея Порохни*, 16 походныхъ полковниковъ, 32 походныхъ полковыхъ старшинъ, въ командѣ которыхъ постоянно чрезъ всю зиму находилось 600 пѣшихъ и

2,454 конныхъ казаковъ, имѣвшихъ каждый по двѣ лошади, а старшины «и больше». Кромѣ того оставлены при четырехъ паланкахъ: Орельской, Самарской, Протовчанской и Кодацкой 4 полковника, 8 полковыхъ старшинъ и 200 парокошныхъ козаковъ. Всѣ команды должны были безпрестанно разъѣзжать по назначеннымъ имъ дистанціямъ, содержать пикеты на курганахъ, а ночью *фигуры* изъ смоленныхъ бочекъ [маяки] для извѣщенія о всѣхъ движеніяхъ непріятеля. Эти посты находились въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1. При р. Каменкѣ [въ 7-ми верстахъ отъ нынѣшней стан. Мѣловой, Херсонской губерніи].
2. Внизу р. Днѣпра въ урочищѣ *Скалозубовомъ*, Херсонск. уѣзда].
3. Противъ Сѣчи Запорожской, на версту въ Татарской степи, въ уроч. *Темномъ* [Днѣпр. уѣзда].
4. Надъ р. Днѣпромъ, въ уроч. *Лысой-Горѣ*.
5. Тамъ же, въ урочищѣ называемомъ *Городище*, [бывшій *Каменный Затонъ*].
6. Въ *Голой-Пристани* на Днѣпрѣ.
7. Надъ Днѣпромъ, въ уроч. *Тарасовскомъ*.
8. » » » » *Бѣлынькой*.
9. На Хортицкомъ островѣ } на Днѣпрѣ.
10. На Дубовомъ островѣ } на Днѣпрѣ.
11. У Старо-Самарскаго ретраншамента.
12. Надъ р. Самарью, въ уроч. *Садкахъ*.
13. » » » при ур. *Вольномъ* и *Займахъ*.
14. При Самарѣ, въ уроч. *Лучинѣ*.
15. За р. Самарью въ уроч. *Жуковскомъ*.
16. При Самарѣ въ уроч. *Богдановомъ*.

Чѣмъ эти «постныя» команды занимались и какъ дѣятельно противу непріятеля ходили въ экспедиціи, водою и сухимъ путемъ, — вотъ еще одно донесеніе Коша графу Панину въ самую зиму 10 Декабря 1769 г. По приказанію главнокомандующаго, войсковый старшина Порохня съ 1,000 чел. ходилъ до самыхъ Молочныхъ-Водъ [Мелитопольск. уѣзда, Таврич. губ.] для вреда Ногайскимъ кочевьямъ и стадамъ, а командиръ Днѣпровской козачьей флотиліи, войсковый старшина *Филиппъ Стяшило*, взявъ двѣ лодки и 40 козаковъ, дошелъ до самаго Лиману у Збуроевскаго ретрашамента; оставивъ тамъ свои лодки и 10 козаковъ, самъ съ остальными вышелъ на берегъ и пустился далѣе въ Крымскую степь. Прошедъ верстъ за 30, сначала никого изъ Татаръ не встрѣтилъ кромѣ многочисленныхъ стадъ, которыхъ часть, по обычаю и приказанію Начальства, немедленно занявъ, началъ гнать во свояси съ такою безпечностію, «что ночью было на кибитки [кочевья] Татарскія нагналисъ». По учиненной тревогѣ сбѣжались изъ аула вооруженные Татаре и атаковали козаковъ, но тѣ, убивъ человѣкъ 70 непріятеля и кромѣ скота получивъ въ добычу 60 сѣдель, базавлука [1]] и разнаго отдѣянія достаточно, и схвативъ «для языка» одного Татарина, начали ретироваться къ своимъ судамъ, ибо по показанію плѣннаго вблизи оттуда до 25,000 непріятельскаго войска находилось. Татаре собравшись еще въ большемъ числѣ, до самой Збурьевской при-

[1]) Что значитъ слово *Базавлукъ* не знаемъ; одни говорятъ, что это вьюкъ съ пшеномъ, другіе — что это вообще съѣстные припасы. Есть рѣчка Базавлукъ, отдѣляющая Екатеринославскую губернію отъ Херсонской.

стани ихъ провожали, чиня безпрестанную стрѣльбу ружьями и стрѣлами, въ чемъ видя немалое препятствіе, храбрый Стягайло скотъ оставя, плѣнника жъ зарѣзавши, оборонною рукою противъ непріятеля пошли и вырѣзали его еще свыше 30 чел. Съ своей же стороны ни едного не втеряли, кромѣ что едного стрѣлкою легко ранено въ ногу, и возвратились благополучно».

Вотъ еще довольно оригинальное донесеніе одного козака, Самарскаго жителя [т. е. уже женатаго] *Никиты Лебеденка*, вполнѣ характеризирующее этотъ полудикій, но храбрый народъ. «Посланъ онъ былъ отъ Самарской паланки въ Крымскую степь для провѣданья о непріятелѣ, и 10 Ноября съ 4-мя козаками [пароконной всякій], по р. Татаркѣ, а послѣ чрезъ нижнюю и верхнюю рр. Терси перешедъ [Павлоград. и Александровск. уѣздовъ Екатеринославской губ.], доѣхалъ прямо степью до р. Гайчули при уроч. *Барабашевой-Могилѣ* [Александровск. уѣзда Екатериносл. губ.], а оттоль по вершинѣ р. Конской до могилы Токмацкой, а оттоль въ Молочну которую на низъ къ морю пробрался, гдѣ наѣхалъ тясьму [слѣдъ] небольшую Татарскую, прошедшую какъ бы сотъ въ двѣ [лошадей] прямо на Берду. Не видя ничего кромѣ тясьмы, возвратился назадъ по Крымской сторонѣ р. Конскія-Воды. Видя усталость лошадей своихъ, онъ больше ѣхать не могъ, а потому отославъ трехъ товарищей со всѣми лошадьми назадъ въ Самарскую паланку, самъ съ однимъ козакомъ пѣшіе пошли по этой рѣкѣ на низъ Днѣпра. Но съ одной могилы усмотрѣли въ урочищѣ *Холодная-Балка*, небольшую въ 300 чел. Татарскую партію. Дождавшись ночи, они подошли къ ней, подлѣзши промежь ихъ лошадей и

высмотря караульныхъ, чтобъ не попасться самимъ, схватили 4-хъ лошадей за ярчаками и на нихъ по надъ *Великимъ-Лугомъ*, возвратились къ своей командѣ».

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ войско уже было въ своихъ жилищахъ и при вступленіи въ Сѣчь сдѣлана была имъ слѣдующая встрѣча: «Командовавшій въ Сѣчи судья войсковый *Иванъ Бурносъ* съ атаманами и стариками, верхомъ на лошадяхъ встрѣтилъ кошеваго, старшину и войско у *Батовой-Могилы* и съ ними въ *ассистенціи* до самой первой башни, гдѣ пушечная пальба со всѣхъ *раскатовъ* [батарей] произведена была одинъ разъ, провожалъ торжественно. При второй башнѣ духовенство съ церковнымъ клиросомъ встрѣтило и препроводивъ въ церковъ Божію, начало должной благодарственной молебенъ пѣть, по окончаніи котораго, съ позволенія кошеваго, съ *моздировъ* [moździerz, пушка] и по раскатамъ опять выстрѣлы учинены, для окончанія церемоніи».

ГЛАВА II.

Смертъ Крымъ-Гирея-Хана. Обезоруженіе Ногайцевъ. Побѣды Румянцова. Взятіе Бендеръ Графомъ Панинымъ. Запорожская кампанія 1770 года.

Крымъ-Гирей-Ханъ, окончивъ столь успѣшно свой страшный наѣздъ на Елисаветградскую провинцію и видя приближеніе Русскихъ армій съ востока и сѣвера, бросилъ Новороссійскія степи и удалился въ Буджакъ, въ свой ханскій удѣлъ — Каушаны, не желая вовсе основать себѣ резиденцію внутри Крыма. Тамъ собравши остатки Едисанской и всю Буджакскую орду Ногайцевъ, ожидалъ дальнѣйшихъ повелѣній Порты, — какъ внезапно сначала жестокая болѣзнь съ меланхоліею, а вскорѣ и самая смерть, его постигшая, лишила Порту самаго жаркаго витязя. Его племянникъ и преемникъ Девлетъ-Гирей III Ханъ, сынъ Арсланъ-Гирея-Хана, хотя немедленно явился въ Буджакѣ, но онъ ни Ногайцамъ, вовсе его нелюбившимъ, ни Туркамъ, по своей совершенной неопытности въ военномъ дѣлѣ, ничѣмъ не могъ быть полезенъ, особенно въ столь важную эпоху. Вскорѣ нестройныя толпы его, разбитыя

вездѣ Русскими войсками, разбѣжались, а онъ лишенъ престола и сосланъ въ обычное мѣсто изгнанія — Румелію, гдѣ многіе годы еще тянулъ свое безполезное поприще. Его ханство отдано другому претенденту, Капланъ-Гирею II, сыну Селимъ-Гирея II, царствовавшаго въ Крыму съ 1743 по 1748 годъ.

Кампанія 1770 г. была очень блистательна и знаменита для Русскаго оружія и положила начало тому основному разрушенію, которому вскорѣ, хотя и постепенно подверглось Отоманское владычество въ здѣшнихъ мѣстахъ. Первый ударъ, какъ мы сказали выше, сдѣлалъ князь Голицынъ взятіемъ Хотина и преслѣдованіемъ Турецкой арміи за Прутъ, которыхъ послѣдствіемъ было занятіе Яссъ, Букареста и обоихъ княжествъ, гдѣ духовенство съ крестомъ и евангеліемъ, а народъ съ клятвою преданности Россійскому престолу приняли корпусъ генералъ-поручика Эмина [16-го Сентября 1769]. Въ тоже время корпусъ генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна успѣшно дѣйствовалъ въ Буджакѣ и даже Оргѣевскомъ цынутѣ восточной Молдавіи, но въ 1769 г. въ военномъ отношеніи сдѣлано было еще очень мало. Крѣпости: Очаковъ, Кинбурнъ, Енидуня въ Хаджибейской бухтѣ, Аккерманъ, Килія, а тѣмъ паче Бендеры и Измаилъ были въ рукахъ Турецкихъ. Ханъ Крымскій съ главнѣйшими своими ордами, Некрасовцами и частію Крымцевъ, великій визирь съ огромною Турецкою, тогда еще страшною арміею и Яньычарами, т. е. лучшею во всей Европѣ пѣхотою, готовы были открыть военныя дѣйствія на своей землѣ; тогда какъ Россія въ двухъ арміяхъ не могла выставить въ поле и 60,000 чел. съ козаками и

Донцами, дѣйствуя въ непріятельской землѣ или въ пустыняхъ Запорожскихъ, гдѣ все, что было заселено, Ногайцы превратили въ пепелъ и развалины. Все это принявъ во вниманіе, легко понять, какъ труденъ предстоялъ подвигъ и Панину и Румянцову, неимѣвшимъ на Черномъ морѣ ни флота, ни даже другихъ транспортовъ, кромѣ древнихъ Запорожскихъ лодокъ, бѣдныхъ соперниковъ противу линейныхъ кораблей и фрегатовъ Оттоманскихъ.

Но Русскій Богъ великъ, Русское оружіе могущественно! Не прошло года, не наступила еще зима 1770 года, а уже двѣ великія побѣды, одна 7 Іюля на устьи рѣч. Ларги [въ Хотинск. уѣздѣ нынѣшней Бессарабіи], въ которой Девлетъ-Гирей-Ханъ предводительствовалъ и былъ побитъ на голову, — за что, какъ мы сказали выше, и ханскаго достоинства навсегда лишился; другая говараздо важнѣе произошла 31 Іюля близъ устья р. Кагула въ озеро этого имени и озера Ялпухъ [Кагульск. уѣзда Бессараб. обл., близъ станціи, Волконешты и Трояноваго-Вала], въ которой участвовали со всею арміею великій визирь, Янычаръ-Ага, нѣсколько пашей и тотъ же несчастный Девлетъ-Гирей. Эти двѣ битвы, коихъ послѣдствіемъ было взятіе Измаила и бѣгство визира съ остатками войска за Дунай, положили прочное основаніе Русскому владычеству на югѣ Имперіи. Оставалась Бендерская крѣпость, но и та искусною и храброю осадою графа Панина и штурмомъ съ 15-го на 16-е число Сентября была взята, и весь Буджакъ предался Русскому скипетру.

Въ этой достославной кампаніи участвовали и Запорожцы, что видно какъ изъ многихъ ниже приводимыхъ

нами *меморіаловъ*, въ архивѣ Коша найденныхъ, такъ и изъ Высочайшихъ похвальныхъ грамматъ и наградъ, этому войску пожалованныхъ. Они составляли авангардъ корпуса князя А. А. Прозоровскаго, дѣйствовавшаго въ теченіе 1770 г. въ тылу 2-й арміи, для маскированія крѣпостей: Очакова, Кинбурна и Хаджибея, и занятія постовъ отъ Днѣпровскихъ пороговъ до Днѣстровскаго лимана. На этомъ огромномъ пространствѣ степей балокъ и лимановъ, Запорожскіе козаки были какъ дома и подобную предкамъ своимъ вели свою «одвѣчную» партизанскую войну. Впрочемъ видно, что Запорожцы скучали за тѣми почти баснословными битвами, въ которыхъ столько славы пріобрѣтали Русскія войска. Вотъ что писалъ одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ старшинъ, бывшій судья войсковый Павелъ Головатый, къ своему преемнику въ Сѣчи Николаю Тимофѣвичу изъ одной ставки въ Едисанскихъ поляхъ: «Доходятъ [догадываются] многіе и того, что князъ Прозоровскій намѣревается съ Калмыками и регулярствомъ на ту [Бессарабскую] сторону Днѣстра итти, а насъ здѣсь на Тилигулѣ оставить... Но намѣреніе у насъ такое: ежели князь за Днѣстръ впрямъ идиметъ и насъ оставлять здѣсь будетъ, то мы хотя часть войска нашего намѣрены туды же послать». [31 Іюля 1770].

Получивъ по Высочайшей волѣ ордеръ графа Панина о выступленіи изъ Сѣчи «по первой травѣ къ сторонѣ Очакова», Кошъ раздѣлилъ свое войско на 3 неровные отдѣленія. Главный отрядъ подъ начальствомъ самаго кошеваго и всей старшины съ клейнотами и походнымъ кошемъ отправился въ команду князя Прозоровскаго; въ немъ было старшинъ и конныхъ

Запорожцевъ 7,352 ч. съ 15,000 лошадей. Другой *Низовой*, т. е. на флотиліи отрядъ, надъ начальствомъ войсковаго старшины Третьяка и 2 полковниковъ на 40 судахъ имѣющій 2,391 пѣхотныхъ козаковъ съ 38 лодочными фальконетами, спустился по Днѣпру до самаго лиману и не смотря на Очаковскія укрѣпленія занялъ тамъ хорошую позицію, для содѣйствія сухопутному товариству. Третій, наконецъ, отрядъ, назначенный къ корпусу генералъ-поручика фонъ-Берга, состоялъ подъ командою войсковаго старшины Порохни, имѣвшаго при себѣ въ сѣверныхъ степяхъ Таврической губ. 603 конныхъ Запорожцевъ и на отводныхъ караулахъ или на постахъ 392 конныхъ и пѣшихъ козаковъ. Слѣдственно Запорожцы выставили въ поле 10.738 коннаго и пѣшаго товариства съ 20,000 почти лошадей.

20 Апрѣля 1770 г. отрядъ кошеваго выступилъ въ поле и слѣдуя по данной инструкціи до Гарду на Бугѣ, переправился на Татарскую сторону и сталъ таборомъ «въ Черталахъ» т. е. на устьи въ Бугъ рр. Сухой и Мечетной Черталы, — гдѣ нынѣ дачи м. Кантакузовки. Отсюда Кошъ посылалъ партіи своего товариства на *подъѣздъ*, т. е. поиски противъ непріятеля. Командиру флотиліи *Данилѣ Третьяку* назначено было урочище *Цари-Комышъ* или *Брина-Комышъ* [?], для секретнаго тамъ пребыванія и наблюденія непріятельскихъ движеній на лиманѣ и Черномъ морѣ. Вотъ нѣсколько подробностей о кампаніи этого года.

1]. ***Меморіалъ Іюня и Іюля мѣсяцевъ.***

«12 дня Іюня въ Субботу по отправленіи литургіи и молебствія о благополучномъ нашемъ въ намѣренной

Очаковскій край путешествіи, и о возстановленіи побѣды надъ непріятелемъ, расположивши надъ Бугомъ у *Чартальскаго броду*, при старшинѣ войсковому Павлу Флорову Головатому, главный нашъ обозъ, также бунчукъ и большую хороговь и прочіе войсковые клейноты: съ собою жъ одинъ только прапоръ да литавры взявши, купно съ княземъ А. А. Прозоровскимъ, имѣющимъ въ своей командѣ Борисоглѣбскій [Драгунскій] полкъ, также и нѣсколько сотъ Донцевъ Грекова полку и дикихъ Калмыкъ, помаршировали къ Очакову [1]. При таковомъ маршѣ первой ночи въ первой Чарталѣ по сей сторонѣ оной переночевавши, пойшли рано оттоль къ *Сухой-Черталь*, гдѣ при Бугу и ночевали. У Понедѣлокъ же пообѣдавши къ рѣч. *Чичаклеи* помаршировали и не доѣзжая оной получили извѣстіе, что 3,000 партія Татаръ въ *Кодыми* [рѣчкѣ] нападеніе сдѣлала на передовыя 2-й арміи войска. И потому къ точному объ ономъ провѣдыванію по Кодыму, съ командою 120 козаковъ Запорожскихъ полковникъ *Иванъ Яблуновскій* отправленъ, а къ остаючемуся въ обозѣ Павлу Флорову за извѣстіе дано знать, чтобъ отъ непріятеля въ обозѣ осторожность имѣлъ. Переѣхавши жъ Чичаклею на горѣ вблизь могилъ, заведши на нихъ пушки, стали и стояли 15 ч. Іюня до вторника. И возвратившійся пол ковникъ Яблуновскій привезъ рапортъ, объявляя, что при чиненіи имъ поиску надъ непріятелемъ никого съ нихъ не видѣлъ. И такъ мы 16 ч. рано у середу зъ Чочаклеи къ рѣч. *Березани* [Одес. уѣз.] помаршировали,

[1]) Изъ современныхъ газетъ знаемъ, что въ отрядѣ князя А. А. Прозоровскаго были: Черный и Желтый гусарскіе и Днѣпровскій пикинерный (т. е. Новороссійское военное поселеніе).

И переѣхавъ оную на вершинѣ и притомъ по надъ оною внизъ не весьма далеко подвигнувсь, расположились и ночевали. Переночевавши жъ, 17 Іюня въ четвертокъ не очень рано, отправивши впередъ къ Очакову къ поимкѣ языка небольшую Запорожскую партію зъ старшинами войсковыми: *Лукьяномъ Великимъ, Алексѣемъ Чернымъ*, да *Софрономъ Чернымъ*, пойшли и сами мы скороспѣшно къ *Янчокраку* рѣчкѣ и до оной до ночи и ночью часовъ съ 2 шли и остановясь едномѣстно, по сей сторонѣ Янчокрака до утра 18 ч. Іюня, т. е. пятка, роздохъ имѣли; а въ той день скоро чрезъ Янчокракъ переправились и обозомъ подъ онымъ стали. Вдругъ и возвратившійся съ партіею Софронъ Черный съ товарищами къ намъ подуспѣлъ и представилъ подъ самымъ городомъ Очаковомъ взятыхъ въ полонъ 10 Турокъ-Янчаровъ, 1 Бошняка и 3 Волохъ и въ добычь рогатаго скота и лошадей нѣсколько штукъ. Убито жъ при взятіи языка Турокъ 26. Дѣлавшая жь за Запорожемъ непріятельская съ Очакова партія погонь, отъ обоза какъ бы верстъ за 8 съѣхавшись съ передовыми Запорожскими козаками, перестрѣливалась и имѣла баталію, при чемъ съ непріятельской стороны свыше 70 чел. въ смерть убито, ранено жъ по объявленію много, но всѣхъ Турки межъ себе хватали, а нашими взято раненныхъ 2 Турковъ, изъ нихъ едного Очаковскаго Кигасу, именемъ *Ахметъ-Агу* и едного Янчарина. Въ добычь же лошадей, зброи и протчего получено по числу убитыхъ непріятелей, а съ нашей стороны убито одного куреннаго Рогѣвскаго атамана *Охоньку* и 3-хъ Запорожскихъ козаковъ, да ранено 4-хъ чел. и одного живемъ взято. По объявленіи жъ плѣнныхъ непріятелей,

что мало имѣется въ Очаковѣ войска, помаршировали въ обѣденную пору 19 ч. Іюня въ Субботу къ самой Очаковской крѣпости и скоро подъ оную стали подъѣздить, то Турки конные и пѣшіе съ пушками 4-я противъ нашихъ передовыхъ партій вышли и съ ними да и съ отправленными отъ насъ на сикурсъ Запорожскими партіями перестрѣлку и сраженіе имѣли, гдѣ съ ихъ стороны Турковъ нашими Запорожскими козаками 10 чел. убито и ранено много; въ полонъ же ни одного не взято, потому что [раненныхъ] Турецкая пѣхота стоя близко конницы, подхватывала. Съ нашей же стороны на томъ сраженіи едного козака ранено и 2-хъ лошадей тамо, а 3-ю съ Очаковской крѣпости на водопоѣ изъ пушки вбито. И такъ мы отъ Очакова какъ бы за 5 верстъ въ лѣву руку, надъ лиманомъ расположась, послали за извѣстіе объ ономъ 20 Іюня въ недѣлю [Воскресенье] къ графу Панину рапортъ, а «языкъ» Прозоровскимъ въ обозъ нашъ въ Чарталахъ оставленный, отправлено. Тожъ полоненнаго Волошина съ письмомъ къ Пашѣ въ Очаковъ, чтобъ склонился хотя посыланію, но что сей возвратившійся Волошинъ объявилъ яко онъ къ тому приступить не желаетъ, — а добуваннобъ крѣпости; крѣпости жъ безъ осадной артиллеріи что достать не можно, потому оттоль отступья и ночью противъ 21 ч. Іюня пошедъ, уже на свѣтаньи къ Янчокраку наспѣвъ, по сей сторонѣ оной [рѣчки] тамъ же гдѣ стояли и прежде расположившись, отправили за Березань къ вреду непріятеля Запорожскую въ 570 козаковъ партію, при старшинѣ войсковому Алексѣю Черному. А мы 22 у вовторникъ не оченъ рано въ гору по надъ Березаню на ночь стали, а

переночевавши наспѣлъ Олекса Черный съ партіею и обьявилъ, что доѣзжая до самой рѣчки Тилигула, никого съ непріятелей также и скоту не видѣлъ. И такъ у середу 23-го числа пообѣдавши, чрезъ Березань переправились и заночевали, а въ четвертокъ 24-го числа не очень рано поѣхали и къ рѣч. *Цариголъ* [Одесскаго уѣзда] въ полуденное время прибывъ и надъ оною не переѣзжая расположились и до 27 ч. Іюня стояли, сего же дня пообѣдавши къ рѣч. Тилигулю впадаючему въ Черное море, ниже Очакова [близъ ст. Коблевки Од. уѣз.] пошли. И за приходомъ не переѣзжая Тилигулъ надъ онымъ расположились и стояли до 29 Іюня, т. е. С. Апостолъ Петра и Павла, котораго дня князь Прозоровскій со всѣми штабъ и оберъ драгунскими также и гусарскими офицерами въ нашъ лагеръ къ пану кошевому [1]) съ поздравленіемъ тезоимениства приходилъ и довольно просидѣвши просилъ къ себѣ пана кошеваго кушать; и ходилъ панъ кошевый вмѣстѣ съ старшинами войсковыми. Мыжъ скоро *полагодившись* [исправясь], кони покульбачили и кони позапрягали. Потомъ заразъ настиглы и паны и поѣхали сею стороною Тилигула въ гору: выѣхавши жъ нѣсколько верстъ стали и стояли до 7 числа Іюля. А того числа *рушили* [отправились] къ Днѣстру и слѣдуя ночевали противъ 8 ч. Іюля у рѣч. перваго *Куяльника* [Од. уѣз.], которую рано 8 ч. переѣхавши, стали и до вечера стояли и когда къ оному Днѣстру наближились, то мы съ княземъ и регулярными командами продолжая назадъ поважный маршъ, впередъ Запорожскія партіи отправили, кои бывъ въ селахъ и возвратившсь, представили въ Кошъ

[1]) Имяннинику Петру Ивановичу Калнишевскому.

ясыру Волошскаго, рогатаго скота, коней и протчаго не мало: другогожъ послѣ того дни будучи въ мѣстечкѣ *Аджидерѣ* [противъ Аккермана, нынѣ Овидіополь] и получа тожъ не малую добычь, хотя тамъ изъ непріятеля никого не застали, а ушелъ весь въ Бѣлгородъ [Аккерманъ]; однакъ подошедъ къ намъ на судахъ, изъ пушекъ перестрѣливался и нашими пораженный опять возвратился назадъ безъ нашего урону, кромѣ съ его стороны. Послѣ чего предавъ огню оное мѣстечко и къ крѣпости *Аджибейской* [гдѣ нынѣ Одесса] марширув, тожъ и во многихъ же еще селахъ ясыру и добычи не мало получили, а когда 13 Іюля по поступленіи подъ ту крѣпость изъ нашей артиллеріи пальбу на оную произведено и форштатъ сей крѣпости взятъ, въ такомъ случаѣ заперпшихся въ каменной избъ Турокъ 14 чел. убито и 1 живемъ взято. А дѣйствовавшихъ при приступѣ на крѣпости артиллеріи Турокъ, съ мѣлкаго ружья Запорожскими козаками убито 5 чел. сколкожъ ранено настоящаго числа неизвѣстно, но много. Запорожскихъ же козаковъ вбито 10 чел., въ томъ числѣ и атамана Звонецкаго [куреня] *Шапарця*, а ранено 27. И такъ, что сей крѣпости по ея весьма изъ каменя оградою укрѣпленія, не находя способу мѣлкими нашими пушками достать, отступили».

Объ этой экспедиціи съ похвалою упомянулъ графъ Панинъ въ слѣдующей реляціи ко Двору, напечатанной въ Петербургѣ при Сенатскомъ указѣ 1770 г. Августа 6-го; «Генералъ князь Прозоровскій особливо выхваляетъ оказанную въ семъ случаѣ храбрость Запорожскаго войска, ибо когда застигнутые партіями его Турки изъ гарнизона замка [Хаджибейскаго], въ

нѣсколькихъ десяткахъ кинулись въ крѣпкія предмѣстья его домы и, отстрѣливаясь, оборонялись до послѣдняго отчаянія, оное войско, не взирая на производимую какъ изъ замка, такъ и съ судовъ гавани его пушечную стрѣльбу, вошедъ въ тѣ домы приступомъ, ихъ всѣхъ порубило, да и предмѣстье зажгло».

Въ то же время прибывшій съ лодками Запорожской флотиліи, командиръ ея Данило Третьякъ, съ урочища *Кызего* [т. е. *Кизій-Мысъ* на Днѣпрѣ, близъ сѣвернаго Днѣпровскаго гирла, именуемаго отъ того *Козельмыцкимъ* въ Херс. губ.] доносилъ Кошу о своихъ подвигахъ. Въ рапортѣ полученномъ 2 Августа 1770 г. писалъ онъ судьѣ: «Посланная на непріятельскія стороны и подъ Кинбурнъ отъ здѣшней команды партія для поимки языка, двохъ жителей да Янчарина Кинбурнскихъ при двухъ коняхъ, и четырехъ волахъ поймала... При поимкѣ жъ онаго языка много съ выскочившимъ съ Кимбора непріятелемъ точили (*точить*, съ Польск. toczyć, вести) войну, токмо слава Богу, что кромѣ трехъ раненныхъ, убитыхъ съ нашей стороны небыло. А зъ непріятельской стороны нашею партіею не мало побито, почему пришедши къ намъ въ *Кызе* з'Очакова больше 11 кораблей со всею нашею командою, сильную пушечную баталію чрезъ цѣлый день 15 ч. [Іюля] продолжали, но помощію всемогущаго Творца и счастіемъ милостивѣйшей Монархини и вельможности вашей, непріятель получилъ отъ насъ на сраженіи оной баталіи уронъ непріятельскаго своего войска до 30 чел. убитыхъ, и съ разбитыми нашею командою тремя кораблями съ безчестіемъ въ свои мѣста прогнанъ; зъ нашей же стороны только едного Тимошевскаго куреннаго

[козака] въ смерть убито, да едну куреня Батуринскаго нашу пушку между пальбою рознесло. Вельможности вашей съ покорностью просимъ: чи не можна насъ снабдить и двомя хочай пушками, бо́льшими отъ имѣющихся у насъ пушокъ, чтобъ мо́жно непріятеля на водѣ не пуская до себе вблизь, съ далеку бить; бо безъ такихъ пушокъ крайне намъ есть съ великою нуждою, яко имѣющіяся у насъ пушки очень близко допускаютъ приступъ до насъ непріятельскій».

Кромѣ того Третьякъ просилъ дать ему для отправленія службы Божіей священника и холста для постройки походной церкви. Кошъ послалъ имъ одного Межигорца [іеромонаха] и готовую палатку, т. е. походную церковь, бывшую послѣ въ *Мѣловомъ* [Камяномъ-Базарѣ] до постройки тамъ настоящаго храма.

Замѣчательно, что одинъ пикетъ съ команды Третьяка захватилъ даже близъ Кинбурна 7 Татаръ, которые, какъ открылось, были: сынъ Крымскаго Калги-Султана [преемника престола] *Али-Джанъ-Мурза* съ однимъ Джамбуйлуцкой орды «уланомъ» [витяземъ] *Тау-Мурзою* и пятью Ногайскими Татарами своего колѣна, которые соскучась бездѣйствіемъ Калги-Султана въ Крыму, бѣжали тайно изъ Козлова и направлялись къ Бендерамъ, въ команду Девлетъ-Гирей-Хана. Плѣнные посланы были къ главнокомандующему «для языка», а добыча въ Сѣчь для сохраненія и раздѣлу.

2]. *Меморіалъ экспедиціи главнаго отряда въ Сентябрѣ и Октябрѣ 1770 года.*

«9-го Сентября въ четвертокъ, по отправленіи молебия надъ вечеръ вмѣстѣ съ Е. С. А. А. Прозоровскимъ.

также регулярными полками и Запорожскимъ войскомъ къ Очакову, чтобы чинить поискъ надъ непріятелемъ, восприняли маршъ. И по прибытіи къ оному не вдаль остановивсь заночевали, а въ ранку 10-го числа въ пятокъ отправили наши козачьи партіи къ самому городу Очакову провѣдывать о непріятелѣ. Отъ коихъ присланные къ намъ въ полдень уже полковники *Красовскій* и *Яблуновскій*, когда донесли словеснымъ рапортомъ, что тѣ наши партіи съ выступившею съ Очакова при пушкахъ непріятельскою пѣхотою при трехъ каймаканахъ въ 2.000 и съ конницею въ 3,000 бывшею сражаются, то впередъ къ подкрѣпленію тѣхъ нашихъ партій и еще въ 1,000 чел. при старшинѣ войсковому Павлу Головатому отправивъ, взялись и мы всѣ войскомъ скоропоспѣшно туда же маршъ, и егда подуспѣли атаковали и какъ конницу, такъ и пѣхоту въ замѣшательство привели, и пушки 3 отбили, а притомъ скоропоспѣшно за нами и слѣдовавшіе фронтами карабинеры, драгуны и гусары, съ ихъ предводителями, то заразъ вся конница на лошадяхъ бывшая и пѣшою сдѣлавшаяся, а притомъ и пѣхота непріятельская такъ вся головою [на голову] выбита съ ихъ непріятельскими начальниками, что ни одинъ изъ нихъ изъ атаки не ушелъ. Кромѣ до учиненія атаки бѣжало было конницы до 30 чел. но погнавшимися за ними отъ Запорожскаго войска старшинами и козаками убито на вздогони нѣсколько человѣкъ; 90 Янычаровъ пѣхоты съ ихъ капитаномъ и байрактарами въ полонъ взято, а получено въ добычь на мѣстѣ сея баталіи три пушки мѣдные, палубъ съ картечами и ядрами, коихъ до всякой по бо

сказалось. Тамъ же знаменъ 11 и перначь. Булдимковъ же [Турецкихъ ружей?], пистолетовъ, сабель, лошадей съ уборами а прочего багажу столь много, елико побитаго непріятеля было. И угнато рогатаго скота, коней, овецъ и верблюдовъ многочисленно. Гдѣ на баталіи съ нашей стороны убито Запорожскаго войска куреннаго атамана *Якова Воскобойника* и 5 рядовыхъ козаковъ. А ранено весьма легко Запорожскихъ войсковыхъ старшинъ: *Ивана Бурноса* и *Филиппа Стягайла*, атамана Переяславскаго (*Михайла デхтря*) и рядовыхъ козаковъ 23. И что больше уже къ намъ непріятель не выходилъ съ Очакова, хотя мы съ Е. С. княземъ къ городу подъѣхавъ, до ночи престояли. Потомъ благополучно въ свой при Бугу обозъ возвратились и отправили полоненниковъ [плѣнныхъ] къ князю Прозоровскому, — а знаменъ 4 и въ презентъ *булдрытку* [?] и саблю изъ добычнаго въ Бендеры къ графу Петру Ивановичу Панину съ Павломъ Флоровичемъ [Головатымъ]».

Въ это время, какъ мы сказали выше, вся Турецкая армія, побитая дважды въ Бессарабіи, бѣжала за Дунай и Румянцовъ погнался за нею. Ханъ Крымскій съ небольшимъ остаткомъ свиты помчался по направленію къ Очакову, желая пробраться на полуостровъ. Главнокомандующій далъ знать о томъ Запорожцамъ, а кошевый приказалъ командиру низовой флотиліи усугубить свою осторожность и стараніе къ преслѣдованію столь важнаго гостя нашихъ степей. По этому случаю Данило Третьякъ изъ своей главной квартиры писалъ въ Сѣчь: «Я съ командою своею и старшинами къ устью Очаковскаго лиману, къ недопущенію чрезъ

лиманъ хана на Крымскую сторону дѣлать перепоны отправлялся, гдѣ подъ Кинбуромъ посыланною командою [что хана на Крымскую сторону еще не перепущено], Божьею помощью только у непріятеля провожаючаго въ Крымъ «ясыръ» Волоховъ, Жидовъ и Турковъ, мужеска- и женска пола 673 души отбито». [11-го Сентября 1770]. Въ другомъ рапортѣ, полученномъ въ Сѣчи 6 Октября, пишетъ Третьякъ судьѣ Николаю Тимофѣевичу: «21 Сентября отъ здѣшней команды партія на непріятельскія стороны посылана была подъ Кинбуръ, гдѣ помощію Божіею, счастіемъ же нашей милостивѣйшей Монархини и вельможности вашей, нашею партіею непріятельскую большую команду разбито; при якомъ разбитіи много съ непріятелей побито, а прочія непріятельскія партіи отъ храбрыхъ команды нашей поступокъ моремъ едва могли спастись, съ коихъ трехъ взято только для *явственнаго языка*, съ которыхъ одного г. кошовому атаману П. И. Калнишевскому, а двохъ въ третью армію къ Е. П. генералъ-поручику Максиму Васильевичу *Бергу* отправлено [1]] А зъ нашей стороны счастіемъ вельможности вашей убитыхъ ни единаго нѣтъ, ранено же одного Левушковскаго [куреня] козака». [26 Сентября 1770]. Но едва онъ успѣлъ отправить этотъ рапортъ, какъ получилъ вновь приказъ: послать сперва партію подъ Кинбурнъ, которая тотчасъ на лодкахъ съ полковымъ старшиною *Быстрицкимъ* отправлена, а послѣ и самому съ остальными козаками

[1]) Генералъ-поручикъ Магнусъ фонъ-Бергъ (козаками *Максимомъ* называемый), командовалъ третьею арміею, наблюдавшею со стороны сѣверныхъ степей Тавриды за движеніемъ Крымскихъ войскъ, запертыхъ, такъ сказать, въ полуостровѣ. Его квартира, какъ и въ 1769 г., была на р. Молочныя-Воды (Мелитоп. уѣзда).

на лодкахъ туды же поспѣшить, ибо не смотря на всѣ предосторожности, ханъ Крымскій изъ уроч. *Султановки* успѣлъ на Кинбурнскую сторону пробраться. Вотъ реляція объ этомъ новомъ подвигѣ Низовой пѣхоты: «25 Сентября съ цѣлою командою мы на Крымскомъ степу невдаль Кимбура съ перевезшимся съ Очакова въ Кимбуръ и бѣжавшимъ въ Крымъ ханомъ, имѣли сильную ружейную и пушечную баталію зъ рана до полудня и много зъ непріятелей и непріятельскихъ лошадей побито, а единого въ языкъ поймано. Зъ нашей же стороны одного въ смерть убито, а 6 ранено. При чемъ нашею командою въ добычь получено знаменъ 2, палицу сребромъ, а по частямъ и лазоремъ всю подъ позолотою оправлянную; знаковъ военныхъ 5, лошадей зъ вьюками до 100, да и прочихъ вещей и посудовъ много. Зъ которой добычи знаменъ 2, палицу, воинскіе знаки и взятый въ плѣнъ Татаринъ къ Е. В. г. кошевому отправленъ«. [«Съ Прогноевъ. 26 Сентября 1770»].

Это отважное, хотя и неудачное дѣло, въ которомъ мелкій отрядъ Запорожской пѣхоты съ самимъ ханомъ Крымскимъ [хотя Девлетъ-Гирей и Капланъ-Гирей были только тѣнью Крымъ-Гирея], столь восхитило Запорожское товариство, что войсковой судья отъ имени кошеваго и всего войска послалъ слѣдующую похвальную граммату «Данилѣ Третьяку съ полковниками и всѣми на *Низу* козаками»[1].

«Съ полученнаго нами въ 26 день Сентября Вашего

---

[1]) Съ Третьякомъ были полковники: *Тимошъ Сукуръ*, *Якимъ Величко*, полковые старшины: асаулъ *Семенъ Быстрицкій* и писарь *Михайло Шридель*.

рапорта, видимъ мы живые Ваши, предкамъ нашимъ подобные, въ разбитіи непріятеля подъ его городомъ Кимбуромъ къ конечной славѣ и въ потомные роды похвалѣ примѣры. Ревность ваша и усердіе къ умноженію войску Запорожскому Высочайшаго Е. И. В. благоволенія, — разбитіе сего и прошедшаго лѣта на морскихъ суднахъ, сего врага силъ, полученіе добычь и ясыра суть неоспоримыя тому доказательства и дѣлаютъ насъ немало къ Вамъ довольными. Почитая Васъ и съ компаніею [отрядомъ] вашею отъ бòльшаго до наименьшего за прямыхъ нашихъ собратьевъ и товарищество, рекомандуемъ и впредъ для посессіи противъ онаго наслѣднаго, нашему благочестивому отечеству злоненавистника, поражать его всегда съ твердымъ и крѣпкимъ духомъ. Себя жъ обязанныхъ считаемъ, гдѣ только надлежитъ взнесть къ вящшему Вамъ призрѣнію и чести, — чего предъ цѣлымъ войскомъ Вы справедливо достойны». [Октября 9. 1770 г.][1].

Между тѣмъ кошевой съ похода распорядился, чтобы побитымъ въ сраженіяхъ старшинамъ и козакамъ, коихъ было уже 51 чел., сдѣланъ былъ поимянный списокъ и отправленъ въ Сѣчь для отслуженія въ Покровской церкви соборной панихиды, чтобы имена ихъ на особой таблицѣ выставлены были для всеобщаго уваженія, а также, чтобы въ этомъ храмѣ и во всѣхъ Запорожскихъ церквяхъ были совершаемы и на будущее время годовыя поминовенія.

На счетъ отбитаго Третьякомъ *ясыра* сдѣлано

---

[1]) Этотъ документъ написанъ такъ несвязно и такъ много въ черновой бумагѣ перемѣнъ и поправокъ сдѣлано, что мы должны были его сократить и почти сложить на ново.

слѣдующее распоряженіе: «Волоховъ поселить въ Кодацкомъ вѣдомствѣ, [гдѣ они и составили особое селеніе, до сихъ поръ существующее подъ названіемъ *Волоскихъ хуторовъ*], а Евреевъ, если окрестятся, оставить въ предѣлахъ войска; тѣхъ же, кои не захотятъ оставить своей вѣры, оставить до выкупу въ Кодакахъ, а по полученіи отъ нихъ выкупу отправить въ крѣп. Св. Елисаветы». На счетъ Турокъ и Татаръ, какъ военноплѣнныхъ, до окончанія кампаніи распоряженіе не дѣлано.

По случаю приближенія осени Кошъ отправилъ въ Сѣчь больныхъ и раненыхъ подъ прикрытіемъ приличнаго конвоя и съ нимъ отослалъ и скотъ добытый у непріятеля, коего число составляло 3,000 слишкомъ головъ, со множествомъ возовъ, нагруженныхъ оружіемъ, сбруею и *багажемъ* непріятельскимъ.

Но въ то самое время, когда столь живо и богатырскими шагами Русская армія на всякомъ шагу поражала непріятеля, Русскій полководецъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ совершилъ дипломатическій подвигъ, едвали не стольже важный, по своимъ послѣдствіямъ, какъ битвы на Ларгѣ и Кагулѣ. Объ этомъ важномъ событіи разскажемъ здѣсь съ нѣкоторою подробностью.

Уже въ I-й части настоящаго труда нашего упомянули мы о состояніи и внутреннемъ составѣ ханства Крымскаго, присовокупивъ, что Ногайскія орды, на степяхъ Таврической и Херсонской губ., въ Буджакѣ и Таманскомъ округѣ [землѣ Черноморскаго войска] кочующія, были главною его силою въ военное время, ибо Татаръ Крымскихъ было очень мало и къ войнѣ уже они охоту потеряли. Эти орды были истинною

язвою Южной и Западной Россіи, производя въ теченіи 4-хъ столѣтій тѣ безконечные и страшные наѣзды и опустошенія, о которыхъ лѣтописцы Русскіе и Польскіе въ столь преувеличенномъ видѣ передали намъ повѣсть подъ именемъ нападеній «царя Прекопскаго». Въ древнія времена [въ XIV стол.] было ихъ, по сказанію самихъ Ногайцевъ до 300,000 семействъ, что впрочемъ слишкомъ много; но въ половинѣ XVIII стол. оставалось ихъ въ Европѣ до 15,000 семействъ или неболѣе 50,000 или 60,000 душъ обоего пола, раздѣленныхъ на 4 орды или лучше сказать 5 кочевьевъ: *Кубанское, Джамбуйлуцкое, Едичкульское, Едисанское* и *Буджакское*. Между племенами: Кубанской и Джамбуйлуцкой ордъ было много Киргизовъ; въ Буджацкихъ же аулахъ были остатки Едисанскихъ, Джамбулатскихъ, Орумбетскихъ и др. Татарскихъ колѣнъ. Съ Крымъ-Гиреемъ въ 1769 г. вооружились всѣ почти кочевья и выставили въ поле до 15,000 всадниковъ, къ которымъ присоединился отрядъ Некрасовцевъ или Игнатъ-козаковъ въ 500 чел. и сотни двѣ сейменовъ, большею частію Горцевъ: Черкесовъ и Кабардинцевъ, что составляло родъ гвардіи или тѣлохранителей. Эти Ногайцы, не смотря на отличныя имъ принадлежавшія земли и огромныя стада, подобно всѣмъ кочевымъ народамъ, были въ самой отвратительной нищетѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ казановъ Буджакскихъ, имѣвшихъ уже порядочную осѣдлость и хлѣбопашество. Эта нищета и безпредѣльная преданность Гиреямъ, коихъ считали прямыми потомками и преемниками Чингизъ-Хана, заставляли ихъ желать вѣчной войны наступательной, т. е. наѣздовъ и грабежа, и то тайкомъ, безъ

провозглашенія разрыва, ибо при малѣйшемъ сопротивленіи, послѣ десяти ружейныхъ выстрѣловъ, всѣ колчаны закидывались назадъ, всѣ пики бросались на землю, — и цѣлая толпа Ногаевъ опрометчиво бѣжала назадъ, часто не зная куда и, слѣдственно, часто попадаясь на встрѣчу другимъ отрядамъ, посланнымъ по ихъ же «тясьмѣ» для пресѣченія имъ обратнаго пути. Ихъ мурзы были въ самомъ явномъ презрѣніи у Татаръ и Крымскихъ и Ногайскихъ, и за исключеніемъ 2-хъ. 3-хъ родовъ ни чѣмъ не отличались отъ оборванной и нечистой громады цыганъ. Мы указали выше примѣры, что шанецъ Цыбулевскій съ 3-хъ аршиннымъ своимъ валомъ и какой то редутъ на Самарѣ, защищаемый 20 чел. Новороссійскихъ пикинеровъ, по цѣлымъ днямъ оборонялся отъ 1,000 и болѣе Ногайцевъ. Возмущеніе Едисанцевъ въ 1758 г. пробудило ненависть и недовѣріе къ нимъ Порты Оттоманской, которая, быть можетъ, истребила бы ихъ въ конецъ, еслибы не боялась Россіи, противъ которой эти орды составляли передовую и дешевую стражу. Уже дважды правительство Русское помышляло о преклоненіи ихъ на свою сторону или хотя безоружномъ неутралитетѣ, и оба раза это предпріятіе не удавалось, по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ. Въ первый разъ Запорожцы въ 1735 г. донесли Кіевскому генералъ-губернатору графу фонъ-Вейсбаху, что «Ногайцы въ высокой протекціи Е. И. В. быть желаютъ». Въ другой разъ хотѣли Ногайцы сами предаться Россіи [въ 1758 г.] во время владычества въ Крыму несчастнаго Халимъ-Гирея-Хана, когда интригами Крымъ-Гирея Едисанская и Буджакская орды, поднявъ бунтъ противъ Халимъ-Гирея, предали пламени

всю Бессарабію, а послѣ истребивъ взаимно свои кочевья, покорились съ тѣмъ, чтобы Крымъ-Гирей замѣнилъ его на ханствѣ. Тогда то они угрожали присланнымъ отъ Порты коммисарамъ, что если ихъ требованіе на счетъ Крымъ-Гирея не будетъ исполнено немедленно, то они всѣ перейдутъ Бугъ и предадутъ себя «подъ руку Е. И. В. Русской Монархини». Въ 1768 г. осенью главный командиръ Новороссійскаго края генералъ-аншефъ Воейковъ посылалъ Запорожскаго войсковаго толмача *Андрея Костантинова*, знавшаго близко многихъ Ногайскихъ мурзъ и старшинъ, въ кочевья Едисанской орды, особенно на Тилигулѣ и Куяльникахъ пребывавшія, чтобы преклонить ихъ на Россійскую сторону, но это дѣло не вдругъ увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ отъ страха Турецкихъ войскъ, значительно усиленныхъ тогда въ Бендерахъ, Очаковѣ и Аккерманѣ, а болѣе по причинѣ надежды Татаръ на возвращеніе изъ заточенія любимаго ихъ героя Крымъ-Гирея. Но безуспѣшный наѣздъ на Новосербскія села, внезапная смерть этого хана и страшное пораженіе Турецкой арміи въ Іюлѣ 1770 г. на р. Ларгѣ и въ Кагульской битвѣ, поколебали всю вѣру Ногайцевъ въ могущество и покровительство Порты. Осада же Бендеръ, во время которой Турки, бѣжавъ за Дунай, оставили ихъ однихъ въ Буджакѣ, указали несчастнымъ ордамъ все ихъ ничтожество и все безсиліе новаго хана, долженствовавшаго, какъ преступникъ, спасаться бѣгствомъ въ Крымъ, гдѣ его ждало немедленное низложеніе и изгнаніе.

Мудрый полководецъ и мужъ совѣта графъ Панинъ, предвидѣлъ все это и еще въ Октябрѣ 1769 г.

объяснивъ Кошу состояніе Ногайскихъ ордъ, изнуренныхъ войною и голодомъ, предложилъ ему услужить отечеству въ этомъ важномъ предпріятіи. «Какъ Запорожское войско, писалъ онъ Калнишевскому, имѣетъ въ себѣ разныхъ націй и языковъ людей, то несумнѣнно могутъ выбраться изъ онаго надежные и острые, съ знаніемъ Татарскаго и Турецкаго языковъ и всѣхъ жилищъ ихъ основанія и нравовъ, по сосѣдственному съ ними въ мирное время обращенію, то предъ Е. И. В. оказалобъ оно знаменитую услугу, еслибъ по 2 или 3 чел. послано въ Крымъ и Буджацкую орду, подъ видомъ дезертированія или подъ другимъ предлогомъ, съ тѣмъ, чтобы узнать настоящее Ногайской орды умовъ расположеніе и еслибъ примѣтили [какъ это уже извѣстно о Буджацкой ордѣ], что они въ крайнемъ на Порту неудовольствіи и негодованіи, то въ такомъ бы случаѣ оное негодованіе своими внушеніями увеличивали и увѣряли орды, что Россійская Монархиня никогда не желала съ Татарами воевать, что и настоящую войну не Россія, а Турція подняла, что наконецъ если они пришлютъ кого нибудь изъ своихъ начальниковъ къ главнокомандующему: съ изъявленіемъ покорности своей Россійскому скипетру, то не только будутъ немедленно отъ всякихъ непріятельскихъ дѣйствій спокойны, но и на всегда останутся освобожденными отъ Турецкаго ига во всей своей свободности и волѣ, особымъ народомъ, подъ особливыми собственными законами и управленіями», — какъ этому имѣютъ Татаре очевидныя свидѣтельства въ Калмыцкомъ народѣ въ настоящую войну покорившемуся». [12 Октября 1770 года].

На столь лестное приглашеніе кошевой почтительнымъ рапортомъ отъ 15 Октября отвѣчалъ, что войско отъ кампаніи и осенней непогоды крайне изнурено, лошади отъ эпидеміи погибли, хлѣба и фуража недостатокъ, — и наивно сознается, что «хотя въ войскѣ Запорожскомъ люди знающіе разные языки имѣются, однакъ по причинѣ нынѣшней опасности, сколько ни старался, но охотниковъ къ поѣздкѣ въ Крымъ и въ Буджакскую орду не отыскалъ». Но Кошъ предложилъ употребить къ тому *языковъ*, т. е. военно-плѣнныхъ, большею частью Ногайцевъ, которые охотно и безопасно для возвращенія свободы и спасенія жизни, служить въ этомъ дѣлѣ пожелаютъ.

Какъ поступилъ въ этомъ случаѣ графъ Панинъ, въ дѣлахъ Запорожскихъ не видно, знаемъ только что въ этой негоціяціи участвовалъ Запорожскій толмачъ и бывшій козакъ Константиновъ, родомъ Грекъ, хорошо знавшій Татарскій языкъ, и что это доброе предпріятіе увѣнчалось совершеннымъ успѣхомъ. Вскорѣ послѣ побѣдъ Румянцова на р. Ларгѣ, въ главную квартиру 2-й арміи, осаждавшей Бендеры, прибылъ 25 Іюля Ногаецъ, Едисанской орды старшина *Тинай-Ага* и привезъ письмо къ графу Панину, подписанное: *Джанъ-Мамбетъ-Мурзою*, изъ Буджакской и *Исламъ-Мурзою*, *Мамай-Мурзою*, *Тимуръ-Султанъ-Мурзою* и *Джаумъ-Хаджи-Мурзою* изъ Едисанской орды. Въ этомъ письмѣ, обѣ орды Ногайцевъ изъявляли готовность отторгнуться не только отъ Порты Оттоманской, но и отъ Крыма, лишь бы ихъ приняли подъ защиту Россійскаго престола и отъ бѣдствій войны были онѣ защищены. Графъ Панинъ принялъ благосклонно какъ письмо,

такъ и самаго посланца и потребовалъ, чтобы явились къ нему отъ обѣихъ ордъ знатнѣйшіе начальники, въ качествѣ депутатовъ и тогда онъ прекратитъ военныя противъ нихъ дѣйствія. Немедленно прибыли къ нему депутатами уполномоченные: 1] отъ Бессарабскихъ или Буджакскихъ Ногаевъ упомянутый выше начальникъ: *Ханъ-Мамбетъ-Бейнъ-Оглу-Джинъ-Мамбетъ-Мурза* и *Али-Мурзинъ-Оглу-Чебань-Мурза*; 2] отъ Едисанскихъ [всѣхъ колѣнъ: Кучурганскихъ, Куяльницкихъ, Березанскихъ и Буджакскихъ] *Мурза-Бей-Оглу-Мамбетъ* и *Сальманахъ-Оглу-Мехметъ*: 3] старшины [выборные]: *Хаджрутунъ. Хаджи* и *Курбанъ-Али-Кюнбаши* отъ Буджакскихъ Ногаевъ и *Тинай-Ага*, *Чабанъ-Ага* и *Мунай-Ага* отъ Едисанской орды. Съ заключенными на первый случай кондиціями они отправились въ орды для сообщенія оныхъ Ногайскому народу и собранія всѣхъ нужныхъ подписей. Ногайскія племена съ жаромъ приняли всѣ условія и первоначальный актъ примиренія былъ немедленно обѣими сторонами утвержденъ. *Отдѣльный* миръ немедленно былъ имъ обѣщанъ, на основаніи котораго вскорѣ и весь Буджакъ орды очистили, переправясь за Днѣстръ и на степяхъ Едисанскихъ отъ р. Царигола [Од. уѣз.] до Чернаго моря кочевьями расположились, ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Графъ Панинъ исполняя данное имъ обѣщаніе, 2-го Августа далъ слѣдующій ордеръ князю Прозоровскому:

«Въ слѣдствіе полученнаго мною, на мои письма [вѣроятно съ упомянутыми плѣнными Ногайцами посланныя] отъ знатнѣйшихъ Едисанскихъ и Аккерманскихъ мурзъ отзыва, В. С. наиприлежнѣйше рекомендую тотчасъ по полученіи сего, во всемъ вашему

предводительству порученномъ войскѣ найстрожайше запретить, чтобъ перешедшимъ за рѣку Днѣстръ и на лѣвомъ берегу оной между *Желтыхъ-Водъ* [Сары-гёлъ, т. е. Цариголъ] и моремъ расположившимся Ногайцамъ отнюдь никакого непріятельства не оказывать и поиска надъ онымъ не чинить, подъ опасеніемъ жесточайшаго штрафа. А еслибъ паче чаянія съ Ногайской стороны по переходѣ уже «Желтыхъ-Водъ», впадающихъ въ Днѣстръ, т. е. на правомъ берегу оныхъ, какой поискъ надъ форпостами подчиненныхъ вамъ войскъ, учиненъ быть имѣлъ нападеніемъ на оные, въ такомъ обстоятельствѣ надлежитъ достаточное дѣлать сопротивленіе, но и въ семъ послѣднемъ случаѣ крайнюю взять предосторожность, дабы отъ какого нибудь недоразумѣнія, непріятности воспослѣдовать не могли»...

Князь А. А. Прозоровскій сообщилъ этотъ ордеръ Кошу Запорожскому, который расположился было на устьѣ Тилигула для корма лошадей, а самъ поставилъ таборъ свой на Куяльникѣ [по срединѣ между козаками и Ногайцами] для точнаго исполненія приказаній главнокомандующаго.

Переговоры окончились успѣшно; два сряду письма 5 и 7 Августа, подписанныя — первое: подъ начальствомъ Джань-Мамбетъ-Мурзы, 28 Буджакскими и 24 Едисанскими мурзами, второе 10 знатнѣйшими Едисанскими и 11 Буджакскими мурзами. Къ нимъ присоединился наконецъ и самъ Буджакскій сераскиръ *Бахты-Гирей-Султанъ*, но вскорѣ ушелъ опять къ Туркамъ, а Ногайцы во всемъ наставляемые и предводимые благоразумнымъ и вѣрнымъ *Джанъ-Мамбетъ-Мурзою* Буджакскимъ, прислали вторую депутацію, составленную изъ

9 Мурзъ и старшинъ Буджацкихъ и 11 Мурзъ и старшинъ отъ Едисанскихъ Ногаевъ. Кромѣ того отъ всѣхъ колѣнъ съ подарками главнокомандующему прибылъ: *Султанъ - Али - Мурза*, *Калай - Мурза* и *Зеджетъ - Кемай-Мурза*. Взаимно графъ Панинъ въ знакъ дружбы и братскаго союза съ новыми соотечественниками отпустилъ имъ, по ихъ просьбѣ, изъ взятыхъ въ плѣнъ въ эту кампанію 809 Ногайцевъ об. пола.

Между тѣмъ зима приближалась и надобно было думать о помѣщеніи Ногайцевъ въ такомъ краѣ, гдѣ бы Турецкія деньги и лазутчики, особенно же полунищіе и праздные Румелійскіе султаны изъ рода Гиреевъ, не могли ихъ возмутить. Немедленно послѣ взятія Бендеръ и окончательнаго завоеванія Буджака, главнокомандующій распорядился о переходѣ Ногайцевъ не только за Бугъ, но даже и за Днѣпръ, дабы ихъ поставить между корпусомъ Берга и Запорожскими границами. По его ордеру князь Прозоровскій приказалъ Запорожскому Кошу, въ его командѣ бывшему, заготовить для переправы Ногайцевъ на Крымскую степь нужное число *дубовъ* и лодокъ подъ управленіемъ искусныхъ козаковъ. Находившійся въ этихъ кочевьяхъ для окончанія такъ называемой «Татарской негоціяціи», статскій совѣтникъ *Петръ Веселицкій* далъ знать, что по Высочайшей волѣ точкою для переправы Ногайцевъ на Крымскую сторону назначены «Кызыкерменскіе городки» [гдѣ нынѣ Бериславль]; что ордами управлять будетъ глава [названный владѣтелемъ] Буджацкой орды Джамъ-Мамбетъ-Мурза, что наконецъ для ихъ кочеванія назначены степи отъ лѣвой стороны Днѣпра до Калміуса и оттуда до рр. Верхней-Терси и Янчула,

слѣдственно самыя сѣверныя части нынѣшней Таврической губ. и Таганрогскаго градоначальства.

Со стороны Запорожья всѣ распоряженія немедленно были сдѣланы. Командиръ флотиліи, храбрый Данило Третьякъ съ 38 лодками и 2,000 козак. и полковникъ его пѣхоты Сукуръ съ 11 лодками или дубами и 165 козаками, съ 24 Октября по 7 Ноября, перевозили Ногайцевъ съ ихъ семействами и стадами, такъ что отъ непогоды и трудности, особенно при переправѣ скота, $^3/_4$ этихъ судовъ погибли. Кромѣ того приняты были мѣры для доставленія имъ нѣкотораго продовольствія, впрочемъ весьма грубаго, ибо Ногайцы, по словамъ Запорожцевъ, «довольствовались мертвою или вовсе негодною скотиною, волами, лошадьми и овцами». О томъ же писалъ кошевой своему намѣстнику въ Сѣчи, судьѣ Николаю Тимофѣевичу: «Татаре, переправившись чрезъ Днѣпръ, будутъ слѣдовать на Песчаный-Бродъ [Новомосковск. уѣзда Екатеринославской губ.] и на мостъ чрезъ Самарь. Прикажите жильцамъ, чтобъ они тамъ не много *поупрятались*, а имѣли-бъ для продажи они и Новоселичане всякія надобности и съѣстное; потому что сей народъ теперь голодный и голый, а зимовать они будутъ по Калміусу [3 Октября 1770]». Изъ переписки по сему предмету мы узнаемъ, что съ Джанъ-Мамбетъ-Беемъ перешло 11,794 души об. п. Ногайцевъ, и что, по его стараніямъ, вскорѣ и двѣ другія орды: Едичкульская, сосѣдственная прежде съ Запорожцами, и Джамбуйлуцкая, близъ Перекопа и по Сивашу кочевавшая, къ покорности Русскому престолу готовы были согласиться, что и случилось въ самомъ дѣлѣ. Весьма любопытно

письмо Едисанскаго главнаго начальника Эль-Гаджи-Джаумъ-Мурзы къ кошевому Калнишевскому, объ отправленіи въ орды своихъ промышленниковъ, для взаимнаго обмѣна и торговли. «Сей народъ [т. е. Ногайцы, пишетъ онъ] прежнимъ Ногайцамъ не подобенъ; прежніе Ногайцы въ повелѣніи и власти Крымскихъ хановъ были; сей же народъ съ повелѣнія вашей имперіи въ близкое новое сосѣдство пришелъ, и съ тобою дружба вѣчно быть должна»[1].

Между тѣмъ Императрица Екатерина, желая вознаградить войско Запорожское за труды и совершеные имъ въ эту кампанію полезные и храбрые военные подвиги, всемилостивѣйше пожаловала ему слѣдующую милостивую граммату:

«Нашему вѣрноподданному войска Запорожскаго кошевому Калнишевскому съ старшинами и всему войску.

«По Высочайшему Нашему Имянному Императорскаго Величества указу, за оказанные въ прошлую и нынѣшнюю кампанію отлично храбрые противу непріятеля поступки и особливое къ службѣ усердіе, Всемилостивѣйше пожаловали Мы Императорское Величество войска Запорожскаго кошеваго Калнишевскаго золотою медалью съ портретомъ Нашего Императорскаго Величества, осыпанною бриліантами, которая при семъ и посылается».

По Ея И. В-ва указу, генералъ-аншефъ, главнокомандующій второю арміею и разныхъ орденовъ кавалеръ, князь *Василій Долгорукій.*

Мошны, 5 Генваря 1771 г.

[1]) Съ оригинальнаго ярлыка переводилъ войсковый толмачъ Андрей Константиновъ. И подлинникъ и переводъ сохранились въ цѣлости.

Такой же милости и Монаршаго вниманія удостоились слѣдующіе старшины войска Запорожскаго:

Войсковый Обозный *Павелъ Головатый*.
» Писарь *Иванъ Глоба*.
» Хорунжій *Яковъ Качаловъ*.[1]].
» Асаулъ *Сидоръ Бѣлый*.
» Судья *Николай Тимофѣевъ* [Косапъ]
Войсковые бывшіе судьи *Иванъ Бурносъ*.
» » » *Андрей Носачъ*.
» » Асаулы: *Андрей Порохня*.
» » » *Андрей Лукьяновъ*.
» » » *Макаръ Нагай*.
Войсковые бывшіе Асаулы: *Софронъ Черный*.
» » » *Филиппъ Стягайло*.
» » » *Лукьянъ Великій*.
» » » *Алексѣй Черный*.
» » » *Василій Пишмичь*.
и полковый старшина *Проневичъ*.

Всѣ они награждены золотыми медалями — безъ алмазовъ — цѣною въ 30 червонцевъ, для ношенія на шеѣ на Андреевской лентѣ.

Эти почетныя медали торжественно въ Сѣчевой Покровской церкви, послѣ молебствія, въ присутствіи всего войска надѣты. Къ особенной тоже чести оно приписало себѣ и то пріятное для него событіе, что многіе изъ важнѣйшихъ генераловъ того времени, какъ-то:

---

[1]) Въ представленіи о наградѣ Качалова мы нашли слѣдующія замѣчательныя слова: «Хорунжій войсковый большой Всевысочайшей жалованной хоругви, Качаловъ, *по должности сего званія,* впереди къ непріятелю подъѣзжая, дѣйствовалъ и поступалъ съ неустрашимымъ мужествомъ и храбростію, не щадя живота и не закрывая лица своего».

графъ Петръ Панинъ и князъ А. А. Прозоровскій, даже знаменитый астрономъ *Эйлеръ*, сдѣлались козаками Запорожскими и въ курени были записаны. И не только они не считали этого для себя унизительнымъ, но даже лестнымъ и почти рыцарскимъ дѣломъ. Вотъ напримѣръ отвѣтъ графа Панина на избраніе его въ козаки Пашковскаго куреня.

«Избраніе и присоединеніе меня въ товариство ваше, знаменитаго издревле, такъ какъ и нынѣ, въ воинскихъ подвигахъ и вѣрности къ Е. И. В. Всемилостивѣйшей Гусударынѣ и Ея Всероссійскому скипетру, прославившагося Запорожскаго войска, принимая я особливымъ знакомъ вашего ко мнѣ, мои пріятели, усердія и удовольствія, въ нынѣшнемъ моемъ раздѣленіи, обще съ вами, военныхъ подвиговъ, противу непріятеля нашей Всемилостивѣйшей Государыни и Имперіи, — нахожу и собственное свое въ томъ удовольствіе, дабы быть товарищемъ вашего знаменитаго военнаго общества и способствовать своимъ усердіемъ ко всякому тому благосостоянію, которое происходитъ отъ истинныхъ добродѣтелей и отъ честныхъ и достойныхъ поведеній военныхъ, прославившихся заслугами своему скипетру, мужествомъ и храбрыми дѣйствіями людей. Въ чемъ, желаю, да благословляетъ и впредь Господь силъ и вседержитель всѣхъ обществъ, Вышній Творецъ, оружіе, вѣрность и добродѣтельныя намѣренія Запорожскаго войска»! [8 Ноября 1770].

Но къ вящшему сожалѣнію войска, этотъ истинный покровитель и защитникъ Запорожскаго края графъ Панинъ въ концѣ 1770 г. оставилъ армію и уѣхалъ въ Петербургъ, 14 Декабря с. г. въ послѣдній

разъ писалъ онъ кошевому, что Е. И. В., по его прошенію и по болѣзнямъ, отъ службы уволивъ, армію его поручила генералъ-аншефу князю Долгорукому; въ команду котораго и войско Низовое поступитъ.

11 Октября войско Запорожское сухопутное начало переправляться чрезъ Бугъ, чтобы возвращаться въ домы свои. 21 ч. было на Ингульцѣ, а 23 о своемъ прибытіи и торжественномъ въ Сѣчь вступленіи кошевой писалъ своему намѣстнику, войсковому судьѣ Николаю Тимофѣевичу:

«Я съ войскомъ и артиллеріею сей часъ отдохъ имѣю въ *Пришибѣ* [Херсон. уѣз.] въ Камянкѣ [рѣчкѣ] близъ зимовника *Третьяковаго*, а отсель въ Базавлукѣ ночевать, а въ Сѣчь о полудни послѣ уже службы Божіей завтрешній день, то есть въ недѣлю [воскресенье] прибыть намѣренъ. О чемъ вамъ чрезъ сіе пріятнѣйше увѣдомляемъ, съ тѣмъ, чтобы вы и прочіе съ службою Божіею, яко пріѣздъ будетъ о полдни, не ожидали. И какъ мы будемъ въѣздить въ городъ Сѣчь, въ первые загородніе ворота, то прикажите изъ пушекъ, на валу стоящихъ всѣхъ, зачавъ съ первой башни, что на *Гассанбашѣ* [1]] не скоро и порядочно стрѣльбу чинить; отъ той башни скрозь валомъ къ Куцовскому [2]], а отъ онаго къ Пашковскому, Деревянивскому [куренямъ] и гдѣ пушки стоятъ по раскатамъ. Чтожъ

---

[1]) Смотр. на планѣ Новой Сѣчи лит. СС. Гасанбашою называлась часть Сѣчи между *Уступомъ* или *Заливомъ* (портомъ) и Подпольною съ лѣвой стороны, гдѣ нынѣшняя часть с. Покровскаго до сихъ поръ именуется *Шамбашъ*; (по Запорожски *Гассанмбаша* называлась (*Самбашою*).

[2]) Кошевой Калнишевскій былъ изъ Куцовскаго куреня.

принадлежитъ до встрѣчи отъ васъ, атамановъ и войска, [оставленнаго въ Сѣчи], то мы сіе оставляемъ на разсужденіе и волю вашу... Мы слѣдоватымемъ чрезъ Базавлукъ на *Расколупино* или *Рубаново*, а оттоль чрезъ Солону на мостъ, гдѣ посланные отъ васъ могутъ насъ сыскать».

ГЛАВА III.

Запорожская кампанія 1771 года. Дунайцы. Афанасій Колпакъ.

Зимою съ 1770-го на 1771-й годъ, всѣ старанія Русскаго Правительства были обращены, кромѣ обыкновенныхъ заботъ къ охраненію занятаго уже края посредствомъ регулярныхъ войскъ и козачьихъ аванпостовъ, — къ опредѣленію жилищъ и обезоруженію Ногайцевъ. Уже мы упомянули выше, что вѣрный Мурза-Джамъ-Мамбетъ-Бей успѣлъ убѣдить и остальныя двѣ орды, въ сѣверныхъ степяхъ Тавриды кочевавшія, чтобъ онѣ отъ Порты отложились и Россійской державѣ предались. Въ это время устроена уже была новая пограничная линія крѣпостей, названная *Днѣпровскою*, [о которой нѣсколько словъ скажемъ ниже] и назначена границею Крымскаго ханства отъ Россіи, доселѣ весьма неопредѣленною въ натурѣ. Первымъ ея звѣномъ была *Александровская* кр. на Днѣпрѣ, противъ устья впадающей въ него рѣчки *Мокрой-Московки*, [что нынѣ уѣздный городъ Александровскъ, Екат. губ.], а послѣднимъ *Петровская* надъ самимъ Азовскимъ моремъ, вблизи устья рѣчки Берды. По этому-то рубежу,

вверхъ по степямъ нынѣшняго Александровскаго уѣзда до рр. Верхней-Терси и Янчула [или Ганчулы], расположены были временныя кочевья Ногаевъ, пока болѣе благопріятныя обстоятельства Крыма не дали потомъ возможности поставить ихъ не много дальше отъ Русской границы, ибо тогда еще эти Татарскія колѣна мало были извѣстны и считались витязями, подобными сподвижникамъ Чингисхана и Тамерлана.

Между тѣмъ въ самомъ Крыму произошли перемѣны: разбитый дважды на Ларгѣ и при Кагулѣ ханъ Крымскій, тайкомъ, съ небольшою свитою бѣжалъ чрезъ Очаковъ на Крымскую сторону, куда бы Запорожцы его и не пустили, если бы гарнизонъ Очаковскій не подалъ ему руку помощи. Но тамъ его ожидалъ фирманъ Порты о низложеніи его съ престола. Селимъ-Гирей III, жившій 7 лѣтъ въ заточеніи, въ своемъ Румелійскомъ чифликѣ, былъ призванъ на ханство. Онъ принялъ всѣ мѣры къ защитѣ, и по сказанію посыланныхъ въ Крымъ Запорожскихъ козаковъ, могъ призвать еще до 60,000 ч. Турокъ и Татаръ къ оружію; но какъ видно, и половины никогда не было подъ его бунчукомъ, а Турецкій флотъ, занятый графомъ Орловымъ-Чесменскимъ на архипелагѣ, не могъ подать ему существеннаго пособія. Побѣды Румянцова и Панина показали всю непрочность Турецкаго могущества и планъ кампаніи 1771 г., на этомъ основаніи составленный, былъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ и самыхъ удачныхъ.

Посыланные въ Орды и въ Крымъ лазутчики, особенно по причинѣ дозволенной было торговли, принесли вѣсти самыя благопріятныя для Русскаго оружія,

ибо хотя видно было еще сомнѣніе въ вѣрности колеблющагося всегда Ногайскаго народа, — въ самомъ даже полуостровѣ явно двѣ партіи раздѣляли Диванъ: одна желала мира во что бы ни было; другая, боясь Турокъ и любя ихъ деньги, требовала войны. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ и Ханъ-Селимъ-Гирей. — Вотъ что разсказывалъ кади [судья] второй части Едисанской орды, *Озу-Эфенди*, прибывшій въ Сѣчь съ письмомъ къ кошевому отъ одного изъ главныхъ мурзъ Едисанской орды, *Хаджи-Джаума*:

«Опредѣленный для окончанія переговоровъ Россіи съ Ногайцами, стат. сов. Петръ Веселицкій поручалъ ему, Озу-Эфенди, развѣдать старательно о намѣреніяхъ и состояніи Крымскаго народа; почему онъ нарочно въ Крымъ ѣздилъ и по прилежномъ разсмотрѣніи и распрашиваніи у знаемыхъ ему Ширинскихъ мурзъ [1]] освѣдомился, что Крымскій народъ въ намѣреніяхъ и мысляхъ своихъ раздѣленъ на двѣ части: первая состоитъ изъ служащихъ при ханскомъ дворѣ и другихъ чиновниковъ — и та держится Турецкой стороны. Другая партія Ширинскихъ мурзъ, которая больше клонится къ Россійской сторонѣ по примѣру Буджацкой и Едисанской ордъ, и такимъ образомъ, одна другую колебля, по очереди преодолѣваютъ безъ малѣйшей надежды на будущее. Отъ Турецкаго султана прибылъ въ Крымъ моремъ Калга-Султанъ, для

[1]) Крымскихъ мурзъ было очень много, но главнѣйшіе изъ нихъ 4 рода, т. е. Ширинскіе, Аргинскіе, Мансурскіе и Барынскіе (Барунскіе) мурзы, составляли Крымскую, такъ сказать, аристократію и извѣстны были подъ названіемъ *Дёртъ-Караджи* (четыре налога, т. е. четыре тягости для ханства). См. мою статью: *Занятіе Крыма въ 1783 году* въ Журн. Минист. Народ. Просв. 1841. № 4.

приведенія этого народа въ прежнее повиновеніе Турецкой Портѣ, на что имѣлъ онъ какъ отъ Порты, такъ и отъ новаго хана Селимъ-Гирея [бывшаго ханомъ въ 1765 году] указы, для прочтенія которыхъ весь Крымскій народъ [бывшій въ Бакчисараѣ] былъ собранъ, и по выслушаніи онаго Калга-Султанъ требовалъ на то отвѣта съ сильнымъ увѣщаніемъ, чтобы тому повиновенію народъ себя подвергъ. Но собраніе все довольное время сумнительнымъ казалось; а наконецъ отвѣтствовало, что оно «требуемаго отъ нихъ повиновенія обѣщать боится, ибо Россійскіе войска въ глазахъ; которымъ сопротивленіе чинить мы не въ силахъ, а отъ Порты никакихъ вспомогательныхъ войскъ ожидать нельзя». На что Калга-Султанъ объявилъ, что нынѣшній ханъ и весь его дворъ и съ ними вмѣстѣ сверженные Девлетъ-Гирей и Максудъ-Гирей ханъ съ своими свитами, [которые одни только изъ всѣхъ Гиреевъ остаются въ Македоніи] и даже 70,000 Турецкаго войска, въ возможной скорости, присоединятся для защиты Крыма; — но и на то получилъ онъ отъ собранія отвѣтъ, что «Крымскій народъ воевать отказывается, представляя живою для себя опасностію близость Россійскихъ войскъ, и покудова мнимая Турецкая помощь прибудетъ, мы подвергнемся явной гибели». Кромѣ того Озу-Эфенди присовокупилъ, что состояніе Крыма весьма безсильно и скудно; а сверхъ всего, недостатокъ продовольствія всѣмъ ихъ намѣреніямъ препятствуетъ. Пріуготовленій военныхъ, войискаго запасу и военныхъ орудій вовсе у нихъ нѣтъ и никакихъ военныхъ дѣйствій чинить не могутъ. Укрѣпленія Перекопскія стоятъ безъ починки; ровъ и валъ въ обоихъ концахъ, т. е.

отъ моря и Сиваша, почти совсѣмъ сравнялся съ землею, такъ что при послѣднемъ выступленіи Джамбуйлуцкой орды, она не шла на крѣпостныя ворота [что на самомъ рву], но куда хотѣла переправлялась чрезъ валъ и ровъ».

Между тѣмъ комендантъ Александровской крѣпости, бригадиръ *Фредерздорфъ* подалъ князю Долгорукому сомнѣніе на счетъ спокойствія недавно предавшихся Россіи ордъ Ногайскихъ, къ мурзамъ которыхъ отъ Калги-Султана изъ Крыма былъ посыланъ гонецъ; а потому до выступленія въ походъ князь требовалъ отъ Коша вѣрныхъ о томъ свѣдѣній. Посланный въ *Крымскую Каменку* [1], гдѣ производилась мѣновая торговля козаковъ съ Ногайцами, войсковый толмачъ Константиновъ, 10 Апрѣля тамъ отъ мурзы аула Единохты Теръ-Мембета и другихъ Татаръ слыхалъ, что изъ Крыма выступилъ за Перекопскую Линію Оръ-Бей [Султанъ изъ рода Гиреевъ, главнокомандующій въ Перекопскомъ кадылыкѣ и на Линіи], а съ нимъ изъ семи кадылыковъ, примѣрно до 5,000 чел.; что Едисанскихъ Татаръ, отправившихся въ Крымъ по купечеству, назадъ не отпускаютъ; что Оръ-Бей съ многими Ногайскими мурзами переписывается, и что Джамбуйлуцкая орда, перешедшая къ союзнымъ ордамъ зимою, помышляетъ уже объ измѣнѣ; что многіе изъ сихъ послѣднихъ ордъ мурзы въ Крымъ бѣгутъ. Такъ было вздумалъ поступить одинъ изъ первостепенныхъ мурзъ *Овутъ-Мурза*, собравшійся къ бѣгству въ Крымъ, но отъ того всегда намъ вѣрный союзникъ, Эль Хаджи-

[1]) *Крымендu-Базаръ*, «Крымскій-Базаръ» — это мѣстность нынѣшняго селенія *Малой-Знаменки*.

Джаумъ-Мурза удержалъ. Самаго «владѣтеля» Едисанскаго, т. е. главы ихъ орды, Джамъ-Мамбетъ-Бея, два брата въ Крымъ отосланы и одинъ изъ нихъ, Орумбетъ-Бей, тамъ и женился. Крымскій Калга-Султанъ съ своимъ войскомъ во всей готовности къ походу находится и скоро выступитъ; но ни хана, ни обѣщаннаго отъ Порты Турецкаго войска, еще нѣтъ въ Крыму. По слухамъ только извѣстно, что нѣсколько Турецкихъ военныхъ кораблей съ войсками слѣдуютъ изъ Анатоліи въ Кефу».

Всѣ эти свѣденія доказали крайнюю необходимость удаленія Ногайскихъ ордъ изъ Крымскаго сосѣдства; а потому правительство, ввѣривъ ихъ въ начальство и управленіе Джамъ-Мамбетъ-Бея, на вѣрность котораго можно было полагаться, перевело ихъ за Донъ на при-Кубанскія степи, гдѣ они дѣйствительно спокойно и въ полномъ повиновеніи оставались до 1783 года. Изъ одного весьма любопытнаго документа, писаннаго самими Ногайцами, въ 7-й день мѣсяца Реба'юль Эввель [въ Февралѣ 1796], видимъ, что этотъ достойный Татарскій мурза до конца своей жизни остался вѣренъ Россійскому Двору и благу своихъ собратій [1].

Кампанія 1771 года была одною изъ самыхъ блистательныхъ для Русскаго оружія. Румянцовъ съ главными силами продолжалъ рядъ своихъ побѣдъ за Дунаемъ; но мы увѣрены, что онѣ слишкомъ извѣстны всякому Русскому читателю, чтобы имѣть нужду въ новомъ и столь не искусномъ описаніи нашемъ. Мы

[1]) Этотъ документъ, въ числѣ другихъ къ этому времени относящихся, мы получили отъ дочери покойнаго *Константинови*, г-жи *В. А. Маркъ*.

считаемъ естественнѣе заняться безвѣстными подвигами Запорожскаго Низоваго войска, еще не имѣвшими ни лѣтописца ни историка, о которыхъ едва мелькомъ говорили современники и о которыхъ вскорѣ забыли потомки, оглушенные вѣстію о ихъ паденіи.

Еще зимою 1770—1771 годовъ, расписаны были служба и *посты* войску Запорожскому для охраненія ввѣренныхъ имъ позицій: одной между Гардомъ на Бугѣ и устьями или гирлами Днѣпра, другой — «на отводныхъ караулахъ», т. е. аванпостахъ по Ногайскому рубежу отъ Запорожья, по нынѣшней границѣ Екатеринославской губерніи отъ Таврической. На этомъ огромномъ пространствѣ въ 8-ми главныхъ точкахъ находились, судя по оффиціальному опредѣленію Коша, утвержденному княземъ Долгорукимъ]:

		чинов.	лошад.
1].	Главный «постный» командиръ войсковый старшина	1.	16.
2].	Полковниковъ	6.	48.
3].	Полковыхъ старшинъ: писарей и ассауловъ	14.	84.
4].	Козаковъ пароконныхъ . . .	1,510.	3,020.
5].	» пѣшихъ . . .	320.	—
6].	» служивыхъ при старшинахъ	69.	—
	Итого . .	1,910.	3,168.

Въ томъ же году, съ открытіемъ ранней весны, и слѣдственно сообщеній, выступилъ и главный отрядъ войска подъ командою самаго кошеваго, имѣвшаго слишкомъ 6,000 коннаго товариства и 12 пушекъ, и направленъ на ту же службу, что и въ предъидущей кампаніи. Но о его дѣйствіяхъ подробно говорить не

будемъ, — довольно знать, что кромѣ «подъѣздовъ», онъ имѣлъ три жаркія и достославныя дѣла съ непріятелемъ, большею частью близъ Очакова и Хаджибея: 24 Іюня, 15 Сентября и 9 Октября. Изъ числа плѣнныхъ, тогда добытыхъ, 50 отправлено въ Сѣчь, остальные въ главную квартиру. — За то упомянемъ здѣсь о другихъ подвигахъ, напомнившихъ Кошу о героической эпохѣ его рыцарскаго быта, когда «козацкая слава» была извѣстна, по словамъ ихъ пѣсень: «отъ моря до моря». Сожалѣемъ только, что объ нихъ и самыхъ любопытныхъ для потомства, не имѣемъ довольно точныхъ и подробныхъ свѣдѣній.

11. Марта 1771 года съ нарочнымъ курьеромъ получено въ Кошѣ изъ Петербурга письмо отъ генералъ-прокурора, князя А. А. Вяземскаго [отъ 28 Февраля т. г.], въ которомъ онъ по Высочайшей волѣ предлагалъ войску: «По причинѣ завоеванія въ послѣднюю кампанію многихъ Турецкихъ мѣстъ, настоитъ весьма удобный случай сдѣлать опытъ: не можно ли изъ Сѣчи Запорожской, мимо Очакова и Кинбурна, пройти лодками въ Черное море и оттуда въ Дунай или хотя до Аккермана. Какой опытъ не только много бы способствовалъ въ нынѣшнихъ военныхъ операціяхъ, но впредь будетъ и для самаго войска выгоднымъ. Какъ это предпріятіе сопряжено съ храбростію и мужествомъ, то тѣмъ болѣе Е. С. надѣется, что въ войскѣ Запорожскомъ, по извѣданной его храбрости и отважности, скорѣе найдутся люди, которые за это дѣло возмутся и удачнѣе могутъ исполнить, тѣмъ надежнѣе, что какъ всѣ мѣста по Днѣпру и самое онаго теченіе имъ въ точности извѣстны, такъ и разстояніе между

Очаковомъ и Кинбурномъ столь велико, что съ крѣпостей препятствія въ проходѣ сдѣлать никакъ не можно. Потому князь Вяземскій поручаетъ Кошу, отыскавъ способныхъ къ тому и охотныхъ людей, снарядить и отправить ихъ на лодкахъ, придавъ на всякую лодку по одному писарю, который бы могъ во время пути ихъ записывать поденно всѣ случавшіяся съ ними приключенія, какъ то: вѣтры, сильны ли оные были или тихи? съ которой стороны дули? Часто ли перемѣнялись? Въ какомъ по видимому разстояніи между крѣпостей проходили? какая тутъ глубина воды была? Проходя крѣпости, далеко ли отъ берега плыли и какою, ежели можно извѣдать, глубиною? а если близко береговъ сіи лодки пойдутъ, то записывать же и берега, гдѣ оные круты, а потому близко-ль оныхъ стоятъ глуби, гдѣ отмѣли или кóсы и какъ далеки въ море? Гдѣ есть глубокіе *заводы*, гдѣ по берегамъ и какія селенія, города и деревни? гдѣ тѣ лодки ночлегъ имѣли, съ какою выгодою и съ какими предосторожностями, и не было ли на нихъ какого покушенія и чѣмъ оное отвращено»? Князь Вяземскій просилъ приказать: по прибытіи лодокъ въ Аккерманъ или Килію, писарямъ оныхъ съ ихъ журналами, оставя козаковъ и старшину при лодкахъ, самимъ на почтовыхъ прибыть въ Петербургъ и явиться къ нему. Онъ увѣряетъ войско «что упомянутый подвигъ не только будетъ новымъ доказательствомъ его мужества и послужитъ къ вящшей его славѣ, но еще пріятенъ будетъ Ея И. В-ву, да и самому войску со временемъ принесетъ пользу. Въ поощреніе же козаковъ Е. И. В. угодно было пожаловать съ своей стороны: тѣмъ которые съ первою лодкою

пройдутъ, 1,000 руб., съ другою 500 руб., а остальнымъ по 300 р. награжденія на всякую, — сколько ихъ будетъ въ экспедиціи. Буде же по причинѣ какихъ нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, — чего однакожъ воображать не можно, — мимо Кинбурна и Очакова этимъ лодкамъ пройти нельзя было, то для извѣстія прислать къ Е. С. того старшину, который на флотиліи будетъ командиромъ».

Кошевой, на столь лестное для войска порученіе, съ согласія старшины и товариства, отвѣчалъ генералъ-прокурору, какъ слѣдовало храброму козачеству, — что «такихъ охотниковъ въ Сѣчи довольно; что хотя многія лодки осеннею погодою во время транспорта Ногайцевъ на Крымскую сторону, а также въ военныхъ поискахъ подъ Кинбурномъ, побиты и чинятся близъ Сѣчи или въ Никитинѣ, но что войско, по усердію своему, до 20 лодокъ легко снарядить можетъ, на которыхъ по 1 пушкѣ и 50 козаковъ съ запасомъ съѣстнымъ и боевымъ на 3 мѣсяца помѣстить можно, что и составитъ отрядъ въ 1,000 человѣкъ охотнаго товариства. Что для поддержанія этой экспедиціи въ Днѣпровскихъ гирлахъ и близъ Кинбурна, пошлется другая 1,000-я команда; но Кошъ просилъ поспѣшить доставкою изъ казенныхъ магазиновъ готовыхъ сухарей, ибо такимъ людямъ на лодкахъ пищи варить уже не можно будетъ, дабы огнемъ не привлечь вниманія непріятельскаго».

Для командованія этою важною экспедиціею, въ общей войсковой радѣ, 11-го Апрѣля бывшей, избранъ полковникъ пѣхотной команды *Яковъ Сидловскій* «яко человѣкъ заслуженный и по этой части извѣстный,»

и онъ на 19 лодкахъ, 16 числа Апрѣля 1771 года, въ путь отправился. О службѣ его команды мы нашли одинъ только, но весьма любопытный, документъ — это формальный отчетъ Кошу отъ 24 Сентября тогоже года.

«Журналъ 1771 года сентября 19-го учиненный, гдѣ я съ командою былъ и въ кого подъ командою и въ какомъ мѣстѣ:

«1771 года маія 29 изъ города Аккермана съ командою войшелъ въ усть Дуная; въ Килію мѣсяца Іюня 2 числа прибылъ, гдѣ имѣлъ роздохъ дней съ четыре. Послѣ онаго роздоху получилъ я отъ г. генералъ-маіора и разныхъ орденовъ кавалера фонъ-Вейсмана письменный приказъ о скоромъ слѣдованіи въ мѣстечко Измаилъ.

«Въ Измаилъ прибылъ я съ командою Іюня 8 и находился въ точной его г. генералъ маіора фонъ Вейсмана командѣ. Того-жъ мѣсяца со всѣмъ корпусомъ означенный генералъ фонъ Вейсманъ, въ томъ и я съ командою, на ту сторону Дуная, въ мѣстечко Тульчу выступилъ, гдѣ имѣли сраженіе съ непріятелемъ, гдѣ убито генералъ-маіора и кавалера Григорія Ивановича Черешникова, команды моей козаковъ убито въ смерть 7, ранено тяжело и легко 15. Въ добычу получили съ подъ оного мѣстечка Тульчи, какъ регулярнымъ вой скамъ, такъ и козаками кораблей большихъ военныхъ 4, галеръ, бакчебасовъ и полубакчебасовъ, тоже военныхъ, до немалаго числа.

«Послѣ оной экспедиціи ежедневно въ разъѣздъ ходили по рѣкѣ Дунаю, въ коемъ разъѣздѣ случались и непріятельскіе разъѣзды и имѣли съ ними частыя перепалки, только безъ всякаго урону возвращались.

«Іюля 20 кабардинскаго пѣхотнаго полка полковника Пличника вышеупомянутый генералъ Вейсманъ съ 4 баталіонами гренадеръ и зо всею моею командою, на нашихъ самихъ лоткахъ, посылалъ на усть Дуная, къ морю, для взятія при селеніяхъ раскольническихъ турецкой батереи и сожженія тѣхъ селеній; что тамо все удачнѣ исполнено. Команды моей козаковъ убито 2, ранено тяжело и легко 5.

«Потомъ вышсозначенный генералъ-маіоръ фонъ Вейсманъ, получа отъ его графскаго сіятельства, генералъ-фельдмаршала графа Румянцова ордеръ: объ опредѣленіи къ командѣ моей московскаго карабинернаго полка г. подполковника *А. Я. Якубовича* и ротмистра *М. Я. Сахновскаго*, главными командирами надо мною и козаками, съ оными Іюля 26 дня, изъ мѣстечка Измаила выступили, для препровожденія отправленныхъ изъ Измаила 5 галеръ въ гору Дуная, на коихъ былъ морскаго флота 1-го ранга капитанъ *Ив. Ив. Нагаткинъ* и какъ надъ тѣми галерами, такъ подполковникомъ Якубовичемъ и мною, главнымъ командиромъ былъ. И прибыли въ мѣстечко Галацы Августа 1. Получа подполковникъ Якубовичъ отъ графа ордеръ: о слѣдованіи мнѣ и ему съ нами въ г. Браиловъ, въ г. Браиловъ прибылъ августа 6. По прибытіи въ оной городъ, получа вышеписанный капитанъ Нагаткинъ отъ его графскаго сіятельства ордеръ объ оставленіи мене тамъ при ономъ городи, для разъѣзду и пресѣченія непріятелю комуникаціи, 6 моего вѣденія лодокъ, а самому съ 13 лодками слѣдовать въ команду г. генералъ-квартирмейстра фонъ Бавра, въ его корпусъ, состоящій надъ рѣкою Яловицею, гдѣ и по сію пору нахожусь. По

сему я въ Браиловѣ и оставилъ 6 лодокъ, а самъ съ подполковникомъ и ротмистромъ въ корпусъ 9 августа прибылъ.

«Тогожъ августа 10-го г. генералъ-квартирмейстеръ фонъ Бавръ, взявъ 2 лодки нашихъ и нѣсколько маленькихъ байдаковъ, рекогносцеровалъ на той сторонѣ Дуная городъ Гирсовъ, однако состоящій на островѣ неприятельской бекетъ близко подъѣхать не допустилъ; и такъ оной генералъ возвратился назадъ, приказавъ г. подполковнику Якубовичу взять всѣ 12 лодки, збить оной бекетъ и тамошнее селеніе на островѣ сожечь. По якому повеленію все козаками исполнено.

«19 августа посыланы отъ оного генерала съ подполковникомъ Якубовичемъ, всѣми 13 лодками, вверхъ по Дунаю въ разъѣздъ, въ которомъ разъѣздѣ будучіи, на непріятельскія 2 судна напали и оныя отбили, а супротивлявшихся турокъ до немало побили, а 6 человѣкъ въ плѣнъ взяли и благополучно возвратились, безъ потерянія и едного козака.

«26 онаго-же мѣсяца посыланы были тоже съ подполковникомъ и ротмистромъ [Сахновскимъ] отъ генерала Бавра, что бы подъ самымъ непріятельскимъ городомъ Гирсовомъ и батареями, въ гавани суда забрать, но отъ великихъ изъ города батарей и судовъ, пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, и сколько ни усиливались часовъ до 4-хъ, взять не могли и возвратились обратно безъ малѣйшаго вреда.

«4-го сентября я безъ подполковника, съ самими козаками посыланъ на низъ рѣки Дуная, на состоящій подъ мѣстечкомъ Дуянъ [Девно], на той сторонѣ, непріятельскій бекетъ, кой велено мнѣ разбить и оное

село разорить, что по милости Божей съ козаками я учинилъ, оной бекетъ разбилъ, въ плѣнъ едного Агу, кой назвалъ себя Бимъ-пашею, съ другимъ туркомъ, и 6 турецкихъ, при томъ бекетѣ находившихся знаменъ взявъ, съ немалою добычею на свое мѣсто повернулись. При томъ же сраженіи убито въ смерть 4, тяжко и легко ранено 28 козаковъ. Тѣжъ добытые знамена и турка отдалъ генералу Бавру, за что онъ всему Запорожскому войску благодарилъ, и обѣщался о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ и графу [Румянцову] и Государынѣ писать и рекомендовать.

«Тогожъ мѣсяца 16 числа посыланъ я съ командою и при командѣ моей Венгерскаго гусарскаго [1] полка капитанъ баронъ Эренбергъ въ гору Дуная, подъ непріятельское село, прозываемое Черноводы, что-бы оное разорить и жечь; то я съ капитаномъ и со всею командою оное село разграбилъ и всего изжегъ, и возвратился благополучно.

«Оставшіеся по ордеру графа Румянцова въ Браиловѣ 6 лодокъ на посту что издѣлали, значится подъ симъ:

«Августа 11 дня, съ опредѣленнымъ къ нимъ командиромъ секундъ-маіоромъ Беличемъ, ходили они подъ неприятельскій берегъ въ разъѣздъ, гдѣ напавъ на 2 судины турецкіе разбили, а 9 турокъ въ плѣнъ взяли и до немало багажу, возвратились; при томъ нападеніи убито козаковъ въ смерть 2, ранено тяжело и легко 5.

«20 августа съ тѣмъ-же маіоромъ Беличемъ ходили на низъ рѣки Дуная въ разъѣздъ и подъ неприятельскимъ берегомъ встрѣтились имъ 6 турецкихъ

[1]) Изъ Новороссійскихъ поселенныхъ полковъ.

военныхъ галеръ и бакчебасовъ, тожъ военныхъ 2, на кои напали и отбили отъ турокъ тіи судна и на оныхъ 26 пушокъ и мѣлкихъ судовъ до немалаго числа. Кои судно и пушки въ Браиловѣ и по ся поры. Съ козаковъ-же не убито и не ранено ни едного. Турокъ 3 человѣка взято.

«Оные 6 судовъ теперъ стоять съ войскомъ на рѣкѣ Дунаѣ противъ города турецкаго, прозываемаго Мечина [Мачинъ] на бекетѣ и имѣли съ непріятелемъ дважды сраженіе, съ козаковъ-же ранено 1, убито въ смерть 1.».

Полковникъ Сидловскій, окончивъ свой журналъ и рапортъ, на записочкѣ [картелюшкѣ], пишетъ по дружески г. Кошевому:

«Вельможности вашей отъ меня и отъ всей команды въ поклонъ съ добутыхъ на той сторонѣ Дуная вещей: шаблю, подъ серебромъ ножни, попередникъ конскій съ серебренными ручками; пану писарю войсковому Ив. Я. Глобѣ часы карманные, тоже тамо добуты, серебренные, чрезъ атамана поповичевскаго [куреня]. *Петра Мовчана* посылаю.»

За службу козаковъ Запорожскихъ въ компанію 1771 года войско удостоилось слѣдующей монаршей грамоты [1].

«Божіею милостію Мы Екатерина вторая, императрица и самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

«Нашего Императорскаго Величества подданому

---

[1]) Грамота списана съ копіи и формально засвидѣтельствовано слѣдующимъ образомъ: «съ оригинальнаго сводилъ войсковой канцеляристъ Демко Ромаревъ; перекопіевана Марта 25, 1772 г.»

низоваго войска Запорожскаго кошевому Атаману и всему войску Запорожскому, Наше Императорскаго Величества милостивое слово.

«Предводительствующій второю Нашею арміею генералъ-аншефъ-князь Долгоруковъ, доношеніями своими засвидѣтельствовалъ Намъ, что во всю прошедшую кампанію отъ подданнаго Нашего низоваго войска Запорожскаго по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оное по распоряженіямъ его находилось и упражнено было, возложенная служба исправляема была съ ревностію и возможнымъ прилѣжаніемъ. Мы будучи всегда полезнаго мнѣнія одолжномъ къ Намъ и къ службѣ Нашей усердіи низоваго войска Запорожскаго, стѣмъ болшимъ удовольствіемъ приемлемъ сіе подверждение, чемъ сходственное тому Наше было и собственное ожиданіе, и поелику и случай получаемъ предявить сему мужественному и ревности къ вѣрѣ и отечеству преисполненному, войску монаршее Наше благоволеніе за подъятые имъ подвиги, основаныя на сугубой должности вѣрнаго подданства и благочестия. Такимъ, образомъ всемилостивѣйше Мы, похваляя сею Нашею императорскою грамотою, помянутое низовое войско Запорожское, совершенно надѣемся, коимъ образомъ оное продолжать службу свою будетъ къ Намъ и къ Нашей имперіи вѣрно, рачительно и мужественно и впредъ, какъ при настоящей противъ врага креста Господня войнѣ, пока въ миръ твердой и полезной не преобратимся, такъ и во всякое время, къ чему когда употреблено быть можетъ и всегда съ точностію по тѣмъ повелѣніямъ поступать имѣетъ, кои даванны будуть отъ Насъ и Нашимъ высочайшимъ имянемъ отъ начальниковъ, довѣренности Нашей удостоенныхъ.

Между тѣмъ и монаршая Наша милость и призрѣніе ксему Нашему подданному войску не только продолжаемы, но, по мѣрѣ оказываемыхъ отъ оного услугъ, и усугубляеми будутъ.

«Пребываемъ Мы нынѣ къ вамъ кошевому Атаману и всему войску благонамѣренны и благосклонны. Дано вь Санктъ-Петербургѣ февраля 22 дня 1772 года».

Оригинальная собственною ея Императорскаго Величества рукою подписана тако:

«Екатерина».

Вѣроятно экспедиція «Дунайцевъ» 1771 была вполнѣ удовлетворительна, ибо находимъ въ архивѣ нѣсколько документовъ о походѣ такой же «лодочной» команды и въ 1772 г. По этому случаю князь Вяземскій вторично писалъ къ кошевому:

Государь мой Петръ Ивановичъ.

«Имѣю честь сообщить вамъ, государь мой, высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе, дабы сею наступающею весною, при первомъ удобномъ случаѣ, отправить такимъ же образомъ, какъ и въ прошедшемъ году было, на лодкахъ въ Черное море до Дуная, изъ Запорожскаго войска козаковъ, ежели можно двѣ тысячи человѣкъ. Когда-же за какимъ обстоятельствомъ такого числа отправить будетъ не возможно, то по крайней мѣрѣ не менѣе тысячи человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ по пріѣздѣ они въ Дунай, явились тамо у адмирала Нолиса. И хотя я не сумнѣваюсь, что-бы въ произведеніи сей экспедиціи въ дѣйство, могли произойти съ стороны войска Запорожскаго какія либо затрудненіи; однакожъ поелику не всѣ извѣстны здѣсь

могутъ быть настоящіе обстоятельства, то я и прошу васъ, государя моего, съ симъ посланнымъ немедленно меня увѣдомить: къ которому времени и въ какомъ числѣ сіе предприятіе въ дѣйство произвесть надѣетесь? А дабы въ приуготовленіи судовъ и всего потребнаго не было вамъ остановокъ, то Ея Императорское Величество всемилостивѣйше жалуетъ войску Запорожскому на сіе приуготовленіе, естьли отправлено будетъ двѣ тысячи человѣкъ, то десять тысячъ рублей, и половинна число нынѣ-же при семъ къ вамъ и посылаю, а достальные, по мѣрѣ вашего отправленія, по полученіи о томъ отъ васъ извѣстія, немедленно перешлю съ тѣмъ всемилостивѣйшимъ Ея Величества повелѣніемъ, что сверхъ сего отправляющіеся получатъ тоже самое награжденіе по прибытія въ Дунай, какое получили дошедшія войска Запорожскаго лодки въ прошломъ 1771 году. Стараніе ваше и прилѣжность въ семъ случаѣ, а болѣе точное онаго исполненіе докажетъ собственно ваше и всего войска Запорожскаго къ службѣ Ея Императорскаго Величества отличное усердіе и вѣрность, себѣ-же пріобрѣтеніе тѣмъ незабвенную славу. Въ протчемъ ожидая на сіе благосклоннаго вашего увѣдомленія, съ искренимъ усердіемъ пребываю вашъ, государя моего, покорный слуга

Князь Александръ Вяземскій.

Февраля 17 дня 1772 года.

Получивъ столь лѣстный ордеръ государыни, Кошевой донесъ о томъ главнокомандующему князю В. М. Долгорукову и просилъ отпустить на лодочную команду 40 фальконетовъ[1]] и нужное количество сухарей,

[1]) Фальконеты (fauconnaux) небольшаго калибра, длинныя пушки.

такъ какъ на лодкахъ, въ походѣ на морѣ и рѣкахъ, самимъ печь хлѣба невозможно. Собравъ-же на сходку 17-го апрѣля 1771 года старшину и куренныхъ атамановъ, 5,000 р. войску дарованныхъ раздѣлилъ по 100 руб. на всякій курень, всего 3800 руб., а изъ остальныхъ «за деготъ заплочено 240 руб., а 960 руб. положено въ скарбъ войсковій, для артиллерійскихъ и протчихъ надобностей! [1]].

Въ отвѣтѣ своемъ князь Долгоруковъ [12 Марта 1772 года] пишетъ, что на счетъ фальконетовъ, пороху и пр. распоряженіе имъ уже сдѣлано.

Въ эту вторую экспедицію «Дунайцевъ» избранъ былъ командиромъ «лодочнаго» отряда полковникъ *Мандро*, а пѣшую команду, для провода до «самаго моря» и защиты въ случаѣ нападенія непріятеля назначенъ полковникъ *Ладо*. Мандро замѣнилъ подвизавшагося въ прошедшемъ году Сидловскаго который отъ ранъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Полковникъ Ладо провелъ благополучно лодочниковъ до оконечности Днѣпровскаго лимана, и тамъ «по близу Кинбурна чрезъ всю ночь его :команды стояли и пальбы съ Очакова и съ города и судовъ [Турецкихъ] не слыхали».

Полковникъ Мандро, отплылъ 5 Маія, а 23 Іюня доносилъ уже Кошу о своихъ похожденіяхъ слѣдующее:

«Исполняя я данное вашей вельможностью, при выкомандированіи меня въ Черное море, даже до Дуная, повелѣніе, съ командою, съ 7 противъ 8 прошлаго маія, мимо крѣпости Очаковской и Кинбурнской

---

[1]) Замѣтить кстати, что деньги на курени получали *кухари*, т. е. повара куренные; вѣроятно они были, по обычаю, и интендантами своихъ куреней.

прошелъ благополучно, а маршируючи онымъ моремъ, первую имѣли пристань при Аджибеѣ[1] гдѣ простоявши до полтора дня, приняли путь даже до Акермана, и отъ сихъ обоихъ мѣсть мая 20 ч. съ Акермана даже до Дунайскаго гирла какъ послѣдовали, то несчастливою фортуною, отъ послѣдовавшаго морскаго немалаго вѣтру, 2 лотки куреней Каневскаго и Вышестеблевскаго, при косѣ противъ Татаръ-Пунарѣ[2] лежачой, въ мелкіе части побило и все въ ономъ козачье имѣніе потонуло, и съ тѣхъ лодокъ 3 козака Батуринскаго куреня втонуло. При которой косѣ мы простояли дней до 5, ожидаючи утишенія погоды. Но сколько не ожидали той тишини, токмо оной не дождавъ, въ Дунай даже до Исмаила прибыли. Откуда въ 28 день мая, по повелѣнію в. в., писарь нашъ Потаненко къ Е. П. г. адмиралу Нольсу, кой находился въ Яссахъ, съ представленіемъ, какъ о прибытіи нашемъ такъ и послѣдовавшей вышеписанной фортунѣ, былъ отправленъ. По которому представленію былъ полученъ мною отъ Е. П. приказъ съ обнадеживаніемъ удовольствовать Высочайшею грамотою за проходъ мимо крѣпостей Очаковской и Кинбурнской и за платою за потопленныя въ морѣ вещи награжденіе, что все нами и получено».

Въ это время начались было переговоры съ турецкими военными властями и даже были надежды на перемиріе; по этому случаю полковникъ Мандро 29 іюня доноситъ Кошевому, что онъ состоитъ отъ города Смайлова [Измаила] верстъ за 8, при урочищѣ

---

[1]) Хаджибейскій замокъ, нынѣ Одесса.

[2]) С. Татаръ-Пунаръ, Акерман. уѣздъ, въ Бессарабской губ., на устьи рѣчки Кагильникъ въ Дунай.

Яссенѣ, и не имѣлъ еще никакого извѣстія, каково будетъ предпріятіе, только часто требуется съ команды его лодокъ и козаковъ, для посылки по разнымъ экспедиціямъ.

Видно служба козаковъ на этихъ водахъ была довольно тяжела, ибо изъ команды «Дунайцевъ» посланъ былъ списокъ для поминовенія въ сѣчевой церкви, въ которомъ показано, что изъ ихъ отряда было: 26 убитыхъ въ бою и 74 умершихъ отъ ранъ и болѣзней.

Вскорѣ полученъ былъ отъ главнокомандующаго ордеръ, чтобы козаки съ лодками оставались на мѣстѣ стоянки, до дальнѣйшаго распоряженія.

Замѣтимъ мимоходомъ, что вѣроятно и въ давно прошедшее время гг. генералъ-интенданты были столь-же любезны къ солдату, какъ и въ минувшія компаніи 1850 и 1870 годовъ. Начальникъ лодочнаго отряда дѣйствовавшаго столь усердно, по волѣ самой великой Государыни, восхваляемый за усердіе гр. Румянцевымъ и княземъ Долгорукимъ [1], попалъ на время отсутствія адмирала Нольса [въ іюнѣ 1772 г.] въ команду оберъ-интенданта *Мих. Ил. Рябинина*. На просьбу козаковъ помочь имъ въ починкѣ потерпѣвшихъ въ бурѣ лодокъ, или пріобрѣтеніи новыхъ «постоянно проволучая, отвѣтилъ наконецъ: что козаки пришли сюда уже не подъ военное время и врядъ ли въ нихъ надобность предлежать будетъ».

Не такъ думало настоящее военное начальство, — ближайшій командиръ лодочнаго отряда, полковникъ Якубовичъ; вотъ часть его письма къ кошевому, отъ 25 октября 1772 года изъ Измаила.

---

[1]) См. ниже ордеръ Румянцева отъ 3 октября 1773 года.

«Честь имѣя сверхъ регулярныхъ войскъ, Запорожскими, прибывшими сюда на судахъ, козаками командовать, усматривая въ тѣхъ военныхъ дѣйствъ операціяхъ, въ экспедиціяхъ важныхъ прошлаго года за Дунаемъ: подъ Тульчею, Мачиномъ, Гирсовомъ, Силистрою и другими турецкими городами и мѣстечками, достохвальные, храбрые ихъ дѣла, довольно тогда-же высокоповелительному г. генералъ-фельдмаршалу рекомендовалъ, почему каждый изъ нихъ, кромѣ другихъ награжденій и авантажа, и «портреты» Ея Императорскаго Величества на медаляхъ получали».

Козаки съ лодками оставались неотлучно при 1-й арміи, какъ видно изъ рапортовъ новаго ихъ командира, полковника *Ивана Дуплича*, отъ 14 октября и 8 ноября. «Нахожусь я, пишетъ онъ, съ командою противу города Силистріи при урочищѣ Шихпрешли, [?] въ командѣ г. ген.-маіора и кав. Григорія Александровича Потемкина, гдѣ и повелено пріостановиться всей арміи и не производить военнаго дѣйствія до скончанія предбудучого 1773 года марта 9 числа перемирія, порядочно и благополучно».

Мы уже упоминали въ книгѣ нашей [1] о бывшей тогда модѣ или прихоти русской знати и даже простыхъ военныхъ людей записываться въ козачество Запорожское «товарищами» по избраннымъ куренямъ. Вотъ полковникъ Дупличь въ письмѣ отъ 8 ноября 1771 года проситъ о зачисленіи въ козаки: «черкесскаго князя Капитанова, Кизлярскаго Терекскаго войска: Ивана и Петра *Григорей*, поручика греческой націи *Маргарита Арнаутскаго* и донскаго полковника *Михаила Агеева*»,

[1]) Исторія Новой Сѣчи, ч. I, стр. 96—97.

такъ какъ они «очень честные люди», наивно свидѣтельствуетъ нашъ полковникъ.

II.

Но вотъ перемиріе кончилось, война съ турками возобновлена, и «Дунайцы», участвуя въ ней, потеряли уже много своихъ братій и въ томъ числѣ полковника Дуплича, умершаго отъ ранъ. На мѣсто его въ Кошѣ обществомъ избранъ атаманъ Дядьковскаго куреня *Кондратъ Гукъ.* Здѣсь узнаемъ мы, какъ древнее «братство» куренное до самаго конца свято уважалось въ войскѣ. Полковникъ Мандро въ августѣ 1773 года просилъ, чтобы козаки вновь прибывшіе — вѣроятно на мѣсто 120 умершихъ и убитыхъ, — непремѣнно распредѣлилось «куренями», ибо таковое желаніе всей лодочной команды».

Первое и весьма тяжкое дѣло имѣли козаки въ іюнѣ 1773 г., какъ видно изъ донесенія Кошу начальника первой команды полковника Герасима *Коленка.*

«Чрезъ сего нарочнаго посланнаго отъ насъ, атамана Пилиппа Хорта объявляемъ в. в., что у насъ была съ непріятелемъ баталія, съ начала сего 1773 г. мѣсяца іюня 1 числа, выше Силистріи, за Дунаемъ, въ мѣстечку Вѣтровцы, вторая-же противъ Силистріи, въ островѣ, мая 26 числа баталія была, гдѣ и полковника Дуплича поранили, и отъ той раны и померъ. Въ третьи-жъ разъ какъ пошли подъ городъ Силистрію, гдѣ былъ самъ графъ Румянцовъ и генералъ поручикъ Потемкинъ, и нашъ выигрышъ похвалилъ. За что мы благодаря Бога, и всемилостивѣйшей нашей государинѣ,

и вашу вельможность, что мы счастливо находились, и не отказываемся службы своей». Іюля 31 1773 г.

Объ этихъ «баталіяхъ» писалъ еще Коленко 8 августа того года слѣдующее.

«Сего 1773 года, іюня первыхъ чиселъ, принося мы вѣрно за вѣру и отечество Богу и Всемилостивѣйшей нашей Государынѣ службу, будучи подъ городомъ Силистріею, иные смерть пострадали, а иные раны приняли. Прилагаемъ при семъ именной списокъ, козаковъ, убитыхъ и отъ ранъ умершихъ —» [какъ оказалось, 43 человѣка].

Списокъ этотъ посланъ въ Сѣчь для поминовенія во всѣхъ церквахъ Запорожскихъ.

Вотъ еще донесеніе начальника второй лодочной команды, полковника Мандро, о томъ-же, но писанное вѣроятно какимъ нибудь писаремъ изъ духовнаго званія, изъ котораго молодежь, особенно школьники, частенько уходили козаковать на Запорожье. Это будетъ и образецъ козацкой литературы.

«Зчисляя мы продолженіе нашей къ всероссійскому Е. И. В. престолу службы, которая какъ явила свое начало, то въ томъ мы свою храбрость и мужество первѣе всѣхъ войскъ, не одиножды, на той сторонѣ р. Дуная, оказатъ счастіе имѣли. А съ тѣхъ поръ почти не всякій день въ сраженіи съ непріятелемъ какъ на той-же сторонѣ Дуная, такъ особливо подъ часъ чинимихъ непріятелемъ на сію сторону Дуная переправъ, къ воспрепятствованію его намѣренія, съ усердною ревностью, храбро, якъ долгъ есть воиновъ, поступали, не уступая непріятелю [доколь приказъ не зайдетъ] — ни на одинъ сажень мѣста. Въ тихъ-же сраженіяхъ

урону съ нашей стороны было козаковъ убитыхъ 5, а раненныхъ до 50.

«Городъ Силистровъ [Силистрія] какъ былъ Россійскими войсками атакованъ, то къ этому командировано было нѣкоторая часть изъ командъ Запорожскихъ, — оставляя надлежащее число при судахъ — козаковъ, гдѣ будучи во время сраженія, не только не устрашились силъ въ шанцахъ и рвахъ бывшихъ непріятельскихъ, такожъ многаго числа пушекъ, но еще съ помощью Бога, счастіемъ-же Е. И. В. и вашей вельможности, съ усердіемъ и ревностью бросившись на нихъ съ мелкимъ оружіемъ, выбили съ тѣхъ шанцевъ и рвовъ, такожъ и отъ ихъ пушекъ отогнавъ, гнали и убивали многихъ въ самомъ форштатѣ. Урону подъ городомъ въ козакахъ, по волѣ Божіей, явилось убитыхъ 7 человѣкъ, а раненныхъ 22.

«Нынѣ состоимъ мы при Гирсову и дѣлаемъ поискъ надъ непріятелемъ во верху Дуная лодками, повелителя-же имѣемъ «арміи дежурства г.-м. Милорадовича» [Августа 9, 1773 г.].

За симъ слѣдуютъ и военные комплименты Запорожцамъ отъ «высокаго начальства». Начнемъ съ весьма любопытнаго письма Потемкина, и не въ Кошъ, а прямо къ подчиненнымъ лодочнымъ козакамъ [1].

«Войска Запорожскаго обоихъ командъ полковникамъ, старшинамъ и товариществу».

---

1) Къ сожалѣнію списано съ копіи; другія письма Потемкина имѣемъ въ подлинникахъ. Хотя писано и «высокимъ» вельможею, но по слогу мало отличается отъ донесеній Запорожской старшины, писанныхъ бѣдными писарями войска.

«Бывъ свидѣтель ревностной вашей службы, мужественныхъ поступковъ и воинскаго одолѣнія христо-ненавистныхъ враговъ, и потребляемаго вами искусства, пользуясь искреннею благосклонностью съ дружбы вашей, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, — имѣвъ счастіе получить отличный знакъ монаршихъ милостей жалованьемъ меня: генераломъ адъютантомъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка подполковникомъ, воинскаго совѣта членомъ и орденовъ: св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеромъ, — за первый довлѣющій меня долгъ почелъ вновь справедливостью донести о томъ Е. И. В. Всемилостивѣйшей Государинѣ и матери нашей, которая, уважая достойные ваши подвиги, для защищенія отчества предпріемлемыя, въ залогъ высочайшаго къ вамъ своего благоволенія, всемилостивѣйше повелѣла изъ императорской своей казны учинить вамъ награжденія, для полученія коихъ, по дошествіи къ вамъ сего листа, пришлите кого либо изъ своихъ письменныхъ людей, и если живъ *Герасимъ (Черный)* писарь, то и его затѣмъ сюда повелите отправить. А съ нимъ-же, въ знакъ моей къ вамъ любви, одолжаюсь на всѣ курени прислать кашеварныхъ котловъ самой лучшей здѣшней работы. Я надѣюсь, что подарокъ сей пріобрящетъ ваше удовольствіе и будетъ служить напоминаніемъ вамъ моей дружбы, которая навсегда пребудетъ съ моей стороны ненарушимо сохраняема во всякое время, съ желаніемъ расширенія вашей славы, неустрашимость вашу велегласно проповѣдущей и повсемѣстно стяжающей вамъ похвалы. Будьте увѣрены, что всѣ случаи въ исходатайствованіи вамъ полезнаго открывающагося не пропустится мною.

дабы доказать вамъ, что я былъ, и есьмъ, и на всегда буду Вашъ всеохотнѣйшій слуга

Григорій Потемкинъ.

Село Царское 1774 года, 22 мая.

За этими деньгами и котлами козаки изъ подъ Силистріи послали въ Петербургъ упомянутаго писаря своего Герасима Чернаго и козака Демида Чернаго.

Но и герой Румянцовъ-Задунайскій не отказывалъ «Дунайцамъ» въ своемъ покровительствѣ, какъ видно изъ его ордера отъ 20 октября 1773 года, изъ Фокшанъ къ кошевому:

«Государь мой Петръ Ивановичъ,

«Получа письмо ваше, которымъ вы просите, чтобы я учинилъ предстательство о награжденіи старшинъ и козаковъ войска Запорожскаго, пришедшихъ [къ Дунаю] 1772 года, медальми по примѣру ихъ товариства, что оные получили здѣсь за свою службу, не хотѣлъ я упустить, чтобы не обнадежить васъ, что сіи усердные службѣ воины, во многихъ уже дѣйствіяхъ мужествомъ отличавшіеся, обязали меня по должности также ходатайствовать о справедливомъ воздаяніи, чего и не оставлю я учинить, пребывая между тѣмъ съ моимъ почтеніемъ, Вашимъ, государя моего, доброжелательнымъ слугою.

«Графъ Румянцевъ».

А вотъ и финалъ «Дунайской» экспедиціи храбрыхъ Запорожскихъ аргонавтовъ, и финалъ, увы, довольно злополучный. Разсказомъ этого финала мы закончимъ нашу правдивую ихъ лѣтопись.

Благодаря побѣдамъ Румянцева, война кончилась; миръ съ турками заключенъ 10 іюля 1774 года и войску Запорожскому повелѣно возвратиться домой. На этомъ основаніи 15 сентября 1774 года, по распоряженію главнокомандующаго, генералъ-поручикъ М. Каменскій [1]) уже не ласковымъ тономъ, какъ бывало прежде, а грубымъ командирскимъ слогомъ предписываетъ полковнику Гуку:

«По полученіи сего слѣдуй со всей Запорожской командой къ Сѣчи. А будучи въ пути, встрѣчающимся турецкимъ военнымъ или купеческимъ судамъ и на берегахъ обитающимъ жителямъ обидъ и разореній не чинить; а когда оказаны будутъ отъ васъ обиды и дойдутъ о томъ жалобы, то винные смертно наказаны будутъ; о чемъ во всѣ лодки объявите. По прибытіи-же въ Сѣчь, явитесь къ вашей командѣ.»

Таково было послѣднее, любезное сношеніе «Дунайцевъ» съ меньшимъ начальствомъ армій. 17 сентября злополучные молодцы пустились къ морю и, счастливые до сихъ поръ въ борьбѣ съ врагами, на пути къ родинѣ подверглись враждебнымъ природнымъ стихіямъ. Вотъ подлинныя донесенія Кошу отъ начальниковъ обѣихъ лодочныхъ командъ:

«Достигши мира въ войнѣ, продолжавшейся съ турками, а потому получа отъ командуемаго позволеніе къ движенію въ обратный путь, за таковое емшись сентября съ 17-го, путешествовали Дунаемъ и Чернымъ моремъ благополучно только до 21 числа. А противъ оного въ ночи, вѣющимъ необычно вѣтромъ,

---

[1]) Бывшій въ царствованіе императора Павла, Новороссійскимъ военнымъ губернаторомъ.

колебаніе моря продолжавшееся на многіе часы постигло тамъ, гдѣ былъ трудный и почти совсѣмъ не возможный способъ къ избавленію судовъ отъ разбитія. Потому и неожиданной гибели предало 7 лодокъ съ девятью пушекъ и при оныхъ вомножествѣ бывшій экипажъ, простирающійся съ готовыми деньгами на 20.000 рублей. Едва мы спаслись наго почти, что артиллерію спасая, къ сему единому попеченію обратились. И такъ съ разбитыхъ лодокъ 2 только, казавшіеся лучшими удобнѣйшими къ поправкѣ: Кущовскую и Незамайскую направивъ, а къ тѣмъ нанявъ въ Аккерманѣ у очаковскихъ турковъ за 107 рублей томбазъ, оной и тѣ 2 лодки подъ оставшуюся артиллерію употребили до Кизьяго.[1] А тамъ выгрузя въ суда Запорожскіе, на сихъ оттоль въ надлежащее мѣсто поставили при мнѣ полковника Мандро съ козаками, продолжавшими водою и румомъ [берегомъ] путь. А что былъ оной многотруденъ и бѣдственъ, такъ что могли въ велику силу достигти Сѣчи ноября 14.

«Я-же полковникъ Гукъ 30 пароволовыхъ возовъ получивъ отъ Аккерманскаго коменданта и склавъ на оные харчи и послѣднюю одежъ, при томъ-же и не могущихъ по болѣзнямъ идти, двинувшись, слѣдовалъ степью на Бендеры, по надъ Ярилыкомъ [р. Ягорлыкъ] и Польшею, гдѣ у обывателей перестоять порядочно, по отводу, нашелся принужденный, отъ стужи до времени возможнаго къ ходу. И такъ повольно вступили въ границу нашу, коею слѣдуя, прибыли къ Сѣчи января 27, въ велику зиму, отъ которой, что сильно

[1]) *Кинье, Кизій-мысъ,* урочище, гдѣ оканчивается кизельмицкое гирло Днѣпра, въ Херсонской губерніи и уѣздѣ.

увеличилась предъ временемъ прибытія, претерпѣли великій холодъ и лишившись здоровья, многіе ощутили калецтво».

«Полковники: *Кондратъ Гукъ* и
Иванъ Мандро».

Такъ описывали храбрые и честные «Дунайцы» свое возвращеніе съ послѣдняго, славнаго, какъ и вся ихъ исторія, похода. Иначе объясняли это возвращеніе въ Петербургѣ, гдѣ въ то время рѣшалась участь Запорожья, какъ уже не нужнаго — о чемъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Вотъ чѣмъ кончились подвиги «Дунайцевъ» въ войну 1770—1773 г. Потерявъ убитыми и раненными до 200 человѣкъ, потерявъ лодки и все добытое имущество, они увидѣли дорогую Сѣчь на канунѣ ея гибели и, что было не менѣе тяжело для козака, слышали упреки и ругательства отъ коварнаго царедворца, хотя и военнаго человѣка.

Теперь возвращаемся къ лѣтописи нашей 1771 года.

2. Марта 1771 года получена была Высочайшая Е. И. В. граммата съ повелѣніемъ: «Избравъ изъ среды войска 500 козаковъ доброконныхъ, — знающихъ положеніе мѣстъ до Перекопу и за Перекопъ, — приуготовить ихъ для походу при арміи, препоруча ихъ въ команду полковника *Колпака*, яко довольно извѣстнаго, надежнаго и оную степь гораздо знающаго». — На основаніи столь лестнаго вниманія къ заслугамъ храбраго Запорожскаго полковника, войско Низовое въ общей войсковой радѣ, его въ отрядные командиры

избрало, волю Монаршую, для точнаго исполненія, сообщило, и, нарядивъ со всѣхъ куреней по 14 охочихъ козаковъ въ его команду, немедленно отправило въ путь.

Афанасій Феодоровичъ, по прозванію *Колпакъ*, Шкуринскаго куреня козакъ, родомъ, кажется, изъ Малороссіи, въ войско «пришелъ» въ весьма молодыхъ лѣтахъ и служа «честно, вѣрно и усердно», въ атаманы куренные своего куреня былъ пожалованъ [1]. Онъ тѣмъ охотнѣе взялся за эту службу, что хотѣлъ вымѣстить на Татарахъ потери, понесенныя имъ во время наѣздовъ ихъ въ 1769 году, гдѣ онъ лишился отличнаго зимовника на р. Орели, большихъ стадъ и имущества. Онъ столь много уважался въ войскѣ, что въ началѣ войны былъ полковникомъ вновъ заведенной Орельской паланки, гдѣ на устьѣ рѣчки Богатой впад. въ р. Орель, устроилъ себѣ зимовникъ, а послѣ и цѣлую усадьбу, до-сихъ-поръ существующую. Послѣ паденія Сѣчи и всеобщаго разрушенія въ Запорожьи, онъ былъ такъ счастливъ, что не только спасъ «свое добро», но пріобрѣлъ новыя земли въ полную собственность, на которыхъ устроилъ село *Афонасьевку*, близъ Запорожскихъ селеній: Перещепиной, Лычковой и Козырицыны, гдѣ пребывало и *паланочное* начальство, [въ Новомоск. уѣзд. Екат. губ.]. Его подвиги въ кампанію 1771, 1772 и

---

[1]) Онъ происходилъ, кажется, изъ дворянскаго рода *Магденковъ*. Мы судимъ потому, что до-сихъ-поръ есть Малороссійскіе дворяне Магденки, ему родные, да и селеніе имъ основанное перешло было во владѣніе одного Магденка, недавно умершаго бездѣтно. Портретъ Колпака подаренъ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей, но увы! онъ изображенъ не *козакомъ*, *молойцемъ*, а смиреннымъ ктиторомъ церкви, имъ же построенной.

1773 годовъ такъ замѣчательны, такъ дышатъ древнимъ Запорожскимъ молодечествомъ, что мы пойдемъ по его стопамъ въ Крымское ханство и послушаемъ его повѣсть о военныхъ событіяхъ, которыхъ онъ былъ не только свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицемъ.

Извѣстно, что въ Апрѣлѣ 1771 года, армія Русская подъ начальствомъ князя Долгорукова, оставивъ наши степи, перешла Днѣпръ и заняла сперва позицію, которую держалъ генералъ фонъ Бергъ, а послѣ направила свои движенія прямо на полуостровъ Крымскій, который тогда считали еще логовищемъ страшныхъ наѣздниковъ и хищниковъ. 16 Мая 1771 года главная квартира передоваго корпуса, въ командѣ князя Прозоровскаго, была на р. Конскихъ-Водахъ [Днѣпровскаго уѣзда]; оттуда уже приказано Колпаку идти впереди всей арміи, въ качествѣ вожатаго, — отыскивая и преслѣдуя непріятеля. — 21 Мая козаки были на устьѣ рѣчки Бѣлозерки, а оттуда дошли до р. Каирки. Здѣсь Колпакъ, оставя свой обозъ и 200 козаковъ, самъ съ 300 своихъ молодцевъ на легкѣ пошелъ впереди всего Русскаго войска въ партизанскіе поиски. 5 Іюня писалъ онъ въ Сѣчь, «что съ Каирки ходилъ онъ на *Выливалы* [?], отъ Выливалъ берегомъ къ Олешкамъ и возвратясь отколь въ правую руку на *Черную-Долину*, и какъ по оной, такъ и по *Зеленой-Долинѣ* разъѣзды имѣлъ, а непріятеля ниже слѣдовъ примѣтить не могъ». Послѣ, когда Донцы всполошили было армію, что будто видѣли Татарскіе шатры близъ Перекопа, князь Прозоровскій вторично послалъ на подъѣздъ Колпака. «1-го Іюня, пишетъ онъ, перейдя ночью *Чаплынку* [нынѣ станція на Перекопской дорогѣ] и въ 4-хъ

верстахъ за оною переночевавъ, впередъ съ своимъ асауломъ *Кобелякомъ* партію Запорожскую за *Каланчакъ* [рѣчку] отправилъ. Которая партія Каланчакъ и Сивашъ перешла и съ утренней зари до ночи на могилѣ, которая отъ Перекопа въ 5 верстахъ, пикетъ содержала въ виду всей Перекопской линіи; но не только непріятельскаго войска, но и одного человѣка, изъ Перекопа выходящаго, не видѣла». При томъ обрадовалъ армію извѣстіемъ, что воды и подножнаго корму вездѣ довольно. 16 Іюня такъ краснорѣчиво и весьма дѣльно описывалъ Колпакъ взятіе Перекопа: «Я съ своимъ отрядомъ съ Черной долины пришелъ прямо на Каланчакъ и тамъ до 10 Іюня устроивъ пикеты до самаго Перекопу, дожидался арміи, которая прибыла 11 Іюня. Въ тотъ день Запорожскіе козаки и Донцы подъѣзжали до самыхъ стѣнъ Перекопскихъ, вызывая къ сраженію непріятеля, только онъ не выходилъ. 12 числа ночью, по приказанію князя Прозоровскаго; посыланный съ козаками асаулъ мой Кобелякъ мѣрилъ *ровъ* и нашелъ его въ 6 сажень ширины. Того-жь числа изъ города предъ Перекопомъ многочисленно вышелъ непріятель и не отступая отъ стѣнъ, противъ батарей своихъ, съ нашими вступилъ въ сраженіе; однако онъ, съ потеряніемъ нѣсколькихъ человѣкъ своихъ, не дождаясь выстрѣла наведенныхъ на него орудій, ушелъ весь за стѣну, а наши воротились въ лагерь. При семъ сраженіи 10 пикинеръ Луганскаго полку и 1 гусаръ Желтаго полку и 1 Запорожскій козакъ убитъ, а 1 раненъ; да убито 5 лошадей. Съ 12-го на 13-е число князь Прозоровскій далъ всему передовому корпусу приказъ, пробираться отъ Сиваша за Перекопъ и идти

во внутрь линіи [1], куды мы и движеніе имѣли, но въ половинѣ дороги велѣно всѣмъ воротиться въ лагерь, а мнѣ послать асаула и знающихъ козаковъ извѣдать безопасный чрезъ оную переходъ. Куды мною асаулъ и былъ командированъ и воротившись далъ знать Е. С., что для корпуса трактъ онъ изобрѣлъ способный. За что ему жаловано 10 рублей, а козакамъ его команды 40 руб. Съ 13-го на 14-е, по заходѣ солнечномъ опять туды мы пошли и держали у корпуса правый флангъ. Въ это время Е. С., предводитель 2-й арміи, князь В. М. Долкорукій, ближе Перекопскую стѣну отъ моря штурмовалъ, гдѣ Крымскіе Татаре въ присутствіи самаго хана ополчались, и не больше какъ часъ передъ свѣтомъ и линію перешелъ и поставя оную за собой, крѣпость Перекопскую, въ которую пѣхотныя ихъ команды убѣжали и затворились, атаковалъ. По совершеніи той атаки, корпусъ нашъ на самомъ разсвѣтѣ, коль скоро перейдя линію приближился къ берегу Сиваша, тотчасъ въ полверстѣ увидѣлъ отрядъ въ 300 чел. непріятеля, который былъ высланъ для примѣчанія за дѣйствіями нашихъ войскъ отъ Сивашу, который хотя немедленно обратился въ бѣгство, но нѣсколько человѣкъ изъ нихъ успѣли мы отрѣзать и взять въ свои руки. Вскорѣ показалась намъ въ 30,000 чел. непріятельская толпа, въ которой и Ханъ былъ, идущая какъ бы отъ моря противъ войскъ нашихъ.

---

[1]) См. на приложенной ко II. части картѣ нашей. Перекопскій ровъ, *оръ*, проведенъ во всю длину узкаго перешейка, соединяющаго Крымскій полуостровъ съ материкомъ. Съ востока упираются ровъ и его укрѣпленія у Сиваша, съ Запада у Чернаго моря. Сивашъ такъ мелокъ, что его прозвали *Улу-Денизъ*, Гнилое, т. е. Старое море.

Тогда весь нашъ корпусъ приведенъ былъ къ сраженію въ порядокъ. Мы держали лѣвый уже флангъ; передовые наѣздники наши прямо на нихъ поскакали и, видя ихъ многочисленность, удалялись отъ нихъ и притягивали по ближе къ своему корпусу. Но непріятель, не страшась сихъ наѣздниковъ, а притомъ не зная за нами въ низу стоящихъ регулярныхъ конныхъ полковъ и пѣхоты и видя только насъ, да Донцовъ стоящихъ, гналъ оныхъ къ намъ; мы нѣсколько назадъ уступали и дали какъ *дверь* для лучшаго во внутрь войскъ нашихъ входу. А между тѣмъ открыли на нихъ пѣхотные наши полки, которые тотчасъ начали палить, съ мелкаго ружья огонь, а притомъ еще подкрѣпили и съ правой стороны орудія, чѣмъ непріятеля смѣшали; а наши [Запорожцы] и Донцы тотчасъ *стали* на нихъ и многихъ тамъ побили, а послѣдніе, которые издали оставались, ушли къ морю, куды Донцы, чтобы ихъ отъ моря отрѣзать и навернуть на корпусъ нашъ, командированы. А какъ непріятельскій корпусъ сталъ на небольшія партіи сбираться и утекать во всю пору промежду соляныхъ озеръ, то уже мы впереди своего корпуса догонять ихъ бросились и догоняя, хотя атаки всей ихъ силѣ дѣлать не могли, однакъ до 1000 ч. ихъ убили; а послѣднихъ, гдѣ и Ханъ Крымскій былъ, за 30 верстъ до Каменнаго-Мосту гнали. 15 числа, убѣгшіе въ крѣпость Перекопскую, командовавшіе два паши изъ крѣпости вышли и побѣдоносному Россійскому оружію, счастіемъ нашей Всемилостивѣйшей Монархини, покорились. Сегодня [16 Іюня] велѣно намъ командировать сто своихъ [Запорожск.] козаковъ по дорогѣ Козловской [Евпаторійской] для высмотру хорошихъ

для корму и на воду для арміи мѣстъ, куды и мы 17 числа с. м. будемъ имѣть со всѣмъ передовымъ корпусомъ и арміею маршъ». — Колпакъ оканчиваетъ свой рапортъ горькимъ сознаніемъ, что «въ добычу ни скота, что онаго вблизу нѣтъ, ни зъ вещей ничего не получили, ибо Татаре все прежде вступленія арміи вывозили въ горы, а сраженные были Едисанцы и Буджакцы, которые было поддались Россійскому престолу»[1].

Вторую любопытную реляцію получили въ Сѣчи уже 20 Іюля. «По взятіи г. Перекопа [пишетъ Колпакъ изъ лагеря подъ «Карасевымъ», т. е. Карасубазаромъ], и по учрежденіи въ ономъ къ содержанію линіи распоряженій, командированы мы съ корпусомъ къ Карасеву, впереди всей арміи, а генералъ Броунъ съ небольшимъ корпусомъ въ правую руку по дорогѣ до города Козлова отправленъ, который у насъ взялъ двухъ нашихъ козаковъ провожатыми. Мы до самаго города Карасева непріятеля не видѣли, а пойдя подъ Карасевъ верстъ за три, предъ нимъ расположились, куды вся армія какъ приблизилась и лагеръ свой расположила, то Карасевскіе жители не противясь, чрезъ посланцевъ своихъ у предводителя нашего просили на

[1]) Запорожцы безъ добычи и побѣду не считали побѣдою. Вотъ письмо Колпака къ судьѣ Николаю Тимофѣевичу изъ Каланчака уже послѣ покоренія Крыма: «Зъ добычи нашей посылаемъ Его Вельможности Петру Ивановичу г. кошевому жеребца сѣраго, вашей же вельможности и г-ну писарю двухъ жеребцовъ чалаго и гнѣдого, изъ которыхъ какого хочете вы себѣ выберете... и всепокорнѣйше просимъ милостивымъ респектомъ насъ не оставлять, а найбольше неногнѣваться, бо лучшаго въ нашей-бѣдной добычѣ не было, да въ силу и се осталось: ибо на баштѣ Перекопской у насъ рогатый скотъ отобранъ комендантомъ Перекопскимъ, въ силу Е. С. предводителя 2-й арміи повелѣнія... Теперь идемъ подъ Кинбурнъ». (15 Іюля 1771).

нѣкоторое время перемирія, надѣясь къ миру согласить всѣхъ своихъ Крымскихъ начальниковъ. Между симъ перемиріемъ, мы командированы до г. Кефы [Феодосіи]; не доходя до оной за 30 верстъ, дней три отдоху имѣли. Гдѣ при окончаніи послѣдняго нашего марша, и непріятель мелкими «чатами» [пикетами] показывался намъ съ промежду горъ, однакъ безъ сопротивленія весь въ горы ушелъ. Того дня въ самую ночь къ преслѣдованію онаго отправлена была отъ насъ въ горы наша партія, которая на разсвѣтѣ довольное сраженіе съ непріятелемъ имѣла, гдѣ непріятеля положено много, а изъ нашихъ двухъ убито и двухъ ранено. При томъ наша партія съ нихъ въ полонъ мужеска и женска пола до 30 душъ, лошадей 285, рогатаго скота 214 и экипажу разного на быкахъ съ арбами на 2,000 руб. захватила и отправила было въ нашъ обозъ; но все то тогдажь, какъ мы къ предводителю нашему рапортовали, велѣно въ сторону ихъ [Татарскую] отпустить безъ задержанія, подъ неминуемымъ штрафомъ, и къ исполненію сего съ командою штабъ-офицеръ былъ присланъ, который къ отдачѣ Татарамъ все до послѣдка у насъ отобралъ за реестромъ! 28 минувшаго Іюня вся армія и мы, съ половины дня во второмъ часу, маршъ прямо на Кефу приняли и держали оной до самаго сумерку, и не доходя верстъ за 10 до Кефы, ночевали. 29-го еще до солнечнаго всхода первоначально вступили мы въ движеніе до города Кефы, но подъ онымъ верстъ за 3 встрѣчены были непріятелемъ у Каменныхъ-Мостовъ, съ которымъ, покудова наблизился нашъ корпусъ и вся армія, до 10-го часу довольную перепалку мы имѣли. Въ 11-мъ часу, какъ

скоро корпусъ нашъ съ нами совокупился, то вдругъ весь непріятель бѣжать началъ; тогда мы большую часть непріятеля, не допустя до города, перехватили и побили такъ, что малое число въ городъ убралось. Однако еще непріятель имѣлъ сомнѣніе: если наши могутъ его преодолѣть, то онъ весь поспѣшилъ въ предстоящія на морѣ суда убраться и погодою [попутнымъ вѣтромъ], которая на тотъ часъ въ угодность его служила, уйти. Предъ форштатомъ съ орудій по нашимъ дѣйствовалъ, но отъ нашей арміи предварительно на превеличайшую гору, которая въ недальнемъ разстояніи была, орудія втащили и тотчасъ зажгли оными на батареѣ непріятельскій запасъ; а между тѣмъ подближаясь и съ другой стороны наши же орудія подкрѣпили и непріятеля дѣлать сопротивленія не допустили и до того его довели, что онъ, оставя пушки и весь свой лагерь, бросился къ морю бѣжать, гдѣ его наши легкія войска «засыпали» и многочисленно выбили, а другихъ въ морѣ вытопили. А суда, сколько ихъ подъ Кефою ни было, не стерпя добираючихся и до нихъ пушечныхъ выстрѣловъ, поднявъ парусы, всѣ бѣжали. Тогда до запершихся въ крѣпости Турковъ для склоненія отправленъ былъ артиллеріи генералъ [*Сентъ-Маркъ*], который какъ поближился подъ крѣпость, то Турками изъ крѣпости двумя мушкетными выстрѣлами убитъ. Послѣ чего Кефскій паша изъ крѣпости съ нѣкоторыми своими Турками и Греками вышелъ и градскіе ключи, бунчуки, литавры и знамена и все что слѣдовало, съ надлежащею церемоніею нашему предводителю въ руки отдалъ. За что на другой день Всевышнему, при пушечной пальбѣ, было благодареніе. Въ послѣднемъ

сраженіи въ городѣ Кефѣ добули мы непріятельскихъ трое знаменъ и одну булаву, что все по требованію предводителю нашему отдали; а онъ обѣщался оныя знамена и булаву представить съ прочими клейнотами къ Государынѣ, съ объясненіемъ въ реляціи вѣрныхъ нашихъ заслугъ, которыя довольно персонально самъ онъ видѣть могъ, что мы впереди гдѣ всѣхъ войскъ подъ перепалкою сраженіе имѣли, и одинъ козакъ команды нашей убитъ и одинъ раненъ; а больше счастіемъ войска Запорожскаго съ нашей стороны утраты нѣтъ и всѣ состоимъ благополучны. Судакъ, Бельбекъ, Балаклава, Еникале и прочіе Крымскіе города и орды, всѣ Россійскому оружію покорились, а самые главные ихъ Ширинъ-Мурзы въ аманатахъ у нашего предводителя остаются. Крымскій ханъ Крымъ оставилъ и ушелъ въ Царьградъ. Теперь вездѣ по городамъ Крымскимъ устроены Россійскіе гарнизоны [1]. — »Мы же [оканчивая

[1]) Этотъ походъ Колпака такъ сходенъ съ героическими подвигами козаковъ въ XVI столѣтіи, что мы рѣшаемся выписать здѣсь для сравненія, одинъ отрывокъ изъ «Исторіи Руссовъ» извѣстнаго патріота-историка, архіепископа *Георгія Кониского.* «Гетманъ *Федоръ Богданъ,* имѣвъ повелѣніе отъ короля Стефана Баторія преслѣдовать Крымскихъ Татаръ, отправился со всѣмъ войскомъ (Украинскимъ) въ Крымъ, въ 1577 году весною Идучи внизъ по Днѣпру, выправилъ изъ Сѣчи Запорожской 5,000 пѣхоты въ лодкахъ, подъ командою эсаула войсковаго *Печая,* приказавъ ему, выплывши въ Черное море, пристать на Крымскихъ берегахъ около городовъ Козлова и Керчи и запереть тамошнія гавани, до прибытія своего къ тѣмъ городамъ. При проходѣ гетмана по Крымской степи, встрѣчали его многія Татарскія полчища; но онъ ихъ храбро принимая, всегда съ великимъ урономъ прогонялъ. Наконецъ дошло дѣло до главнаго сраженія, которое гетманъ предвидя заблаговременно, пріуготовился и поворотя отъ Днѣпровскаго лимана до Орской или Перекопской Линіи, атакованъ былъ между Кинбурнскихъ кучугуровъ и Каменнаго *Даріева* моста всѣми

свое посланіе, говоритъ Колпакъ], — сходно повелѣнію предводителя съ деташаментомъ подъ Кинбурнъ идемъ». [12 Іюля 1771].

Въ заключеніе донесеній столь искреннихъ и подробныхъ, Колпакъ присовокупилъ еще, что упоминаемый здѣсь деташаментъ, подъ начальствомъ регулярныхъ войскъ полковника *Брынка*, съ Запорожцами пошелъ на Каланчакъ и западныя степи нынѣшняго Днѣпровскаго уѣзда подъ Кинбурнъ и сталъ лагеремъ на берегу Днѣпра, близъ самыхъ гирлъ, противъ урочища *Килiй-Мысъ*, о которомъ мы говорили выше, и

Татарскими ордами, подъ командою самаго хана Девлетъ-Гирея. Наступленіе ихъ, крикъ народный и топотъ конскій подобились грозной бурѣ, все опрокидывающей. Армія Малороссійская шла четырьмя *батавами* (carré), построенными такъ, что обозъ ея и конный резервъ были въ срединѣ, а артиллерія, разставленная по всѣмъ фасамъ, могла дѣйствовать вокругъ арміи. Непріятель допущенъ былъ къ фронту на ружейный выстрѣлъ и тогда открыта была пальба со всѣхъ орудіи и продолжалась безпрерывно болѣе часа. Навалившіеся на фронтъ панцырные всадники и наѣздники Татарскіе приняты и поражены копьями. Поднявшійся между тѣмъ сильный вѣтеръ прочистилъ воздухъ отъ дыма, показалъ страшныя тучи мертвецовъ Татарскихъ, покрывшихъ тѣлами всю окружность козацкой арміи. Гетманъ, примѣтивъ, что Татары, отступая къ Линіи (Перекопской), растянулись по обѣимъ сторонамъ моста, соединяющаго косу Кинбурнскую съ Перекопскую степью, двинулся къ мосту и вершинѣ залива и отрѣзавъ знатную часть Татаръ отъ ихъ полчищъ, выпустилъ на нихъ конный резервъ, подкрѣпленный одною батавою, которые, прогнавъ Татаръ къ заливу, всѣхъ тамъ перебилъ и перетопилъ, а оставшіеся на другой сторонѣ, сколько ни порывались помочь отрѣзаннымъ, не успѣли въ томъ ни мало за водою и за пальбою изъ стану гетманскаго, и убрались за Линію. Войска козацкія пришли къ Линіи безпрепятственно и гетманъ, разсудя, что штурмовать ее медленно и убыточно, переправилъ знатную часть конницы ночью черезъ Гнилое море или Сивашъ въ бродъ и вплавъ; а она, дошедши съ той стороны къ первымъ воротамъ на Линіи

тамъ стоялъ до 15 Сентября. Полковникъ еще 12 Августа доносилъ Кошу о своихъ экспедиціяхъ. — «На первый случай передовая наша партія съ вышедшихъ изъ города Кинбурна наѣздниковъ, двухъ убила и одного Татарина «въ языкъ» взяла и отправила тогдажь къ предводителю арміи. Теперь работы подъ Кинбурномъ нѣтъ и на дальше будетъ ли? мы не знаемъ. Партія-жъ наша всегда въ три или двѣ версты подъ онымъ проѣзжаетъ, а непріятель во весь день изъ пушекъ пушечными выстрѣлами изъ города и изъ судовъ,

---

отбила ихъ и впустила всю армію, которая, напавъ на городъ Оръ, называемый Перекопомъ, взяла его штурмомъ, и выбивъ весь гарнизонъ до послѣдняго человѣка, разорила укрѣпленія и предала городъ огню. Отъ Перекопа продолжала армія походъ свой въ боевомъ порядкѣ до города Кефы и заставъ его осажденнымъ съ моря и отъ горъ Запорожскими козаками, произвела съ ними генеральный на него приступъ и въ короткое время имъ завладѣла и предала все убійству, грабленію и огню, оставивъ живыми однихъ своихъ плѣнныхъ, числомъ обоего пола до 500 душъ. А какъ поворотили войска обходить горы Кефскія, для нападенія на Бахчисарай и Козловъ, то при рѣчкѣ Салгирѣ встрѣтили ихъ ханскіе посланники изъ знатнѣйшихъ мурзъ, поднесли гетману дорогіе подарки и просили его отъ имени хана о заключеніи мира. На миръ согласились съ условіемъ собрать и возвратить всѣхъ плѣнниковъ Русскихъ и въ замѣнъ того дать 15 мурзаковъ аманатами. Все то со стороны Татаръ было исполнено и гетманъ, получивъ еще 713 плѣнниковъ, воротился въ Малороссію съ превеликою добычею» (Изд. Москва, 1846, стр. 25). Гдѣ былъ этотъ «Даріевъ» мостъ, мы ничего не знаемъ. Есть въ Крыму довольно древній мостъ на рѣчкѣ Каланчакѣ, въ самыхъ ея вершинахъ, отъ чего даже у Татаръ это мѣсто называется «Каменный Мостъ», или «Древній-Мостъ»; но онъ слишкомъ далеко отъ окончанія Кинбурнской косы и кучугуровъ, чтобы означить мѣсто «Даріева-Моста», который, по словамъ Конисскаго, соединялъ бы Кинбурнскую косу съ Перекопскою степью». Рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ болѣе археологамъ, нежели намъ, мѣстнымъ географамъ и лѣтописцамъ.

по нашимъ тщетно дѣйствуетъ и наши по заходѣ солнца въ лагерь свой безъ вреда возвращаются».

19 Сентября Колпакъ получилъ ордеръ князя Долгорукаго: оставя противъ Кизикермена въ *Шингирейскомъ шанцѣ* [Днѣпров. уѣзда, въ 5-ти верстахъ отъ с. Каховки] 200 козаковъ, для содержанія посту во всю зиму, самому съ остальными 1-го Октября идти въ Сѣчь, что имъ, съ позволенія Коша, и исполнено.

Въ дополненіе упомянутыхъ выше подробностей, присовокупимъ то, что Колпакъ не успѣлъ изложить, или же его рапорты о томъ до насъ не дошли; именно, что князь Долгорукій раздѣлилъ армію на двѣ части, и когда одна брала Козловъ и Бакчисарай, онъ съ своимъ отрядомъ перешелъ Геническій заливъ, пробрался по мало-извѣстной тогда Арабатской стрѣлкѣ, взялъ штурмомъ Арабатскую крѣпость и прошедъ восточную часть полуострова, соединился съ войсками своими у Кефы, для окончательнаго завоеванія ханства. Бѣгство Селимъ-Гирея-Хана окончило тамъ паденіе Турецкаго владычества и князь Долгорукій изъ Ѳеодосіи началъ помышлять о прочномъ обезоруженіи, если не завоеваніи, Крыма; что онъ, какъ послѣ увидимъ, успѣшно и исполнилъ. Этотъ знаменитый подвигъ съ такимъ благоразуміемъ и даже человѣколюбіемъ [какъ видно изъ рапортовъ Колпака] совершенный, снискалъ ему историческое имя и титулъ «князя Долгорукаго Крымскаго»[1].

Между тѣмъ, войско Запорожское 19 числа

[1]) Въ 1843 году, съ Высочайшаго соизволенія внукъ князя Василія Михайловича, князь Василій Васильевичъ Долгорукій воздвигъ ему въ Симферополѣ прекрасный памятникъ, въ Италіи изсѣченный.

Сентября 1771 года получило Высочайшее повелѣніе быть въ резервномъ корпусѣ князя А. А. Прозоровскаго, расположенномъ по-надъ Днѣпровскою Линіею крѣпостей, котораго квартира была сперва въ Таганрогѣ, а послѣ въ кр. св. Димитрія на Дону [нынѣ Ростовѣ]. Только чума производила въ этомъ краѣ жестокія опустошенія, такъ что изъ Молдавіи перешла въ Крымъ, въ Таганрогъ и добралась до Запорожскаго отряда, стоявшаго у Шингирейскаго ретраншамента, который изъ него долженъ былъ, не смотря на зиму, выйти и въ нарочно вырытыхъ землянкахъ постъ свой содержать.

Храбрый Запорожскій полковникъ Колпакъ и его асаулъ Евстафій Кобелякъ за свои подвиги удостоены были милостивой Е. И. В. награды: имъ пожалованы золотыя медали для ношенія на шеѣ, на Андреевской лентѣ.

По наступленіи глубокой осени, отрядъ Запорожскій, подъ начальствомъ кошеваго, 10 Октября переправился чрезъ Бугъ, а 25-го въ Сѣчь прибылъ, разставивъ на зиму подобныя прошлогоднимъ, отъ Гарду до устья Ингульца, аванпосты, а въ урочищѣ *Кизій-Мысъ* 1,000 козаковъ пѣшихъ на судахъ съ полковникомъ *Іосифомъ Рубаномъ*. Подвиги войска вполнѣ были оцѣнены Монархинею и по полученіи свѣдѣнія о возвращеніи онаго домой были награждены слѣдующею милостивою Е. И. В. грамматою:

«Нашему вѣрноподданнаго войска Запорожскаго Низоваго кошевому атаману Калнишевскому, съ войсковою старшиною и всему войску Запорожскому,

«*Наша Императорская милостивая грамата.*

«Получа рапортъ вашъ, отъ 5-го минувшаго

Ноября, о прибытіи вашемъ съ войскомъ въ Сѣчь, не могли оставить, чтобъ не изявить вамъ, кошевый атаманъ, и всему войску, Нашего Императорскаго благоволенія за оказанную Намъ, въ теченіе минувшей кампаніи, при маскированіи города Очакова, службу и отмѣнную ко оной ревность и усердіе. Мы несомнѣнно надѣемся, что сіе похвальное и Намъ вѣрноподданное войско Запорожское не оставить и впредъ, во всякомъ случаѣ службы Нашей оказывать испытаннаго своего сколько усердія, столько же мужества и храбрости, каковыми оно до сего въ цѣломъ свѣтѣ славится, а тѣмъ самымъ усугубить Наше благоволеніе. Пребываемъ Императорскую милостію благосклоны. Дана въ Полтавѣ, Декабря 2-го дня 1771 года».

Подлинную подписалъ по Е. И. В. указу
«Князь Василій Долгорукій».

Между тѣмъ произошли другія, для всей Имперіи важныя событія, среди которыхъ выступило на сцену весьма замѣчательное историческое лице, имѣвшее большое вліяніе на судьбу Запорожья — и къ нему обращаемся теперь съ разсказомъ нашимъ.

ГЛАВА IV.

Дѣла Крымскія. Потемкинъ. Кампаніи 1772, 1773 и 1774 года до окончанія войны съ Турками, трактатъ Кучукъ-Кайнарджинскій. Днѣпровская крѣпостная линія.

1772 — 1774.

Послѣ занятія Крыма и бѣгства Селимъ-Гирея-Хана въ Константинополь, Россія была истиннымъ владыкою ханства, но не желая считать его своею провинціею, поддерживала ту партію мурзъ и чиновниковъ, которая желала отставить Селимъ-Гирея и избрать другаго государя, могущаго владѣть Крымомъ независимо отъ Порты, подъ суверенствомъ Императорскаго Россійскаго престола. На то изъ Очакова, гдѣ скрывалась большая часть Ханскихъ придворныхъ и чиновниковъ, получена была отъ Татаръ чрезъ нарочно присланнаго чиновника Абдураманъ-Мурзу граммата, которая, кромѣ вѣрныхъ Россіи 10 Шириновъ, подписана была ханскими: визиремъ, казнаскеромъ, дефтердаромъ и многими мурзами, съ изъявленіемъ готовности войти съ Россіею, отдѣльно отъ Порты, въ дипломатическіе переговоры. На основаніи этого предложенія войска были

ввѣрены князю Щербатову, а переговоры поручены Слободскому губернатору Евдокиму Щербинину. Сему послѣднему предстоялъ весьма трудный подвигъ сблизить интересы Крыма съ дѣлами Россіи, чтобъ не нарушая правъ политическихъ этого несчастнаго ханства, сдѣлать его не только безвреднымъ, но даже вѣрнымъ союзникомъ для Имперіи. Трудность эта увеличивалась еще отъ разномыслія Ногайцевъ съ Крымцами. Ногайцы рѣшительно не хотѣли знать другаго государя, кромѣ Россійскаго; ихъ представителями были: Джанъ-Мамбетъ-Бей и начальникъ одной части Едисанской орды, Эль-Хаджи-Джаумъ-Мурза. Не имѣя подробныхъ свѣдѣній объ этой такъ называемой «Татарской негоціяціи» скажемъ только, что она достигла благополучнаго окончанія къ концу 1772 г., но видно не разъ происходили смятенія. Селимъ-Гирей-Ханъ подсылалъ своихъ коммисаровъ съ изъясненіемъ, что и онъ самъ готовъ былъ покориться, и обѣщалъ въ знакъ искренняго повиновенія прислать султановъ своего рода аманатами, но не только къ исполненію такихъ обѣщаній не принялъ никакихъ мѣръ, но еще на Кубани и между ордами, умы своихъ подданныхъ противъ Россіи возмущалъ. Потому Щербининъ созвалъ вѣче Татарскаго народа въ Карасубазаръ и тамъ съ согласія всѣхъ чиновъ: духовенства, мурзъ, чиновниковъ и выборныхъ отъ народа Крымскаго и Ногайскаго, былъ призванъ на престолъ Крымскій, съ самодержавною [безъ зависимости отъ Порты] властью, какъ было до завоеванія Крыма Могаметомъ II, *Шагинъ-Гирей Султанъ*, сынъ Ахметъ-Гирея-Султана, который опредѣлилъ своего брата Саги-Гирея-Султана въ Калги, а двоюроднаго

брата Богадыръ-Гирея-Султана въ Нуредины ханства. Селимъ-Гирей признанъ добровольно отрекшимся отъ престола. Тѣ Крымскія крѣпости, которыя всегда были заняты Турецкими войсками, Керчь и Еникале, а также Кинбурнъ предоставлялись Россійскому владычеству, какъ покровителю Крыма, въ другихъ же оставлены Русскіе гарнизоны. Орды Ногайскія покорились хану, какъ своему естественному государю. Уже переговоры приходили къ надлежащему окончанію, какъ между Татарами явилось вновь смятеніе, Турками и ихъ деньгами произведенное. Вотъ небольшой документъ, къ этому событію относящійся. Въ Августѣ с. г. князь Прозоровскій далъ знать находившемуся на позиціи въ Олешкахъ [Днѣпров. уѣз.] полковнику Колпаку, чтобъ онъ команду свою въ военной готовности содержалъ по могущей быть въ ней нуждѣ; а 12 Сентября получилъ Колпакъ отъ него приказъ: «оставя 300 коз. на посту, самому съ 400 чел. конныхъ и полковымъ старшиною *Маевскимъ*, писаремъ своимъ, спѣшить къ князю Прозоровскому къ Акъ-Мечети [Симферополю] или Козлову». 17 Сентября писалъ Колпакъ своей старшинѣ въ Сѣчь: «Татаре очень бунтуются, не хотятъ подъ протекцію Россійскую итти и на трактатѣ подписываться. Ихъ войска много въ горахъ собралось, а потому и наши полки въ Крымъ вступили. Татаре много почтъ побили, и курьеровъ много порѣзали; да и мнѣ пришлось було близко отъ нихъ умирать. Изъ Карасева отъ султана [Калги] я бѣгъ [ѣхалъ] и только выбѣгъ съ горъ та сталъ прибѣгать къ Салгиру, какъ ихъ партія въ 500 чел. верстахъ въ 2-хъ показалась и якъ сталъ до команды бѣжать, то пробѣгъ, а поручикъ

который съ 5 Донскими козаками бѣгъ за мною, не ушелъ; его и 4-хъ коз. порубали, только одинъ Донецъ выбѣгъ раненный, а я еще слава Богу на нѣкоторое время живъ остался». [Споходу с'подъ горъ въ корпусѣ князя Прозоровскаго]. 27 Сентября писалъ онъ, что «Татаръ, которые въ Крыму было взбунтовались и собрались во многихъ мѣстахъ, всѣхъ поразгоняли, а прочихъ побили, и такъ сего числа по прежнему примирились. Князь Прозоровскій принялъ команду въ Крыму и по Днѣпру, а всѣ полки и войска въ Крыму зимуютъ». — Отрядъ Колпака возвращенъ на позицію въ Олешки, а самъ онъ оставленъ при князѣ, какъ видно изъ слѣдующаго довольно любопытнаго донесенія его писаря Маевскаго.

... «Я съ 400-ою командою, по повелѣнію Е. С князя Прозоровскаго въ корпусъ его отправился было, но по сю сторону Перекопской линіи встрѣченъ курьеромъ, чрезъ котораго Е. С. мнѣ повелѣлъ, всю со мною бывшую команду обратить паки на стражу къ Кинбургу, а самому съ 30 чел. у него явиться.... По отправленіи команды я слѣдовалъ къ князю и засталъ его на самомъ первомъ маршѣ у рѣч. Салгира; въ то самое время непріятель былъ въ немаломъ собраніи впереди Ахмечетскихъ горъ, и какъ увидѣлъ прямо идущія на него Россійскіе войска, то въ самую ночь пришелъ въ немалое смятеніе, безъ всего лагерь свой оставилъ и такъ скоропостижно въ горы убрался, что на мѣстѣ своего лагеря не малое число шабель, сагайдаковъ, бурокъ и прочаго позабылъ. Однако на другой день къ князю отъ хана Крымскаго [вѣроятно Шагинъ-Гирея], который въ томъ же ихъ собраніи былъ,

присыланъ былъ главнѣйшій какой-то ихъ мурзакъ съ прошеніемъ, чтобъ обиды имъ никакой не было отъ нашедшихъ туда Россійскихъ войскъ. Князь все сіе имъ обѣщалъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы Крымскій ханъ всю собранную свою толпу непрѣменно распустилъ и впредъ войска своего ни на что безъ вѣдома главнаго Крымскаго корпуса командира, князя Щербатова, не собиралъ и кончилъ бы союзно съ генераломъ Щербиннымъ учрежденную *коммисію.* По первому наказу ханъ въ тотъ же самый день во всѣ стороны собранныхъ Татаръ распустилъ, но просилъ на договоры присутствія князя Прозоровскаго, ибо Щербининымъ они крайне не довольны и то по причинѣ ссоръ съ нимъ пришли они были въ такое смятеніе. Князь это обѣщалъ и съ корпусомъ своимъ отступилъ къ Салгирскому ретраншаменту, а 22 меня къ командѣ отпустилъ. На другой день намѣренъ Е. С. ѣхать въ Кефу къ князю Щербатову, а оттоль съ нимъ и Щербининымъ на договоры. Г. полковникъ А. Колпакъ при корпусѣ остался и взялъ 5 чел. козаковъ. Около Перекопа и Козлова Татарскія шайки, Донцы и карабинеры разогнали, и во всѣхъ сихъ мѣстахъ по 10 чел. до смерти убили, селъ нѣсколько разграбили, тогда какъ мы на Салгирѣ стояли и переговаривались съ Ханомъ». [1 Октября 1772 года.

Изъ этого простаго документа ясно видимъ ничтожное состояніе Крымскаго ханства — первороднаго дѣтища Золотой-Орды, послѣдней отрасли сподвижниковъ Чингисъ-Хана въ Европѣ, не наслѣдовавшей, какъ видимъ, ни ихъ храбрости, ни ихъ энтузіясма. Устрашенные однимъ движеніемъ войскъ Русскихъ, ханъ и

народъ Крымскій жадно хватились опять за окончаніе мирныхъ переговоровъ. При помощи обоихъ генераловъ посольство Щербинина шло гораздо легче и наконецъ первыя условія трактата были заключены. Переговоры возобновились въ Карасубарѣ и тамъ единогласно 1 Ноября 1772 г. окончены и подписаны: съ Россійской стороны упомянутымъ выше полномочнымъ министромъ Щербининымъ; со стороны ханства слѣдующими депутатами:

I) Отъ Крымскаго Правительства:

1] Великимъ ханскимъ агою или министромъ полиціи Бехадиръ-Агою.

2] Ханскимъ родственникомъ Джань-Гиреемъ.

3] Ширинъ-Беемъ, главою роду Ширинскихъ-Мурзъ.

4] Измаилъ-Беемъ, главою роду Аргинскихъ-Мурзъ.

5] Щахпазъ-Беемъ, главою Мансурскихъ Мурзъ.

II) Отъ Ногайскаго Общества или ордъ уполномоченными:

1] Отъ орды Едисанской — Темиръ-Шахъ-Мурзою.

2] » » Едичкульской — Кара-Шахъ-Мурзою.

3] » » Джамбуйлуцкой Эль-Мурзахъ-Мурзою.

4] » » Буджакской — Катыръ-Шахъ-Мурзою.

От Киргизовъ и Кубанцевъ депутатовъ не было.

Этотъ трактатъ ратификованъ въ Петербургѣ Императрицею 29 Января 1773 г. Ногайцы отправили отъ себя зимою 1771—1772 къ Ея В-ву Едисанскихъ посланцевъ: Тенисъ Мурзу, Бей-Намбетъ-Мурзу, Тинай-Агу и Акли-Агу. Принятые милостиво, они привезли своему главному начальнику Джань-Мамбетъ-Бею богатую саблю, Монархинею пожалованную и милостивую

граммату въ 28 д. Января 1772 г., всѣмъ Ногайцамъ данную, въ коей между прочимъ сказано, что, «Къ «утвержденію славы и Ногайскихъ народовъ, составилась «свободная и въ благоденствіи независимая Татарская «область съ возвращеніемъ собственно верховнаго на- «чальства, законнымъ избраніемъ изъ древней Татарской «владѣтельной фамиліи на ханство, новой области сла- «внѣйшаго и сильнѣйшаго Сеибъ [Шегинъ] Гирея, обя- «завшагося клятвою съ Крымскимъ полуостровомъ и «всѣми Ногайскими народами, независимо отъ Оттоман- «ской Порты, или отъ какой другой ихъ законамъ по- «сторонней державы, управлять по древнимъ обыкнове- «ніямъ и обрядамъ, и съ Нашею Имперіею равнымъ «образомъ состоять въ непремѣнномъ же союзѣ и «дружбѣ, подъ Нашимъ покровительствомъ».

Теперъ оставимъ Крымъ и возвратимся опять къ главному предмету нашему — Запорожцамъ. Подобно 1771 году, и въ нынѣшнемъ выступили они въ поле, и вели ту же, что и прежде, партизанскую войну на степяхъ нашихъ, не допуская враговъ отъ Очакова пробраться въ тылъ нашей арміи, побѣдоносно дѣйствовавшей за Дунаемъ. Внизу Днѣпра на лодкахъ полковникъ *Іосифъ Рубанъ* съ 1,000 пѣшихъ козаковъ на 38-ми лодкахъ; на лѣвой сторонѣ низовья этой рѣки между Алешками и Кинбурномъ стояла на стражѣ команда въ 500 чел., подъ начальствомъ храбраго полковника Колпака и его старшинъ: *Семена Маевскаго* и *Ивана Шараго*; наконецъ у Перевѣзки, т. е. на устьѣ Ингульца, полковникъ Иванъ Куликъ съ 200 козаковъ наблюдалъ за дѣйствіями Турецкаго гарнизона въ Очаковѣ, дабы онъ не вздумалъ произвесть движенія вверхъ

по Днѣпру. Но подробнаго изложенія этой кампаніи сдѣлать не можемъ, за неимѣніемъ многихъ объ ней документовъ. Знаемъ только, что слишкомъ 5.600 конныхъ и пѣшихъ козаковъ было при кошевомъ, не считая упомянутыхъ выше отрядовъ, не смотря на 3-хъ-лѣтнюю войну, изнуреніе лошадей, чуму и почти оставленное внутреннее ихъ хозяйство.

Но въ этомъ году Запорожцы познакомились съ однимъ сановникомъ, который прельстилъ ихъ своею любезностью и молодечествомъ, но который имѣлъ пагубное на судьбу ихъ вліяніе, если не былъ настоящимъ ихъ истребителемъ. Это *Г. А. Потемкинъ*. Онъ въ чинѣ генералъ-маіора служилъ въ 1-й арміи подъ начальствомъ графа Румянцова и снискалъ себѣ прекрасную военную репутацію. Тамъ онъ познакомился съ Запорожцами и имѣлъ при себѣ въ отрядѣ нѣсколько ихъ козаковъ и двухъ старшинъ: *Якова Процевича* и *Семена Быстрицкаго*, изъ которыхъ первому и золотую медаль на равнѣ съ главными Запорожскими сановниками войска исходатайствовалъ. Вѣроятно, храбрость козаковъ, ихъ молодечество и веселость очень понравилость этому честолюбивому, но дальновидному государственному человѣку, ибо видимъ, что онъ сперва воспламенился къ нимъ особеннымъ энтузіазмомъ, такъ что и самъ захотѣлъ сдѣлаться козакомъ. Вотъ оригинальное объ этомъ его посланіе къ кошевому:

«Милостивый батьку

«*Петръ Ивановичъ*.

«Подлинность моей благосклонности приневоливаетъ оказать вашей вельможности долгъ моего почтенія

и обязаться на всегда съ желаніемъ доброй совѣсти быть вамъ, милостивому моему батьку, къ услужности готовенъ, по причинѣ моей къ Запорожскому войску любви, съ чего и я принужденъ стать Кущевскаго куреня Запорожскимъ козакомъ; но какъ здѣсь въ комплектѣ войска Запорожскаго нахожусь написанъ, такъ надѣюсь на милость В. В. милостиваго моего батька, что и въ главномъ имѣющемся въ Сѣчи куренѣ Кувчевскомъ [Кущевскомъ] въ реестръ козачій написать не откажете, что и поисполнить прошу; безъ призрѣнія-жъ, мое въ семъ любопытство удовольствовавъ, не оставьте вельможный пане милостивымъ батьковскимъ адресомъ въ семъ меня и освидѣтельствовать».

«Вашей Вельможности Милостиваго батька
всегда готовый слуга

15 Апрѣля 1772 г.
Изъ лагеря при устьѣ рѣч.
Ялоешицъ (въ Молд.).

«Григорій Потемкинъ».

На то кошевой отъ имени войска отвѣчалъ слѣдующее:

«Почтеннѣйше В. П. писаніе имѣли мы честь получить въ день счастливаго случая и тѣмъ, что оный засталъ и насъ готовыхъ послѣдовать со удовольствіемъ вашему прошенію. Коего во исполненіе открытый листъ, сіе есть *аттестатъ* [на пріемъ въ козаки], гдѣ препровождая и товарищемъ здѣшняго войска куреня Кущовваскаго поздравляя, покорно просимъ не оставлять Вашею милостью и войска Запорожскаго при всѣхъ случаяхъ». [25 Мая 1772 г.][1]. Получивъ аттестатъ,

[1]) Этотъ атестатъ сохранялся у Потемкина въ числѣ грамматъ на пожалованные ордена, чины и титула и по его смерти вмѣстѣ съ прочими отправленъ къ графу Самойлову.

Потемкинъ отвѣчалъ: «Аттестатъ Вашъ, чрезъ Василія Чернявскаго получилъ, за что вамъ искренно благодаря, прошу взаимно и мой гостинецъ благосклонно принять, который есть первый знакъ моего усердія, покуда дойдетъ мнѣ случай дѣйствительно показать, сколько я есмь,

«Вельможнаго Пана, Милостиваго государя
Покорный слуга

«Григорій Потемкинъ».

Тогда Потемкинъ считалъ свое козачество шуткою или фантазіею, а Кошъ почиталъ это комплиментомъ, и прозвалъ его «по здѣшнему» *Грицькомъ Нечосою,* по причинѣ пуклей его парика. Тогда ни Потемкинъ своего блистательнаго поприща и счастія, ни «славное Запорожье» своей гибели отъ его руки не предвидѣли. Только Провидѣніе назначило этого честолюбца, какъ орудіе, для спокойствія и счастія Имперіи. Какъ Потемкинъ сдержалъ свои обѣщанія и доказалъ свою любовь къ войску, увидимъ въ послѣдствіи.

Для окончанія свѣдѣній о 1772 г. упомянемъ здѣсь объ одномъ любопытномъ обстоятельствѣ. Мы сказали уже однажды, что для упроченія безопасности въ краѣ, который съ 1764 г. началъ называться «Новою-Россіею» и который постепенно входилъ своими военными слободами далѣе и далѣе въ Запорожскія «вольности», Украинская Линія сочтена излишнею и учреждена новая, названная *Днѣпровскою.* Указомъ отъ 10 Мая 1770 г. на имя инженеръ-генералъ-поручика *Деденева* и 12 Сентября т. г. на имя Щербинина повелѣно было на самомъ рубежѣ Запорожья и даже по срединѣ Калміусской его

паланки, которая, какъ мы сказали выше, продолжалась до устья Берды и Калміуса, нѣкоторые же зимовники доходили до Міускаго Лимана, рядомъ съ Донскими селеніями, построить новую Линію защиты изъ 7-ми крѣпостей. Онѣ названы: Александровскою, Никитинскою, Кириловскою, Захарьевскою, Григорьевскою, Алексѣевскою и Св. Петра[1]. Изъ нихъ только три были построены на самомъ дѣлѣ: Александровская, гдѣ пребывалъ оберъ-комендантъ Днѣпровской Линіи, Кириловская и Св. Петра, гдѣ былъ родъ торговаго города съ небольшою гаванью на Азовскомъ морѣ. Остальныя четыре были наскоро окружены земляными окопами. Эти военныя постройки, сооруженныя въ срединѣ Запорожскихъ земель, гдѣ, какъ они выражались, «еще за гетмана Ланцкоронскаго», т. е. XVI столѣт., были ихъ зимовники, взволновали умы простаго и несвѣдущаго козачества. Туда немедленно былъ отправленъ полковникъ съ командою, чтобы удерживать гарнизоны, или, какъ они выражались, «наблюдать за правами войска». Кошъ хотя и понималъ, что постройка крѣпостей на столь отдаленныхъ границахъ Имперіи, принадлежитъ къ правамъ самодержавной власти, и онъ по своей «вѣрной подданнической присягѣ» такому строенію не противился; — но полковнику своему приказалъ: «не допустить никого въ тѣхъ мѣстахъ ни селиться, ни обзаводиться. Каково-жъ было удивленіе

[1]) Намъ кажется, что эти названія даны крѣпостямъ по имени важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ того времени, напримѣръ *Александровская* въ честь князя *Александра Вяземскаго*, *Никитинская* въ честь князя *Никиты Трубецкаго* или графа *Никиты Панина*, *Кириловская* въ честь гетмана *Кирилла Разумовскаго* и проч.

Коша, когда Новороссійскій губернаторъ *Чертковъ* 30 Ноября 1772 г. написалъ ему слѣдующее: «Близъ Александровской и Никитинской крѣпостей на пространствѣ 30 верстъ между рр. Кучугумомъ и Конскою [слѣдственно въ Великомъ-Лугѣ] по направленію къ великимъ пескамъ [Днѣпровск. уѣзда] найдены солдатами, на работахъ бывшими, скрытыя въ землѣ жженый кирпичъ и известь, тесаный и плитной камень и въ одномъ курганѣ найдены жилые, *мраморомъ выложенные покои*, оставленные тамъ прежде бывшими Татарами и другими народами; то дабы скорѣе окончить постройку Днѣпровскихъ крѣпостей, прошу не только не воспрещать выбирать найденные уже матеріалы, столь драгоцѣнные въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ, но еще поощрять отысканіе другихъ такихъ ямъ, за что предлагаю въ награду по 5 руб. за кирпичный и по 10 за известковый запасъ». Кошъ немедлено отвѣчалъ, что упомянутыя ямы съ Турецкою известью, кирпичемъ и тесаннымъ камнемъ, а также остатки древнихъ зданій и мечетей, находящихся на Запорожскихъ земляхъ, давно войску извѣстны и назначены по его обѣту, какъ только благополучно настоящая война окончится, на постройку въ Сѣчи каменной, вмѣсто деревянной, Покрова Богородицы церкви[1]. А потому «пріятно» губернатора Исакова просилъ: воспретить инженерамъ забирать ихъ собственность и древнія зданія разрушать.

[1]) Весьма бы желательно, чтобы наши археологи, коихъ ревность со смертью незабвенныхъ: Стемпковскаго и Бларамберга, значительно охладѣла, обратили вниманіе на описанную мѣстность. Запорожье пало еще прежде и такъ внезапно, что не могло исполнить своего благочестиваго намѣренія, и вѣроятно упомянутые здѣсь — «мраморные жилые покои» или мечети существуютъ доселѣ.

Въ то-же время полковнику Калміусскому *Петру Велегурѣ* и полковому старшинѣ *Филиппу Сиьжку*, командующему постомъ у Великаго-Луга приказано команду свою усилить, и «вольности войсковыя», если нужно, вооруженною рукою защищать. Это ничтожное обстоятельство произвело, какъ увидимъ вскорѣ, самыя пагубныя для войска послѣдствія.

Такъ наступилъ 1773 годъ. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Кошевой съ отрядомъ въ 5,000 едва козаковъ [такъ много уже выбыло изъ рядовъ, а новые съ трудомъ допускались въ войско] отправился къ Орловской крѣпостцѣ [Ольвіополю] на устье Синюхи и оттуда продолжалъ ту-же партизанскую войну и охранялъ тѣ-же посты, что и въ прошедшихъ годахъ. Но въ огромномъ количествѣ документовъ этого года до насъ дошедшихъ, встрѣчаемъ только небольшое число любопытныхъ свѣдѣній; остальная бездна бумагъ содержитъ переписку о фуражѣ, провіантѣ и жалованьи, котораго войско никогда не могло получать ни въ цѣлости, ни въ пору, отъ чего несчастные козаки, особенно на аванпостахъ, терпѣли всевозможныя лишенія.[1] О дѣйствіяхъ главнаго отряда нашли мы только одно показаніе, и то въ частномъ письмѣ кошеваго къ судьѣ, въ видѣ приписки: «Наша партія подъ Очаковомъ была и на баталіи съ Турками. Изъ нихъ 13 чел. полонили, да на сѣнокошеніи съ однимъ Волошинымъ двухъ Турковъ взяли. Изъ тѣхъ Турковъ два къ князю В. М. Долгорукому,

[1]) Не смотря на большой во всемъ недостатокъ въ Запорожьи, Кошъ былъ такъ учтивъ, что узнавъ о болѣзни главнокомандующаго, посылалъ къ нему изъ Сѣчи цыплятъ, зелени, хлѣба и свѣжихъ огурцовъ.

а одинъ къ генералъ-маіору [князю А. А. Прозоровскому] въ Аккерманъ отправлены; двѣнадцать же съ Волошинымъ для содержанія въ Сѣчи подъ Карауломъ посылаются съ конвоемъ отъ Буго-Гардовой паланки». [1 Іюня 1773 г.]. «Другая партія подъ Очаковъ ходила и 25 Іюня баталію имѣла, на которой одного агу и трехъ Турковъ въ плѣнъ схватили».

Запорожцы по древнимъ обычаямъ считали плѣнника, особенно «бѣсурмана» за настоящую свою собственность; оттого находимъ, что войсковый старшина Пишмичь, ѣздившій отъ имени войска съ благодарственною грамматою къ Императрицѣ, возилъ въ *»гостинецъ Турчатъ и Арабчиковъ,* полоненныхъ на баталіяхъ, графу Никитѣ Панину, графу Захару Чернышеву и друг. «для услугъ», имъ отъ войска предложенныхъ.

Только храбрый витязь Запорожскій Аѳанасій Колпакъ по прежнему отличался на сѣверныхъ степяхъ Крыма, и его подвиги, не смотря на стратегическую ихъ маловажность, запишемъ здѣсь, если не для памяти всей Россіи, то хотя для памяти Украинскихъ патріотовъ. 14 Апрѣля писалъ онъ въ Кошъ: «Сего Апрѣля 9 дня отправлялъ я партію подъ Кинбурнъ, которою взято тамъ «языка» и лошадей козаками въ добычу 12, а остальныхъ зарѣзали не много. Оной же языкъ показалъ, что въ Очаковѣ войска находится 2,000, между коими конницы 500 чел., да въ Кинбурнѣ 150 чел., у которыхъ осталось не больше 15 лошадей. Подъ Очаковомъ же пришло судовъ съ провіантомъ и угольемъ 3». Странное дѣло! если бы Запорожцамъ, имѣвшимъ уже 12 мелкихъ пушекъ, дали тогда, по ихъ

усердной просьбѣ, съ десятокъ осадныхъ орудій, это войско въ недѣлю уничтожило бы эту ничтожную тогда крѣпость, вмѣсто маскированія ея цѣлыхъ три года. Быть можетъ тогда бы не было нужды воевать съ 1787 по 1791 г., ибо Очаковъ правильно былъ укрѣпленъ только въ 1780 годахъ Французскими инженерами. Тогда всѣ думали, что Румянцовъ въ прахъ потопчетъ Турцію и даже до Царьграда проберется, а на дѣлѣ вышло другое, — трактатъ 1775 г. доказалъ все младенчество нашей дипломаціи, не смотря на геройство арміи и геній Монархини и ея полководцевъ. Мы получили десятую долю того, на что имѣли полное право.

Въ другомъ рапортѣ пишетъ Колпакъ: «Команда вся ко мнѣ собралась, только Уманскаго куреня нѣтъ Я по повелѣнію Е. С. предводителя 2-й арміи князя П. И. Долгорукова на дистанціи съ командою трехсотною, при Каланчакскомъ мосту состою; а подъ Кинбурномъ съ двухсотною командою полковый старшина Маевскій, который уже съ партіею изъ Кинбура выходившею перестрѣлку имѣлъ [Мая 5]». А вотъ реляція о его схваткѣ съ Турками: «Я вельможности Вашей не успѣлъ о первомъ своемъ благополучіи донести, что съ 25 на 26 Іюня удалось мнѣ на Черномъ морѣ двухъ-мачтный думбасъ [Турецкій корабль] разбить и всего спалить, а людей въ море потопили, а 3-хъ въ плѣнъ взяли. А какъ это случилось, симъ объявляю. Миргородскій полковникъ *Зайковскій* со мною поохотился пойти съ 60 козаками, да и полкову пушечку взяли. 25 Іюня подойшли мы въ урочищѣ

Кызлагачъ [1]] и какъ расположились тамо, то *я по обычаямъ нашимъ Запорожскимъ*, взялъ съ собою 6 чел. поѣхалъ проискивать удобнаго мѣста для поиску непріятеля, и подъѣхавши подъ крайніе кучугуры къ морю, присмотрѣлъ, что судина Турецкая [корабль] подойшла ночевать къ берегу и видно мнѣ стало, что по сухому Турки ходятъ; а въ то время солнце зайшло; то я возвратясь, команду заразъ съ собою и пушечку взялъ и ночью подойшолъ къ нимъ пѣшо, лошади же оставили въ дальности, а пушку на себѣ подвезли. Высмотрѣвши, что они уснули, а только фонарь горѣлъ, мы залпомъ съ ружей и съ пушки по нихъ ударили и съ перваго раза ядромъ въ судину попали. Оные Турки съ робостью схватясь начали парусъ поднимать, но по власти Божіей вѣтеръ ихъ къ берегу началъ прибивать; въ тожъ самое время я не разсуждаючи ничего бросился прямо въ море и со мною будучіе старшины и козаки, схватились за канатъ и за якорь и къ берегу притащили; то видячи непріятель свою гибель, сталъ въ воду бросатись; мы въ судно вскочивши 3-хъ взяли, а прочихъ побили и потопили. Плѣнныхъ Е. С. князю В. М. отдали, а въ суднѣ которые были припасы порубали и какъ судно запалили, то въ Очаковѣ и Кинбургѣ до самаго свѣта пушечная пальба была». [Изъ Голенькой-пристани на Днѣпрѣ]. Это рыцарское древнекозачье похожденіе, было какъ бы послѣднимъ

---

[1]) Т. е. *Кызильляръ* или *Кызилъ-Агачь*, оврагъ входящій въ Каланчакскій лиманъ, близъ Чернаго моря (Днѣпров. уѣз.). Но намъ кажется, что Колпакъ говоритъ о другомъ уроч. *Кизлярчи* или *Кызиллярѣ* на Днѣпровскомъ лиманѣ близъ Кинбурна, иначе горѣвшее судно изъ этой крѣпости и изъ Очакова не было бы видно.

отголоскомъ ихъ военнаго быта, а потому мы будемъ слѣдовать за реляціями Колпака. Вотъ и другое въ томъ же почти родѣ. «Сего Іюля въ 15 день по повелѣнію Е. С. князя В. М. ходилъ я подъ Кинбурнъ съ партіею и со мною ходилъ препорученный мнѣ въ команду Донской полковникъ *Платовъ*. А пришедши ночью 16 Іюля расположились мы по скрытымъ мѣстамъ, гдѣ ихъ дневные бекеты [пикеты] стояли, и тамъ мы до свѣта были, а какъ развѣлось гораздо, то непріятели подошли сандалками [лодками] для разводу бекетовъ и на берегъ стали выходить, то въ то время и мы такъ сильно бросились на нихъ, что они не могли въ сандалки вхватитись, но только оттапливались водою; а моя партія въ воду вскоча пока можно было достать [дна] стрѣляла и колола, а языка не можно было взять за глубокостью воды. Конницу-жъ ихъ всю въ городъ угнали. Я на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ пикеты были, свои разставилъ. Когда сдѣлалась тревога, въ тое время съ подъ Очакова 13 кораблей къ намъ прійшли, и такъ съ 17 до 18 безпрерывно пушечная пальба на насъ была. Однако намъ имъ вредить было не можно за *кучугурами* [1]. А какъ наша пѣхота камышами съ пушками къ огню пробралась, и способъ возъимѣла на нихъ пушками палить, то по счастію нашему три судна ихъ поразила, такъ что они не могли больше устоять и уступили въ свои мѣста». [23 Іюля 1773 г.] Далѣе писалъ онъ:

«Съ 15 на 16 Августа ночью ходилъ я съ своими

[1]) *Кучугурами* называются песчаные бугры, находящіеся въ западной части Кинбурнскаго полуострова, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврич. губ., близъ Збурьевска и Олешекъ.

командами подъ Кинбурнъ для поиску непріятеля изъ урочища Кизлагача, гдѣ оставлялъ свои при лагерѣ батови [лодки] и при нихъ 100 чел. для закрытія онаго лагеря, то тую-жъ ночь противу 16 ч. непріятель десантомъ на восемнадцати судахъ прибылъ, на разсвѣтѣ 16 ч. выгрузился противу нашего лагеря. Козаки, оставленные въ лагерѣ, увидя непріятельскія силы, съ лагеремъ поднялись и отошли, а мнѣ дали знать, на самой перепалкѣ подъ Кинбургомъ, [гдѣ онъ со всѣмъ почти гарнизономъ ратовалъ], о непріятельской выгрузкѣ. То я оставя подъ Кинбурномъ *шермячить*[1)] скочилъ всѣ прямо къ непріятелю. А прискакавши за двѣ версты къ нему, раздѣлилъ на три части свое войско; старшину Маевскаго съ правой стороны, самъ съ лѣвой съ низу Лимана съ Донскими и Запорожскими козаками, а полковника Герасима Малаго [изъ Низовой флотиліи] по срединѣ; стройно подошедши къ нему, всѣ крѣпко и неустрашимо на непріятеля ударили и смѣшали его. Однако онъ такое мѣсто изобралъ, что изъ кучугуръ не возможно выбить было, гдѣ они нашихъ козаковъ и лошадей много поранили и до смерти побили. Я принужденъ былъ конницѣ всей съ лошадей спѣшиться велѣть и вокругъ непріятеля атаковалъ. И началась у насъ въ атакѣ баталія и продолжалась отъ 9 часа дня до самой темной ночи и безпрерывная была пальба какъ пушечная такъ и ружейная, однако я счастьемъ нашей всемилостивѣйшей Государыни разбилъ ихъ съ войскомъ 3 сандала, гдѣ они и потонули, а которые остались на берегу въ большую робость пришли, гдѣ мы ихъ до 300 выбили, въ плѣнъ взято

[1)] *Шермячить* съ Польск. *szermierzyć*, витязничать, драться.

27 чел., между коими было 4 байрактара. А отъ нашей стороны убито 16 чел., Донскаго войскъ козака 1, ранено нашихъ 110, а Донскихъ 5 чел. И такъ поспѣшеніемъ всемогущаго Бога на другой день всѣхъ прогнали. За которую мою службу пѣхотинскіе разбойники и бунтовщики меня почти до смерти убили». [22 Августа 1773].

Кошевой въ рапортѣ своемъ Г. М. Кохіусу прибавляетъ, что полковникъ Колпакъ, дабы скорѣе и сильнѣе на непріятеля ударить, пѣхоту посадилъ съ собою на лошадей и такъ ударилъ на Турокъ. Въ этомъ дѣлѣ старшины и подавали примѣръ и полковникъ Малый, командиръ флотиліи и пѣхоты, раненъ пулею въ руку, а писарь Маевскій пулею въ щеку на вылетъ. Колпакъ, храбрѣйшій изъ всѣхъ, остался невредимъ отъ вражьихъ ударовъ, чтобы сдѣлаться жертвою измѣнниковъ. Четыре козака изъ пѣхотной команды: Щербина, Великій, Немилостивый и Гончаръ, по окончаніи дѣла, когда Колпакъ распоряжался козаками, требуя, чтобы они всю ночь на полѣ битвы остались, дабы непріятеля изъ рукъ не выпустить, — начали его бранить, а послѣ даже и бить, такъ что, еслибы другіе изъ рукъ не вырвали, то и жизни бы лишили. По ихъ примѣру другіе козаки, порученные въ команду *Кости Дубовому*, бросились на сего послѣдняго, перначь [въ знакъ команды у него бывшій] вырвали и прапоръ [значокъ] бросили. Такъ въ теченіе 5-ти лѣтъ уже три бунта и одинъ заговоръ въ войскѣ противу старшинъ явился и неповиновеніе тѣмъ болѣе становилось явнымъ, чѣмъ долѣе война и слѣдственно убожество войска продолжалось. Кошевой самъ писалъ судьѣ въ Сѣчь, что чрезъ

неправильные поступки одного асаула *Красовскаго*, войско ему даже упреки и укоризны дѣлало. Все это было дурнымъ предзнаменованіемъ для блага общины, которой главнѣйшимъ основаніемъ были: безпредѣльная довѣренность и обѣтъ послушанія старшинѣ. Это сильно чувствовалъ храбрый Колпакъ и съ горестью писалъ къ судьѣ Николаю Тимофѣевичу:

»Я могу похвалиться поискомъ надъ непріятелемъ и преславную побѣду надъ ними сдѣлалъ и славу войску Запорожскому доставилъ, что реляцію до самой Государыни написали. Только мои злодѣй пѣхотинцы Государынѣ и войску Запорожскому измѣнили — не хотѣли ночевать [на полѣ битвы] и Турка самаго лучшаго упустили, а меня до смерти убили. Я у князя лечусь. И такъ жалко, что вся армія войско Запорожское бунтовщиками называетъ, а сверхъ того и Государыня можетъ о семъ узнать. Вельможный Пане! пожалуйте деньги, которые на меня спадаютъ въ жалованье, отдайте въ курень мой Шкуринскій, ибо уже не получать ихъ». [23 Августа 1773].

Скажемъ мимоходомъ, что полковникъ отъ этого несчастнаго событія не умеръ и могъ въ слѣдующемъ году опять храбро подвизаться противъ враговъ своего отечества, какъ это мы ниже увидимъ. Но войско тогда лишилось одного изъ самыхъ старыхъ и заслуженныхъ своихъ старшинъ, Николая Тимофѣевича, по прозванію *Косапа*, умершаго въ Ноябрѣ 1773 г.; онъ былъ старшиною еще въ Олешковской Сѣчи и пережилъ почти весь послѣдній Кошъ Запорожскій. Его потеря для войска была весьма важна, ибо онъ пользовался особенною любовью не только старшины, но даже

простаго козачества. Былъ особенно набоженъ и строилъ на свой счетъ церкви въ Кіевѣ и Запорожскихъ селахъ. Мѣсто его въ Сѣчи до возвращенія изъ похода войска занялъ бывшій судья *Андрей Вербецкій* и съ новымъ 1774 г. на общей войсковой радѣ избранъ судьею войсковымъ и намѣстникомъ въ Сѣчи, войсковый старшина *Павелъ Головатый*.

Между тѣмъ война съ Турками продолжалась и можно сказать съ постоянными и блистательными для Русской арміи успѣхами. Побитые, изнуренные войною Турки, удивленные даже появленіемъ столь страшнаго соперника, какъ Россія, готовы были къ миру; уже собрались въ Букарестѣ обѣихъ державъ уполномоченные и переговоры открылись, но съ одной стороны справедливыя требованія нашихъ дипломатовъ, съ другой хитрость и деньги Французскаго министра при Портѣ Оттоманской, управлявшаго старымъ герцогомъ де Шуазель, были причиною, что на миръ не согласились и принялись вновь за оружіе.

Съ раннею весною 1774 г. князь Долгорукій далъ знать Запорожцамъ, — «что хотя онъ не получилъ еще Е. И. В. повелѣнія въ «*какой край*» войска готовить: — но проситъ около 6 Марта вооруживъ отрядъ въ 2,000 чел. послать его къ Екатерининскому, бывшему Орловскому [Ольвіополю] шанцу, для наблюденія за непріятелемъ со стороны Очакова. Но страшная зима, послѣдовавшая за жаркимъ и бездождным лѣтомъ, покрывала еще снѣгомъ всѣ степи, истребивъ на нихъ даже бурьянъ, а по рѣчкамъ камышъ, и надобно было ожидать времени болѣе благопріятнаго. Вскорѣ, а именно 31 Марта князь Долгорукій далъ вторично знать

кошевому Калнишевскому, что «по открывающимся обстоятельствамъ, все войско Запорожское въ одинъ край устремлено будетъ». А потому приказано 2,000 выступить немедленно, а остальному войску тронуться къ 15 числу Апрѣля, слѣдовать къ Екатерининскому шанцу и перейдя Бугъ, идти «всѣмъ Кошемъ» къ его устьямъ и «чѣмъ ближе къ Очакову, тѣмъ болѣе чести». Пѣхота Запорожская должна была оставаться на Бугѣ, а конницу по прибытіи къ его лиману расположить такъ, чтобы Днѣпровскія гирла «пресовершенно» были заняты, ибо всѣ штурмовые припасы туда будутъ направлены. По примѣру прежнихъ лѣтъ, сформированъ былъ изъ регулярныхъ войскъ небольшой корпусъ и врученъ до времени полковнику *Колюпанову*; къ этому корпусу причислено и Запорожское войско.

13 Мая партія войска Запорожскаго изъ 3,079 козаковъ подъ начальствомъ войсковаго старшины и бывшаго судьи Ивана Бурноса была отправлена и 19 ч. уже подъ Очаковомъ съ Турками имѣла схватку, гдѣ двухъ Турецкихъ чиновниковъ: агу и байрактара въ плѣнъ взяла и съ убитыхъ 16 лошадей пріобрѣла; Турки увидѣвъ ихъ изъ крѣпости, сдѣлали было вылазку, но немедленно были прогнаны. Изъ Запорожцевъ только два козака было ранено, за то самъ командиръ *Бурносъ* на обратномъ маршѣ вздумавши, не смотря на свои преклонныя лѣта, «покозаковать» на своемъ жеребцѣ, близъ рѣчки Коренихи [Одес. уѣзда, близъ Николаева] съ лошади упалъ и такъ ушибся, что изъ арміи въ зимовникъ свой отправленъ и вскорѣ умеръ. Въ то-же время командиръ флотиліи полковникъ

Герасимъ Малый на судахъ съ своею пѣхотою доходилъ до Очаковской крѣпости и съ Турецкими кораблями перепалку имѣлъ, но за противнымъ вѣтромъ никакой надъ ними побѣди одержать не могъ.

Другой отрядъ въ 2,000 козаковъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Андрея Порохни отправленный, совершилъ другую подобную же экспедицію. 24 Іюня подошедъ онъ съ войскомъ своимъ къ крѣпости Очакову въ то самое время, когда по условленному сигналу другіе мелкіе отряды, подъ начальствомъ пѣхотныхъ полковниковъ: *Шпака*, *Цибодриды*, *Маевскаю*, а пѣхота на судахъ съ командиромъ своимъ *Малымъ* тронулась и *всполошила* непріятеля. Выступившіе изъ крѣпости Турки, будучи со всѣхъ сторонъ атакованы и потерявъ много убитыми и 5 плѣнныхъ, ушли безъ оглядки назадъ. Но здѣсь Запорожцы оставались не долго. Въ Іюнѣ т. г., когда Турки, не хотѣвшіе признать Шегинъ-Гирея ханомъ, отправили войско свое и флотъ къ Крымскимъ берегамъ и Татаръ привели въ смятеніе, князь Долгорукій приказалъ Колпаку впередъ съ партіею, а Порохнѣ со всѣмъ отрядмоъ перейти Днѣпръ и слѣдовать къ Перекопу. Вотъ реляція объ этой экспедиціи постояннаго героя нашего Аѳанасія Колпака: «Въ первыхъ числахъ Іюля ѣздилъ я въ Крымъ къ Е. С. князю В. М. Долгорукову... Въ Крыму Турки въ двухъ мѣстахъ было на берегъ выгрузились, одни между Кефою и Еникале [слѣдственно въ Керченскомъ проливѣ] на 40 судахъ, да въ другомъ мѣстѣ противъ Ялты на 30 корабляхъ и на двухъ фрегатахъ, на которыхъ фрегатахъ по 130 [?] пушекъ и по 3,000 строеваго войска; и выгрузившаяся было противъ Ялты

часть того войска. Татарское село разбила и многихъ Татаръ съ дѣтьми плѣнила. Когда-жъ наша армія прійшла въ Крымъ, а корпусъ [т. е. авангардъ или Очаковскій деташаментъ] къ берегу моря, то они опять отошли на море и стоятъ. Татаре нѣкорые взбунтовались было противъ Россійскихъ войскъ, но когда послыхали, что войско Запорожское великими силами идетъ въ Крымъ, того-жъ времени мурзы пріѣхали къ Е. С. князю Долгорукову и просили, чтобъ войско Запорожское въ Крымъ впущено не было, то князь согласился и приказалъ войсковому старшинѣ Порохнѣ съ 1,500-ю командою стать по сю сторону Перекопа при Каланчакѣ у *Каменнаго-Мосту*, гдѣ позицію взяли и расположились до самой осени стоять». [12 Іюля 1774].

Это была послѣдняя уже реляція войска Запорожскаго. — Ночью съ 21 на 22-е число Іюля прибылъ изъ главной квартиры графа Румянцова въ с. Кучюкъ-Кайнарджи, курьеръ, вмѣстѣ съ посланцемъ великаго визиря чегодаремъ Бююкли-Мустафою и привезъ радостное для Россіи извѣстіе, что главнокомандующій, снискавшій себѣ многими побѣдами титло *графа Румянцова За Дунайскаго* по данному ему отъ Ея В. полномочію, вѣчный миръ между двумя имперіями 10 ч. Іюля заключилъ и всѣ военныя дѣйствія прекратилъ. Е. С. приказывалъ чегодаря съ письмомъ визиря отправить, при Запорожскомъ конвоѣ въ Очаковъ, для сообщенія объ этомъ гирнизону обѣихъ крѣпостей.

Съ вѣстью о заключеніи этого достославнаго мира, Румянцовъ послалъ къ Императрицѣ своего сына и маіора князя Гагарина и во всеподданнѣйшемъ рапортѣ

помѣстилъ главнѣйшія условія этого договора. Въ нихъ между прочимъ было сказано:

§ 1. Всѣмъ Татарамъ быть вольными, ни отъ кого, кромѣ Бога независимыми въ своихъ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ, а въ духовныхъ сообразоваться съ правилами Магометанскаго закона, безъ малѣйшаго предосужденія вольности и независимости имъ утвержденной. Всѣ земли, всѣ крѣпости въ Крыму, на Кубани, на островѣ Тамани и прочія земли въ ихъ владѣніи бывшія имъ отдаются, изъемля Еникуль и Керчь, которые Порта Россіи съ ихъ гаваньми симъ трактатомъ уступитъ.

§ 2. Россіи уступлены также замокъ Кинбурнскій съ его округомъ и всѣ степи между р. р. Бугомъ и Днѣпромъ, а Портѣ остается Очаковъ съ его древнимъ уѣздомъ.

Такимъ образомъ Крымское ханство составилось вновь изъ земель нынѣшней Таврической губерніи, Черноморскаго войска и за-Бугской части Херсонск. губ., ибо всѣ Ногайскія земли Едисанской Орды возвращены Крымскому хану, а Россійская граница вмѣсто Чернаго моря и Дуная, на что имѣла полное право, остановилась только на Бугѣ, а за Бугомъ пріобрѣтенъ только одинъ клинъ земли, лежащій между устьями Днѣпра и Буга и линіею, проведенною трактатомъ Бѣлградскимъ въ 1740 году. Но и это владычество было весьма не прочно, ибо главная военная точка этого края, крѣп. Очаковъ, осталась въ рукахъ Турокъ и еще 15 лѣтъ сряду, была тяжкою занозою нашего владычества, потребовавъ новыхъ войнъ и новыхъ жертвъ на югѣ Россіи.

Запорожскій войсковый старшина Сидоръ Бѣлый

съ однимъ полковымъ старшиною и толмачемъ возившіе въ Очаковъ, визирскаго чегодаря, 2 Августа воротились оттуда и письмо Очаковскаго сераскира къ визирю привезли; за столь радостную вѣсть получилъ Бѣлый отъ паши въ подарокъ красную кирею съ золотыми петлицами, а его спутники верхнія *свиты* вишневаго тонкаго сукна. 8 Августа полковникъ Колпакъ потребованъ княземъ Долгорукимъ въ Крымъ съ командою старожилыхъ козаковъ, чтобы указать межу Кинбурнскаго уѣзда Россіи уступленнаго, — козакамъ Запорожскимъ весьма знакомаго, — ибо въ этомъ *уѣздѣ*, просто на Кинбурнской косѣ находились «Прогнои», т. е. соляныя самосадочныя озера, которыя Запорожцы всегда считали своею «стародавнею собственностью»[1].

Князь В. М. Долгорукій, отправляя свою армію въ отечество, на прощаньи съ Запорожцами, прислалъ имъ слѣдующій ордеръ:

«По заключеніи теперь вѣчнаго съ Портою Оттоманскою мира, вамъ господинъ кошевой, и всему войску Запорожскому изъявя достодолжную благодарность за мужественное въ минувшую войну противу непріятеля устремленіе, — рекомендую съ полученія сего слѣдовать немедленно въ свои селенія и войско распустить

[1]) О занятіи Кинбурна Русскими, нашли мы въ архивѣ Запорожскомъ слѣдующій документъ: командиръ поста въ *Збурьевскомъ-Кутѣ* отъ 16 Февраля 1775 г. доносилъ Кошу: «Замокъ Кинбурнскій, опредѣленнымъ отъ Порты Оттоманской, знатнымъ чиновникомъ, въ владѣніе въ сторону Россійскую, г. генералу Кохіюсу сего Февраля въ 1-й день отданъ. А къ тому Кинбурнскому замку земля по какія урочища будетъ отведена, еще неизвѣстно; слышно жъ, что въ *Прогноях*, соляныхъ озеръ Турки въ сторону Россійскую не отдаютъ, сказывая, что онѣ «владѣнія» войска Запорожскаго».

въ домы, такъ какъ и пѣхоту внизу Днѣпра на лодкахъ состоящую». [Изъ лаг. на р. Сарабузѣ 15 Августа 1774 года].

Любимому же своему витязю Аѳанасію Колпаку далъ особое похвальное свидѣтельство въ слѣдующемъ ордерѣ Кошу Запорожскому: «Отправляя нынѣ къ войску полковника Колпака, считаю за должное отдать полную справедливость самому ревностному и усердному къ службѣ Ея И. В. старшинѣ, а какъ о его храбрыхъ поступкахъ, вы господинъ кошевой, старшина и войско извѣстны, то остается мнѣ заключить сіе принесеніемъ отмѣнной ему похвалы за доброе поведеніе, храбрыя дѣла и усердную службу». [Изъ Перекопа, 24 Августа 1774].

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ войско начало возвращаться въ Запорожскія мѣста, и по обычаю кошевой на послѣднемъ разстахѣ предъ Сѣчью въ р. Каменкѣ, писалъ судьѣ войсковому Головатому: «Я съ старшинами войсковыми, артиллеріею и войскомъ съ Камянки въ сей день двигнулся и въ Сѣчь, завтра 9 Сентября въѣхать имѣю». Но въ то же время частнымъ образомъ приказалъ ему: «По отбытіи съ Камянки будучи въ маршѣ имѣемъ ночлегъ при р. Базавлукѣ, противъ *Зеленой-Могилы;* въ Сѣчь же въѣхать намѣрены завтрешній день, неиначе какъ по службѣ Божіей и какъ надѣяться при встрѣчѣ пальбы, а нынѣшнее время, какъ и все лѣто сухимъ есть, то дабы при пальбѣ изъ ружья, борони Богъ, пожара возслѣдовать не могло, для того извольте приказать, чтобъ никто не важился стрѣлять изъ ружья, а изъ пушекъ токмо сколько и прежде бывало выпалить». [8 Сентября 1774 года].

Такъ окончилась знаменитая Турецкая кампанія, пять слишкомъ лѣтъ продолжавшаяся. Запорожцы пріобрѣли въ ней доброе имя, — но лишились многаго, а вскорѣ и самаго быта своего. Во-первыхъ, всѣ зимовники ихъ и усадьбы за границею расположенныя: въ Камянкѣ [у Мѣловаго] на Бѣлозеркѣ, Рогачикѣ, Конскихъ-Водахъ и на лѣвой сторонѣ Великаго-Луга были возвращены Крымцамъ, на основаніи трактатовъ. Во-вторыхъ, мосты въ Гарду на Бугѣ, на Самарѣ, на Солоной, на Базавлукѣ и всѣ Днѣпровскія переправы, главный источникъ доходовъ Коша, были взяты въ казну, подъ предлогомъ переправы войскъ и учрежденія постоянныхъ почтовыхъ сообщеній съ новозавоеванными крѣпостями и городами. Въ-третьихъ, соляныя озера въ Прогнояхъ сдѣлались собственностью Имперіи, и Запорожцы исключительно владѣть ими не могли. А самое главное: по причинѣ учрежденія Днѣпровской Линіи, отстройки Азова и Таганрога, а также карантинныхъ предосторожностей, по случаю повсемѣстной чумы въ Турціи и Крыму, Запорожье окружено было съ самаго начала 1775 г. цѣлымъ кордономъ регулярныхъ войскъ, такъ что оно нашло себя какъ бы въ настоящей блокадѣ, хотя того съ перваго взгляда и не понимало; даже къ вящшему ослѣпленію съ радостью узнало, что добрый сынокъ войска, товарищъ Кущевскаго куреня *Грицько Нечоса* [Потемкинъ], на мѣсто строгаго и слѣдственно нелюбимаго ими генерала Воейкова, сдѣланъ генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края [1]. Отъ него, какъ сотоварища куреннаго,

[1]) Именнымъ указомъ въ 31-й д. Мая 1774 г., даннымъ Сенату, повелѣно: «Какъ правленіе Новороссійскою губерніею оставалось

войско ждало настоящаго блаженства для «славнаго Запорожья», которое онъ [по словамъ его писемъ], такъ уважалъ, почиталъ и любилъ.

Высочайшимъ указомъ Сенату даннымъ [30 Января 1775 г.], послѣ ратификацiи Кучукъ-Кайнарджинскаго трактата, приказано было отпустить или размѣнять взаимно всѣхъ военно-плѣнныхъ. На этомъ основанiи Запорожцы требовали у Турокъ выдачи 109 козаковъ, взятыхъ въ плѣнъ во время войны, а больше во время наѣзда Татаръ въ 1769 г. на Самарскую, Протовчанскую и Орельскую паланки, а также при ловлѣ рыбы въ Днѣпровскомъ-Лиманѣ. Запорожцы же взяли въ плѣнъ 187 Турокъ, изъ коихъ только 36 содержались въ Сѣчи, а остальные отправлены были въ свое время въ главныя квартиры армiи, или въ подарокъ вельможамъ. Да кромѣ того болѣе 800 челов. Христiанъ и Евреевъ «ясыра» отбито было у Турокъ и Татаръ, но тѣ частью возвращены на свободу, частью поселены въ Запорожьи, а частью за окупомъ отпущены въ отечество. [1]]

на время въ вѣдомствѣ Кiевскаго генералъ-губернатора, то Ея В. всемилостивѣйше опредѣлила нынѣ: военной коллегiи вице-президента *Потемкина* въ оную губернiю генералъ-губернаторомъ, и войскъ тамо поселенныхъ главнымъ командиромъ».

[1]) Одинъ примѣръ плѣна и выкупа Евреевъ, мы привели, въ Кiевской старинѣ 1884 года на стр. 160—161.

ГЛАВА V.

Послѣдніе споры за границы. Потемкинъ. Послѣдняя депутація. Сидоръ Бѣлый. Антонъ Головатый.

1773 — 1775.

Кучукъ-Кайнарджинскій миръ, прекратившій столь кровавую и страшную войну, доставившій нѣкоторую тишину въ Крымскомъ ханствѣ и отдохновеніе Россіи, одному только Запорожью, хотя близкому сосѣду военнаго поля, не возвратилъ ни мира ни прежняго благоденствія. Напротивъ оно поставлено было по своему географическому положенію въ такое состояніе, что войско, чувствуя всю силу ума и твердость характера своей старшины, особенно же кошеваго и писаря, съ 1765 г. уже другихъ на ихъ мѣсто не избирало, не смотря на смятенія въ 1768 и 1770 г., происходившія кой-гдѣ по куренямъ. Уже не разъ было говорено выше [главы VI и VIII 2-й части], изъ какихъ разнородныхъ элементовъ составлена была длинная полоса земли на сѣверѣ нынѣшняго Новороссійскаго края, образовавшаяся въ нѣчто цѣлое подъ названіемъ «Новороссійской

губерніи». Мы видѣли какъ постепенно «Новосербія, Новослободскія села, Линейскія слободы и Славеносербія, на отдаленныхъ степяхъ и лугахъ «Запорожскихъ вольностей» основанныя, были причиною сперва дипломатическихъ переговоровъ и переписки, а послѣ ѣдкихъ распрей и даже кровавыхъ насилій. Съ одной стороны начальники этой губерніи, пребывавшіе въ Кременчугѣ или крѣп. Св. Елисаветы и, можно сказать, не видѣвшіе и четверти своего края, въ краснорѣчивыхъ рапортахъ министерству разсказывали объ успѣхахъ, дѣлаемыхъ ихъ управленіемъ, котораго послѣдствіемъ или успѣхомъ было умноженіе народонаселенія военнаго и земледѣльческаго, т. е. полезнаго, въ безлюдныхъ пустыняхъ «никому не принадлежавшихъ». Что же эти пустыни были собственностью «вѣрнаго войска Е. И. В. Запорожскаго Низоваго» никогда въ рапортѣ не упоминалось. На этомъ основаніи въ военной коллегіи канцелярія, сочиняя прекрасные отчеты Монархинѣ о военномъ управленіи въ Низовой Россіи, о составѣ, комплектѣ и поселеніи гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ; съ завистью смотрѣла на лучшую часть края, еще оставленнаго Запорожцамъ, безпрестанно предлагала объ отводѣ онаго подъ сѣнокошеніе, выгоны и хлѣбопашество новыхъ ротъ и новыхъ шанцевъ; при малѣйшемъ же протестѣ Коша или ссылкѣ на свои грамматы и права, отвѣчала, что такихъ граммать въ государственномъ архивѣ «не имѣется».

Взаимно Запорожцы, — общество, составленное изъ взрослыхъ пришлецовъ со всѣхъ концевъ Имперіи, Польши, Молдавіи или Турціи, связанное только

союзомъ военнаго братства, обѣтами послушанія и уваженія къ *своей* только старшинѣ и *своему* «обществу», — считало себя самодержавнымъ хозяиномъ имъ оставленныхъ земель, на которыя съ 1734 году уже хотя признало полное владычество Россіи, но основываясь на обѣщаніи и грамматахъ Монарховъ, не уступало никому и ничего безъ особыхъ Высочайшихъ повелѣній. Отъ того тѣ страшныя распри и злочинства, о которыхъ мы говорили не разъ и о которыхъ извѣстіе приводило въ гнѣвъ самую великую Императрицу, тѣмъ еще болѣе, что это происходило среди трудной войны съ сильными тогда врагами, и среди смятеній, происходившихъ въ восточныхъ козачьихъ земляхъ. Въ 1770-хъ г. четыре были главныя причины кровавой и неукротимой вражды между сосѣдями въ Новороссійскомъ краѣ. 1] Споры съ *Изюмскою провинціею* Слободской губерніи за земли, образовавшія съ 1766 г. Орѣльскую паланку Запорожья, когда межевые толки депутатовъ съ высшимъ Правительствомъ доказали, что вся земля за Украинскою линіею къ югу, т. е. между Орелью и Самарью, по древнимъ актамъ принадлежитъ войску Запорожскому. Но тамъ устроены были многіе хутора и даже слободки: Китайгородскихъ, Царичанскихъ, Маячскихъ и др. жителей этой губерніи; а также помѣщиками Полтавскаго полка Кочубеями и другими заведены были села, по сосѣдству и по давности [praescriptio] причисленныя къ Изюмской провинціи. Въ самомъ началѣ войны съ Турціею Кошъ поручилъ войсковому старшинѣ Порохнѣ: взять въ свое главное военное вѣдомство Самарскую и Орѣльскую паланки, гдѣ все «добро войсковое», т. е. лучшіе зимовники и

«подданство его» находились, и смотрѣть крѣпко, чтобъ козаки за Орель не переходили, а Изюмскіе жители, которые на Запорожскихъ вольностяхъ окажутся, или въ составъ войска поступали бы, или продавъ свое имущество и избы, убирались за линію. Все шло довольно еще тихо до 1772 г. т. е. пока главный старшина находился на мѣстѣ. Но въ этомъ году Порохня выступилъ и самъ въ походъ, а команда надъ Орельскою паланкою вручена была полковнику *Гараджѣ* и писарю его *Роменскому*. Тѣ исполняя буквально свои кошевыя иструкціи, допустились такихъ уже насилій и притѣсненій поселянамъ, что Слободское начальство принуждено было жаловаться Кіевскому генералъ губернатору *Воейкову*, который донесъ о томъ Сенату. 2] *Со стороны Новосербіи*, или Елисаветградской провинціи, притязанія поселенцевъ остановились было на упомянутой выше «*Глѣбовской*» линіи; послѣдняя же рота на востокѣ была *Коммисаровка* на устьи рѣчки с. и. Но со временемъ за выходомъ въ степь многихъ Малороссійскихъ поселянъ и Польскихъ крестьянъ, прибавилась еще рота *Мишуринъ-рогъ*, за который впрочемъ споровъ не было, ибо все, что было выше р. Самоткани, уже Запорожье безпрекословно въ Новосербію отдало. Но когда образовались на р. Домоткани, т. е. въ предѣлахъ Кодацкой паланки, и укрѣпились шанцами с.с. *Домоткань* [нынѣ Глинскъ], *Бородаевка* и наконецъ *Желтое* на рукавѣ Ингульца и рѣчки Жолтенкой], споры опять возобновились, ибо жители Запорожскаго селенія *Бородаевки* были насильно выгнаны изъ своихъ домовъ и зимовниковъ. Былъ даже печальный примѣръ, что слишкомъ дерзкихъ пикинеръ Запорожская команда

арестовавъ привезла съ собою въ Сѣчь, для суда и подучала другихъ бросать военную службу и сдѣлаться козаками, что нѣкоторые въ противность дисциплинѣ и сдѣлали, чтобы сохранить свою землю. 3] Еще бóльшія и истинно кровавыя сцены происходили на юго-востокѣ Запорожья, со стороны *Калміусской паланки*. Съ незапамятныхъ временъ боролись тамъ два козачія воинства за право рыболовства на косахъ Азовскаго моря [Семеновской, Еланчикской, Кривой, Безъименной, Широкой и Ляпиной] отъ устья Калміуса до Міусскаго лимана, и за владѣніе степями лежащими на вершинахъ рѣкъ: Калміуса, Еланчиковъ и Крынки до впаденія сей послѣдней въ Міусъ. Эта, въ настоящее время неоспоримая собственность Донскаго войска, лежитъ между Александровскимъ уѣздомъ и Таганрогскимъ градоначальствомъ. Не смотря на точный и положительный законъ, изложенный въ Высочайшихъ указахъ 1743 г. Октября 30 и 1746 г. Августа 30, знаменитый въ лѣтописяхъ пограничныхъ буйствъ и шалостей Запорожскихъ полковникъ *Кишенскій*, о которомъ мы сказали въ своемъ мѣстѣ, а за нимъ и другіе Калміусскіе полковники прогнали оттуда вооруженною рукою Донцевъ и ставили свою паланку лѣтомъ на Міусскомъ лиманѣ, зимою на среднемъ Еланчикѣ. Начальство Донскаго войска напрасно требовало окончанія этихъ неправедныхъ притязаній, которыя только граничнымъ актомъ 1764 г., нами уже приведеннымъ, были на время окончены; р. Калміусъ признана границею обоихъ козачествъ и тамъ «укопанъ былъ пень обгорѣлый, для знятія всякому своей границы». Но въ началѣ войны, когда рыболовы на Днѣпровскомъ лиманѣ на промыслъ пускаться

опасались, и принуждены были ходить за рыбою на Донъ и на Азовскія косы, споры и распри съ новою силою возгорѣлись. Новый Калміусскій полковникъ *Петръ Вельгура* явился съ большою командою и опять Донскихъ рыболововъ прогналъ, у поселившихся тамъ Донцевъ хлѣбъ и скотъ поотнималъ и поставивъ свою паланку на Міусѣ, распоряжался полнымъ хозяиномъ. При этомъ случаѣ произошли столь важные безпорядки, что дѣло это дошло до свѣдѣнія Императрицы. 4] Наконецъ учрежденіе карантиновъ со стороны Крыма на рѣчкахъ: Мокрой-Московкѣ [близъ г. Александровска Екатериносл. губ.] и Бѣлозеркѣ [близъ нынѣшняго м. Знаменки] были причиною вырубки солдатами не только лѣсу и хвороста, но даже плодовитыхъ деревьевъ на постройку избъ и землянокъ. Горько жаловались на это истребленіе деревьевъ Запорожцы князю Долгорукому-Крымскому, — но главно-командующій весьма дѣльно отвѣчалъ на ихъ просьбы, какъ можемъ судить изъ слѣдующаго отвѣта на одинъ изъ рапортовъ кошеваго:

«На доношеніе ваше о порубкѣ на рѣчкѣ Москоськѣ и при трехъ почтовыхъ станціяхъ лѣсу, предписать нахожу: когда надобны дрова для карантину, то въ снабденіи оными есть надобность всего Государства и долгъ всѣхъ сыновъ отечества и вѣрноподданныхъ рабовъ своей Монархины, чтобы способствовать общей пользѣ». [3 Генваря 1773].

Всѣ упомянутыя здѣсь своевольства, равно какъ недопущеніе инженеровъ забрать Турецкій кирпичъ, известь и камень, найденные въ землѣ, были причиною что войско получило изъ Сената, по Высочайшему

повелѣнію, весьма строгую граммату, въ которой изложены были подробно всѣ непорядки войска Запорожскаго и повелѣно виновныхъ въ этомъ, особенно же полковника Гараджу съ его командою въ Кошъ отозвать, всѣ своевольства пограничныя прекратить и найденныхъ въ землѣ строевыхъ матеріаловъ себѣ не присвоивать, подъ опасеніемъ всей тягости монаршаго гнѣва.

Среди войны съ Турціею, среди безпокойствъ со стороны Польши и Швеціи, Запорожское военное общество, всегда вооруженное, могущее легко выставить въ поле до 15,000 ратниковъ, своею непокорностью весьма затрудняло правительство. Хотя его приверженность къ церкви Православной была испытана, хотя любовь его ко всему Русскому была не разъ доказана на полѣ брани, но благоразуміе и даже здравая политика не дозволяли имѣть полной къ нему довѣренности. Толпа бездомныхъ рыцарей, большею частью безъ роду и племени, безъ воспитанія и семейныхъ связей, особенно въ безконечныхъ степяхъ своей «Палестины», могла подъ руководствомъ какого нибудь измѣнника, въ случаѣ раздраженія умовъ или ослѣпленія невѣжества, предаться на сторону враговъ Россіи. Такъ было въ 1709 г., такъ дерзали надѣяться Орликъ и Мировичъ въ 1734 г. и такъ пытались конфедераты въ 1768 г. Только любовь къ Родинѣ удержала козаковъ въ вѣрности престолу. Правительству оставалось ждать окончанія войны, чтобы принять рѣшительныя мѣры.

Запорожцы, испуганные Монаршимъ гнѣвомъ, въ упомянутой грамматѣ отъ 20 Августа изображеннымъ, на общей войсковой радѣ, рѣшили вновь отправить въ

Петербургъ довѣреннаго человѣка, съ представленіемъ своихъ оправданій и копій съ документовъ, хранимыхъ какъ святыня въ архивѣ Сѣчи, доказывающихъ права ихъ на земское владѣніе войска. Часть этихъ документовъ, хотя и въ копіяхъ, дошли до насъ и были главною основою настоящей книги нашей. Этимъ *посланцемъ* или депутатомъ войска, избранъ на тайной сходкѣ одной старшины, писарь Антонъ Головатый. *Антонъ Андреевичъ Головатый* до 1774 г. былъ извѣстенъ въ войскѣ какъ отличный козакъ Кущевскаго куреня, «грамотный и письменный», служилъ сперва въ командѣ «молодиковъ при боку кошеваго находящейся». По знанію грамоты и особеннымъ способностямъ избранъ былъ въ 1771 году писаремъ Самарской паланки, а послѣ былъ при войсковомъ судьѣ въ Сѣчи или при кошевомъ въ походѣ. Въ качествѣ же писаря ѣздилъ онъ въ 1768 г. въ Петербургъ съ другими столичниками для полученія жалованья и тогда имѣлъ случай познакомиться съ многими знатнѣйшими лицами Имперіи, весьма любившими Запорожцевъ, — что ему и войску не разъ было полезно, какъ увидимъ въ послѣдствіи [1].

Лишь только зима 1773—1774 г. кончилась и войско въ походъ выступило, Антонъ Головатый съ однимъ только козакомъ отправился въ Петербургъ. Въ инструкціи, данной ему 12 Марта 1774 г., приказано взять двѣ челобитныя отъ войска и копіи съ столько разъ уже приведенныхъ документовъ: универсала Богдана Хмѣльницкаго 1655 Януарія 15; царской граммата 7196 [1688]; выписки изъ договора вѣчнаго мира,

[1]) О *Головатомъ* весьма любопытная статья помѣщена въ № 10 *Отечественныхъ Записокъ* на 1839 годъ.

заключеннаго Россіею съ Поляками 1686 г. § 3 и конституціи Варшавской 1717 г., — и съ ними ѣхать ко Двору всемилостивѣйшей Государыни. По прибытіи въ столицу г. генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго просить: о своемъ представленіи Ея И. В-ву, и, если онъ этой чести удостоится, челобитныя отъ войска подать. Когда для справокъ нужные документы потребуются, представить упомянутыя выше копіи. «Еслижъ и потому [такъ оканчивается инструкція] согласнаго просьбѣ чрезъ два мѣсяца не сдѣлается, то съ вѣдома кого надлежитыметъ возвращаться въ Кошъ». Въ одной челобитной, весьма обширной, изложена была жалоба, уже намъ извѣстная, на Новороссійское и крѣпостное начальство, въ другой какъ бы краткая кредитивная граммата Головатаго. Въ сей послѣдней войско просило, чтобы «земли и угодья войска Запорожскаго Низоваго, правою стороною Днѣпра подъ Елисаветградскую провинцію, а тою Донскому войску отшедшія и самовольно *влазящими* [поселенцами] захваченныя, какъ оныя по всесвѣтному знанію и весьма древнѣйшей давности, суть единаго войска Запорожскаго Низоваго, добровольно подъ державу Высочайшаго Всероссійскаго Ея И. В. престола пришедшаго, — всѣ войску Запорожскому Низову возвратить, и какъ на возвращенныя, такъ и на тѣ, кои обома сторонами Днѣпра, будучи собственными единаго войска Запорожскаго Низоваго — за симъ войскомъ остаются, при его правахъ, вольностяхъ и поселеніяхъ, къ владѣнію таковому, какъ и предки ихъ имѣли, не только въ недавнія времена но егда и подъ Польскою короною были, *да и прежде*, — Высочайшую Ея И. В. граммату пожаловать». [12 Марта 1774].

Однимъ словомъ, Запорожье опять просило, чтобы всѣ Новосербскія поселенія, часть земель Донскаго войска и тѣ Великороссійскія слободы, которыя по Днѣпру и около крѣпостей устроились, были имъ отданы; или другими словами: чтобы Новороссійская губернія была упразднена, а Новая Россія обращена въ такую же глухую степь, какою была она до 1740-хъ годовъ. Легко можно было отгадать послѣдствія такихъ неумѣстныхъ и даже неблагоразумныхъ требованій. Впрочемъ посланецъ войска былъ принятъ милостиво. Монархиня обѣщала простить вины войска Запорожскаго, если оно скорою покорностью и сосѣдственною дружбою съ подданными Ея В-ва въ Новороссійской губерніи поселенными, заслужитъ Ея Монаршую милость. Въ именной милостивой грамматѣ, данной по сему случаю, Ея В-во изъявивъ — сколько съ одной стороны вѣрность и храбрость войска Запорожскаго является въ настоящей войнѣ, къ своей отмѣнной хвалѣ и истинному Е. И. В. удовольствію, столько съ другой производятъ въ ней огорченія, продолжающіяся безпокойства и замѣшательства по поводу границъ въ земляхъ между Сѣчею и Новороссійскою губерніею, — повелѣваетъ: «Какъ правосудіе Наше имѣетъ непремѣнное и всегдашнее правило воздавать справедливость всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, слѣдственно и Запорожскому войску Нашему вѣрностью и храбростью отличившемуся, то Мы вамъ всемилостивѣйше повелѣваемъ: избравъ между собою двоихъ или троихъ депутатовъ, знающихъ земли и права войсковыя и снабдя ихъ всѣми документами, прислать ко Двору Нашему. По прибытіи которыхъ повелимъ Мы особенно право ваше разсмотрѣть и

сходственно съ правосудіемъ удовлетворить претензіи вашей, если она найдется справедливою, ибо Наше въ томъ есть точное соизволеніе. А до того времени паки строжайше повелѣваемъ остаться спокойно, яко добрымъ гражданамъ и вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ. [За собственноручнымъ Е. И. В. подписаніемъ 1774 г. Мая 22] [1].

Эта граммата была послана уже прямо Новороссійскому генералъ-губернатору, генералъ-поручику Григорію Потемкину, при слѣдующемъ имянномъ указѣ:

«По умножившимся безпокойствамъ и замѣшательствамъ въ земляхъ Новороссійской губерніи зъ Сѣчею Запорожскою, разсудили Мы нынѣ разсмотрѣть сіе дѣло и прекратить тѣмъ всѣ оные единожды навсегда. Въ семъ намѣреніи указали Мы войску Запорожскому прислать сюда повѣренныхъ съ потребными къ рѣшенію о ихъ притязаніяхъ документами, а до тѣхъ поръ оставаться спокойно. Вамъ же симъ повелѣваемъ: прикказать въ помянутой порученной руководству вашему губерніи, чтобъ всѣ зачатыя понынѣ тамъ селенія остались въ настоящемъ положеніи, и какъ сіи отнюдь распространены, такъ и другія вновь зачинаемы не были, до точнаго впредь о томъ соизволенія Нашего». [21 Іюня 1774 г.]

Запорожцы много надѣялись на Потемкина, который, пока былъ не важнымъ генераломъ или царедворцемъ, т. е. почти частнымъ человѣкомъ, могъ принимать участіе въ судьбахъ войска, льстить его самолюбію, дѣлать свойственныя всякому дипломату учтивыя

---

[1]) Эта граммата, подобно другимъ, дошла до насъ въ однѣхъ обрывкахъ, и то въ копіяхъ

обѣщанія, безъ вниманія на политическое онаго состояніе. Но сдѣлавшись членомъ правительства, генералъ-губернаторомъ соперничествующаго съ нимъ края, долженъ былъ перемѣнить мысли, если прежнія его дѣйствія не были только одною игрушкою. Головатый не умедлилъ просить его усерднаго содѣйствія, но получилъ въ отвѣтъ одни комплименты. Такого роду было и слѣдующее письмо, единственный плодъ первой посылки въ столицу Антона Головатаго. Оно было еще адресовано на имя кошеваго Петра Калнишевскаго, хотя противу этого именно атамана устремлены были всѣ его упреки и противудѣйствія; — впрочемъ оно столь оригинально, что мы приводимъ его вполнѣ съ его формами и *приписками* [PS].

«Ясневельможный Мосцѣ Пане Кошевый!

«*Петръ Ивановичъ*,

«Любезный мой батьку.

«Хотя и не имѣю честь знать васъ самолично, но будучи одно-куренецъ, а теперь и сосѣдъ по Новороссійской губерніи и вѣдая по слуху и славѣ отличность дарованій вашихъ въ ратномъ ополченіи и стройномъ правимаго вами Коша содержаніи, какъ и имѣвъ опыты вашей ко мнѣ дружбы, за долгъ почелъ съ симъ письма вручителемъ паномъ эсауломъ Антономъ Головатымъ, въ знакъ всегдашней къ вамъ моей любви, послать къ вамъ карманные дзигарки [zegarek, часы] и оксамиту [aksamit, бархатъ] на платье, дабы нося оные, имѣли вы ежечасное воспоминаніе о томъ, который всегда содержитъ васъ въ незагладимой памяти и всѣ ваши препорученія исполнять за обнародованіе и собственное

удовольствіе поставляетъ. Увѣряю васъ чистосердечно, что ни одного случая не оставлю, гдѣ предвижу доставить каковую либо желаніямъ вашимъ выгоду, на справедливости и прочности основанную, и какъ у престола Монархини о пользѣ вашей ходатайствовать, такъ и по сосѣдству въ претензіяхъ вашихъ, разобравъ связь обстоятельствъ, мнѣ еще неизвѣстныхъ, помогать вамъ вседушно готовъ.

PS. «Кланяйтесь отъ меня Кущевскому куренному атаману, товариству и всѣмъ сѣромахамъ.

PS. «Будь ласкавъ батьку, пришли мнѣ гарнаго Татарскаго коня, чтобъ козаковать годывся». [21 Іюня 1774 года].

На это весьма любезное посланіе кошевой 24 Сентября отвѣчалъ столь цвѣтущимъ слогомъ, что его письмо и понять трудно, такъ оно преисполнено семинарскаго краснорѣчія, — какъ можно судить изъ слѣдующаго отрывка:

«В. П. кланяюсь едною лошадью, тою, на которой я минувшіе всѣ кампаніи служилъ зъ седломъ Черкесскимъ; о милостивомъ пріемѣ и тѣмъ обрадованіи мене и войска нижайше В. П. упрашиваю и усердно желая ѣздить его по благосчастливомъ пути, притяжащемъ отъ всѣхъ удивительное геройство», и проч.

Между тѣмъ война кончилась, служба Заропожцевъ была не столь нужна, а съ тѣмъ вмѣстѣ Потемкинъ перемѣнилъ немедленно тонъ и слогъ своихъ писемъ. Еще Запорожцы по случаю зимы не успѣли собраться съ отправкою въ Петербургъ своихъ повѣренныхъ, какъ новыя поспѣвали на нихъ жалобы. Орѣльскій полковникъ не только противился

разграниченію земель войсковыхъ, но даже посылаемыхъ геодезистовъ задерживалъ и въ Сѣчь отсылалъ. Карантинное начальство Украинской Линіи жаловалось на разореніе Царицанскаго карантина. Изъ двухъ жалобъ первая была справедлива и полковникъ былъ рѣшительно виноватъ, но упрямый Кошъ вмѣсто должнаго ему наказанія, вздумалъ его защищать. Въ г. Царицанкѣ [Азовск. губ.] карантина никто не разорялъ, ибо козаки вполнѣ умѣли понимать, что это «казенное» учрежденіе; только у маркитанта, который, съ позволенія крѣпостнаго коменданта, завелъ себѣ хуторъ близъ с. Тупаловки, на землѣ Запорожской, безъ позволенія Орѣльской паланки, строеніе и земля отобраны. Но Потемкинъ успѣлъ уже получить упомянутый именный указъ Императрицы и сей часъ грознымъ письмомъ заговорилъ съ Запорожьемъ. Представивъ и безразсудство Коша, и праведный за то гнѣвъ Монархини, онъ требовалъ немедленной впредь покорности и послушанія, скорѣйшей присылки въ столицу войсковыхъ депутатовъ и такъ письмо свое оканчиваетъ:

«Я съ моей стороны безъ всякаго лицепріятія, не опровергая, ниже утверждая, почитаемое Запорожскимъ войскомъ на тѣ земли право, воспретя подчиненнымъ моимъ строжайше всякое супротивленіе и повинуясь Высочайшей Е. И. В. волѣ, къ окончанію сего дѣла предложилъ уже г. Г. М. Черткову [1]] чтобъ онъ со всѣми до того принадлежностьми, такъ какъ и описаніемъ причиненныхъ жителямъ оной губерніи обидъ

[1]) Генералъ-маіоръ *Василій Чертковъ* управлялъ Новороссійскою губерніею, въ званіи гражданскаго губернатора.

и разореній, явился ко мнѣ, а въ то же самое время слѣдуетъ неминуемо быть и ожидаемымъ отъ войска Запорожскаго депутатамъ. Но если бы сверхъ всякаго чаянія сіи дружескіе мои откровенные совѣты не возъимѣли желаемаго дѣйствія, и какъ тѣ депутаты для рѣшенія обоюднаго дѣла сего въ самой скорости не прибыли, такъ и отнятое у поселянъ губерніи моей возвращено не было, въ такомъ уже случаѣ принужденнымъ я себе найду, представъ предъ престоломъ Е. И. В. всеподданнѣйше донеся о всѣхъ причиненныхъ губерніи несносныхъ обидахъ и огорченіяхъ просить правосуднаго Ея защищенія.» [8 Декабря 1774].

Еще до полученія этого столь отличнаго отъ прежнихъ «листовъ» приказа, войско 24 Сентября 1774 г. на общей войсковой радѣ избрало депутатами ко Двору, войсковыхъ старшинъ: бывшихъ эсауловъ *Сидора Бѣлаго* и *Логина Мощенскаго* и полковаго старшину писаря *Антона Головатаго*. Имъ даны копіи съ тѣхъ же документовъ, которыя возили всѣ прежнія депутаціи и которыя имѣлъ Головатый въ 1773 г., но которыхъ тогда никто читать не хотѣлъ и новыя челобитныя къ Императрицѣ въ томъ же смыслѣ, что и приведенныя нами выше. Эта послѣдняя депутація Запорожья такъ любопытна и такую оригинальную оставила намъ переписку, что мы сочли необходимымъ представить ее довольно подробно и просимъ терпѣливаго снисхожденія читателей нашихъ.

Въ началѣ Октября 1774 г. депутаты съ свитою изъ 21 козака состоящею, съ многими гостинцами и письмами выѣхали изъ Сѣчи, не смотря на ужасную

слякоть, снѣгъ и метелицу и, достигнувъ Линіи, въ Царицанскій карантинъ вступили. Здѣсь они пробыли три недѣли и пустились въ дорогу не раньше 30 Октября. Вотъ уже одно доказательство, что Запорожцы карантина въ Царицанкѣ не жгли[1]. Въ Москву доѣхали 7 Декабря, а 30 писали Кошу: «Въ 7 день сего мѣсяца прибыли мы благополучно и квартируемъ по милости отца архимандрита въ Новоспасскомъ монастырѣ. Намѣрены мы было ѣхать въ Петербургъ, да и оставили мы сію дорогу, потому что уже всѣ присутствія и генералитетъ тронулся въ Москву, нѣкоторые уже прибыли, да и Государыни со всѣмъ дворомъ день на день надѣемся. Дворецъ Императорскій, въ которомъ жить Ея В-во имѣетъ, выстроенъ въ улицѣ между Всесвятскими и Пречистенскими воротами, гдѣ былъ Алексѣя Михайловича Голицына фельдмаршала домъ. И такъ, мы еще въ дѣло и не вступали, а какъ прибудетъ дворъ, всемѣрно стараться будемъ отколь надлежитъ просить исходатайствованія у Ея И. В. для войска Запорожскаго Низоваго полезной резолюціи. Нынѣ въ Москвѣ хлѣбъ и все противъ стараго чрезвычайно въ продажѣ ходитъ дорого, а однакъ все сыскать можно».

Тутъ депутаты нашли своего козака *Герасима Чорного*, который ѣхалъ изъ Петербурга съ *котлами*

[1]) Въ одномъ письмѣ своемъ Потемкину, кошевой очень ясно доказываетъ причины всѣхъ жалобъ на войско. «Почему, говоритъ онъ, не жалуется на насъ тотъ, кто нашихъ земель не захватывалъ и ими не пользуется. Только тѣ кричатъ на насъ, кто отъ насъ *корыстуется* (пользуется нашимъ добромъ)». Но Потемкинъ, по словамъ Головатаго, не читалъ ихъ писемъ, а читалъ только одни жалобы на Запорожцевъ.

[литаврами], для войска Потемкинымъ дарованными [1]. 6 Февраля 1775 г. отправлено другое письмо: «По порученной намъ отъ вашей вельможности и всего общества коммисiи [писали депутаты], мы по оной уже вступили въ дѣло. Челобитныя приняты отъ насъ г. генералъ-прокурoромъ князем Вяземскимъ, для поднесенiя Ея И. В., коихъ о докладѣ Е. С. усерднѣйше просили, и онъ на прошенiе наше обѣщался служить. Также и письма, къ кому принадлежали изъ гг. генералитетовъ, роздали. При роздачѣ которыхъ нами всякаго прошено исходатайствованiя у Е. В. полезной резолюцiи. Гг. генералитеты завѣряли только тѣмъ каждой, что «не будете обижены землями и безъ нихъ не останетесь.» .... Коня бѣлого при письмѣ Великому Князю Е. И. Выс. Павлу Петровичу нами доставлено. За котораго изволилъ Е. Выс. вашей вельможности и всему Запорожскому войску, изустно при нашей бытности, благодарить. А каштановатый [конь, присланный кошевымъ] Григорiю Александровичу г. генералу Потемкину отданъ.»

Между тѣмъ войско Запорожское, въ настоящемъ ослѣпленiи пребывая, добрыхъ совѣтовъ и даже предчувствiй своихъ не слушало, а поручало своимъ депутатамъ упорство, всегда и такъ уже козачеству свойственное. «Слышно, писалъ Кошъ своимъ депутатамъ,

[1]) Въ письмѣ Коша Потемкину, въ которомъ онъ благодаритъ за пожалованные котлы, видно, что войско предчувствовало уже свою горькую участь «Любя (войско) любовно, (такъ оканчиваетъ оное письмо свое), прiймите и мѣры ко исполненiю обѣщанiя, которымъ столь увѣрены и обрадованы, что не сумнѣваемся о достиженiи утѣшенiя въ печалѣхъ нашихъ, имѣя *право* живымъ Богомъ и всѣмъ свѣтомъ оправдаемое». (24 Генваря 1775).

что г. генералъ Чертковъ позванъ туда [ко Двору], но что онъ *непомежникъ* [не сосѣдъ] не имѣющъ къ намъ какого либо дѣла, и потому не можетъ быть участенъ въ нашемъ дѣлѣ, которому рѣшеніе отъ Высочайшей особы Е. И. В. зависитъ, по единымъ нашимъ представленіямъ и привиллегіямъ; — то и запрещаемъ *Мы войско общимъ нашимъ войсковымъ словомъ*, чтобъ вы съ нимъ генераломъ Чертковымъ ни во что не вступали«. [24 Января 1775.]

Но видно, что положеніе депутатовъ было уже самое затруднительное: слѣдующее письмо въ тотъ же день что и предъидущее, писанное съ нарочнымъ, козакомъ для вящшей безопасности, отправлено было однимъ Головатымъ, безъ участія другихъ депутатовъ, на имя самаго кошеваго, чего никогда, еще не случалось въ Запорожьи. «Теперь мы уже вступили въ дѣло, писалъ онъ, только не весьма весело, кажется. Господа генералы: Потемкинъ, Вяземскій и братъ мой [вѣроятно по куреню] Стрекаловъ, сердятся. Разумовскій, Панинъ. Чернышевъ и прочіе ласкаво съ нами обходятся. Мы теперь не противъ прочихъ прежде бывшихъ въ радости живемъ. Почти всякій день отъ Новороссійской губерніи получаемъ новыя вѣсти: прямо сказать всякаго дня новая радость, а просителей на насъ, вокругъ нашей Запорожской земли живущихъ, у Григорія Александровича [Потемкина] въ комнатахъ не продути, такъ густо, только отдымайсь да отдымайсь! И самъ тутъ Потемкинъ чрезмѣрно пужаетъ за все и угрожаетъ симъ, что онъ Е. В. докладъ учинитъ и востребуется Именнымъ указомъ съ войска зашедшихъ всѣхъ съ Малой-Россіи высылки на прежніе жилища,

а оставаться только однимъ иностранцамъ; такъ сердить, что и сказать нельзя: за офицеровъ забранныхъ инженерныхъ и пикинерныхъ, да за разореніе Царицанскаго карантина. Однакъ противъ просителей и самаго его оспариваемъ, сколько можемъ. Слыхали мы отъ Потемкина, что въ недавномъ времени Коммисарскій [т. е. Орѣльской паланки] писарь *Вырмѣнка* наѣхавъ наслободу Лиховку, разорилъ. Тутъ то намъ хорошій былъ пиръ; котораго [писаря] уже поймано и везутъ въ Москву, что то будетъ? якъ привезутъ, почуемъ. А Велегура, Калміусскій полковникъ отрѣзалъ косы [на Азовскомъ морѣ] у Донцевъ по Міусъ, и за се у Потемкина пили мы крѣпкій пуншъ. При чемъ сказалъ: что и Велегуру прикажетъ взять для свиданія съ Вырмѣнкою и Москвою [т. е. Русскими поселянами].... Нашихъ Дунайцовъ [1] оболгалъ какой-то генералъ: что они отдавали ему свои лодки въ соблюденіе, а самимъ бы итить пѣшкомъ чрезъ Польшу для грабительства; а когда ему мы сказали, что у нихъ всѣ лодки погода побила, то онъ [Потемкинъ] не вѣритъ; такъ я ему въ отвѣтъ сказалъ: «какая въ свѣтѣ есть ложь! Они бѣдные остались по причинѣ судьбы своихъ лодокъ, да хотя бы и пошли пѣшкомъ, какъ сказано на грабительство, то что они пѣшіе занесутъ». А Потемкинъ выговорилъ: «будто я не знаю вашихъ ухватовъ: пѣшкомъ пойдетъ; а узду за поясомъ одну, либо въ саквахъ двѣ, то на нихъ и коней весьма скоро добуть можетъ, чтобъ не пѣшому быть каждому, а на вьючные добычь, для облегченія себя». Завѣряю васъ, что уже

[1] О *Дунайцахъ* мы говорили подробно въ III главѣ нашей лѣтописи, (Ч. III. стр. 83—96).

надъ нами не происходитъ, только не трусимъ, да и вы держитесь добре за корму, что Богъ дастъ, въ его святой волѣ все зависитъ». [6 февраля 1775. [1]]

Весь февраль и Мартъ прошелъ и дѣлами Запорожья никто по видимому не занимался. 6 Апрѣля писали депутаты, что они были еще не разъ у князя Вяземскаго, а тотъ отсылалъ ихъ къ генералу Ст. Фед. Стрекалову. Стрекаловъ сказалъ имъ, что дѣло ихъ изъ первыхъ разберется въ Сенатѣ, а тогда сдѣланъ будетъ Е. И. В. докладъ; но когда? депутаты не знали. да вскорѣ самъ Стрекаловъ заболѣлъ и они его не могли видѣть. «Теперь, писали они, живемъ въ Москвѣ безъ дѣла, къ кому не явимся, всякъ отговаривается, что не до его касается; у Григорія Александровича Потемкина часто бываемъ, да мало говоримъ. На сихъ дняхъ г. генералъ Потемкинъ намъ объявилъ, что привезенъ Вырмѣнка писарь и съ нимъ 3 козака въ Москву и содержатся нынѣ въ Преображенскомъ полку подъ карауломъ; что съ ними будетъ, неизвѣстно».

Другое письмо въ тотъ же день посланное въ Кошъ, было вмѣстѣ и послѣднимъ. Выписываемъ оное во всей цѣлости, какъ весьма оригинальное и любопытное.

---

[1]) При этомъ письмѣ приложена еще такъ называемая *цидулка*, т. е. post scriptum. «Здѣшней помѣщицы княгини Долгорукой крѣпостной, живописный майстеръ, человѣкъ искусный, обученъ отъ сего художества славнымъ Петербургскимъ живописцемъ Левицкимъ, желаетъ себѣ сыскать работу въ войскѣ и его госпожа отпущаетъ. Ежели онъ для чего тамъ надобенъ, то увѣрить насъ чрезъ письмо покорнѣйше просимъ. Сей живописецъ такой человѣкъ разумный, что надобно, вздумай только, а въ живописи сдѣлаетъ.»

«Наши просьбы приняты Вяземскимъ; довольно было грозныхъ выговоровъ отъ его за разные неправедные отъ Новороссійской губерніи наносы, какъ то: зажиганіемъ селеній, угономъ скота, взятіемъ и содержаніемъ подъ карауломъ пикинерныхъ и инжинерныхъ офицеровъ. Мы противъ его угрозовъ довольно смѣло и порядочно оправдали свою сторону всякими удобными резонами. Между симъ просили его о докладѣ нашихъ просьбъ Е. И. В Онъ на сіе только сказалъ: «хорошо». Когда на другой день явились у него и зачали опять просить, то онъ сказалъ, чтобъ ему объ семъ *не кучили*, а являлись бы у Стрекалова.

Когда же мы явились у Стрекалова, то будучи онъ симъ недовольнымъ, грозилъ за сіежъ, что и Вяземской и выговаривалъ: «въ вашихъ-де прошеніяхъ есть такое, которое совсѣмъ не принадлежитъ Государынѣ; на что вы о другихъ людехъ кромѣ себе доносите, на карантинныхъ офицеровъ?» Мы ему на сіе отвѣтствовали: «Вы намъ какъ не вѣрите, то повѣрить можете постороннимъ, какія издѣрства взятками дѣлаются въ карантинахъ и другихъ мѣстахъ разнымъ проѣзжающимъ». Онъ Стрекаловъ сказалъ: «а земли, что называются въ челобитныхъ вашихъ *вашими*, почему-де вы ихъ присвоили». На что мы ему отвѣчали: «что съ ними пришли подъ державу Россійскую съ подъ Польской короны, имѣемъ письменные на то документы». А Стрекаловъ говорилъ: «Когда-де вы измѣнили [въ 1709], то земли и права свои потеряли». — «Правда, мы ему сказали, когда мы были подъ Турецкою державою, то съ тимижъ землями пришли подъ Россію, да имѣемъ покойницы Анны Іоановны Императрицы

грамматы простительныя[1] всѣхъ нашихъ винъ; Она оставила насъ при всѣхъ нашихъ правахъ, вольностяхъ и земляхъ по прежнему. Какъ они и не отходили отъ насъ такъ, такъ и есть. И надѣемся вѣрно, что въ Россіи архива не горѣла; въ ней есть прежнихъ Государей отпуски [черновые] грамматъ въ войско, съ якихъ ясно усмотрѣть можете, — когда на наши копіи не вѣрите». Стрекаловъ сіе и самъ утвердилъ, что есть архива цѣла и «будемъ-де искать по иностранной коллегіи», а намъ сказалъ, что «васъ позовется въ совѣтъ».

«Теперь мы сего дошли, что поручено въ иностранной коллегіи историку нѣмцу, полковнику *Міниеру*[2]] выписку чинить [изъ архивовъ], съ якой уже часть скопѣевано и посылается; съ коей усмотрѣть можете предковъ нашихъ борьбы съ Турками, Молдавіею, Ляхами и Россіею; только еще не все сіе окончено. А течетъ выписка и всего стараться будемъ достать. Выписку сію въ Сенатѣ приговорено чинить по большей части Никитою Ив. Панинымъ; онъ много оспариваетъ съ ними за насъ.

... «Когда мы Вермѣнку отправдывать стали: что не допускаетъ землями нашими корыстоваться [пользоватся] поселянъ Новороссійскихъ, не самъ собою, но

---

[1]) Граммата 1733 г. Августа 31.

[2]) Депутаты говорятъ здѣсь объ исторіографѣ и членѣ Академіи Наукъ *Миллера*, котораго записки о Малороссіи, подъ заглавіемъ: *Cosaccica* находятся въ государственномъ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Упомянутой здѣсь *выписки*, списанной или переведенной въ Москвѣ и посланной въ войско, въ архивѣ Сѣчевомъ мы не нашли Часть сочиненія столь знаменитаго ученаго объ Украинѣ, о Сѣчи и Запорожцахъ уже напечатаны въ «Чтеніяхъ» Московскаго Общества Исторіи и древности

съ повелѣнія команды своей; то Потемкинъ сказалъ: «пошлется-де граммата въ Кошъ, чтобъ самъ кошевой съ писаремъ его Глобою пріѣхалъ въ Москву на отвѣтъ». Мы ему на сіе отвѣтствовали: что «кошевой и старшины сему не причиною, а дѣлается сіе отъ общества: кошевому и старшинамъ ежедневно кучатъ старики и атамани и войско о семъ, что негдѣ селиться. Да оножъ сверхъ сего было наше и есть».

«Присланные письма съ Коша чрезъ *Федора Дона* Потемкину, мы ему споручили; между якими онъ съискалъ себѣ весьма пріятное, такъ что самъ говорилъ намъ: «и я де такое напишу отъ себе въ Кошъ, что и не прочтутъ». А мы ему сказали: «Въ войску нашемъ не безъ грамотнаго; есть съищется прочитать»; и хотѣлъ Потемкинъ биться объ закладъ съ нами, да и говорилъ, «что Глоба вашъ въ войскѣ не захочетъ его читать, а я де ваше посообщалъ разумнымъ людямъ для любопытства». Мы сіе не только отъ его слыхали, что забавляются симъ письмомъ многіе министры, но и отъ другихъ удостовѣрены, что точно такъ есть, всѣ нимъ забавляются, видно что сіе письмо нѣсколько ихъ стревожило. Изъ сего примѣчать можно, теперь насъ изъ Новороссійскихъ командировъ тутъ находячихся никто не зачепае; только и разговоровъ, что съ такими, къ которымъ дѣло наше не принадлежитъ.

«У г. Потемкина видали мы сами представленныхъ на образецъ двухъ пикинеръ, одного Новой-Линіи [Днѣпровскаго], а другого Кинбурнскаго полку; видно очень ясно, что такіе полки набиратимутся и поселянъ заводить будуть, когда что не помѣшаетъ.

«Слыхали мы: пошлются въ наши земли землемѣры.

Разными образы ваша вельможность къ сему не допустить, ибо мы уже многимъ подложникамъ сказывали, что если они поѣдутъ безъ вѣдома Коша, то взяты будутъ подъ караулъ. Мы сіе и всѣмъ генераламъ сказывали не одинажды: »когда посланы будутъ [землемѣры] безъ «вѣдома Коша, а попадутся, хотя и повѣсятъ [ихъ], то пропадетъ».

«Еще Потемкину хто-то донесъ, будто бы ваша вельможность обзаводите себѣ модные покои такіе, какихъ никогда не бывало тамъ [въ Сѣчи], и весьма богатыми всѣхъ Запорожцевъ ставютъ, а кольми паче вашу вельможность; что въ недавнемъ времени продали въ Крымъ овецъ 14,000 по 2 руб. каждую, — сіе самъ Потемкинъ намъ говорилъ».

Этотъ столь любопытный отчетъ такъ оканчивался: «Теперь какъ видимъ, остается все наше дѣло на волѣ Божіей, да на попеченіи Ея И. В. Еще тутъ для насъ ничего кажется важнаго нѣтъ, хотя и пужаютъ насъ; да мы не падшимъ духомъ стремимся противу ихъ, по нашимъ во всемъ праведностямъ».

Это было послѣднее письмо депутатовъ и можно сказать послѣднее слово Запорожскаго архива. По разнымъ причинамъ оно получено въ Кошѣ едва 7 Мая. А 6 Іюня уже и самаго войска не стало.

Краткій разсказъ объ этомъ важномъ событіи и паденіи столь знаменитаго военнаго общества, столько вѣковъ равно вреднаго какъ и полезнаго, будетъ предметомъ слѣдующей главы обозрѣнія нашего.

ГЛАВА VI.

«Атакованіе» Сѣчи, Паденіе четвертаго и послѣдняго Коша Запорожскаго Военнаго Ордена.

1775.

Какія причины заставили правительство уничтожить войско, еще недавно покрывшее себя славою на полѣ битвы, гдѣ легли сотни его братій и поддержаны дѣла отечества, по силамъ войска, съ непоколебимою вѣрностію; — еще трудно и не время опредѣлить съ точностью. Документы современные этому событію намъ вовсе неизвѣстны, а въ догадки пускаться о событіяхъ еще столь близкихъ прагматическому историку не прилично. Мы только укажемъ на два, быть можетъ, мелкія обстоятельства, которыя, если не рѣшили, то вѣрно ускорили паденіе Запорожья.

Депутаты въ послѣднемъ письмѣ своемъ изъ Москвы писали кошевому: «Сообщаемъ указъ о Азовской губерніи, вновь заведенной, съ котораго усмотрѣть можете, и о Донскомъ войскѣ, что слѣлалось; а сему

причиною одинъ ихъ старшина *Мартыновъ*, а прочіе старшины и козаки, тутъ находящіеся, недовольны и въ весьма великомъ сѣтованіи и отчаянности находятся». Это учрежденіе Азовской губерніи было, кажется, одною изъ главныхъ причинъ упраздненія Запорожскаго военнаго братства. Довольно разсмотрѣть проэктъ устройства и составъ этой губерніи, чтобы согласиться съ нами. Она составлена изъ двухъ провинцій: *Азовской* или южной и *Бахмутской* или сѣверной. Къ первой причислены: 1] *Азовъ*, 2] *крѣпость Св. Димитрія* [нынѣ Ростовъ] и 3] *Таганрогъ*, — три города почти еще не существовавшіе и которые въ 1780 годахъ не имѣли всѣ три и 2,000 жит. об. пола, за исключеніемъ гарнизоновъ; 4] крѣпости Днѣпровской Линіи; 5] на оконечности Крымскаго полуострова крѣп. Керчъ и Еникале, — обѣ почти пустыя, и наконецъ 6] Кинбурнская крѣпость и тотъ уголъ земли, который лежалъ между устьями Буга, Днѣпра и границею 1740 г., откуда всѣ бывшіе жители: Турки, Греки и Ногайцы ушли въ Турцію. Чтобы, слѣдственно, эту часть новой губерніи дополнить чѣмъ нибудь, Потемкинъ, котораго честолюбіе увеличивалось безпрестанно, вздумалъ присоединить къ нимъ *Новочеркаскъ* со всѣми станицами Донскаго войска, обративъ ихъ въ уѣздъ, названый Донецкимъ[1]. Вторая провинція составилась изъ Бахмутскаго округа и Славеносербіи, гдѣ жители, хотя и немногочисленные, уже были; — но она отдѣлялась отъ южной части своей и Новороссійской

[1]) Этому войску прежнее козачье образованіе возвращено Императоромъ Павломъ I, въ 1797 г., и сохранено до нашихъ дней

губерній обширнымъ пространствомъ Запорожскихъ «вольностей» или земель и, можно сказать, составляли обѣ вмѣстѣ родъ узкой дуги, обгибающей съ юга, востока и сѣверо-востока все почти Запорожье. Такимъ образомъ полагать должно, что Потемкинъ, видя столь невыгодное географическое положеніе ввѣреннаго ему края, предложилъ правительству округлить оный на счетъ владѣній этого войска. Вѣроятно онъ нашелъ сперва много противурѣчій, но съумѣлъ устранить оныя самымъ существеннымъ образомъ, ибо видимъ въ послѣдствіи, что князь Вяземскій получилъ при раздѣлѣ Запорожскихъ земель 100,000 дес., въ томъ числѣ и обѣ Сѣчи; Князь Прозоровскій почти столько-же, другіе меньше. Согласить войско на уѣздное управленіе, на его *секуляризацію* [если смѣемъ такъ выразиться] какъ это было съ Донцами, не было никакой надежды, какъ судить могли и Потемкинъ и министерство по ихъ челобитнымъ и грамматамъ, на которыя они безпрестанно ссылались; не говоря уже о безразсудныхъ притязаніяхъ, что ясно доказываютъ и письма козачества, выше нами приведенныя. Быть можетъ тогда нашлись охотники доказывать, что войско при малѣйшемъ неудовольствіи, сдѣлается изъ вѣрныхъ подданныхъ опасными врагами, что оно готово предаться Польшѣ или Турціи, — и тогда его гибелъ была рѣшена.

Другая причина нами предполагаемая могла быть основана на требованіяхъ самой простой политики. Какая была цѣль учрежденія и существованія войска? Защита Славянскихъ государствъ — сперва Польши, а послѣ Россіи отъ Турокъ или ближе отъ Крымцевъ,

Ногайцевъ и даже Молдаванъ. Но въ 1775 г. Турки были такъ побиты, что едва чрезъ десять лѣтъ собрались не много съ силами; о Молдаванахъ уже забыли въ Европѣ, а Крымцы и Ногайцы были рѣшительно обезоружены и только носили имя Татаръ, нѣкогда столь грозныхъ для Руси и Польши. Такимъ образомъ послѣ Кучукъ-Кайнарджинскаго мира, посредствомъ поселенныхъ гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ, новой *Линіи* крѣпостей и Азовской провинціи, тоже изъ однѣхъ крѣпостяхъ состоящей, южныя границы довольно прочно были ограждены; отъ того войско Запорожское, особенно въ своемъ орденскомъ, неугомонномъ и непокорномъ устройствѣ, было почти не нужно, а могло быть весьма вредно. Угрозы подобныя тѣмъ, какія дѣлали депутаты на счетъ землемѣровъ, были переданы высшей власти, и мѣра снисхожденія происполнилась. Императрица повелѣла: однимъ ударомъ разсѣчь гордіевъ узелъ споровъ и тяжебъ Запорожья съ сосѣдними областями, чтобъ упрочить миръ на югѣ Россіи [1].

Императрица повелѣла Потемкину постараться занять Сѣчь и все Запорожье вооруженою рукою, но

[1]) Изъ оставшихся бумагъ Антона Головатаго не видно, чтобъ онъ предугадывалъ судьбу своего войска. Но авторъ весьма остроумной статьи, помѣщенной въ № 10 Отечеств. Запис. на 1839 г., подъ заглавіемъ: *Головатый*, думаетъ иначе: онъ говоритъ, что Головатый пользовался милостію Потемкина и когда былъ въ Москвѣ членомъ последней депутаціи, понимая уже близкій конецъ Запорожья привезъ съ собою и показалъ Потемкину проэктъ о реформѣ своего войска по образцу Донцевъ, увѣряя въ безпрекословной его вѣрности и послушаніи. Но Потемкинъ ему сказалъ: «Не можно вамъ оставаться; вы крѣпко разшалѣлись и ни въ какомъ видѣ не можете уже приносить

такъ, чтобы какъ можно меньше было насилія и кровопролитія, а болѣе кротости и убѣжденія. Для исполненія Монаршей воли, Потемкинъ послалъ генералъ-поручика *Петра Абрамовича Текелія*, Серба, родственника и друга того самаго Хорвата, съ которымъ въ 1750-хъ годахъ столько боролись Запорожцы. Ему усердно содѣйствовалъ генералъ-поручикъ князь А. А. Прозоровскій, бывшій соратникомъ козачества въ кампанію 1770—1774 гг., а тогда командовавшій войсками на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Корпусъ Текелія раздѣленъ былъ на пять отрядовъ:

Первый отрядъ подъ командою самого Текелія состоялъ: изъ Пермскаго и Вятскаго карабинерныхъ [т. е. драгунскихъ], Ахтырскаго и Острогожскаго гусарскихъ, Орловскаго, Козловскаго, Бутырскаго, Ингерманландскаго, Навагинскаго, Копорскаго — пѣхотныхъ и пять козачьихъ; — со стороны Новой-Сѣчи.

Второй — подъ командою *Г. М. Чорбы*, состоялъ: изъ Волошскаго гусарскаго, Венгерскаго гусарскаго 3-хъ эскадроновъ, Елисаветградскаго пикинернаго 11-ти эскадроновъ, т. е. части военнаго Новороссійскаго поселенія и одного Донскаго козачьяго — со стороны р. Сугаклеи-Камышеватой до устя р. Домоткани въ Днѣпръ.

Третій — подъ командою *Г. М. Лопухина* состоялъ изъ Харьковскаго гусарскаго, Сибирскаго, Куринскаго,

---

пользы». Въ этомъ смыслѣ, *что они были не нужны*, — заключался приговоръ Запорожцевъ. Въ статьѣ этой, сочиненной извѣстнымъ псевдонимомъ *Грицькомъ Основьяненкомъ*, т. е. *Григоріемъ Квиткою* сдѣланы нѣкоторыя мелкія ошибки. Головатый названъ Антономъ Васильевичемъ, вмѣсто Андреевича, какъ это мы знаемъ изъ подлинныхъ его писемъ 1775 году, и вмѣсто полковаго пожалованъ въ войсковые писаря. *Сидоръ Бѣлый* названъ Семеномъ, и пр.

и Низовскаго пѣхотныхъ и 3-хъ Донскихъ полковъ, — отъ устья Ингула въ Бугъ до Кызикерменскихъ *городковъ* [Бериславля].

Четвертый — подъ командою *Г. М. Графа де-Бальмена* состоялъ: изъ Ингерманландскаго карабинернаго, втораго Московскаго пѣхотнаго и 2-хъ Донскихъ полковъ — у Новаго-Кодака и его окрестностей.

Наконецъ пятый — подъ командою полковника *Звѣрева* состоялъ: изъ Астраханскаго карабинернаго, 12-ти гусарскихъ эскадроновъ Чернаго и Молдавскаго полковъ и двухъ козачьихъ — отъ Екатерининскаго шанца [Ольвіополя] до устья Ингула въ Бугъ [гдѣ нынѣ Николаевъ].

Такимъ образомъ для занятія Сѣчи Запорожской, имѣвшей до 20-ти мелкихъ пушекъ, и до 10,000 козаковъ и служителей. Текелій велъ: 8 полковъ регулярной кавалеріи, 20 гусарскихъ и 17 пикинерныхъ поселенныхъ эскадроновъ, 10 пѣхотныхъ регулярныхъ и 13 Донскихъ козачьихъ полковъ. Кромѣ того, въ случаѣ нужды, князь Прозоровскій долженъ былъ дѣлать ему диверсію на лѣвой сторонѣ Днѣпра, отъ Малороссіи и Слободскихъ полковъ.

Запорожскіе депутаты были еще въ Петербургѣ «не опадшимъ духомъ стремясь» противъ своихъ противниковъ [какъ они писали въ Кошъ], когда Текелій присоединялся уже къ своему корпусу, собранному близъ крѣп. Св. Елисаветы, для распредѣленія онаго такимъ образомъ, чтобы Запорожье было занято въ одно время со всѣхъ сторонъ. Занятіе это столь покойно и столь легко было исполнено, къ крайнему удивленію занятыхъ полевыми работами и ловомъ рыбы

Запорожцевъ, что одна ниже приведенная пѣснь говорить объ этомъ слѣдующее:

«*Батько* — кошевый выглянувъ въ окошечко и увидя армію, сказалъ козакамъ: «дѣтки, что намъ «дѣлать, вотъ идетъ войско Матери нашей [Царицы] звать насъ, чтобы мы опять Татаръ прочь, какъ саранчу сгоняли». Но козаки отвѣчали ему: «нѣтъ батьку! насъ не туды зовутъ, бо Русскія пушки не противу Татаръ, а прямо на насъ своими горлами обращены».

25 Мая весь корпусъ тронулся въ походъ, прямо слѣдуя къ Сѣчи. 4. Іюня генералъ-поручикъ Текелій видя, что нигдѣ не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сопротивленія, съ пѣхотнымъ Орловскимъ полкомъ подъ командою полковника *Языкова* и съ частью конницы подъ командою полковника *Барона Розена*, подошелъ прямо черезъ селенія [т. е. зимовники и предмѣстье Гассанъ-Баша]до Ново-Сѣченскаго ретраншамента «никѣмъ [какъ сказано въ его рапортѣ отъ 6 Іюня] за ихъ сномъ необозримъ, такъ что и часовые при ихъ артиллеріи въ томъ же *упражненіи* [т. е. снѣ] были, которую ускорилъ Баронъ Розенъ конницею занять[1]. А къ тому поспѣшилъ и Языковъ, какъ то занятіе приумножить, такъ и по всѣмъ улицамъ пристойные караулы разставить. Исполняя Высочайшее Е. И. В. соизволеніе дабы спокойно и безъ кровопролитія кончить, послалъ

[1]) На приложенномъ нами въ 1 части книги нашей планѣ Новой-Сѣчи видно, что между ретраншаментомъ и Кошемъ былъ валъ и ровъ, но это не составляло никакой преграды для Сѣчи; ибо мы видимъ одну жалобу коменданта Ново-Сѣченскаго ретраншамента *Маіора Микульшина*, что «ровъ совсѣмъ засыпался, а валъ служитъ дорогою козакамъ въ поле, рогатки же по козачьей безпечности никогда и не опускаются».

я къ вызову кошеваго ко мнѣ полковника *Мисюрева*, котораго хотя долго не допускали въ укрѣпленія кошей, но однако, примѣчай, какъ обозрѣлись что ихъ укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ окружено и занята артиллерія и суда стоящія на р. Подпольной, впадающей въ Днѣпръ [что на планѣ называется *уступъ*], и сколь уже небыло имъ средствъ къ утечкѣ столь и къ оборонѣ не въ силахъ, допустили его Мисюрева; и согласился кошевый съ своими старшинами ко мнѣ выѣхать. А по прибытіи въ лагерь, взятъ онъ и писарь Глоба и какъ сказываютъ ихъ же единомышленникъ судья Головатый, [Павелъ Флоровичъ, преемникъ Николая Косапа] подъ караулъ. Въ самое жь то время 4 за время приготовленныя пѣхотныя роты и въ укрѣпленіе кошей вступивъ, заняли оныя, гдѣ ихъ войска болѣе 3,000 находилось, и тогда жъ взяты подъ корпусный караулъ. Войсковый казенный и пороховой погреба, канцелярія кошей и всѣ принадлежности, на завтрешній день [5 Іюня] собраны были изъ укрѣпленія въ поле. Войсковые старшины, куренные атаманы и козаки, при обьявленіи всевысочайшаго Е. И. В. объ ихъ народу соизволенія, положили оружіе. А нынѣ описывается ихъ артиллерія съ принадлежащими къ ней припасы, войсковая казна и имѣніе: кошеваго, писаря Глобы и судьи Головатаго». Текелій оканчиваетъ свое донесеніе обѣщаніемъ, что во всѣхъ частяхъ Запорожья также скоро все окончится; что онъ отсылаетъ кошеваго, писаря и судью въ Москву и повергаетъ себя и бывшихъ послѣ него «первыми» въ этомъ подвигѣ, полковниковъ: Языкова и Барона Розена въ милость Е. И. В-а. [1]]

[1]) Мы долгомъ считаемъ выписать здѣсь изъ одного Сербскаго журнала называемаго «*Лѣтопись на 1833-й годъ*» изд. въ Будѣ въ

Это занятіе Сѣчи Русскими войсками, уничтоженіе, по волѣ Монаршей, общества и даже имени Запорожскаго, извѣстно въ народѣ Украинскомъ и сохранилось доселѣ въ Новой-Россіи подъ названіемъ *«Атакованія Сѣчи»*. Его весьма оригинально и сходно вполнѣ съ истиною, описалъ Коржъ въ своихъ *преданіяхъ*, и мы полагаемъ что принесемъ большое удовольствіе читателямъ, приведя вмѣсто нашихъ не полныхъ свѣдѣній, живой разсказъ очевидца объ этомъ замѣчательномъ происшествіи:

«Сѣчь была атакована, говоритъ Коржъ, генераломъ Текеліемъ такимъ образомъ: Текелій пришедши съ вооруженною арміею къ Днѣпру, отдалъ приказъ

Венгріи, (изъ статьи *Ѳ. Павловича*, подъ заглавіемъ: *«Біографія П-Авр. Текели Россійскаго генерала»*) переведенное нами слѣдующее сказаніе объ этомъ славномъ подвигѣ генералъ-поручика Текелія, изъ котораго можно узнать и о глубокой учености Венгерскихъ журналистовъ (стр. 8): «Козаки Запорожскіе были независимы отъ Россіи, имѣли особаго князя, именовавшагося *Кочемъ* (?), свои отдѣльныя владѣнія и управленіе и свой городъ или крѣпость, называемую *Сѣчь*. Жили они около Донца, Самары, между Днѣпромъ и Дономъ; у нихъ было до 40,000 воиновъ. Ихъ то Императрица желала покорить подъ свою власть, но самъ Петръ Великій и всѣ его преемники никакъ этого достигнуть не могли (!!), и Императрица нѣсколько разъ это намѣреніе имѣла и нѣсколько разъ отъ онаго отказывалась. Эта слава предоставлена была Петру Текелію, на котораго храбрость и искуство полагаясь, Императрица повелѣла ему покорить этихъ людей. Въ слѣдствіе такого повелѣнія дано было ему значительное число войска, и дабы это порученіе исполнить безъ большаго кровопролитія, нашъ генералъ употребилъ воинскую хитрость. Явившись къ Кочѣ (кошевому), сказалъ, что онъ имѣетъ повелѣніе идти на Крымъ, но принужденный проходить земли ему подвластныя, желаетъ дабы и Кочь нѣкоторое число того войска, которое вмѣстѣ съ Русскими противу Турокъ воевало къ нему присоединилъ, тѣмъ болѣе, что его земли соседнія съ Татарами и онъ тамъ можетъ себѣ пріобрѣсть новыя, въ Турецкихъ

всѣмъ своимъ полкамъ, разкомандировавши ихъ какъ слѣдуетъ, дабы они приближась къ Запорожью, въ одинъ именно день и въ урочное число, т. е. на самую Тройцу, на *зеленыхъ святкахъ.* Въ Маѣ мѣсяцѣ [Юнѣ] заняты всѣ по Днѣпру Запорожскіе предѣлы. Самъ же съ своею дивизіею и артиллеріею, также въ тотъ самый день приблизился къ Сѣчи и ставши за 2 версты отъ оной, на открытомъ мѣстѣ, разбилъ свои палатки и велѣлъ выстроить въ линію всю свою артиллерію противу Сѣчи, не начиная однакожъ ни одного выстрѣла; а тоже и отъ Сѣчи не было никакого сопротивленія. И пока стоялъ Текелій въ палаткахъ около Сѣчи два дни, въ теченіи сего времени чрезъ курьеровъ стало извѣстно уже всѣмъ, какъ Сѣчевому начальству, такъ и Текелію, что и Россійскіе полки заняли уже всѣ поланки, всѣ мѣстечки и всѣ

владѣніяхъ. Кочь согласился на это предложеніе и когда войска Русскія вступили въ его земли, генералъ Текелій сказалъ, что онъ желалъ бы пройти въ Сѣчь, и тамъ свои планы, какъ Татаръ воевать, обоюдно обдумать. Такимъ образомъ часть Русскихъ войскъ вошла въ Сѣчь и переговоры начались; но въ одну ночь генералъ приказалъ, чтобы Коча и его старшинъ схватить, что совершено такъ живо, что ни малѣйшаго смятенія не произошло. Кочь съ своимъ секретаремъ и другими старшинами и архивомъ посланъ въ Петербургъ, а остальнымъ прочитали указъ, въ которомъ сказано, что кто хочетъ остаться, долженъ жениться и обработывать землю, а нежелающіе могутъ разойтись, куды хотять.... Эта побѣда безъ малѣйшей потери одержанная, такъ восхитила Императрицу, что она отъ безмѣрной радости, дождавшись наконецъ покоренія козаковъ, спросила Текелія: какой бы онъ желалъ награды? На то, что бы думалъ читатель, отвѣчалъ Текелій? Такое дѣло не княжескаго ли сана достойно было? иной богатства бы или знатности пожелалъ, а этотъ герой просилъ одного.... «чтобы его соотечественника и друга генерала *Хорвата* (Осадчаго Новосербіи) изъ заточенія возвратили и пр.».

слободы по всему Запорожью. Потомъ на 3-й уже день послалъ Текелій своего курьера въ Сѣчь и просилъ всю старшину Запорожскую къ себѣ въ гости. По полученіи таковаго извѣстія, собравши кошевый всѣхъ куренныхъ атамановъ въ сходку, началъ совѣтоваться: «а що панове отаманы теперь будемъ робыты? отъ москаль у гости насъ кличе, чи пидемъ, чи ни пидемъ? чи отдамо Сичь москалёви, чи не отдамо?» Тогда атаманы, ватажки и прочіе характерники начали между собою бунтоваться: иные согласны были смириться, а иные противилися въ надеждѣ своего *характерства* [невредимости посредствомъ чаровъ] и говорили «нехай Текелій приведе еще стилько «війска, якъ се, то мы все въ пухъ разобьемъ, якъ мухъ передавимъ. Чи то можно Сичь и славное Запороже Москалеви отдати за спасибо? Сёго николы поки свитъ сонца не буде». Ибо таковые отважники были вси *сиромы* [сиротки] бурлаки и не женаты, а притомъ и осѣдлостей никакихъ не имѣли, а потому и бунтовались. Но большая часть, какъ изъ атамановъ, такъ и изъ богатыхъ козаковъ, имѣя у себя женъ и дѣтей[1] и прочія достаточныя обзаведенія по зимовникамъ и разсуждая такъ, что: — хотя мы войско Текеліево, находящееся нынѣ въ лагерахъ и истребимъ безнужно до ноги, но то бѣда, что тѣ полки кои вступили уже въ наши владѣнія и заняли

[1]) Коржъ говоритъ это на 130 году своей жизни и могъ забыть, что женатые козаки въ Сѣчи не бывали, и ни въ какихъ собраніяхъ т. е. *радахъ и сходкахъ* не участвовали, а тѣмъ болѣе куренными атаманами быть не могли. Кромѣ того женатые обитали въ селеніяхъ, а зимовниковъ имѣть не могли

всѣ поланки и слободы, услышавши наше сопротивленіе, разорятъ всѣ наши тамошніе пожитки, а женъ нашихъ и дѣтей безчеловѣчно уже предадутъ смерти; — а потому и не согласны были на мнѣніе бунтовщиковъ отважныхъ. А сверхъ того и бывшій въ Сѣчи архимандритъ [1] услыша такое ихъ нестроеніе и мятежъ, вышедши во всемъ священическомъ облаченіи изъ церкви съ крестомъ, началъ уговаривать мятежниковъ: «Убойтеся Бога! Вы христіане и подымаете руки на христіанъ! Вы христіане и жаждете пролить кровь единоутробную! Убойтеся и перестаньте такого начинанія. Видно уже судьба наша такова, и мы пріемлемъ отъ Бога достойная по дѣламъ нашимъ. Вотъ вамъ крестъ и распятый на немъ, если вы его не послушаете, то всѣ погибнете внезапно». И отъ такого разительнаго увѣщанія, я думаю каменное сердце испустило бы свои слезы; и начали плакать не только мятежники, но и вся старшина и войско и тутъ же всѣ отвѣчали архимандриту: «Ну панъ-отче, быть тому такъ! знавъ, що сказаты; мы готовы за тебе и головы наши положить, не только послухаты!» Потомъ когда уже и по увѣщанію архимандрита и по прочимъ обстоятельствамъ всѣ къ единому мнѣнію склонились, то начали говорить кошевому: «ну батьку, вельможный пане! теперь якъ хочь, такъ и думай съ сими гостями, а мы готовы тебе слухать, чи идти, то идти». — Тогда кошевой имъ сказалъ: «нельзя братци не итти, бо вже се не дурныця [шутка], вы сами

[1]) *Владимиръ Сокальскій*, пожалованный изъ начальниковъ Сѣчевыхъ церквей, по указу Императрицы въ 1774 г. въ. архимандриты.

бачите [видите]. що москаль насъ атаковавъ кругомъ и артиллерію на насъ всю вооруживъ; уже се гости такіе, що пишовши до нихъ, врядъ ли назадъ вси вернемось. Но быть тому такъ! ничего уже довше думать. Господи поможи! дай Боже въ часъ добрый! Ходимъ панове отаманы! що буде, то буде, а бильше буде, такъ якъ Богъ дастъ».

«Потомъ взявши хлѣбъ и соль пошли всѣ къ Текелію въ палатку и поднесши ему оные говорили: «кланяемся В. П. хлибомъ и силью.» — «Благодарю Запорожники за хлѣбъ за соль», отвѣчалъ имъ Текелій и приказалъ слугѣ своему взять хлѣбъ отъ нихъ и потомъ распрашивалъ: кто у нихъ кошевый и какіе по немъ первые чиновники и какъ прозываются; и когда кошевой, стоя впереди, обьяснился, что онъ Калнышъ [т. е. Калнишевскій] а чиновники его: судья *Косапъ*[1]] и писарь *Глоба*, а прочіе всѣ, указывая на атамановъ, куренные отаманы, тоже чиновники со всѣхъ 40 куреней; тогда Текелій просилъ кошеваго сѣсть, а также и прочимъ чиновникамъ даны были мѣста, и угостивши ихъ по приличію и распросивши что слѣдовало, пошелъ съ ними въ Сѣчь, взявши съ собою часть офицеровъ и часть охранительнаго войска, но видя что Запорожцы сдаются ему добровольно, приказалъ въ туже минуту закрыть свою артиллерію. И пришедши въ Сѣчь спросилъ кошеваго: «куда же ты мене, кошевой, прежде поведешъ въ гости.»

[1]) Это ошибка. Мы уже сказали выше, что судья *Николай Тимофѣевичъ* по прозванію *Косапъ* умеръ въ 1774 г.; его мѣсто временно занялъ *Андрей Вербецкій*, а послѣ, до паденія Коша, *Павелъ Флоровичъ Головатый*. Войсковаго эсаула *Сидора Бѣлаго* не было въ Сѣчи; онъ находился съ депутаціею въ Москвѣ.

Тогда кошевой поклонившись, просилъ его въ свой курень и всѣхъ офицеровъ и предложилъ всѣмъ гостямъ богатую трапезу въ деревянныхъ *ваганахъ* и *корякахъ*[1], а также съ ложками и тарелками деревянными. Покушавши, Текелій очень много благодарилъ за пищу и удивлялся чрезвычайно, что весь сервизъ даже и сосуды для напитковъ были деревянные, а пища чрезвычайно вкусная и разнообразная, и спросилъ у кошеваго: «кто у васъ такую пищу варитъ?» кошевой отвѣчалъ: у насъ есть В. П. въ куреняхъ козацькихъ очень хорошіе и искусные кухари». Тогда Текелій спросилъ кошеваго, чтобы и ему отпустилъ одного такого кухаря и обѣщалъ положить ему хорошее жалованье; а кошевому обѣщалъ дать два блюда каменныхъ, а также и всѣмъ куреннымъ атаманамъ по одному блюду, чтобы такую хорошую пищу не ѣли изъ *корытъ*, а изъ блюдъ. При сихъ рѣчахъ и обѣщаніяхъ Текеліевыхъ одинъ изъ числа бывшихъ тамъ куренныхъ атамановъ, прозваніемъ *Строць*[2] обозвавшись сказалъ Текелію: «В. П. хоть съ корыта та до сыта, а вы хоть съ блюда та худы». Тогда Текелій спросилъ атамана: что это за нарѣчіе [пословица], я его не понимаю». Строць поклонившись ему, началъ объяснять пословицу: Извините меня В. П., вы трапезу изволите кушать съ блюдъ, да лицемъ худы» [ибо текелій хоть былъ ростомъ и высокъ, но очень худощавъ] «а мы изъ корытъ іимо, да сыты. Отъ посмотрите, добродію, на всѣхъ насъ, каковы мы и разбирайте мою

[1]) *Ваганъ*, большая деревянная чаша или миска; *корякъ* или *черпало*, родъ большой ложки или кружки на длинной ручкѣ, для разливки кушанья. Употребляются у насъ на флотѣ.

[2]) *Романъ Строць*, атаманъ Каневскаго куреня.

пословицу. Мы всегда изъ корытъ iилы, та у воли и свободи жили и ни якого горя не знали; а ваша жизнъ була подъ страхомъ и трепетомъ подъ всякiй часъ, такъ что сегодня панъ, а завтра пропавъ, и каменныя и золотыя блюда тоди не въ пользу. Такъ судите жъ милостивый добродiю не правду ли я кажу?» [1]. Текелiй удивлялся этой пословицѣ и остроумiю Строця, и не только не прогнѣвался за то, но еще много благодарилъ его и говорилъ трепля по плечу: «ну Строць, благодарю за пословицу; она такъ справедлива, что справедливѣе быть не можетъ и никогда ее забыть не могу; все что ни сказано въ ней, сказано къ стати и дѣйсвительно такъ бываетъ, ты какъ въ око влѣпилъ».

Потомъ когда уже Текелiй пообѣдалъ и распростился съ кошевымъ и атаманами, то долго еще любопытствовалъ по всей Сѣчи, осматривая всѣ курени Запорожскiе и всѣ ихъ пожитки. Наконецъ возвратился въ лагерь и пробылъ тамъ болѣе недѣли. Въ теченiи сего времени офицеры Русскiе и солдаты приходили въ Сѣчь, а козаки и ихъ атаманы посѣщали ихъ лагерь и другъ съ другомъ гуляли и обходились свободно и вольно.

---

[1]) Коржъ дѣлаетъ замѣчанiе, что Запорожцы считали Текелiя боязливымъ, и вѣрили сказанiю, что онъ такъ боялся Запорожцевъ, что идучи на Сѣчь, рѣдко ѣлъ и пилъ и во снѣ «*жихився* (вскакивалъ) мовъ съ переполоху». — «Бо винъ добре знавъ», заключаетъ въ своей простотѣ Коржъ, «що за цяця Запорожцы; если бы добровольно не сдалися, то никакое войско одолѣть ихъ не могло бы». Этотъ разказъ Коржа наполненъ злопамятствомъ за разоренiе Сѣчи; Текелiй, подобно многимъ Сербамъ, былъ отъ природы высокъ и худощавъ.

Послѣ того Текелій, призвавъ къ себѣ кошеваго, судью и писаря, и прочитавъ именной Высочайшій указъ, велѣлъ имъ троимъ готовиться въ С. Петербургъ къ Императрицѣ, которые въ скорости и были отправлены, но не всѣ, ибо судья Косапъ, до отъѣзда еще, въ скорости заболѣвши померъ и погребенъ въ Сѣчи; а отправлены только два, т. е. Калнишъ и Глоба. Текелій же принявъ всю Запорожскую Палестину въ свое управленіе, привелъ всѣхъ Запорожцевъ къ присягѣ и устроивъ все, какъ слѣдовало, сталъ уже безопасенъ, но все еще находился въ лагерѣ.

«Между тѣмъ войско Запорожское видя, что старшина его отправлена въ столицу, а заведенные Московскіе обычаи и порядки не по ихъ вкусу, сильно поколебалось и начали козаки думать да гадать: «якъ бы Москала *въ шоры убрати* [обмануть], а самимъ десь дальше *мандровать* [уйти]» и придумали вотъ что. Собрали прежде 50 чел. козаковъ и послали къ Текелію съ хлѣбомъ и солью въ гости. Они пришедши говорили: «Кланяемся добродію хлибомъ и силью». — «Благодарствую, сказалъ имъ Текелій, благодарствую, Запорожники, за хлѣбъ и за соль; что вы мнѣ скажете»? — «А отъ що, добродію: мы чулы [слыхали], що намъ уже безъ письменнаго вида и билетовъ не можно никуды изъ Сичи отлучатья». — «Такъ, такъ, Запорожники, не отлучайтесь никуда безъ вѣдома моего». — «То для тогожъ-то, пане, видома мы и пришли, щобъ намъ хоть одинъ билетъ на всихъ написали, бо мы будемъ купы [вмѣстѣ] держаться и никуды врозь не расплывемось». — «Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Текелій, какъ же у васъ прежде то бывало»? — Та у насъ,

пане, билетивъ николы не бувало, ни батьки, ни диды наши ихъ не знали, да и прадиды не чувалы, и кто куды хотивъ, тотъ туды ихавъ и ишовъ»[1]. — «Да куда же вы хотите теперь итти съ билетами, спросилъ Текелій, и за чѣмъ»? — Въ Тилигулъ, добродію, на зарабитки; до лямы[2]. Проклята матыма [нѣтъ] ни сорочки, ни чобитъ, ни.... якъ бачишь голая сирома; а щежь треба буде коли нибудь и подушне заплатить, та и панамъ хоть трохи удѣлить». Текелій громко засмѣялся и сказалъ: «ступайте, ступайте, Запорожники, съ Богомъ, заработывайте себѣ, да и въ казну то собирайте». — «Чуемъ, добродію, чуемъ», и поклонившись ему козаки всѣ разомъ, пошли въ его канцелярію, а Текелій призвавшу адъютанта, велѣлъ выдать имъ билетъ на всѣхъ 50 козаковъ. Когда сіи козаки получили уже отъ канцеляріи билетъ, то собравшись со всею своею аммуниціею и харчевыми *клункамы* [вьюками] взяли съ собою нѣсколько лодокъ по числу гребцовъ, тоже нагруженныхъ имуществомъ и сѣвши въ оныя ночью тайно, не только тѣ, кои имѣли билеты, но и безбилетныхъ столько, сколько въ лодкахъ помѣститься могло, можетъ быть съ 1,000 чел. зашумѣли въ нихъ

---

[1]) Здѣсь Коржъ заставляетъ козаковъ шутить, ибо мы видѣли въ 1-й части труда нашего, какъ строго Кошъ требовалъ отъ козака письменнаго вида и что даже на зимовники, въ степь, формальные билеты выдавались.

[2]) *Тилигулъ* рѣчка въ Одесскомъ уѣздѣ, впадающая большимъ озеромъ въ Черное море; этотъ лиманъ, по-Турецки называемый *Дели-Гёль* или *Бѣшеное-Озеро*, давно былъ извѣстенъ козакамъ, и «идти на Тилигулъ» значило идти за границу въ Турцію; *до Лямы на рыбалки*, буквально: у каната работать, чтобъ тянуть неводъ.

веслами» до Тилигула [1]. Потомъ спустя нѣсколько дней пришли еще 50 чел. къ Текелію за билетомъ, и получивъ его поступили также какъ и первые, не забывъ взять и безбилетныхъ, сколько помѣстить могли. Видя, что въ билетахъ никому отказа не чинятъ, козацтво прислало еще часть войска, которая тоже просила билетовъ какъ и прочіе, не выступивъ изъ общаго своего хитраго умысла. Каковымъ способомъ и порядкомъ и вся уже сирома со всѣхъ куреней, получая билеты, подъ предлогомъ Тилигула, убралась «подъ Турка», кромѣ слѣпыхъ, хромыхъ и престарѣлыхъ.

«Наконецъ, Текеліевы офицеры видя, что Сѣчь остается почти пустая, начали рапортовать ему, что въ Сѣчи нѣтъ никого уже изъ козаковъ и разсказали ему всѣ ихъ хитрости и умыслы. Тогда Текелій хватился за голову, да поздо и спрашивалъ офицеровъ: «да гдѣжъ они? и куда ушли? вѣдь они просили билетовъ въ Тилигуль на заработки». Потомъ сильно осердясь, пошелъ въ палатку и былъ въ великой задумчивости и скорби чрезъ обманъ простой сиромы, такъ что ни съ кѣмъ не говорилъ и никуда не выходилъ чрезъ цѣлый тотъ день. Какъ вдругъ являются и послѣдніе еще оставшіеся Сѣчевые козаки, очень уже малое ихъ количество, человѣкъ около 10-ти и кланяются съ хлѣбомъ по обычаю и говорятъ Текелію: «повели намъ вельможный пане выдать билеты на заработки» — «Да вамъ куда уже билетъ, злые Запорож-

[1]) Въ Одессѣ сохранилось преданіе, что Запорожцы, которые «зашумѣли веслами до Тилигула», тамъ не усидѣли, а поселились у подошвы Хаджибейской крѣпостцы, въ такъ-называемой теперь «Карантинной-Балкѣ, а послѣ основали предмѣстье этого города *Пересыпь*.

ники», съ гнѣвомъ отвѣчалъ Текелій. «Въ Тилигулъ пане, до ламы». — «Въ Тилигулъ, въ Тилигулъ, все въ Тилгулъ», раскричался Текелій, — «а городъ пустой оставили, не велю вамъ никому билетовъ выдавать», — и согналъ ихъ съ глазъ. Однакожъ и сіи послѣдніе хотя и безъ билетовъ, также «закивали пятами» вслѣдъ за своею сиромою и подяковали Текелію за хлѣбъ и за соль. Наконецъ Текелій приказалъ призвать къ себѣ всѣхъ куренныхъ атамановъ, но ихъ пришло къ нему не болѣе десятка; онъ принялъ ихъ съ гнѣвомъ: »чтожъ вы пришли ко мнѣ не всѣ»? — Якъ же намъ, пане, всимъ прійти, що нема никого по куренямъ». — «Да гдѣ-жъ они? что ихъ нѣтъ? — «Отаманы, пане, разъѣхались по зимовникамъ, а сирома безъ вѣсти разбрелась. Да и мы думаемъ по домамъ; чего мы будемъ тутъ и кимъ будемъ командовать? «Старшину отъ насъ отобралы, а козацкого войска нема». — «Да гдѣ же ваше войско, вскричалъ Текелій, и гдѣ ваши козаки»? — «Якъ, пане, де? авжежь вы имъ билеты подавалы на заработки, туда де рыба ни почому, чи въ Тилигулъ, чи що»? Тогда Текелій сильно разсердясь, покричалъ на атамановъ и выгналъ ихъ изъ палатки. Наконецъ поживши еще тамъ около Сѣчи нѣсколько времени, тогожь лѣта уѣхалъ въ столицу, а войско его стояло 7 лѣтъ въ предѣлахъ Запорожскихъ, пока совершенно утвердились обычаи Московскіе».

«Вотъ какимъ образомъ, восклицаетъ Коржъ, знатная козацкая Сѣчь *атакована* и славное Запорожье восприяло конецъ своему самодержавію»! И точно 5 числа Іюня 1775 г. Текелій вступилъ въ Сѣчь и арестовалъ старшину, а манифестъ 5 Августа того же

года, обширно исчисливъ причины побудившія правительство къ этой рѣшительной мѣрѣ, увѣдомилъ Россію о занятіи войсками Сѣчи, уничтоженіи Коша и самаго даже имени «войска Запорожскаго Низоваго».

Нѣкоторые старшины подверглись вѣроятно большимъ подозрѣніямъ, ибо не смотря на совершенный недостатокъ документовъ объ этомъ событіи, знаемъ однакожъ, что кошевой, писарь и судья войсковые отправлены въ Москву и дальнѣйшая ихъ участь до сихъ поръ неизвѣстна. Говорятъ, что Калнишевскій былъ отправленъ сперва на жительство, гдѣ-то на берега Дона, ибо находимъ въ одной пѣснѣ слѣдующій намекъ:

«Ой полети, да полети черная галко, да на Донъ рыбу исти!
Ой принеси, та принеси черная галко отъ кошеваго висти».

Объ этомъ паденіи Сѣчи сложена была пѣсня, которую по сходству ея содержанія съ разсказомъ Коржа, долгомъ считаемъ представить читателямъ въ подлинникѣ, легко понятномъ для всякаго Русскаго: [1]

«Ой изъ за зеленаго гаю [2])
Червоне сонечко зійшло,
Ой изъ Русского краю
Велике війско пришло.

Червоне сонечко,
Вже высоко стоитъ,
Дывитця батько [3]) въ оконечко
Тай каже: «дитки, що будемъ робыть?

Ось передъ нами
Неньчине [4]) військо стоить
Отце мабуть [5]) за нами,
Щобъ шлы Татаръ якъ саранчу топить».

[1]) Доставлена намъ помѣщикомъ Елисаветград. уѣзда г. *Ивановымъ Скопивымъ*. [2]) *Гай*, лѣсокъ, роща. [3]) *Батько* тоже что кошевой. [4]) *Ненька*, мать, т. е. Императрица. [5]) *Отцѐ мабуть*, вотъ это вѣроятно.

— «Ой батьку, щось воно не те
Чого ци гарматы [1]) горломъ къ Сичи стоять,
Треба батьку узнаты,
Чого воны отъ насъ хотятъ?» —

Ой провидалы Запорожци,
Що Нечоса [2]) Текелю посдавъ
Щобъ насъ и кошеваго
И всю славну Сичь атаковавъ.

Бувъ же той день
Велики «зелены свята»
О бодай же твоя Нечосо
Съ того дня душа проклята!

«Ой диты Запорожци,
Що будемъ робыты?
Москаль кличе въ гости,
Будемо, чи ни, ему голову хилиты? [3])

«Якъ диты будемо его встричаты
Чи хлибомъ и солею,
Чи війну объявляты,
Чи идти до него съ доброю волею?»

Одни кажутъ: «Не дамо за спасибо Сичи».
Други кажутъ: «миръ лучше всего».
А ци: «нехай намъ выпалятъ очи
Тай помремъ еденъ за другого».

«Ныколыжъ того не буде,
Щобъ мы отдалы Сичь даромъ;
Поки ще свита соньця,
Все будемъ быться съ козацькимъ запасомъ!»

— «Бога бійтеся диты»,
Каже панъ-отецъ архимандритъ;
«Що вы хочете робыты,
Прокляты будете съ рода въ ридъ.

---

[1]) *Гарматы*, пушки. [2]) *Нечоса*, Потемкинъ. [3]) *Хилиты*, преклонять.

«Вы дитки Христіяны
И пидымаете на брата руки,
Не робите въ сердци свому раны,
Бо за те будутъ вамъ велики муки.

«Отъ вамъ хрестъ Божій
На его вы надійтеся
И совитъ мій здается гожій [1])
И ни въ чимъ дитки не журитеся». —

— «Ну, панъ-отче, по твоему нехай; —
Послухаютъ тебе Запорожцы,
Забирай Петре [2]) хлибъ да силь
И ходимъ до Текеля въ гости.

«Ну, батьку, господи поможи!
И дай намъ добрый часъ,
Хлибъ батьку положи
И спершу говори за насъ.

«Бо війною батьку ничого не вчинимъ,
Треба доброю волею робыты,
Ходимъ, та поклонъ вхилымъ,
Тай начнемъ за дило говориты». —

Хлибъ-силь Текеля принявъ
И начавъ насъ угощаты,
А якъ добре пидгулявъ,
Та ставъ и насъ до себе прохаты.

А нашъ Петро Кошовый
Мае звычай свій,
Пишовъ генерала зазываты
До себе, обида козацького вживаты [3]).

Іпвъ Текеля обидъ бурлацкій
Та все смаковавъ,
А писля по козацьки
Виномъ, медомъ запывавъ.

---

[1]) *Гожій* съ Польск. Hoży, молодой, хорошій. [2]) *Петръ* Калнишевскій, кошевый. [3]) *Вживаты* (używać), употреблять.

Ой пишовъ Текеля въ свою палатку
Тай начавъ мирковаты [1])
Якъ ему поступыть съ початку
И якъ нашу Сичь атаковаты.

Уже вси наши паланки
Въ Текеліевыхъ рукахъ,
Уже вси его палатки
У нашихъ Сичахъ.

Ой прочитавъ Текеля папиръ,
Кошевому, писареви отъ Царыци
Треба намъ ихаты въ Двиръ,
Ажъ у дви столыци.

Ой зибравъ нашъ Калнишъ
Храбрую дружину,
Бравея сердечный ажъ за ныжъ,
Та клявъ лыху годыну.

Сирома Калнышъ захлыпавъ [2]) гирко,
Зо всякимъ козакомъ обнимався,
Сказавъ: «прощай славне, храбре війско!»
Та вже бильшъ и не вертався!

Эй батьки отаманы!
Кажить де дилы нашу старшину?
Бере живый жаль за сердце,
Якъ згадаешъ славну старину!

Ой почалы козаки думать, та гадать,
Якъ бы Москаля вь шоры убрать
А дали [3]) до Текели пристали
Щобъ давъ билетъ и веливъ роботы шукать.

Ой рушили Запорожци
До *Лямы* на заробитки,
Заживалы пятими сиромы
Тилько братцямъ дали звистки.

[1]) *Мирковаты* (miarkować) размышлять. [2]) *Захлыпавъ*, заплакалъ. [3]) *Дали*, далѣе, послѣ.

Текеля писля хоть оглядився,
Запорожцивъ помпнай якъ звалы!
Ой бидный зажурився,
Що въ шоры его убралы.

Охъ жите наше минулося
Жите бурлацкое!
Колыбъ воно вернулося
Славне жите козацкое!

Гей братци, возьмпть въ руку
Писочку, тай посійте;
Ой тоди воно вернеця
Якъ цей писочокъ зійде!»[1])

Генералъ Текелій, отправивъ въ Петербуръ главную, и арестовавъ остальную старшину; конфисковавъ ихъ имущество и разоривъ Сѣчь такъ, что ни одной балки не осталось на мѣстѣ, — сдалъ свое войско князю А. А. Прозоровскому, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ съ подробнымъ донесеніемъ объ окончаніи возложеннаго на него порученія.

Таковъ былъ конецъ «Новой-Сѣчи» послѣ 40-лѣтняго только ея существованія. Таковъ былъ конецъ послѣдняго Коша войска, столько вѣковъ называвшагося «Запорожскимъ». Остальное военное братство Низовой общины въ разныхъ мѣстахъ и съ разнымъ счастьемъ остовывало еще временные свои Коши, пока въ полвѣка послѣ [чрезъ 55 лѣтъ] не собралось опять все на родину, чтобъ уже окончательно преобразовать свой бытъ и свою козачью «регулу».

[1]) По всему видно что это сочиненная сказка; только 2 послѣднія строфы изъ народной поэзіи.

ТАБ. II.

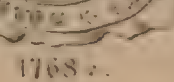

печать Калміуской па ланки 1760 г.

1771 г.

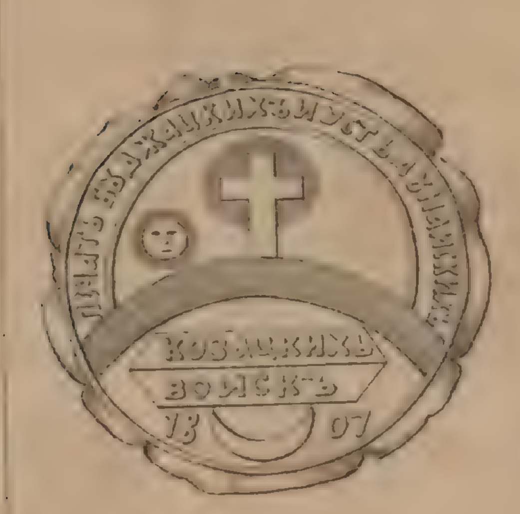

1768 г.

„Начальникъ Буткальскихъ козаковъ Кошевый“ 1217 (1801) г.

изъ аттестата 1792 г.

ГЛАВА VII.

Судьбы Новой-Сѣчи и Запорожскаго «Товариства» послѣ паденія Коша на рѣчкѣ Подпольной.

1775 — 1828.

Настоящее сказаніе наше, весьма еще не полное, должно раздѣлить для вящшей точности на 3 отдѣльныя части; на разсказъ о судьбѣ самой Новой-Сѣчи и всѣхъ «Запорожскихъ вольностей»; на исторію товариства, оставшагося въ краѣ и на повѣсть о судьбахъ тѣхъ его членовъ, которые, бывъ руководимы вредными совѣтами и своимъ молодечествомъ, рѣшились лучше бросить «мылую родыну», чѣмъ оставить козачество. Эти послѣдніе сдѣлали почти тоже, что Іезуиты, когда въ 1820 г. г. изгнаны были изъ Россіи. О первой части имѣемъ весьма не много документовъ, но довольно географическихъ данныхъ; о второй свѣдѣнія наши хотя кратки, но положительны; объ остальной имѣемъ одни изустныя преданія, сохранившіяся въ Кошѣ, внѣ Россіи созданномъ.

Сѣчь сдалась безъ сопротивленія. — Войско, по выслушаніи Высочайшаго манифеста Великой Монархини, немедленно положило оружіе, и хотя видъ главной старшины: кошеваго, судьи и писаря, — въ качествѣ преступниковъ отправленныхъ въ Москву для суда, — былъ для всѣхъ страшнымъ ударомъ, но оно не только дѣломъ, но даже и словомъ не оказало никакого волненія. Еще не давно обыкновенная депутація «столичниковъ» подъ командою полковника *Афанасія Колпака* отправлена была въ Петербургъ за всемилостивѣйшимъ жалованьемъ, а депутаты войска: Головатый, Бѣлый и Мощенскій оттуда еще не возвратились. Генералъ Текелій, какъ сказано выше, объявилъ Запорожцамъ Высочайшую Е. И. В. волю: что войско въ своемъ составѣ уже не существуетъ, но что всякій членъ онаго, старшина или козакъ, если пожелаетъ, можетъ вернуться на родину, откуда прибылъ на Запорожье, или же остаться въ Новороссійскомъ краѣ; но не иначе, какъ на правахъ всѣхъ другихъ жителей онаго, военныхъ, или обыкновенныхъ поселянъ, за исключеніемъ тѣхъ только старшинъ, которые подверглись Монаршему гнѣву. Кромѣ трехъ, уже высланныхъ, были отрѣшены: архимандритъ Владимиръ и отправленъ въ Кіевъ, откуда былъ послѣ назначенъ игуменомъ Батуринскаго Николаевскаго монастыря; а іеремонахи, кромѣ необходимыхъ для Самарскаго монастыря священнослужителей, отпущены въ Межигорскую обитель. Начальникъ Орѣльской команды: войсковый старшина *Андрей Порохня*, полковники: *Черный*, *Степанъ Делехъ*, *Иванъ Куликъ* и *Иванъ Гараджа*, куренные атаманы: *Осипъ Нирпичъ*, *Моисей Головко* и полковый старшина писарь *Вырмынка* пре-

даны были военному суду по разнымъ крѣпостямъ. Ихъ имущество и зимовники, равно какъ и стада въ зимовникахъ: кошеваго на р. Каменкѣ, судьи Павла Головатаго на р. Солоной, писаря Глобы на р. Малой Терновкѣ [Павлоград. уѣз.] асаула Якова Качалова въ Великомъ-Лугу, полковника Афанасія Колпака на р. Богатой и пр. были конфискованы, а послѣ проданы. Сумма отъ того пріобрѣтенная 29,912 р. обращенная сперва въ капиталъ Новороссійскаго городскаго банка, назначена послѣ университету, который намѣрены были основать въ Екатеринославѣ. Войсковая артиллерія, казна и часть архива отправлены въ Петербургъ; войсковыя стада, принятыя въ казенное вѣдомство, пожалованы были вскорѣ переселеннымъ изъ Архипелага Грекамъ и Арнаутамъ, которые съ 1776 по 1783 г. поселялись около Керчи и Еникале. Что сталось съ богатыми украшеніями и вкладами Покровской церкви, достовѣрно не знаемъ; въ пѣсняхъ сказано, что «Донцы кой чѣмъ поживились», — но мы знаемъ навѣрно, что часть церковныхъ облаченій, книгъ и хоругвей подарена Потемкинымъ соборной церкви, построенной имъ въ Николаевѣ; а часть ризницы всегда хранилась при князѣ Таврическомъ, и найдена въ его домѣ послѣ его смерти.

Всѣ Запорожскія земли раздѣлены на двѣ части, поланки: Ингульская составила Ингульскій, Кодацкая Никопольскій; Бугогардовская Новопавловскій или Ольвіопольскій уѣзды Новороссійской губерніи; Самарская же, Протовчанская, Орѣльская и Калміусская переданы въ Азовскую губернію, подъ названіемъ: Самарскаго, Новоселицкаго, Лычковскаго, Барвиностепскаго

Конскоძодскаго и Калміусскаго уѣздовъ, гдѣ опредѣлены были военные командиры, большею частію изъ Донскихъ старшинъ, до дальнѣйшаго гражданскаго ихъ устройства. Азовскимъ губернаторомъ назначенъ Г. М. Василій Чертковъ.

Участь Новой-Сѣчи, — центра и сердца Низоваго Запорожскаго войска, была самая печальная. Ее повелѣно было постепенно уничтожать, дабы и слѣдовъ тамъ Запорожскаго военнаго ордена не осталось. Комендантъ Новосѣченскаго ретраншамента [тогда же упраздненнаго] назначенъ комендантомъ Екатерининскаго шанца, близъ котораго командиръ и основатель Молдавскаго гусарскаго полка полковникъ *Звѣревъ*, завелъ городъ [форштатъ], названный въ 1778 г. *Ольвіополемъ*. Сѣчь и всѣ окрестныя ей поселенія поручены въ особое начальство полковнику *Норову*, котораго за то, что слишкомъ усердно уничтожалъ Кошъ, назвали поселяне *Норою* или ямою. Вмѣсто гарнизона для порядка и безопасности, поставленъ былъ тамъ Донскій козачій *Сулимы* полкъ[1] а Таганрогскій драгунскій полкъ расположенъ былъ по близости въ бывшихъ Самарской и Протовчанской паланкахъ. Въ обоихъ Кодакахъ, Никитинѣ [въ послѣдствіи названномъ Никополемъ] и всѣхъ Запорожскихъ селеніяхъ расквартированы пѣхотные полки. Потемкинъ, желая кое что сдѣлать въ пользу подавленнаго имъ Коша, который, какъ сказано въ сенатскомъ указѣ отъ 29 Іюля 1775 г.

---

[1]) Странное стеченіе именъ. Знаменитый кошевый *Сулима* взялъ Кодакъ, построенный Поляками въ 1633 г. и тѣмъ возобновилъ независимость Сѣчи Запорожской, а въ 1775 г. тюремщикомъ, такъ сказать, тойже Сѣчи былъ козачій полкъ *Сулимы*.

«по самодержавной Е. И. В. власти за учиненныя имъ буйства, грабежи, а наконецъ и неповиновенія уничтоженъ», приказалъ Текелію представить ему имянный списокъ» о тѣхъ бывшихъ войска Запорожскаго старшинахъ и козакахъ, кои въ преступленіяхъ кошеваго и его единомышленниковъ не участвовали, и по усердной ихъ въ настоящую войну службѣ достойны пользоваться отпускаемымъ изъ казны жалованьемъ и провіантомъ, по прежнему о войскѣ ихъ положенію; на что потребная сумма будетъ ассигнована». [11 Октября 1775]. Изъ этихъ людей хотѣлъ было Потемкинъ набрать два пикинерные полка, но ни страхъ этого грознаго вельможи, ни всѣ его обѣщанія не помогали. Козаковъ никакими средствами въ «Москали» [т. е. регулярные солдаты] заманить нельзя было, и даже это намѣреніе, какъ увидимъ ниже, было причиною ихъ бѣгства изъ Россіи.

Въ Сѣчи всѣ укрѣпленія были оставлены, артиллерія взята, пушкарня засыпана, курени или разобраны или отосланы въ Никитино для устройства временныхъ провіантскихъ магазиновъ. Церковь Покровская была пощажена, но могильныя часовни, памятники и кресты на церковной площади бывшіе или сняты, или уничтожены. Два три домика кошевыхъ или старшинъ, поселяне, бывшіе слуги козачества, купили съ публичнаго торга и перевезли въ другія мѣста. Два года спустя, только валы, рвы, могилы и развалины давали знать, что тамъ была нѣкогда столь знаменитая Сѣчь. «Новая Сѣчь» подобно «Старой» превратилась въ простое село, которое названо въ честь храма Богоматери, *Покровкимъ*. Земли обѣихъ Сѣчей, съ

огромнымъ пространствомъ степи, плавней и острововъ, пожалованы генералъ-Прокурору князю А. А. Вяземскому. Окрестности нынѣшняго Екатеринослава или тогдашняго селенія *Половицы* съ островами и лѣсками достались князю А. А. Прозоровскому. [1] Въ 1776 г. Потемкинъ, какъ генералъ-губернаторъ обѣихъ частей края [т. е. Азовской и Новороссійской губерній], уже совершенно слитыхъ въ одно цѣлое, доносилъ Императрицѣ, что всѣ Ея повелѣнія о Запорожьи приведены къ окончанію: «что жители бывшаго Коша раздѣлены и поселяются въ разныхъ мѣстахъ имъ указанныхъ, что имъ дозволено вступать въ городскія или земледѣльческія свободныя сословія, и что многіе женясь, сдѣлались уже мирными жителями». Только объ одномъ умолчалъ онъ, т. е. о бѣгствѣ за границу цѣлой половины общины Запорожской, не смотря на большую армію ее оберегавшую.

Это печальное для добраго имени Запорожья событіе, случилось, какъ кажется, слѣдующимъ образомъ. Въ числѣ полковыхъ Запорожскихъ старшинъ былъ одинъ по прозванію *Ляхъ* [2] но который до сихъ поръ ни въ войнѣ, ни въ службѣ козачей не былъ извѣстенъ; происходившій изъ Польскаго дворянства. Онъ давно уже имѣлъ свою патрію въ Кошѣ, враждебно

---

[1]) Гардъ на Бугѣ дарованъ Князю Полиньяку, эмигранту въ 1790 г.

[2]) Въ 1775 г. кромѣ войсковаго старшины *Андрея Ляха* было еще ихъ 9: *Федоръ Ляхъ* въ Дядьковскомъ, *Левко Ляхъ* Пластунив., *Данило Ляхъ* Левушков., *Семенъ Ляхъ* Тимошев., *Михаилъ Ляхъ* Полтав., *Алексѣй Ляхъ* Джерелеев., *Кондратъ Ляхъ* Уман., другой *Михаилъ Ляхъ* и *Давидъ Ляхъ* Кисликив: куреней. Кто изъ нихъ былъ этимъ предводителемъ? сказать трудно; будущее откроетъ истину, а покамѣсть, чтобы не обидѣть кого нибудь изъ храбрыхъ потомковъ Запорожья, сознаемся въ нашемъ невѣдѣніи.

смотрѣвшую на кошеваго Калнишевскаго и всю такъ называемую *Русскую* сторону войска и не разъ слышно было въ Кошѣ, что есть охотники возмутить «сирому», чтобы избрать насильно другаго кошеваго; именно *Филиппа Федорова*, престарѣлаго и уже въ монастырѣ Самарскомъ съ 1764 г. пребывавшаго старшину, чтобы съ нимъ бѣжать въ Турцію. Но дисциплина Коша, военное время, а еще болѣе любовь къ роднѣ и «матери Сичи» ихъ удерживали, и Ляхъ не много имѣлъ приверженцевъ. Но когда Сѣчь была взята Русскими войсками, старшина отрѣшена и войску предложено вступать въ регулярную военную службу, — всѣ буйныя козацкія головы загорѣлись, зашумѣли и хитрые ихъ ватажки составили планъ, который имъ удался. Кто бывалъ въ. с.с. Покровскомъ и Капуловкѣ, вѣрно помнитъ ту безконечную сѣть острововъ Днѣпровскихъ, которые окружаютъ эти бывшія Сѣчи, и убѣдится, что надобно быть хорошимъ лоцманомъ, чтобы пройти оттуда въ Днѣпръ. Козаки знали все это и по немногу готовили свои лодки, которыя въ разныхъ мѣстахъ между камышами и плавнями [пловучими лѣсками] скрывали, ожидая благопріятнаго случая. Сѣчь была хорошо оберегаема войскомъ, но со стороны р. Подпольной и Днѣпра, безъ флотиліи стеречь ее было трудно. И такъ въ одну ночь, въ 20 мѣстахъ вдругъ до 5000 козаковъ разныхъ куреней, провозгласивъ *Ляха* походнымъ атаманомъ «закивали пятами», какъ говоритъ Коржъ, т. е. ушли изъ Сѣчи и чрезъ р. Павлюкъ, Сысину и др. пробрались въ Днѣпръ, гдѣ Русскіе не имѣли еще ни одного судна, а изъ Кинбурна если гарнизонъ ихъ и видѣлъ, то

вѣрно считалъ отрядомъ, посланнымъ на *подъѣздъ*, т. е. въ экспедицію.

Такимъ образомъ Запорожское тавариство, оставшееся на родинѣ, уменьшилось до половины, за то большая часть старшинъ осталась при немъ; въ томъ числѣ бывшій кошевый Филиппъ Федоровъ, бывшіе эсаулы: Сидоръ Бѣлый, Логинъ Мощенскій, Ломака, Легкоступъ; полковники: Андрей Бѣлый, Иванъ Высочинъ, Чепега и Колпакъ; полковые старшины: Тимковскій, Антонъ Головатый и др. Имъ предложены были армейскіе чины и жалованье до опредѣленія въ дѣйствительную службу. Частная собственность всѣхъ ихъ была укрѣплена за всякимъ, нѣкоторымъ даже [какъ напр. Сидору Бѣлому] пожалованы были земли въ Новороссійской или Азовской губерніи. Нѣсколько лѣтъ прошло мирно, нѣкоторые Запорожцы даже вступили въ гражданскую службу, весьма немногіе опредѣлились въ Херсонскій и Полтавскій пикинерные полки. Среди внѣшней и внутренней въ государствѣ тишины, о Запорожьи почти забыли, когда Потемкинъ, подстрекаемый честолюбіемъ и жаждою геніальной своей дѣятельности, прибылъ во ввѣренный ему Новороссійскій край, въ Маѣ 1780 г. Скоро обозрѣвъ свои губерніи и готовясь къ дѣйствіямъ по своему романтическому *Греческому прожекту* противъ Турціи, онъ увидѣлъ, что одною изъ главныхъ нуждъ Новой-Россіи, какъ всякой колоніальной области, есть содержаніе на военной ногѣ и во всегдашней готовности большой арміи, для укрѣпленія обширной границы со стороны Польши, Крымскихъ владѣній и Турціи. Прежде Запорожцы были какъ бы цѣпью аванпостовъ противу

всѣхъ враговъ Россіи на югѣ, теперь надобно было замѣнить ихъ регулярными полками или поселеннымъ мѣстнымъ войскомъ. Но откуда набрать лишнихъ 10,000 или 15,000 солдатъ, и еще такого какъ Запорожскіе козаки «охотнаго войска», какъ они себя называли, когда во всей Новороссіи въ 1782 г. по счетамъ оффиціальнымъ было едва 530.000 душъ об. пола жителей, имѣвшихъ въ 9-ти гусарскихъ и 6-ти пикинерныхъ полкахъ до 11,000 чел. по спискамъ, а быть можетъ едва половину подъ ружьемъ. Невольно вспомнилъ онъ тогда о «братчикахъ Запорожцахъ», своихъ однокуренцахъ, которые теперь разбрелись по бѣлому свѣту; будучи на мѣстѣ и видя край въ 100,000 квадр. верстъ, открытый со всѣхъ сторонъ и требующій самаго неутомимаго и самаго легкаго войска для его защиты, онъ понялъ, что и графъ Вейсбахъ и Минихъ и Панинъ были правы, когда поддерживали Запорожцевъ. Сколько гналъ ихъ онъ до 1775 г., столько послѣ всегда и вездѣ ихъ поддерживалъ. Антонъ Головатый, Харько Чепега, Сидоръ Бѣлый, даже подпавшій опалѣ Афанасій Колпакъ были всегда при немъ, имѣли армейскіе чины и считались на дѣйствительной службѣ; они составляли родъ почетнаго конвоя при генералъ-губернаторѣ и главномъ командирѣ войскъ въ Новой-Россіи расположенныхъ. Къ тому же въ 1783 г. съ Крымомъ сдѣлали тоже, что и съ Запорожьемъ; къ счастію всей Россіи, это гнѣздо грабителей и наѣздниковъ было усмирено, обезоружено и присоединено къ Имперіи, въ видѣ простой, весьма бѣдной и почти безлюдной области. Тогда-то Потемкинъ вздумалъ, по случаю необходимости въ новыхъ легкихъ

войскахъ. возстановить Запорожское общество, только уже не въ видѣ рыцарей безбрачнаго ордена, а по образцу Донскаго или Уральскаго войска. Съ этою цѣлью издана была имъ 1-го Іюля 1783 г. слѣдующая прокламація:

«Объявляю чрезъ сіе тѣмъ изъ пребывающихъ въ Азовской губерніи, Славянской и Елисаветской провинціи жителей, кои въ бывшемъ войскѣ Запорожскомъ служили, что полковому старшинѣ и арміи капитану Головатому [Антону Андреевичу] препоручено отъ меня приглашать изъ нихъ охотниковъ къ служенію въ козачьемъ званіи, подъ моимъ предводительствомъ. Число сихъ козаковъ простираться будетъ конныхъ до 500 и пѣшихъ въ лодкахъ тоже число, которымъ опредѣляется довольное жалованье и пропитаніе. Для сего желающіе да явятся въ Херсонъ къ г-ну бригадиру Синельникову [1]».

Такія точно «коммисіи» даны бывшимъ Запорожскимъ полковникомъ: *Харьку* [Захару], *Чепеги* и *Легкоступу*.

Стараніе этихъ четырехъ Запорожскихъ много уважаемыхъ старшинъ, при помощи заслуженнаго бывшаго Запорожскаго войсковаго асаула Сидора *Бѣлаго*, увѣнчались большимъ успѣхомъ, ибо настоящее «товариство» не охотно женилось и селилось, а предпочитало вести жизнь военную, *бурлацкую*. Въ теченіе 7-ми лѣтъ, не смотря на войну и болѣзни, а въ 1784 г.

---

[1]) См. мое *Хронологическое Обозрѣніе Исторіи Новороссійскаго Края*. Ч. I. стр. 159. Синельниковъ, бывшій послѣ губернаторомъ и строителемъ нашего Екатеринослава, происходилъ тоже отъ Запорожцевъ. Онъ убитъ при осадѣ Очакова.

и смертность отъ чумы, къ 1790 г. оставалось еще 5,300 козаковъ, самаго отличнаго воинства, какъ это увидѣлъ блистательный вельможа на полѣ битвы. Собранныя такимъ образомъ въ 1783 г. дружины, хотя весьма близко нарядомъ, видомъ и службою были сходны съ Запорожцами, но имѣли право жениться и названы *Черноморцами*, т. е. именемъ, которое имъ было давно извѣстно и которое они брали на себя всегда, когда бывало пускались въ свои наѣзды на берега Чернаго моря. Въ 1787 году, когда Императрица посѣтила полуденную Россію, дружины Черноморцевъ составляли Ея конвой и восхищали всѣхъ своею ловкостію и молодечествомъ. Потемкинъ въ числѣ прочихъ званій имѣвшій титулъ: «Гетмана всѣхъ козачьихъ войскъ», составилъ себѣ изъ Черноморцевъ конвой, состоявшій подъ командою Головатаго; такъ сбылось желаніе этого вельможи «*козаковать*» на степяхъ Запорожскихъ. Вскорѣ открывшаяся съ Турціею война, продолжавшаяся на сушѣ и на морѣ [съ конца 1787 по 1791 г. съ особеннымъ счастіемъ и славою для Русскаго оружія, доказала всю пользу этого козачества. Спустя 15 лѣтъ [въ 1805], посыланный по волѣ Императора Александра для устройства Черноморцевъ, генералъ *Дашковъ* писалъ объ нихъ министерству: «Козаки Черноморскіе, движимые духомъ усердія, во все время теченія войны той [1787—1791] въ различныхъ дѣйствіяхъ противу непріятеля, многими мужественными подвигами оказали опыты отличной своей храбрости и поревнованія на пользу службы»[1]].

[1]) Эта депеша находилась въ дѣлахъ архива Новороссійскаго генералъ-губернатора, переданныхъ въ Военно-Топографическое Депо. Она была приложена къ отношенію министра графа Кочубея къ герцогу Ришелье, отъ 16 Октября 1805 года.

И въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ реляціяхъ о битвахъ этой достопамятной кампаніи писано, что козаки Черноморскіе отличались храбростью, усердіемъ и вѣрностію къ Императорскому престолу. Возьмемъ въ примѣръ одно изъ донесеній главнокомандовавшаго арміею князя Потемкина, посланное ко Двору во время столь памятной осады Очакова [1], во время которой и первый кошевой Черноморцевъ *Сидоръ Бѣлый* былъ убитъ Турками и похороненъ въ Кинбурнѣ. Его мѣсто заступилъ старшій по немъ полковникъ *Чепега*, пожалованный въ кошевые, а Антонъ Головатый въ судьи войска.

«4 Ноября 1788 г. капитанъ-паша съ кораблями и фрегатами отплылъ и, по показанію плѣнныхъ, пошелъ къ Цареграду. Во время пребыванія его предъ Очаковскимъ берегомъ, держа фрегаты, шебеки и всѣ мелкія суда, составлявшія переднюю его линію близъ острова Березани, [противъ устья рѣчки с. и. въ Черное море] привелъ на ономъ крѣпость въ оборонительное состояніе и старался сдѣлать невозможнымъ всходъ на берегъ сего неприступнаго острова, построивъ батареи въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ къ острову приставать можно было; а для защищенія крѣпости, оставленъ отъ него довольный гарнизонъ. По удаленіи флота Турецкаго, главнокомандующій, препоручивъ войску вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ поискъ на сей островъ, приказалъ войсковому ихъ судьѣ подполковнику [арміи] Головатому идти туда со всѣми своими

---

[1]) Изъ «*Собранія разныхъ полученныхъ отъ главнокомандующихъ арміями и флотомъ ко Двору донесеній*». Ст.-Петербургъ, 1789 г. Часть I.

лодками и стараться взойти на берегъ, разбить непріятеля и овладѣть крѣпостью. Предпріятіе сіе предъ лицемъ всей арміи произведено въ дѣйство съ совершеннымъ успѣхомъ. 7 Ноября по утру, козаки приблизились къ острову, выдержали съ твердостью и мужествомъ сильный огонь непріятельскій, потомъ сдѣлавъ залпъ изъ пушекъ и ружей, вскочили въ воду и вспалзывая на берегъ, бросились съ такимъ стремленіемъ, что прогнали непріятеля, отняли у него батареи и преслѣдовали до самой крѣпости, гдѣ встрѣчены были картечами; въ семъ случаѣ поворотили они противъ крѣпости орудія съ батареи и съ своихъ лодокъ взятыя. Жестокая канонада ихъ, движеніе здѣланное отъ флота [Русскаго], по данному сигналу, нѣсколькими фрегатами и отправленіе къ острову лодокъ канонерскихъ съ бригадиромъ Рибасомъ, заставили непріятеля умолкнуть и просить пощады». Однимъ словомъ крѣпость и островъ Березань были взяты и тѣмъ значительно облегчено движеніе флота противу Очакова. Козаки-побѣдители потеряли на штурмѣ одного полковаго старшину, 4-хъ куренныхъ атамановъ и 24 козаковъ. Въ той же реляціи сказано: «Въ самое то время, когда пѣшее войско вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ дѣйствовало противъ Березани, конница ихъ съ кошевымъ атаманомъ подполковникомъ Чепегою, была подъ Хаджибеемъ и истребила подъ самою крѣпостью магазины на берегу построенные, въ которыхъ было до нѣсколька тысячь четвертей муки, пшена и овса».

Объ этомъ подвигѣ Головатаго слыхали мы подъ Одессою отъ одного бандуриста довольно интересную

балладу, которую долгомъ считаемъ сообщить читателямъ:

Ой стоялы на гавани противъ Яниколя,
Ой тамъ була фуртовина (буря) изъ Черного моря.

Ой въ недилю по раненьку, якъ стало свитаты,
Ой ставъ нашъ Головатый на хлопивъ гукаты.

— «Пидымайте добри хлопци паруса вси въ гору,
Ой бье Турокъ изъ Кинбуру съ пушокъ на тревогу!» —

Пидняли добри хлопци вси паруса въ гору.
Пишлы Днипромъ противъ воды корабли на воду.

Пишли наши добри хлопци Днипромъ противу воды
Набралыся сердечные превеликія биды.

Ой поглянувъ нашъ Головатый въ прозорную трубу
«Ой теперь вражихъ Туркивъ боятся не буду».

Въ 1789 г. встрѣчаемъ козаковъ на штурмѣ Очакова, въ поискахъ противъ Бендеръ, Паланки [1] и на лодкахъ подъ Измаиломъ и Аккерманомъ; — но въ Сентябрѣ т. г. дѣйствовали они цѣлымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 3 пѣшихъ и 3-хъ конныхъ полковъ и 3 пушекъ подъ командою кошеваго Чепеги и судьи Головатаго. 13 Сентября съ корпусомъ де-Рибаса они взяли штурмомъ замокъ Енидуня въ Хаджибеѣ и дали начало нынѣшней Одессѣ, ибо когда тамъ устроена была въ 1793 г. крѣпость, они поселились первые, особою слободкою или предмѣстьемъ на «Пересыпи». Въ реляціяхъ того года Потемкинъ съ большою похвалою отзывается о дѣйствіяхъ Черноморскаго войска, въ

[1]) *Паланка*, небольшой укрѣпленной городокъ въ Буджакѣ, нынѣ селеніе на Днѣстрѣ въ Аккерманскомъ уѣздѣ.

особенности же о подвигахъ: кошеваго Чепеги, судьи Головатаго, полковника *Бѣлого*, хорунжихъ и старшинъ: *Алексѣя Высочина*, *Ивана Сербина*, *Андрея Бѣлаго*, *Павла Лисаневича* и *Василія Левенца* и эсаула *Прокофія Чайковскаго*. Съ тѣмъ вмѣстѣ присовокупляетъ, что «во все продолженіе сей экспедиціи въ доставленіи снарядовъ и провіанта и во многихъ другихъ нужныхъ случаяхъ, великое имѣлъ пособіе отъ войсковаго судьи Головатаго». Тѣже: Чепега, Головатый, Бѣлый, — за 20 лѣтъ назадъ подъ тоюже крѣпостью подвизалися въ командѣ древняго Низоваго Коша, подъ начальствомъ Калнишевскаго, послѣдняго своего кошеваго атамана. Командиръ же авангарда арміи Потемкина, графъ Гудовичъ, во время упомянутой экспедиціи на Хаджибей, въ особенности хвалитъ эсаула Черноморскихъ козаковъ *Кондрата Табанца*, ведшаго корпусъ его по труднымъ дорогамъ Очаковской степи, столь для нихъ памятнои подвигами братьевъ-Запорожцевъ въ кампанію Румянцова 1769—1774 года.

Вотъ еще одна пѣсня *хвастающихъ* Запорожцевъ, говорящая о взятіи Очакова, — и разумѣется одними козаками:

«Чи то чорные орлы крыла распустылы
Темненькою ничью сонечко закрылы....
Чи то изъ за моря хмара наступае»?
Ой то не изъ за моря хмара наступае,
Ни чорные орлы крыла распустылы,
Темненько ничью сонечко закрылы.
То подъ ясное небо *лу̂на* (зарево) забигае,
А дымомъ клубками по полю качае.
То храбре козацьтво Татаривъ разбило.
И городъ Бѣсурманскій Очаковъ спалило.
Базаръ горитъ, а на море лу̂на иде.

Панъ атаманъ козаченькивъ до дому веде,
А за нымъ Бѣсурманы поле покрывалы
Атамана кошеваго добре угощалы.
Добре угощалы, дарми надавалы....
Ой тоди козаченькивъ та вси шановалы!» [1])

Такимъ образомъ во всю кампанію Турецкую до заключенія Ясскаго трактата служило войско Черноморское, не зная другаго занятія, кромѣ войны за «Матушку-Царицу», не имѣя другаго достоянія, кромѣ коня, лодки и оружія, не имѣя даже другаго крова въ бывшей своей родинѣ, кромѣ достославной сѣни знаменъ Русскихъ. Потемкинъ болѣе и болѣе цѣнилъ ихъ службу и понималъ настоящую въ нихъ нужду. Чтобы вознаградить вѣрныхъ козаковъ за ихъ труды, и чтобы сдѣлать ихъ полезными для Россіи, онъ назначилъ имъ для поселенія семейнаго, военно-земледѣльческаго, въ случаѣ окончанія компаніи и занятія уже безпорнаго [послѣ паденія Очакова и Хаджибея] Очаковской области, всѣ тѣ земли, которыя находились между Бугомъ, Днѣстромъ и Чернымъ моремъ. Ихъ любовь къ мореходству давала возможность немедленнаго устройства гребной флотиліи, созданной въ эту кампанію и которой польза была очевидна на водахъ, гдѣ Россія имѣла еще весьма небольшія морскія силы. Но смерть Потемкина едва не лишила ихъ всего. Оставленные въ 1791 г. въ походномъ Кошѣ надъ Днѣстромъ, гдѣ они вмѣстѣ съ Бугскими козаками содержали кордоны и ходили въ походъ противъ Буджаковъ, напрасно ожидали они устройства свой участи съ заключеніемъ и приведеніемъ въ дѣйствіе Ясскаго трактата. Имъ угрожало обращеніе

[1]) Быть можетъ говорится здѣсь о взятіи Очакова въ 1787 году, при чемъ были и Запорожцы.

въ поселянское званіе, съ предоставленіемъ офицерамъ и охотникамъ записываться въ легкоконные или гусарскіе полки. Объ этомъ-то печальномъ времени для Черноморскаго козачества сложилъ Антонъ Головатый, судья и бардъ Запорожскій, свою просьбу-балладу:

«Ой Боже жъ нашъ, Боже милостивый,
Вродились мы въ свиты несчастливи.
Служили вирно у поли и на мори;
Тай остались убоги и босы и голы.
Далы намъ земли отъ Днѣстра до Богу
Границп намъ по Бендерску дорогу,
Днѣстровый, Днѣпровый — обыдва лиманы.

Послѣ предложенъ былъ въ Петербургѣ проэктъ о поселеніи ихъ на земляхъ при-Кубанскихъ для защиты новой Русской границы, съ паденіемъ Крымскаго ханства пріобрѣтенной, но и эта надежда была невѣрна [1]. Тогда съ общаго согласія Черноморскаго братства, Головатый отправленъ былъ въ Петербургъ, дабы повергнуть у Монаршаго престола заслуги своей общины и исходатайствовать окончательное и милостивое рѣшеніе ея участи. Головатый на этотъ разъ былъ всѣми принятъ лучше, нежели въ 1775 г. и успѣшно окончилъ свои дѣла. Высочайшая граммата въ 30 день Іюня 1792 г., пожалованная «Войску вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ» даруетъ ему: «островъ Фанагорію съ землями между Кубанью, Азовскимъ и Чернымъ моремъ», поручаетъ ихъ вѣрности и храбрости охраненіе границы отъ за-Кубанскихъ хищниковъ; предоставляетъ имъ собственный ихъ кошевый судъ и расправу, а козакамъ

[1]) Объ этомъ-то проэктѣ говоритъ пѣсня:

«.... Пишлы до Царици прохаты,
Щобъ нашу Сичъ Запорозьску
Та на Кубань прогнаты».

право торговли, рыбные промыслы, свободную винную продажу и пр. Кромѣ того пожалованы были войску знамена, литавры, печать и гербъ съ новымъ изображенiемъ и надписью: «печать Е. И. В. Коша войска вѣрныхъ Коз. Чер.» [1]. Чепега утвержденъ кошевымъ атаманомъ, а Головатый войсковымъ судьею. Кромѣ того Императрица, по обыкновенной своей щедрости, подарила Русскую *хлѣбъ-соль*, т. е. жалованья ежегодно по 20,000 руб. и серебренное блюдо съ богатою серебренною солонкою и право сохраненiя древнихъ войсковыхъ клейнотовъ: булавы, пернача, тростей и пр.; которыя доселѣ въ большихъ церемонiяхъ носятся Наказнымъ атаманомъ, начальникомъ штаба и пр.

1 Iюля 1792 г. Черноморская козачья гребная флотилiя, подъ начальствомъ своего полковника *Бѣлаго* на 51 лодкахъ, повезла 3,000 козаковъ и старшину къ своимъ новымъ жилищамъ, а 21 Августа въ Тамань прибыла. Вскорѣ пришли тудаже 2 пѣшiе козачьи полка въ 500 чел. каждый и расположились близъ крѣпости фанагорiйской. 2 Сентября Захаръ Алексѣевичь *Чепега* съ войсковымъ писаремъ, полковниками, старшинами и 2063 козаками конныхъ полковъ выступили тудаже; перешедъ Бугъ въ Соколахъ [Вознесенскѣ], Днѣпръ въ Бериславѣ и Донъ въ Новочеркасскѣ, прибыли къ р. Еѣ, и 24 Октября вступили на новое свое еще пустынное пепелище. Въ это время судья войсковый съ 2 полками коннымъ и пѣшимъ въ числѣ 1,000 ч. коз., остававшiйся на Днѣстрѣ близъ Дубоссаръ, охранялъ обозъ и всѣ семейства козачьи, въ которыхъ впрочемъ было еще не много женщинъ, а 15 Iюля 1793 г.

[1]) См. на таблицѣ 2-й къ настоящей части приложенной.

прибылъ въ Черноморье. Спустя мѣсяцъ, т. е. 15 Августа, войско Черноморское торжественно основало себѣ главный городъ, т. е. Кошъ на Кубани въ такъ называемомъ *Карасуйскомъ-кутѣ* [1] противъ лѣска, называемаго *Кругликъ* и въ вѣчную память своей незабвенной Монархини, основательницы новаго быта козаковъ, назвало его *Екатеринодаромъ*, По той же Кубани поставило оно свои слободы — курени: Донскій, Пластунивскій. Рогіевскій, Поповичевскій, Величковскій, Тимошевскій, Мышастовскій, Нижне-Стеблеевскій и Джерелѣевскій; курени: Выше-Стеблеевскій, Титоровскій на Таманскомъ полуостровѣ; Щербиновскій, Конеловскій, Кисляковскій, Шкуринскій и др. села по р. Еи до Азовскаго моря. Теперь эти селенія умножились, а нѣкоторые курени и мѣстопребываніе свое уже измѣнили.

Для насъ, слѣдящихъ за судьбами собственно Запорожья, замѣчательно то, что древнія формы козачества, за исключеніемъ безбрачія, остались тѣ же, что и въ Сѣчахъ. «Внутренній у Черноморскихъ козаковъ распорядокъ [сказано въ упомянутой выше запискѣ генерала Дашкова], основанный на правилахъ прежняго Запорожскаго, есть и нынѣ тотъ же самый, какой былъ прежде. 'Войсковый *Кошъ* есть главный станъ войска и подъ главнымъ начальствомъ войсковаго [кошеваго] атамана составляютъ его 40 куреней тѣхъ самыхъ наименованій, какія существовали въ войскѣ Запорожскомъ. Каждый курень имѣетъ начальникомъ куреннаго атамана, избираемаго козаками изъ равныхъ

---

[1]) Кара-су, черная вода.

себѣ. Всѣ козаки и чиновники, въ видѣ козаковъ, росписаны по куренямъ, по добровольному каждаго избранію. Число козаковъ въ куренѣ неограниченно и простирается отъ 100 до 1,000 чел.». Это было писано въ 1805 г. Число ихъ, бывшее къ 1793 г. по показанію Ришелье, 5,803 коз. муж. пола въ 1808 г. въ 41 куренѣ или селеніи имѣло уже

20,649 муж. пола
8,811 жен. »

29,460, т. е. до 30,000 душъ об. п.

Но тогда къ нимъ пришло уже много козаковъ, остававшихся на жительствѣ въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ; нѣсколько козаковъ вернулось изъ Турціи и многія Ногайскія семейства переселились изъ-за Кубани. Съ 1809 по 1820 г. переселено правительствомъ съ Черноморье до 30,000 Малороссійскихъ козаковъ и поселянъ, такъ что въ 1820 году было тамъ уже слишкомъ 60,000 д. об. п.

Въ 1841 г. Черноморское войско окончательно преобразовано и составъ его въ 3-хъ округахъ, былъ слѣдующій:

I. *Екатеринодарскій* округъ, въ которомъ были слѣдующіе курени или станицы:

1. *Екатеринодарск.*	3,627.	8. Сегріевскій......	273.
2. Пашковскій....	1,561.	9. Платниревскій ..	1,350.
3. Старо-Корсунск.	1,042.	10. Коренивскій	1,135.
4. Васюринскій....	1,132.	11. Дядьковскій....	524.
5. Донской.......	602.	12. Тимошевскій....	926.
6. Пластунивскій..	856.	13. Рогіевскій......	1,289.
7. Старо-Мышастов.	608.	14. Ново-Джерелѣев.	942.

15. Брюховецкій.... 1,002.
16. Переяславскій.. 905.
17. Ново-Корсунскій 496.
18. *Березанскій* [1].... 936.
19. Батуринскій.... 334.
20. Каневскій...... 1,522.

Итого въ 20-ти куреняхъ д. м. п. 21,064.

II. *Таманскій* округъ, въ которомъ были слѣдующія станицы или курени:

1. Вышестеблеевскій 499.
2. Старо-Титоровск. 369.
3. *Ахманизовская* и *Тамань* .... 314.
4. *Темрюкскій* ...... 474.
5. *Петровскій* ..... 1,388.
6. Полтавскій .... 1,572.
7. Ново-нижне-Стеблеевскій ...... 1,635.
8. Старо-Джерелѣев. 927.
9. *Татарское селеніе Ады* .... 281.
10. Старо-нижне-Стеблеевскій .... 1,421.
11. Ивановскій .... 1,450.
12. Ново-Мышастов. 1,793.
13. *Маріинскій* ...... 828.
14. Ново-Величковск. 849.
15. Елисаветинскій. 727.
16. *Черкесскій аулъ*. 263.
17. Ново-Титоровск. 1,344.
18. Старо-Величков. 977.
19. Поповичевскій.. 1,101.
20. Медведовскій... 1,122.

Итого въ 20 ти куреняхъ д. м. п. 19,334.

III. *Ейскій* округъ имѣль слѣдующія станицы или курени:

1. Ирклеевскій.... 857.
2. Старо-Деревянков. 960.
3. Ново-Минскій.. 1,035.
4. Ново-Деревянков. 882.
5. Старо-Щербинов. 2,078.
6. Крилевскій..... 782.
7. Уманскій....... 1,201.
8. Конеловскій.... 782.
9. Старо-Минскій.. 1,439.
10. Ново-Щербинов. 1,041.
11. Шкуринскій.... 760.

[1]) Этотъ курень названъ Березанскимъ вѣроятно въ память Головатаго и его побѣды на о. Березани.

12. Старо-Левушковскій.......... 689.
13. *Павловскій*...... 467.
14. Кисляковскій... 1,523.
15. Кущовскій..... 831.
16. Ново-Левушковск 393.
17. Калниболоцкій.. 1,139.
18. Незамаевскій.... 1,153.
19. *Екатериновскій*.. 1,071.

Итого въ 19-ти куреняхъ д. м. п. 19,083.

Всего же въ 59-ти куреняхъ было 59,481 д. м. п.; слѣдственно всего народонаселенія до 100,000 душъ об. пола.

Черноморское козачье войско, сохранившее доселѣ неприкосновеннымъ, въ теченіи слишкомъ полъ-столѣтія, древнія Запорожскія наименованія осѣдлостей, такъ что изъ 59 селеній 49 названы по куренямъ Сѣчевымъ, а только 10 [обозначенныя курсивомъ] получили новыя наименованія, занимаетъ обширную и прекрасную площадь земли въ 33,000 кв. верстъ пространства. Оно заключено между восточнымъ берегомъ Азовскаго моря и Кубанью, имѣтъ на югѣ часть Чернаго моря и горскія племена Натугайцовъ, Шапсуговъ, Абасеговъ и др., съ которыми многолѣтняя борьба ни на шагъ не упрочили еще ихъ покорности; на западѣ Азовское море, на сѣверѣ часть Ростовскаго уѣзда Екатеринославской губер., на сѣверозападѣ граница съ Донскими землями и частью Кавказскихъ областей, съ которыми составляетъ одно гражданское управленіе. Въ 1840-хъ годахъ раздѣлялось на 3 окружныя управленія пребывающія: *Екатеринодарское* въ Екатеринодарѣ, *Таманское* въ станицѣ Петровской, *Ейское* въ Уманскомъ куренѣ, и не смотря на свою малочисленность, содержали во всей исправности и воинской готовности:

1 дивизіонъ лейбъ-гвардіи,
12 конныхъ полковъ,
9 пѣшихъ баталіоновъ, и
1 конно-артиллерійскую бригаду.

большею частью на достояніи войска, имѣющаго кромѣ Царскаго жалованья свои доходы отъ соляныхъ и рыбныхъ промысловъ, питейной продажи, внутренней торговли и поземельнаго довольства.

Надъ озеромъ *Лебяжимъ* въ Ейскомъ округѣ въ 1794 г. устроена «Екатерино-Лебяжая Николаевская пустынь» или монастырь, также какъ и въ войскѣ Запорожскомъ былъ Самарскій монастырь, назвывавшійся «Самарскою-Пустынно-Николаевскою обителью». Подобно какъ въ Запорожьи, куренни управлялось избранными изъ среди-своей «громады» куренными атаманами, и подобно Низовому братству пользуется «землями, рѣчками и прочими угодьями» только пожизненно, какъ изъ вѣковъ бывало» [1].

Теперь обратимся къ заблудшимъ овцамъ Запорожской общины, оторваннымъ отъ родной земли преступнымъ упорствомъ и козачьею нетерпѣливостью и, посмотримъ, какова была ихъ участь на чужбинѣ. Мы уже сказали, что паническій страхъ объявшій козаковъ послѣ атакованія Сѣчи: «що ихъ будутъ робыты москалями», т. е. брать въ военную службу, увеличенный еще подстреканіями буйныхъ и не любящихъ порядка головъ побудилъ ихъ къ бѣгству, за которое они послѣ столь горько заплатили. Объ этомъ говоритъ одна печальная ихъ дума:

---

[1]) Черноморское войско именуется теперь «Кубанскимъ». Его составъ и населеніе усадьбъ намъ неизвѣстны.

«Ой теперь наши славны Запорожци
Та у великому жалю,
Що не знаютъ кому покоритця
И которому Царю.

«Поклонылись бы мы цёму Туркови,
Та щожъ колы не наша вира.
Поклонылись бы Москалеви,
Та москаль не пріймае».

«Ой кругомъ церкви Сичовой
Караулы сталы,
Панъ-отцу Владимиру
Служиты не далы.

«Ой нызомъ, нызомъ, —
Славны Запорожци!
Тай до переправы.
Ой беритъ лодки и вси припасы,
Тай ходимо дали».

И такъ бѣгство было рѣшено. Ляхъ, какъ сказана выше, превозглашенный походнымъ атаманомъ, съ значкомъ и перначемъ впереди на своей лодкѣ; за нимъ съ разныхъ концовъ Запорожья до 5,000 товариства на *сандалкахъ* и дубахъ, вошли въ Днѣпръ и пустились къ лиману. Но куда идти, гдѣ искать новаго отечества «новой родыноньки»? Тутъ недоумѣніе и тоска по отчизнѣ ими овладѣли.

....«Ой въ степу братци двѣ дорожки:
Една доржка ажъ до зеленаго гаю; (лѣска, т. е. до родины)
А другая стежка, доржка
Ажъ до тыхого Дунаю....

Но тутъ опять остановились несчастные бѣглецы и невольно воскликнули:

Та круты бережки
И далека Украина!!

Но дѣлать было нечего; подумали, потолковали и пустились къ Дунаю, куда еще недавно какъ побѣдители, какъ вѣрные слуги Россіи, направляли свои лодки. Въ Дунай прошли они по Георгіевскому рукаву [Гедрилле-Богази] и достигли Браилова, Не зная куда дѣться, несчастные предались опять подъ державу Турціи. Порта приняла ихъ, какъ и прежде, очень охотно, обложила весьма легкимъ харачемъ и позволила избрать любое мѣсто на Дунаѣ. Они предпочли Георгіевскій островъ и ту часть материка, которая находилась между правымъ берегомъ этого гирла, Чернымъ моремъ и озеромъ Розельмъ. Земля эта была изобильна; р. Дунай и Черное море давали занятіе рыболовамъ; они добыли себѣ стада и устроили селеніе, названное *Запорожскою Сѣчью* съ тою разницею, что не женатые и старшины съ кошевымъ жили въ укрѣпленной части этой Сѣчи, которая называлась *кошемъ* или даже *паланкою*, т. е. крѣпостью; семейные же обители въ предмѣстьи по турецки прозванномъ *Раія*. Турки дали имъ тоже названіе *Буткальскихъ* козаковъ, которымъ именовали прежде въ грамматахъ и письмахъ. Но этимъ добромъ они спокойно наслаждаться не могли, а вскорѣ и вовсе его лишились отъ самаго ненавистнаго для Запорожцевъ сосѣдства. Земли ихъ однимъ только протокомъ или р. Дунавцемъ раздѣлялись отъ селеній Некрасовскихъ [1]] т. е. основанныхъ

[1]) Въ 1708 г. приверженный къ Булавину аmаманъ *Игнатъ Некрасовъ*, избѣгая казни за свою измѣну, съ 500 или 600 Донскихъ семействъ раскольниковъ, бѣжалъ съ Дону и предался Крымскому хану, получивъ отъ него земли на Кубани, между Таманью и Копылемъ, рядомъ съ Кочевьями Кубанской орды Ногаевъ. Тамъ имѣли

тамъ въ половинѣ XVIII стол. Донцами раскольниками, бѣжавшими изъ Россіи при Петрѣ Великомъ во время бунтовъ Булавина и Мазепы. Вражда Запорожцевъ къ раскольникамъ уже извѣстна читателямъ, и она то, равно какъ и совмѣстничество во владѣніи землями, пользованіи рѣками, камышами и солью, были причиною безпрестанныхъ распрей и даже кровавыхъ обоюдныхъ насилій. Кончилось тѣмъ, что Запорожцы, какъ сильнѣйшіе [Некрасовцевъ было всего 1,400 д. о. п], вытѣснили Некрасовцевъ и вооруженною рукою, съ причиненіемъ убійствъ, пожаровъ и грабежей, завладѣли ихъ жилищами и тамъ укрѣпились. Турецкое правительство для прекращенія будущихъ распрей и чтобы наказать Запорожцевъ, перевело ихъ въ верхъ по Дунаю, въ окрестности кр. Гирсово на урочище *Сеймены*, гдѣ они оставались, почти до 1803 г.

Тамь устроился ихъ новый «за-Дунайскій» Кошъ. Турки ему покровительствовали усердно, и не смотря на дарованное было всепрощеніе всѣмъ бѣжавшимъ изъ Россіи людямъ, Запорожцевъ всѣми мѣрами тамъ удерживали. Паши Браиловскій и Силистрійскій много ихъ цѣнили и употребляли наравнѣ съ Турецкими регулярными войсками, которыя они превосходили не только храбростью и твердостью, но даже дисциплиною. Отъ того не боялись употреблять ихъ даже

они 3 села: *Себелей* (Савельево), *Ханъ-Тюбе* и *Кара-Игнатъ*. Крымцы называли ихъ «Игнатъ-козаками». Въ 1784 г. они должны были уйти оттуда, избѣгая Русскаго владычества и поселились въ Болгаріи въ Мачинскомъ и Бабадагскомъ округахъ, гдѣ они имѣли 6 селеній: *Сара-Кіой*, *Кара-Урмань* (черный лѣсъ), *Новая-слава*, *Старая-слава*, *Журилово* и *Каменка*. См. нашъ очеркъ въ Жур. Мин. В. Д. 1844 № 10, стр. 61—83.

противу Россіи. Такимъ образомъ къ крайнему стыду этого общества, въ реляціяхъ 1789 и 1791 г. находимъ мы указаніе, что 15 лодокъ *Буткальскихъ* козаковъ — такъ называли всѣ оффиціально Запорожцевъ — служило при Турецкомъ флотѣ, и слѣдственно несчастные встрѣчались на полѣ битвы съ своими братьями — по крови и оружію — вѣрнымъ козачествомъ Черноморскимъ. Впрочемъ это событіе случилось только однажды, и на рѣшительный отказъ Запорожцевъ служить впредь на сушѣ и на морѣ противу Россіи, Порта повелѣла пашамъ употреблять ихъ только противу Сербовъ, Албанцевъ и наконецъ Грековъ [1].

Они разсказывали, что Кошъ ихъ не подвергался никакимъ притязаніямъ Порты или пашей, но еще въ сравненіи съ другими «раіями» пользовались большою свободою и преимуществами. Войску дозволено было жениться или *бурлаковать* по произволу, ибо безбрачіе считалось неотъемлемымъ основаніемъ Запорожья; въ 1830 году знали мы 90-лѣтнихъ стариковъ, помнившихъ еще Новую-Сѣчь, которые по возвращеніи изъ Турціи, т. е. чрезъ 55 лѣтъ, были все еще такими же *молойцами* [холостяками] какъ и во дни ихъ юности. Имъ дозволено было принимать въ свое общество всѣхъ людей, Турецкихъ и иностранныхъ подданныхъ, лишь бы они были не мусульмане. Вотъ причина столь

[1]) Азовскіе козаки разсказывали, что Турки боясь потерять Запорожцевъ, изобрѣли хорошее средство ихъ удержанія. При всякой экспедиціи противу раіевъ, т. е. Христіанъ, весь Кошъ давалъ поруку за отправляемыхъ въ походъ людей; оттого оставшіеся въ домахъ, также усердно смотрѣли за уходящими, какъ и сами Турки.

частыхъ побѣговъ Русскихъ и Украинскихъ поселянъ за Дунаи, думавшихъ уходить въ свою обѣтованую «Палестину», — «на Запорожье», «якъ изъ вѣковъ бувало». Отъ того, не смотря на постоянную военную службу и частыя экспедиціи противу разбойниковъ [особенно въ 1801 году] и мятежниковъ, Кошъ этотъ имѣлъ не менѣе 10,000 душъ об. п. Подобно древному товариству, Дунайскіе Запорожцы раздѣлялись на 38 куреней прежнихъ наименованій и кромѣ Коша имѣли еще два селенія, гдѣ пребывали женатые съ своими семействами. Начальникъ войска именовался кошевымъ атаманомъ, избирался по древнему обычаю въ 1-й день Генваря, какъ и въ древнихъ своихъ Кошахъ. Церковь ихъ была подъ тѣмъ же названіемъ Св. Покрова Богоматери. Въ день храмоваго праздника все товариство, собравшись на площадь, составляло *кругъ* или раду. Кошевой на приготовленномъ столѣ клалъ свою булаву и саблю, которую получалъ отъ султана, а войско разсматривало его расходныя книги и куренные реестры товариства. Когда довольны были кошевымъ, то бросали шапки вверхъ, а его взявъ за руки, съ громкими восклицаніями водили по Сѣчи и тогда уже непремѣнно онъ былъ избираемъ на будущій годъ. Въ противномъ случаѣ войско не только изъявляло ему свое негодованіе, но даже производило побои и раны. Кошевый считался у Турокъ двухъ-бунчужнымъ пашею, имѣлъ при себѣ писаря, у котораго хранилась печать войска съ Турецкою легендою, означавшею: «Начальникъ Буткальскихъ козаковъ кошевой», которая прилагалась къ бумагѣ вмѣсто бывшей подписи войсковаго писаря [1].

[1]) Изображеніе этой печати, сообщенное намъ покойнымъ наказнымъ атаманомъ Азовскаго войска О. М. Гладкимъ, помѣщается на прилагаемой здѣсь таблицѣ.

Кромѣ писаря, старшину составляли: эсаулъ, куренные атаманы и переводчикъ. Постоянныхъ войсковыхъ старшинъ и полковниковъ, какъ это водилось въ Запорожьи, въ Дунайской Сѣчи не было. Когда нарядъ въ экспедицію былъ сдѣланъ, одинъ изъ куренныхъ атамановъ избранный въ командиры получалъ званіе полковника и въ знакъ своего достоинства серебреный перначъ, а иногда и почетную саблю. Каждый курень имѣлъ свой значокъ или знамя, которое носилъ хорунжій или значковый товарищъ. Кромѣ этихъ чиновъ находился постоянно въ Кошѣ Турецкій чиновникъ, съ званіемъ «повѣреннаго въ дѣлахъ» большею частію для сбора харачу, выдачи *тескере*, т. е. паспортовъ, а въ политическомъ отношеніи для наблюденія за вѣрностью войска, которое Порта издревле называла *Потканы*, нѣчто въ родѣ сброду, *черни*.

Со временемъ, когда недовольные своимъ мѣстопребываніемъ, козаки начали по немногу возвращаться въ Россію, а съ открытіемъ кампаніи 1806 г., когда и цѣлые отряды Запорожцевъ и даже Некрасовцевъ присоединились къ Русской арміи, Турки позволили имъ занять прежнія свои жилища на югѣ р. Дунавца, гдѣ они поставили и укрѣпили свой Кошъ, почти 25 лѣтъ существовавшій и два селенія: *Раія* и *Кара-Керменъ*. весьма богатыя и многолюдныя. Для того нужно было вытѣснить оттуда своихъ сосѣдей-раскольниковъ [Липованов] и Некрасовцы при этомъ случаѣ лишились больше 50 чел. убитыми и всего своего движимаго имущества. Отсюда во время войны 1806—1812 г. они ходили въ море на Македонію, а въ 1821 г. дѣйствовали противу Греческой этеріи и мятежниковъ. Ихъ

храбрость и любовь къ оружію и на чужбинѣ не погасла, но за то не погасла и любовь къ родинѣ, которую они горько оплакивали, ожидая только случая, чтобы туда возвратиться на какихъ бы то ни было условіяхъ. Но это намѣреніе исполнить было трудно, ибо Турки, посредствомъ круговыхъ порукъ, держали ихъ въ вѣчномъ страхѣ и повиновеніи.

Объ этой тоскѣ говоритъ одна пѣсня, сочиненная вѣроятно въ за-Дунайской или Алешковской Сѣчи, которую до сихъ поръ поютъ въ степяхъ нашихъ:

Летивъ орелъ по надъ моремъ, тай ставъ голосыты ·
«Ой якъ тяжко козакови на чужбини жити».

Летивъ орелъ по надъ моремъ, тай летивши крикнувъ:
«Ой якъ тяжко несчастному жить, гдѣ не привыкнувъ»!

Русское правительство, руководимое милосердіемъ къ несчастнымъ хотя и преступнымъ Запорожцамъ, соглашалось охотно на возвращеніе изгнанниковъ, полагая, что такимъ образомъ Турція лишится этого храбраго воинства и прекратятся побѣги крестьянъ изъ Малороссіи. Потому чрезъ выходившихъ разновременно козаковъ внушаемо было въ ихъ Кошѣ, что они всегда будутъ приняты радушно и благосклонно. Первые слѣды такого возвращенія находимъ въ 1805 г. Тогда нѣсколько козаковъ Батуринскаго [за-Дунайскаго] куреня сухопутно и моремъ пробралось въ Одессу, съ податными тескере вмѣсто паспортовъ, выданными за печатью кошеваго отъ Турецкаго повѣреннаго [1].

[1]) Вотъ переводъ одного изъ такихъ тескере или билетовъ: «*Остапъ Минайло*, росту средняго, по сему билету значущійся, есть изъ Буткальскихъ козаковъ, отпущенъ изъ Гедрелецской проливы (Георгіевскаго гирла Дуная), по указу отъ начальства, по сему билету и

Герцогъ Ришелье всѣхъ такихъ людей отсылалъ обыкновенно въ подчиненное ему тогда Черноморское козачье войско, гдѣ они немедленно находили пристанище, хлѣбъ, службу и «братчиковъ» Запорожцевъ. Между тѣмъ завязалась война съ Турціею, и Запорожцы услышавъ въ своемъ сосѣдствѣ гласъ трубъ и увидя знамена Руси православной, древняго своего отечества, не смотря на принятыя Турками мѣры, въ большомъ числѣ начали уходить изъ своего Коша [1806] и стекаться на лѣвой берегъ Дуная къ генералу Михельсону, главнокомандовавшему арміею, назначенною въ Турцію. Съ Высочайшаго соизволенія Михельсонъ принималъ ихъ въ Русское подданство и опредѣлялъ на службу въ особый отрядъ, подъ команду арміи маіора *Подлѣсецкаго*, которому выданъ былъ на то «открытый листъ», т. е. позволеніе приглашать и принимать на службу тѣхъ изъ находящихся въ Турецкихъ владѣніяхъ Запорожцевъ, которые захотятъ остаться навсегда подъ Русскими знаменами. Такимъ образомъ въ нѣсколько дней собралось до 500 чел. добрыхъ козаковъ, большею частью пѣхоты, которыми вооружена была небольшая гребная флотилія на Дунаѣ, храбро служившая во всю почти кампанію. Главами этого перехода были: Запорожецъ [еще изъ Днѣпровской Сѣчи] *Иванъ Губа* и старшина *Фома Бучинскій*. Узнавъ объ ихъ усердіи и охотѣ, Императоръ Александръ указомъ 20 Февраля 1807 года повелѣлъ: «Формируемый генераломъ

съ приложеніемъ печати. Когда находиться будетъ въ крѣпостяхъ и городахъ, гдѣ есть начальники, никто да не принудитъ и не возметъ отъ него податей, въ чемъ и билетъ сей ему данъ 1221 (1805) г.».

Михельсономъ отрядъ назвать *Усть-Дунайскимъ* войскомъ». Это названіе дано въ память ихъ Коша, бывшаго на Портицкомъ устьи или гирлѣ Дуная. Они называли себя *Усть-Дунайскимъ Буджакскимъ* войскомъ и это названіе сохранили на своихъ печатяхъ [1]. По увольненіи Подлѣсецкаго, кошевымъ этого войска назначенъ сперва Иванъ Губа, а послѣ войсковый старшина Фома Бучинскій, и оно столь усердно служило, что Герцогъ Ришелье въ качествѣ командира 13-й пѣхотной дивизіи, при которой оно считалось, рекомендовалъ оное милостивому Монаршему вниманію. Въ 1808 г. оно состояло изъ 16 разной степени старшинъ, 20 куренныхъ атамановъ и 468 козаковъ [2] Вскорѣ войско было упразднено, часть старшины и товариства отправлена въ Черноморье, куда Ришелье отправилъ ихъ знамя, печати, бунчукъ и перначь «для храненія съ другими клейнотами бывшаго Запорожья, въ войсковой церкви въ Екатеринодарѣ». Но большая часть козаковъ осталась

[1]) Изображеніе этой печати помѣщено на прилагаемой здѣсь таблицѣ.

[2]) Вотъ имена вѣрныхъ старшинъ, которые прежде другихъ возвратились въ Россію и вооружлились на ея службу; кошевые: *Иванъ Губа* и *Фома Бучинскій*; эсаулы: *Романъ Цыганка*, *Печеный* и *Ломака*; писарь *Алексѣй Соколовъ*; хорунжіе: *Вицентій Павловскій*, *Боровикъ* и *Касьянъ Шереметь*; значковые товарищи: *Климентъ Домбровскій* и *Данило Бизилевскій*; сотники: *Димитрій Зайцовъ*, *Леонтій Кучеръ*, *Дмитрій Половый*, *Иванъ Кубанецъ*, *Сидоръ Долгорукъ* и *Трофимъ Гайдабуръ*, и куренные атаманы: *Яковъ Яцко*, *Никита Таранъ*, *Николай Бѣлый*, *Христофоръ Кучеръ*, *Яковъ Фокъ*, *Михаилъ Соколовъ*, *Иванъ Шлимько*, *Федоръ Комаренко*, *Давидъ Мельниченко*, *Олекса Таранъ*, *Грицько Бирченко*, *Останъ Чернюга*, *Иванъ Ременный*, *Иванъ Пушкаренко*, *Иванъ Тыщенко*, *Лукьянъ Копусь*, *Иванъ Чернюга*, *Василій Миляхинъ*, *Петръ Шкляревскій* и *Иванъ Шавровскій*.

въ занятой тогда Бессарабіи. Въ 1810 г. генералъ князь Багратіонъ находившагося при немъ въ охотникахъ хорунжаго *Боровика*, съ 55-ю козаками отослалъ изъ Бралилова къ Герцогу Ришелье, для отпуска ихъ и причисленія въ Черноморское войско, рекомендуя его какъ человѣка, снискавшаго себѣ особенную похвалу. Другіе жили свободно хлѣбопашцами, занявъ въ Буджакѣ пустыя земли, никому не принадлежавшія и по праву завоеванія доставшіяся казнѣ. По окончаніи войны и заключеніи Букарестскаго трактата [1812], оставшіеся чины Усть-Дунайскаго войска водворены въ качествѣ казенныхъ поселянъ на избранныхъ уже ими земляхъ, гдѣ они основали селеніе на рѣч. Саратѣ [впадающей въ оз. Сасикъ], названное по имени Татарскаго урочища ими занятаго *Манитомъ* или *Акъ-Манитомъ*.

Съ 1818 г. начали опять являться изъ-за-Дуная Запорожцы, прося причисленія ихъ и другихъ готовыхъ къ тому братій въ Черноморскіе, или другіе козаки, но тогдашнее мѣстное начальство не хотѣло или не могло еще заниматься ими. Только съ 1825 года Новороссійскій генералъ-губернаторъ *Князь Воронцовъ*, получивъ подобныя же просьбы ушедшихъ на лодкахъ подъ видомъ рыболовства Запорожцевъ, приславшихъ нарочно для того депутата своего, значковаго товарища *Ксаверія Чернявскаго*, донесъ объ этомъ Монарху, прося Его соизволенія на пріемъ этихъ людей. Съ Высочайшаго согласія, депутатъ ихъ отпущенъ былъ обратно въ Болгарію съ тою же цѣлію и вывелъ оттуда болѣе 100 Запорожцевъ, поселившихся въ Бессарабіи и подалъ охоту другимъ сдѣлать то же, при первомъ удобномъ случаѣ.

Въ 1828 г., когда новая война съ Турками подвинула орлы Русскіе къ Дунаю, жившіе въ Буджакѣ Усть-Дунайскіе козаки [Русско-подданные] просили усильно вооружить ихъ на Царскую службу. Императоръ Николай далъ на то свое согласіе и поручилъ ихъ Князю Воронцову. Подъ его руководствомъ полковникъ *Челобитчиковъ* составилъ изъ Буджаковъ, другихъ прибывшихъ за-Дунайскихъ Запорожцевъ и разнаго званія «бурлаковъ» два полка, которые были названы *Дунайскимъ козачьимъ войскомъ*. Одинъ изъ нихъ конный служилъ во всю почти кампанію, другой занимался содержаніемъ постовъ на кордонахъ. По окончаніи войны славнымъ Адріанопольскимъ трактатомъ, предположено было ихъ поселить или въ Черноморіи или даже вверхъ по Кубани, но послѣ, по проекту князя Воронцова, поселены они тамъ же въ Буджакѣ, т. е. Аккерманскомъ уѣздѣ, гдѣ они устроились уже окончательно. Къ нимъ въ разныя времена присоединилось много другихъ свободныхъ людей, особенно изъ Польской шляхты, такъ что въ 1840-хъ годахъ было у нихъ 8 слѣдующихъ станицъ:

	муж.	жен.
1. Акмангитъ, самая старая, имѣла	876.	540.
2. Волонтировка	1,230.	924.
3. Старокозачье	1,168.	902.
4. Петровка	78.	70.
5. Михайловка	327.	244.
6. Новотроицкая	170.	137.
7. Константиновка	90.	63.
8. Николаевка	331.	208.
Итого	4,270.	3,088.

об. пол. душъ 7,358,

живущихъ на 63,000 слишкомъ десят. земли.

Въ томъ числѣ служащихъ:

Штабъ-офицеровъ . . . . 2.
Оберъ-офицеровъ . . . . 20.
Урядниковъ и Унтеръ-офиц. . . . . . . 95.
Козаковъ . . . . 1000.

Всего же въ войскѣ, со включеніемъ коронныхъ Цыганъ, къ оному причисленныхъ, 8064 д. Они имѣли отличное хозяйство и довольно хорошее скотоводство, т. е. 1,415 лошадей, 5,226 воловъ, 8,812 штукъ прочаго рогатаго скота и 11,139 овецъ.

Главная квартира войска и пребываніе наказнаго атамана назначены были въ ст. Волонтировкѣ, но до постройки нужныхъ зданій оставались въ Аккерманѣ. Въ войскѣ были 8 школъ, въ которыхъ 270 учащихся обоего пола. [1] Первымъ ихъ атаманомъ былъ заслуженный генералъ-маіоръ *С. Т. Василевскій*, давно умершій, имѣвшій счастіе представлять Государю Императору это юное войско въ 1837 г. и удостоившійся Высочайшаго за то Монаршаго благоволенія себѣ и своимъ козакамъ.

Не смотря на эту съ 1805 по 1828 г. частную, такъ сказать, эмиграцію, главная семья Задунайской козачьей общины все еще оставалась въ Болгаріи. 1828 годъ нашелъ ихъ еще *по неволѣ* «вѣрными Турецкими раіями». Но уже несчастные жили только одною надеждою возвращенія въ отечество. Послѣдними ихъ тамъ кошевыми были: 1] *Иванъ Таранъ*, 2] *Василій Смыкъ*, 3] *Никифоръ Бѣлюга*, 4] *Семенъ Морозъ*, 5] *Игнатъ Стеблевскій*, 6] *Михаилъ Губа*, 7] *Андрей Стрѣльцовъ*, 8] *Василій Чернета*, и наконецъ 9] *Осипъ*

[1]) Оно было названо Новороссійскомъ козачьимъ войскомъ, а въ 1850 годахъ упразднено.

Гладкій. Сей послѣдній спасъ войско отъ лежавшаго на немъ болѣе чѣмъ полувѣковаго срама. Ему оно обязано возвращеніемъ на родину и тѣми безконечными Царскими милостями, которыми оно пользовалось. Объ этомъ послѣднемъ событіи мы должны сказать два слова, дабы окончить пріятнымъ для Запорожья сказаніемъ о его такъ сказать политическомъ *искупленіи*, и такъ уже длинную повѣсть нашу.

Осипъ Михайловичъ Гладкій, родомъ изъ Малороссіи, въ молодости еще зашелъ въ Заророжье и въ 1818 г. сдѣланъ атаманомъ куренымъ въ за-Дунайской Сѣчи. Отличаемый въ своемъ обществѣ и храбростію и умомъ, онъ снискалъ себѣ между товариствомъ большое уваженіе и, по выбору онаго, кошевымъ *Василіемъ Чернюгою*, съ чиномъ полковника былъ отправленъ въ экспедицію противъ Греческихъ мятежниковъ. Изъ всѣхъ тосковавшихъ по родинѣ добрыхъ козаковъ, Гладкій *журився* больше всѣхъ. Однажды, когда послѣ тяжкой экспедиціи увидѣлъ онъ, что и его команда крѣпко призадумалась, сказалъ онъ ей слѣдующую рѣчь: «Ну братцы, чи хороша наша служба, якъ вы думаете?» — «Да гирка вона», отвѣчали многіе. «Правда ваша, хороша служба! когда насъ бьютъ и мы теряемъ кровь да здоровье за то, чтобъ бѣдные Греки, такіежъ какъ и мы Христіяне, пропадали, а бѣсурманщина торжествовала, такъ намъ и спасиба не скажутъ. Турки тогда говорятъ: «хороши головы, хорошо намъ служатъ», да и только. А дурно служите, и отъ товариства достанется и Турокъ еще побьетъ. Вотъ подивитесь на Черноморцивъ: есть такіе, что 3—4 года послужатъ Москалёви, да и офицерами и даже полковниками сдѣланы и земли имѣютъ

и деньги есть, да есть и гдѣ деньги прогулять; а мы что? Чортъ знаетъ что.» — Долго хранилось молчаніе, пока наконецъ одинъ изъ старыхъ козаковъ не сказалъ ему: «Осипъ Михайловичъ! да щожъ будемъ робыты, батьку, колы Турокъ такъ и смотритъ за нами»? — Вотъ что будемъ робыты, дитки — слухайте только мене, а все будетъ хорошо. Только помните: якъ воротимся въ Сѣчь, такъ старайтесь, чтобъ ни меня и никого изъ васъ не посылали въ походъ, нехай соби кошовый пойде, може хмѣль у него хоть разъ пройде.» [Кошевый былъ не много гуляка]. Такъ и случилось: когда воротились въ Сѣчь, Турки потребовали, по тогдашнему смутному времени, снаряда большой команды козаковъ въ Силистрію и Браиловъ. Сговорившіеся всѣ почти въ походѣ бывшіе: *Гладкій*, *Туманевичъ*, писарь *Кохаченко*, *Смирный*, *Баланъ* и др. добрые козаки и атаманы, то заболѣли, то отгучились, то отговорились, такъ что кошевый хотя самъ не пошелъ въ походъ, послалъ однакожъ многихъ и все такихъ, на коихъ по новости, Гладкій еще не надѣялся. Тогда брошенная имъ искра обратилась въ пламя. Войско дождалось выборовъ, и тогда почти единогласно поднявъ Гладкого на руки, провозгласило его кошевымъ атаманомъ. Чернюгу же, еслибы Осипъ Михайловичъ не упросилъ, чуть было не убили до смерти. Тогда Гладкій, собравъ на тайную сходку лучшихъ старшинъ и куренныхъ атамановъ, предложилъ имъ свою твердую волю: бѣжать изъ Турціи и предаться Россійскому Государыю, на милость котораго всѣ надѣялись, желая заслужить ее всѣми пожертвованіями въ эту кампанію. Когда атаманы согласились,

войско угоровить было не трудно. 9 Мая 1828 г. оставя большую часть своихъ пожитковъ въ Сѣчи, оно вооружило 42 лодки, прошло въ море и оттуда чрезъ Килійское гирло въ Дунай и такимъ образомъ достигло Измаила, гдѣ поступило въ карантинную обсервацію. 20 Мая того же года депутаты войска испросили себѣ позволеніе явиться Государю Императору, предводительствовавшему лично Своею побѣдоносною арміею, и имѣвшему тогда главную квартиру въ этомъ городѣ. Получивъ Высочайшее на то соизволеніе, Гладкій повергъ у ногъ Государя свою булаву, саблю и шапку, которую въ знакъ своего достоинства получилъ отъ Порты, а писарь сложилъ всѣ фирманы и ярлыки, которые имъ жаловались отъ Султана и сераскировъ [1]. Монархъ благосклонно принялъ Гладкаго и его дружину, хожаловалъ ему золотую медаль на Андреевской лентѣ, а послѣ когда и все войско явилось у ногъ Императора, прося великодушнаго прощенія за себя и за своихъ предковъ, Е. И. В. принялъ ихъ по отечески, назначилъ имъ службу, а Гладкаго пожаловалъ полковникомъ и начальникомъ *Отдѣльнаго Запорожскаго войска* [Указъ 27 Мая 1828]. Странное стеченіе судебъ этого войска: 25 Мая 1775 г. выступилъ Текелій для уничтоженія войска и имени Запорожскаго, а чрезъ 53 г. 27 Мая 1828 г. имя и бытъ войска воскресли на время и на самомъ приличномъ

---

[1]) Всѣ ихъ фирманы и грамматы отправлены по Высочайшему повелѣнію въ Петербургъ. Во славу своего возвращенія на родину, чтобъ увѣковѣчить память столь важнаго событія, Азовское войско соорудило въ Покровской своей станицѣ каменную церковь, во имя Св. Николая, праздникъ котораго совершается 9 Мая.

для себя поприщѣ — на полѣ битвы. Храбрая дружина удостоилась немедленно высокой довѣренносси; она начала службу свою тѣмъ, что самаго великаго Монарха перевезла на Запорожской лодкѣ чрезъ Дунай, у Сатуновской переправы, подъ ядрами непріятельскихъ пушекъ. Послѣ, вмѣстѣ съ другими транспортными судами, на своихъ лодкахъ, перевозила на Турецкій берегъ и армію, слѣдовавшую тогда къ Балканамъ.

Вскорѣ занялись устройствомъ участи и водвореніемъ этихъ сыновъ Руси, охотно и съ Царскими милостями возвращавшихся на лоно отечества. Правительство желало сперва поселить ихъ на лѣвой сторонѣ Кубани, рядомъ съ братьями-Черноморцами, для прикрытія границы со стороны Анапы и горскихъ хищниковъ, но по осмотрѣ мѣстности она оказалась вовсе къ тому неспособною. Между тѣмъ въ началѣ 1829 года Гладкій пользуясь присутствіемъ Россійскихъ войскъ въ Болгаріи, отправился въ свой за-Дунайскій Кошъ для забранія семействъ женатыхъ козаковъ, имущества и стадъ, и сформировалъ тамъ пѣшій «Запорожскій» полкъ, съ которымъ на лодкахъ служилъ въ командѣ генерала Красовскаго, при осадѣ и взятіи Силлистріи, а послѣ въ томъ же корпусѣ до самаго окончанія кампаніи.

Съ 1830 по 1832 г. происходилъ переходъ и поселеніе Запорожцевъ на дарованныя имъ земли Высочайшимъ указомъ отъ 5 Августа 1831 года наименованы они *Азовскимъ козачьимъ войскомъ*, и введены во владѣніе землями на-всегда имъ пожалованными, въ количествѣ слишкомъ 74,000 десятинъ. Страннымъ

случаемъ мѣсто имъ данное, составляло нѣкогда южную часть Калміусской паланки «Запорожскихъ вольностей», особенно по рѣч. Бердѣ и Калміусѣ у нынѣшняго г. Маріуполя. Тамъ усѣлись они не рыцарскимъ орденомъ, не толпою безбрачныхъ *молойцовъ*, но настоящимъ военноземледѣльческимъ обществомъ, хотя духъ рыцарства и военной «охоты» не погасъ въ немъ [1]. Въ 1830 г. при переходѣ въ Россію, Гладкій велъ съ собою 346 семействъ, въ коихъ считалось 716 душъ муж. п. и 668 ж. п., 374 «бурлака», а 557 козаковъ оставалось на службѣ при арміи на своихъ лодкахъ. Большія стада лошадей, скота и овецъ гнали они предъ собою и цѣлыя сотни Татарскихъ кибитокъ слѣдовали за войскомъ [2]. Въ немъ были еще два-три старика, которые участвовали въ войнѣ 1770 годовъ и видѣли «своими глазами» паденіе Сѣчи на р. Подпольной. Съ какимъ чувствомъ ступили они на

[1]) Вотъ имена сподвижниковъ Гладкаго при переходѣ его изъ Турціи: эсаулъ *Василій Туманевичъ*, писарь *Степанъ Коханенко* и куренные атаманы: *Григорій Смирный, Трофимъ Баланъ, Василій Федоренко, Мойсей Католикъ, Антонъ Чернюга, Василій Бурый, Иванъ Чупрына, Иванъ Дубина, Иванъ Таранъ, Павелъ Орелъ, Иванъ Оберсмокъ, Илья Бардашенко, Степанъ Чумакъ, Андрѣй Стрѣльцовъ* (бывшій кошевымъ), *Петръ Заика, Григорій Чернюга, Антонъ Бартовскій, Иванъ Калакай, Иванъ Кожухаръ, Григорій Таранъ, Якимъ Середа, Никифоръ Чалый* и *Петро Рудый*.

[2]) Осенью 1830 г. приближаясь къ Корениxской переправѣ, я видѣлъ надъ Бугомъ ожидающій дубовъ таборъ этого «Запорожскаго войска», когда оно слѣдовало на свои земли. Эти мѣста, нѣкогда для нихъ столько знакомыя (въ походахъ 1769 — 1772), теперь въ ихъ отсутствіе изъ отечества, изъ пустыни превратились въ богатую область; все вокругъ ихъ измѣнилось, только они возвращались на родину такимижъ какъ и отправились «выходцями-бурлаками».

свою обѣтованную землю, такъ близкую отъ своихъ завѣтныхъ «стародавнихъ вольностей!»

Азовскіе козаки въ 1830—1840-хъ годахъ устроили четыре станицы или села, слѣдующихъ наименованій:

	муж.	жен.
1. Петровская, въ которой....	778.	708.
2. Никольская..............	1,430.	1,339.
3. Новоспасовская..........	1,452.	1,451.
4. Покровская..............	693.	621.
5. Стародубовская..........	379.	370.
	4,732.	4,489.

Всего народонаселенія 9,260 д., но въ томъ числѣ болѣе половины было люди не-Запорожскаго происхожденія. Онѣ расположены въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. между рѣчками: Бердою и Обыточною и Азовскимъ моремъ. Главная квартира войска и мѣстопребываніе наказнаго атамана Г. М. Гладкаго была въ ст. Петровской, т. е. крѣпости Св. Петра, на устьѣ Берды, построенной въ 1770 году. Въ немъ считалось 1 генералъ, штабъ-офицеровъ 4, офицеровъ 35, урядниковъ 123. Ежегодно отправляли они на 20-ти лодкахъ команду, имѣющую двухъ штабъ-офицеровъ, 21 офицеровъ, 23 урядниковъ и 385 козаковъ въ Кавказскій корпусъ, для крейсированія на восточныхъ берегахъ Чернаго моря. Ихъ усердіе доказывало, что не смотря на перемѣну имени, одежды и даже мѣста жительства, духъ «славнаго Запорожья» — «добраго брацтва, козачества» — духъ Сулимы, Павлюка, Наливайки, Сѣрка и др. не угасъ въ ихъ сердцахъ, и всегда съ тѣмъ же оружіемъ, на тѣхъ же

степяхъ, и на томъ же Черномъ морѣ были готовы они съ честью и славою сражаться за свое отечество. Въ 1844 и 1845 годахъ командовали этими отрядами подполковники *Антонъ Дьяченко* и *Яковъ Бараховичъ*, и не разъ удостоились Монаршей благодарности. [1]

Таковы были судьбы Запорожской общины отъ основанія Новой-Сѣчи, «да и прежде», до ея «атакованія», «да и послѣ»; — говоря языкомъ граммать и пѣсенъ Запорожскихъ. Мы сказали все что знали; пусть другіе болѣе опытные дополнятъ или исправятъ простую повѣсть нашу.

[1]) Въ послѣдствіи Азовское козачество присоединено къ составу Черноморскаго (Кубанскаго) войска.

ГЛАВА VIII.

Судьбы Запорожской «Палестины.»

Прежде нежели было окончено настоящее сказаніе наше о судьбѣ Запорожья въ его *четвертомъ* и послѣднемъ Русскомъ Кошѣ, я рѣшился посѣтить тѣ мѣста, гдѣ жило и подвизалось это знаменитое «Низовое» козачество, чтобы исправить на мѣстѣ многія географическія погрѣшности, сдѣланныя мною при первомъ изданіи этой книги и чтобы взглянуть на эту нѣкогда столь заманчивую для Русскаго народа «Палестину». Я думаю, что и читателямъ нашимъ интересно будетъ узнать, что сталось съ этою Сѣчью и что осталось отъ Запорожскихъ Кошей на Чертомлыкѣ, Каменкѣ и Подпольной. Результатъ поѣздки моей, къ несчастію весьма краткой, предлагаю въ видѣ эпилога къ «Исторіи Новой-Сѣчи».

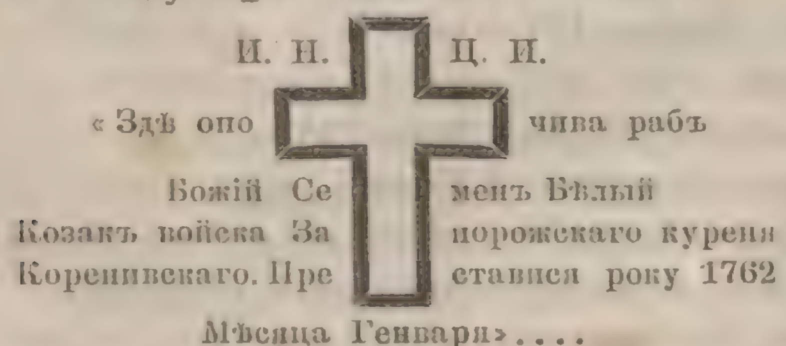
24 Іюня 1845 г. въ понедѣльникъ, пробравшись чрезъ болота и рытвины, оставшіяся послѣ неслыханнаго наводненія Днѣпра, я живо проѣхалъ 10-ти-верстное пространство, отдѣлявшее м. Нововоронцовку отъ

с. Грушевки, и подъ вечеръ прибылъ въ это село, построенное уже на выгонѣ, такъ сказать, бывшей Новой-Сѣчи. Рѣчка Базавлукъ бѣжитъ у самаго селенія и отдѣляетъ Херсонскую губернію отъ Екатеринославской, а во времена Запорожья отдѣляла Кодацкую отъ Ингульской паланки. Какъ будто нарочно, въ воспоминаніе буйнаго неукротимаго духа Запорожья, ужасный ураганъ захватилъ насъ при самомъ въѣздѣ въ это селеніе, такъ внезапно и съ такою силою, что мы опасались ежеминутно или разрушенія деревни или вторичнаго наводненія. Базавлукъ, обыкновенно самая тихая и скромная рѣчка, превратившись въ огромное рѣчище [озеро], бушевалъ какъ временщикъ въ богатомъ кафтанѣ. Волны его далеко хлестали на берегъ, унося разрушенныя ими прежде избы и пни вырванныхъ съ корня деревьевъ; въ воздухѣ вились древесныя вѣтки, соломенныя крыши и цѣлыя тучи песку. Напуганныя лошади, хотя и дѣтки степей, стояли какъ окаменѣлыя, пока ураганъ не промчался, и пока этотъ прекрасный край не принялъ своего обыкновеннаго вида.

Селеніе представляло на всякомъ шагу слѣды ужаснаго разрушенія; особенно та часть, которая была поближе къ рѣчкѣ, похожа была на пепелище послѣ пожара. Господской дворъ и 159 другихъ строеній и поселянскихъ избъ были подмыты, разрыты и частью совершенно унесены водою, поднявшеюся болѣе чѣмъ на 7 аршинъ выше своего обыкновеннаго уровня. Среди такого разрушенія, въ обломкахъ какой то на скоро прибранной избы, едва высохшей отъ наводненія, нашелъ я г. *Карла Зоммера*, главнаго управителя

имѣнія барона Штиглица и М. И. *Максимова*, его повѣреннаго. Они, приняли меня съ Германскою вѣжливостію и Русскимъ радушіемъ. Вполнѣ уважая цѣль моей поѣздки, они, какъ хозяева въ этомъ центрѣ Запорожья, охотно вызвались проводить меня въ обѣ Сѣчи, принадлежавшія тогда барону Штиглицу: первая, т. е. *Старая* или Польскаго Коша, подъ названіемъ с. *Капуловки*, вторая или *Новая*, исторію которой мы начертали выше, подъ названіемъ *Покровскаго*. Оба селенія вмѣстѣ съ бывшею *Крымскою-Каменкою*, *Рогачикомъ*, *Бѣлозеркою* и 100,000 дес. степи, плавней, лѣсовъ и острововъ, бароны Николай и Лудвигъ Штиглицы купили у вдовы бывшаго генералъ-прокурора, столько разъ нами упомянутаго, князя Вяземскаго. Эти земли были ему пожалованы Императрицею Екатериою II, вскорѣ послѣ разрушенія Запорожья.

Въ Грушевкѣ не было никогда Запорожскаго селенія, но по Базавлуку отъ устья до вершины были зимовники старшинъ и козаковъ. Памятникомъ ихъ пребыванія въ здѣшнихъ мѣстахъ, служитъ сохранившійся здѣсь во всей почти цѣлости могильный крестъ, высѣченный изъ твердаго бѣлаго камня, гладко обдѣланнаго, съ слѣдующею на немъ легендою:

Поселяне питаютъ къ этой могилѣ большое уваженіе, отъ того гг. управляющіе смотрятъ за ея цѣлостію.

Когда наводненіе сдѣлалось столь сильно, что достигло до нея, поселяне сняли крестъ, спрятали его въ сухомъ мѣстѣ, и когда вода опала, поставили его на прежнемъ каменномъ подножіи.

Чтобы сократить путь и сдѣлать его пріятнымъ въ столь знойное время, когда жаръ въ тѣни доходилъ до 28° Реом., мнѣ предложили ѣхать водою, что легко было сдѣлать: рѣчище Базавлукъ покрыло степь верстъ на 15 въ ширину. И такъ, 25 Іюля въ самое прекрасное утро сѣлъ я въ истинно-Запорожскій *моноксилъ* [дубъ], управляемый мастерски старымъ Днѣпровскимъ лоцманомъ и 4-мя гребцами. Такъ достигли мы до главной трубы Базавлука и вышли на Екатеринославскій берегъ его въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается одинъ изъ рукавовъ Днѣпра, называемый рѣч. Подпольною. Дорога, по которой мы тогда пустились въ экипажѣ, была та самая, которая шла во время Запорожья отъ моста на р. Солоной впадающей вблизи отгуда въ Базавлукъ и по которому обыкновенно, какъ сказали мы не разъ, возвращалось торжественно войско Низовое «на домъ», по окончаніи кампаніи. Такъ мы вскорѣ достигли самаго селенія Покровскаго, расположеннаго по всему теченію Подпольной, и я убѣдился, что «Новая Сѣчь» точно составляла родъ полуострова, какъ это упоминалось въ грамматахъ, бывъ окружена съ 3-хъ сторонъ этою рѣчкою, впадающею съ одного конца въ Днѣпръ, съ другаго въ Базавлукъ. Но и это впаденіе въ Днѣпръ имѣетъ свое названіе, — его зовутъ рѣч. *Сысиною* или Лысиною; она весьма глубока, и служила фарватеромъ Запорожскимъ лодкамъ для прохода въ Днѣпръ и слѣдственно въ Черное море.

Съ одной только стороны, именно той, отъ которой мы подвигались къ селенію, Сѣчь была доступна съ суши и тутъ устроенны были ихъ простыя земляныя укрѣпленія, которыя они называли *раскатами* или *окопами*.

Настоящее селеніе тянулось уже довольно правильно съ полъ версты, а еще мы не видѣли ничего, чтобы могло воображенію, напитанному историческими воспоминаніями о Запорожьи, указать такое близкое сосѣдство знаменитаго его Коша или Сѣчи. Вскорѣ показалась вершина довольно хорошей каменной церкви. «Знаете ли, сказалъ мнѣ г. Максимовъ, какъ зовутъ эту часть селенія, по которой мы теперь ѣдемъ? Ее зовутъ *Шанбашъ*; это вѣроятно упомянутое въ вашей книгѣ *Гассанъ-Баша*, предмѣстье Сѣчи, которое козаки и прежде называли *Шамь-башею*, а поселяне наши передѣлали его въ Шанбашъ». Земля изрытая, закиданная обломками кирпича, камнями, съ курганами безъ симметріи лежащими, показала, что мы стояли на мѣстѣ *Крамнаго-базара*, описаннаго нами въ І-й части настоящей книги, въ главѣ о «Запорожской торговлѣ». Показался валъ и ровъ, засыпанный пескомъ, упиравшійся обоими концами съ запада и востока въ дугу рѣч. Подпольной. Здѣсь начинался собственно Кошъ и въ него вели ворота, слѣды которыхъ видны доселѣ, именно тѣ самыя, о которыхъ говоритъ Калнишевскій въ письмѣ своемъ къ судьѣ Николаю Тимофѣевичу, приведенномъ нами выше [часть III глава II стр. 74.] Здѣсь была и башня съ пушками, изъ которыхъ приказывалъ онъ стрѣлять при торжественномъ вступленіи войска въ Сѣчь. Слѣды двухъ другихъ башенъ видны гораздо явственнѣе.

Какъ бы передовымъ стражемъ на дорогѣ въ «Сѣчь-маты» Запорожья, на довольно возвышенномъ курганѣ, стоитъ весьма замѣчательный могильный крестъ, совершенно такой же отдѣлки, наружности и камня, какъ находящійся въ Грушевкѣ съ слѣдующею на немъ надписью:

И. Н. Ц. И.
«Здѣ по-
ставленъ
крестъ
Благоро-
дію Его Панства Степана ата-
мана бувшаго кошеваго, а ку-
реня Минскаго. Но онъ по-
ложенъ
есть подъ
церквою
пресвя-
той Бого-
родицы.
Преста-
вися ро-
ку 17»..
....

остальныхъ буквъ вовсе не видно. И такъ этотъ простой крестъ есть могильный памятникъ одного изъ начальниковъ Запорожья, кошеваго *Стефана Гладкаго*, о которомъ знаемъ только то, что онъ былъ атаманомъ въ 1741 г. и отцемъ другаго атамана *Данила Стефановича* [Гладкаго]. Какъ зашелъ такъ далеко отъ церкви этотъ камень, скажемъ ниже.

За валомъ все селеніе до самой рѣки, за исключеніемъ западной части, особымъ рвомъ и валомъ отдѣленной, называется въ народѣ *городомъ* или *городкомъ*. О живущихъ здѣсь людяхъ поселяне говорятъ, что они живутъ «на городѣ» [na grodzie] или «въ городку». Извѣстно, что и у Русскихъ и у Поляковъ gród и городокъ значилъ крѣпость или цитадель города, а у Поляковъ еще и судилище, преимущественно уголовное, старостинское. Этотъ «городъ» былъ уже собственно Кошъ, Сѣчь, то, что Текелій въ своемъ рапортѣ назвалъ «укрѣпленіемъ Кошей». Курени тянулись здѣсь во всю длину вала, составляя родъ лучей, центромъ коихъ была церковная площадь, отдѣлявшаяся еще особымъ укрѣпленіемъ, которое проходило почти у самой церкви и упиралось тоже на р. Подпольной. На западной же сторонѣ «города» было особое укрѣпленіе, называвшееся «Новосѣченскимъ ретраншаментомъ», которое видно доселѣ очень хорошо [на планѣ Новой-Сѣчи, лит. Е] и у народа преимущественно именуется *окопомъ*. Та же часть, гдѣ находится церковь, составляла *паланку*, т. е. пребываніе старшины, мѣсто, гдѣ хранилась казна, канцелярія и пр. У самой подошвы этого церковнаго, такъ-сказать, окопа, видѣнъ полуобмелѣвшій заливъ, со всѣхъ сторонъ закрытый лѣсными островами, который называется *уступомъ*; нѣкогда, какъ видно, онъ былъ укрѣпленъ сваями отъ обваловъ со всѣмъ гидротехническимъ искуствомъ. Это бывшая Запорожская гавань, гдѣ стояли ихъ лодки и куда входили иностранныя суда, подымавшіяся съ моря. Здѣсь они были въ совершенной безопасности отъ вѣтровъ, а Сѣчь не боялась измѣны со стороны ихъ

экипажа, ибо входъ въ Подпольную не легко было выучить, а вошедши въ нее, суда уже стояли подъ самыми пушками, укрѣплявшими платформу церковной колокольни. Съ востока этотъ уступъ окружаетъ самый очаровательный и, не смотря на зной, бархатною зеленью одѣтый островъ. Вокругъ видны были обломки якорей, снастей, торчали желѣзныя кольца для канатовъ, только судовъ не было, да и вода «сплыла», какъ говорятъ поселяне.

Старой Покровской церкви, оконченной въ 1740-хъ годахъ уже нѣтъ, она была деревянная. Запорожцы не успѣли совершить своего благочестиваго намѣренія, о которомъ писалъ кошевый въ 1771 г. [глав. IV стр. 130], чтобы древнія мечети, мраморъ и кирпичь въ землѣ зарытыя, употребить на постройку храма «по окончаніи войны». Запорожье и само скончалось, а церковъ не только не была вновъ выстроена, но еще и старую разграбили Донскіе раскольники. Теперь она уже сломана и мѣсто ея престола указываетъ родъ монумента, приличный этому мѣсту, сложенный изъ камней, обломковъ прежней Сѣчи, съ желѣзнымъ крестомъ на верху и дощечкою, на которой написано, что этотъ памятникъ воздвигнутъ усердіемъ какого-то *Булгара*, бѣднаго, но благочестиваго и усерднаго къ святынѣ поселянина.

Вскорѣ вокругъ насъ собрались старики, сѣдые какъ лунь, на костыляхъ и бодрые, и смотрѣли на меня съ какою то недовѣрчивостію. «Чого вы шукаете, пане»? — «Запорожцивъ, дидуню», сказалъ я. «На що вамъ Запорожци? отвѣчали они со вздохомъ, ихъ вже нема на свити, да и николы не буде, що ихъ и

шукать». — «Они не пропали дидуню, чижь гы не знаешь письни, що

«Слава козацька николы не згине».

Эта ученая цитата такъ убѣдила стариковъ, что они охотно пустились въ разсказы и въ полнотѣ чувствъ *призналисъ*, что они «мабуть [быть можетъ] и сами знали Запорожцевъ, — а може мы и слуги ихъ, чи що» И такъ вотъ первое открытіе: въ с. Покровскомъ осталось еще двѣ, три семьи бывшаго *подданства* Запорожскаго. и изъ столь знатнаго класса людей былъ мой ораторъ, называвшійся *Вышкварокъ* по причинѣ своего малаго роста[1]. Его веселое лице, его улыбка на тонкихъ губахъ и живые черные глаза, при совершенно сѣдыхъ волосахъ, бородѣ и бровяхъ, представляли намъ чистый неподдѣльный типъ за-Днѣпровскаго Украинца, т. е. обитателя степей нашихъ, а правду сказать эти типы исчезаютъ и постепенно «москалятся», какъ говоритъ народъ, т. е. образуясь дѣлаются сходными съ Великороссіянами. Г. Зомеръ еще болѣе поощрилъ его сказавъ, что и *Панъ* ихъ г. Штиглицъ будетъ радъ, когда онъ мнѣ — путешественнику раскажетъ про бывшую Сѣчь. Тогда-то Вышкваровъ призвавъ въ помощь церковнаго «дида» [сторожа] указывалъ намъ свои «достопамятности», все таки не говоря утвердительно, а съ приговоркою «мабуть», т. е. быть можетъ.

По словамъ его Запорожская Покровская церковь была сперва походная, т. е. палатка изъ складныхъ

[1]) Свиное сало, разрѣзанное на кусочки и изжаренное называется *шкварка*, а большой кусокъ такъ стопленный, что остается одна кожа — *вышкварокъ*.

ширмъ. Но послѣ, по благословенію Кіевскаго митрополита, построили другую деревянную о 5 главахъ; престоловъ было два: одинъ главный внизу, во имя С. Покрова Богоматери «якъ завше бувало», а другой на хорахъ, во имя Св. Чудотворца Николая, покровителя, какъ извѣстно, мореходовъ, воиновъ и лодочниковъ. Въ церкви царскія врата были серебрянныя, да и весь иконостасъ богатой Кіевской живописи, унизанъ былъ серебрянными окладами, паникадилами и *жертвами* [vota]. По народному обычаю мореходцы, раненные, или больные воины любили дѣлать обѣты и въ случаѣ спасенія отъ опасности, удачи или выздоровленія, приносили въ даръ церкви и вѣшали на ленточкахъ: серебренные крестики, сердца, руки, ноги, бляшки съ изображеніями святыхъ, даже чарки и сосуды. Такъ я видѣлъ въ Никопольской церкви одинъ серебренный сосудъ изъ Прусскихъ и Польскихъ талеровъ, въ другой серебренный стаканъ съ Польскими медалями и Латинскою надьписью: «Domine salvum fac regem». Всякій умирающій козакъ, если имѣлъ на себѣ иконку, крестикъ, или былъ жалованъ значкомъ или царскою медалью, непремѣнно отписывалъ все это на церковь и послѣ его смерти, его атаманъ или *хлопецъ*, т. е. вѣрный слуга, вѣшалъ оные на иконостасѣ у избранной умершимъ иконы. На *цментаръ* [кладбищѣ] т. н. церковной площади, гдѣ собиралась «рада», [къ крайнему удивленію нашему весьма необширной], были гробницы кошевыхъ съ «капличками [часовнями], т. е. каменными или деревянными крышками на столбикахъ, или же простые кресты съ приличными надписями, какъ мы это видѣли при входѣ въ Сѣчь. Но тѣла ихъ опочивали подъ

спудомъ церковнымъ, въ особомъ склепѣ, къ которому уже нѣтъ теперь хода или же поселяне его скрываютъ. Они говорятъ, что послѣ атакованія Сѣчи, Текелій приказавъ коменданту, по прозванію *Нора* [подполков. Норову], чтобъ и «духу Запорожскаго тамъ не осталось»; — сей послѣдній сломалъ все, что можно было сломать, такъ что не только курени, дома, но даже «каплички» и могильные кресты не уцѣлѣли. Оставшіеся еще на мѣстѣ жители, большею частію слуги Запорожскіе, съ благоговѣніемъ развезли что могли въ разныя части края, а два-три домика, бывшіе на площади, были куплены и уцѣлѣли до нынѣ. Такъ уцѣлѣлъ и крестъ кошеваго *Стефана Гладкаго*, единственный изъ памятниковъ атаманскихъ. Говорятъ также, что подрядчики, присланные княземъ Вяземскимъ, не находя подъ рукою камня на фундаменты, ломали тоже эти кресты и часовни для постройки магазина, доселѣ существующаго, чему были еще живые[въ 1845 г.] свидѣтели.

Новая Покровская церковь, на той же площади построенная, весьма скромной наружности, обведена оградою изъ камня, оставшагося отъ прежнихъ строеній. Входъ чрезъ колокольню деревянную, тоже новую, хотя уже довольно ветхую. Когда мы вошли въ этотъ храмъ, я съ истиннымъ благоговѣніемъ и усердіемъ молился въ столь замѣчательной для православія святынѣ, какъ церковь войска Запорожскаго, которое столько крови за нее пролило. Но къ сожалѣнію и въ самой церкви, мало или почти ничего отъ *Новой-Сѣчи* не осталось. Прежній иконостасъ, любопытной рѣзной, весьма изящной работы съ иконами Кіевской на Италіанскій манеръ живописи, снятъ и лежитъ на хорахъ,

гдѣ также нашли мы остатки хоругвей, паникадилъ, лампадъ, флорессовъ, украшеній и пр. Сопровождавшіе насъ старики говорятъ, что уже въ 1780 годахъ прежняя церковь была совершенно обнажена, какъ они это помнятъ хорошо, ходивши туда говѣть ежегодно въ своей молодости, хотя и жили далеко отъ Покровска. Г. Максимовъ указалъ мнѣ на правомъ крылосѣ четыре *мѣста* деревянныя, грубой рѣзной работы и живописи, уцѣлѣвшія отъ прежнихъ временъ, у которыхъ кошевой и три главные старшины [судья, писарь и эсаулъ], обыкновенно люди пожилыхъ лѣтъ, слушали Божественую литургію. Старики говорятъ, что на эктеніи послѣ молитвъ за здравіе Государя и Императорской фамиліи, упоминали кошеваго по имени, а старшинъ войсковыхъ міромъ; когда же читалось Евангеліе, то все войско вынимало сабли до половины, въ знакъ готовности защищать церковь и словомъ и дѣломъ, т. е. оружіемъ. Настоятель церкви, одѣвшись въ ризы, показалъ намъ антиминсъ, лежавшій на престолѣ, и данный въ Сѣчевую Покровскую церковь, по благословенію архіепископа — митрополита Кіевскаго *Тимоѳея Щербацкаго* 6 Февраля 1754 г., при кошевомъ *Якимѣ Игнатовичѣ*. На книгѣ Евангелій, читаемыхъ обыкновенно въ страстную седмицу великаго поста, находится слѣдующая надпись:

«Лавры Кіевопечерскія архимандритъ *Романъ Копа* высокопочтенному его милости Пану *Іоанну Малашевичу*, войска Запорожскаго Низоваго Кошевому, сію страданій Христовыхъ Евангельскую книгу въ даръ приноситъ».

Вотъ единственный слѣдъ этого достославнаго

предводителя козаковъ Запорожскихъ, возвратившаго ихъ на родину, извлекшаго ихъ изъ Алешковскаго порабощенія и основателя этой же Новой-Сѣчи и этого храма Божія, которые мы теперь посѣщали. Никто не знаетъ, ни гдѣ почили его кости, ни куда дѣвался его крестъ могильный. Другая любопытная книга церковная есть *Ірмолой рукописный*, т. е. собраніе священныхъ гимновъ съ нотами, украшенный самыми удивительными, въ родѣ манускриптовъ среднихъ вѣковъ, фигурами, флорессами и изображеніями людей и животныхъ. Видно, что она была въ безпрестанномъ употребленіи — такъ истерта, что весьма естественно, судя по страсти Запорожцевъ къ церковному пѣнію. На ея листахъ нашли мы нѣсколько замѣтокъ, сдѣланныхъ вѣроятно настоятелями Покровской церкви. Вотъ двѣ болѣе любопытныя: 1] «1763 г. мѣсяца Ноября противъ 9 числа, была буря крѣпко сильна, что и верхи Сѣчевой церкви посвертало». 2] «1792 г. на Кубани Запорожцы сѣдали». Не такъ ли начинались всѣ лѣтописи въ Европѣ, когда на Евангеліяхъ и мисселяхъ, записывались важнѣйшіе историческіе или фамильные акты?

Вышедъ на площадь, старики показали намъ на груды золы, камня, кирпича и при нихъ полузасыпанныя ямы. Это была «паланка», т. е. мѣсто, гдѣ стояли «дворцы войсковые», просто домики кошевыхъ или старшины. Желаете ли знать, что такое эти «дворцы»? — вотъ вамъ два примѣра. Одинъ домъ принадлежитъ теперь поселянину *Обдуленку* [вѣроятро сыну козака Кореневскаго куреня Ивана Обдуленка]. Онъ очень малъ и совершенно похожъ на добрую избу Кіевскаго поселянина, прочно и правильно построенъ изъ грушеваго

или дубоваго лѣсу и выбѣленъ глиною. Внутри дѣлится на двѣ половины съ чуланчиками по сторонамъ. Въ главной избѣ безъ полу, на большомъ сволокѣ изъ осокороваго дерева, составляющаго и поддержку всей крыши и главное украшеніе дома, прекрасными полуславянскими буквами вырѣзана слѣдующая надпись, раздѣленная по срединѣ изображеніемъ креста:

«Божіимъ соизволе- ніемъ и помощью,
а стараніемъ Якима Игнатовича
товарища куреня Выше-Стеблевскаго
созданъ домъ сей 1746 г. м. Іюня 6 д.»

Слѣдственно эта бѣдная изба была достояніемъ и жилищемъ столь отличнаго и храбраго кошеваго атамана Якима Игнатовича, который правилъ войскомъ въ 1744, 1749, 1751 и 1752 годахъ. Видно жизнь козачества была проста и скромна, когда кошевые могли довольствоваться такими домиками. Въ самой надписи на сволокѣ видно ихъ смиреніе: Игнатовичъ, строивъ избу свою, въ годъ когда не былъ атаманомъ, не назвалъ себя по обычаю старшиною войсковымъ, ниже «бывшимъ кошевымъ», а просто *товарищемъ* своего куреня. Этого равенства требовала строгая «козацькая регула». Такіе домы обыкновенно покупались готовые въ Чигринскихъ или Лебединскомъ лѣсахъ и разобранные перевозились съ мѣста на мѣсто; лѣсъ такъ хорошъ и срубленъ такъ прочно, что этому домику уже болѣе ста лѣтъ, а онъ столь еще крѣпокъ, что желательно, дабы наши каменные и кирпичные домы по городамъ, были имъ подобны въ этомъ отношеніи.

Другой такой домъ принадлежитъ теперь поселянину *Марку Русишнику*. Вошедъ въ избу мы нашли въ ней сидящую на скамьѣ старуху почти глухую и слѣпую. Машинально пряла она шерсть, припѣвая самымъ заунывнымъ голосомъ какую-то погребальную думу. Оказалось, что она поетъ одну рыцарскую пѣснь «Черноморцевъ» уже нѣсколько лѣтъ сряду:

«Ой крикнули та лебедочки
Море переплывши;
Заплакалы Черноморци
Кони погубивши».

Поселяне кое-какъ вразумили ее о нашемъ желаніи и получивъ въ отвѣтъ «нехай соби дывляца», — разсказали мнѣ, что она еще «соби дивка» [т. е. наслаждается дѣвствомъ], что ея отецъ былъ изъ *подданства* Запорожскаго, и когда продавались на сломку «дворцы» Сѣчевые, онъ изъ благоговѣнія купилъ этотъ домикъ и жилъ въ немъ до смерти, оставивъ его въ наслѣдство дочери. Домъ такой же формы и величины какъ и предъидущій, а на сволокѣ по обѣимъ сторонамъ отлично вырѣзаннаго креста слѣдующая надпись:

«Благословеніемъ Отца и изволеніемъ Сына и содѣйствіемъ Св. Духа аминь: а коштомъ Пана Василія Григорьевича знатнаго товарища куреня Минскаго создася домъ сей 1747 года мѣсяца Августа 13.

Слѣдственно, судя по куреннымъ реестрамъ, этотъ домъ былъ жилищемъ и собственностію *Василія Григорьевича* или *Григорьева*, по прозванію *Сыча*, бывшаго три раза кошевымъ въ 1745, 1746, и 1750 г., а въ 1749 г. г. — если вспомнятъ читатели, онъ былъ первымъ депутатомъ со стороны Коша въ пограничной

коммисіи, учрежденной близъ Никитина [Никополя] между Татарами и Запорожцами.

Третій такой домъ, перевезенный тоже изъ Сѣчи, находится теперь въ Никополѣ и принадлежитъ купчихѣ *Татьянѣ Шмигайловой*. На сволокѣ его вырѣзана слѣдующая надпись.

«Изволеніемъ Бога Отца и Искупителя Іисусъ Христа и совершеніемъ Святаго Духа аминь. Созданъ домъ сей стараніемъ *Максима Калниболоцкаго* 1746 году Іюня» . . . .

Кто былъ строитель этого дома, узнать трудно. По куреннымъ реестрамъ Калниболотскаго куреня три было козака съ именемъ *Максима* и одинъ, называвшійся по куреню *Калниболоцкимъ* же, былъ шафаремъ Никитинскаго перевоза.

На дворѣ дома Покровскаго поселянина *Забутнаго* показывали мнѣ старики мѣсто погреба, въ которомъ была войсковая *пушкарня* [планъ Новой-Сѣчи лит. К.]. По сказанію очевидцевъ это былъ обширный подвалъ, гдѣ хранилась войсковая «армата» т. е. пушки, ружья боевая аммуниція и запасное оружіе, и гдѣ помѣщался, секвестръ, т. е. войсковая тюрьма. Тамъ-то прикованный къ пушкѣ преступникъ ожидалъ своей горькой участи. На этомъ же мѣстѣ былъ *столбъ*, т. е. позорное мѣсто [по Польски pręgierz], гдѣ выставляли виновнаго на позоръ народный [1].

[1]) Близъ этого дома въ 1845 г. поселяне отрыли кладъ Запорожскій, т. е. мѣшокъ изъ зеленаго сукна съ нѣсколькими тысячами серебреныхъ Крымскихъ *пара*. По нѣсколькимъ экземплярамъ, видѣннымъ Гг. Григорьевымъ и Негри, оказалось, что они почти всѣ биты въ Бакчисараѣ при Ханахъ: Мухамедъ-Гиреѣ III (1623), Хаджи-Селимъ-Гиреѣ I (1670), Саадетъ-Гиреѣ (1691), Девлетъ-Гиреѣ (1698), Менгли-Гиреѣ II (1724), Каплан-Гиреѣ I (1713) и Арсланъ-Гиреѣ (1748).

Отсюда отправились мы на бывшее Сѣчевое кладбище, лежащее къ сѣверу отъ Гассанъ-Баши или предмѣстья [лит. Н.], на которомъ уцѣлѣло только съ десятокъ кургановъ и могильныхъ крестовъ, большею частію изломанныхъ, съ истертыми надписями, такъ что мы на двухъ только могли прочитать нѣсколько словъ. На одномъ:

«Здѣсь опочиваетъ рабъ Божій *Онисько* [1] *Пьсъ* куреня Сергѣевскаго куренный атаманъ. Преставися року 1770 мѣсяца Февраля».

На другомъ крестѣ осталось одно только слово: «Іоаннъ». Ужъ не Малашевича ли это гробъ, ибо другая сторона креста прекрасно изсѣчена и разукрашена. Форма и величина креста постоянно та же, что и Грушевскаго памятника.

Здѣсь простились мы съ Новою-Сѣчью и *Вышкваркомъ* и, провожаемые добрымъ моимъ спутникомъ М. И. Максимовымъ [г. Зоммеръ долженъ былъ по службѣ спѣшить домой], пустились мы параллельно съ рѣч. Подпольною и, проѣхавъ не болѣе 7 верстъ, очутились въ с. Капуловкѣ на устьи рѣч. Чертомлыка, чрезъ одинъ рукавъ котораго — р. Каменку, мрачную своими скалами, я переправился на канунѣ съ страхомъ по поламъ. Здѣсь была та знаменитая Сѣчь, которая называется «*Старою*», и быть можетъ, это самая древняя и первобытная усадьба Запорожской общины. Она основана, какъ кажется, еще въ началѣ XVI столѣтія, но мы объ ней рѣшительно ничего не знаемъ; даже достопочтенный Бантышъ-Каменскій не

---

[1]) Въ куренныхъ реестрахъ онъ названъ *Максимомъ*.

говоритъ ни о ея постройкѣ ни о ея паденіи. Поселяне зовутъ ее *Галагановскою-Сѣчью*, въ память того подвига, который совершилъ Малороссійскій полковникъ Галаганъ, столь же усердно *атаковавшій* «Старую-Сѣчь» въ 1709, такъ Текелій «Новую» въ 1775. Селеніе Капуловка имѣетъ мѣстность во многомъ сходную съ Покровскимъ и расположена при сліяніи рѣч. Чертомлыка съ Подпольною близъ впаденія сей последней въ рукавъ Днѣпра. Одинъ рукавъ, соединяющій эту знаменитую рѣку съ Чертомлыкомъ и Подпольною, весьма глубокій и широкій, скрытый между деревьями плавней и островковъ, который вѣроятно служилъ козакамъ для проходу въ Днѣпръ и слѣдственно въ море, называется доселѣ рѣч. *Павлюкомъ*. Это имя есть уже историческое урочище, ибо едва ли не кошевой *Павлюкъ* былъ основателемъ этой древнѣйшей Сѣчи, какъ можно полагать по грамматѣ Стефана Баторія [ч. I, стр. 12], переведшаго сюда козаковъ съ высшихъ частей Днѣпровскаго побережья. То, что можно назвать «Старою-Сѣчью», дѣлится на двѣ части: одна, въ самомъ селеніи, лежитъ надъ рѣч. Чертомлыкомъ, и тамъ видны слѣды вала и рва не только самой Сѣчи, но даже бывшаго тамъ при Петрѣ В. Старо-Сѣченскаго ретраншамента [лит. В. и С. на прилагаемомъ здѣсь планѣ]. Но другая часть развалинъ или лучше сказать городище, гораздо древнѣе этой и въ народѣ преимущественно называемое «Старою-Сѣчью» быть можетъ первообразъ всѣхъ Сѣчей, находится на небольшомъ островкѣ[1] близъ сліянія рѣчекъ Чертомлыка

[1]) Онъ имѣетъ до 200 саж. длины въ срединѣ до 130 саж. ширины; часть южная совсѣмъ почти подмыта.

и Подпольной у входа въ рукавъ или рѣч. Павлюкъ [лит. А]. Быть можетъ въ обыкновенное время этотъ островъ сообщался съ материкомъ посредствомъ подъемнаго моста или же парома. Расстояніе между обоими укрѣпленіями или кошами не болѣе 200 или 210 саж., считая съ рѣчкою. Поселяне имѣютъ суевѣрное даже благоговѣніе къ этому острову, а самые отважные роются въ нихъ безпрестанно, отыскивая клады. У одного такого розыскателя купилъ я цѣлые десятки добытыхъ тамъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ: Русскихъ, Польскихъ [преимущественно Іоанна Казиміра Короля] и Крымскихъ не старѣе XVII и не позже первыхъ годовъ XVIII столѣтія.

Глядя на эти Сѣчи, легко постигнуть всю систему обороны Запорожцевъ и мысль, руководившую ихъ при основаніи тамъ своихъ Кошей. Уединенная и защищенная водою мѣстность была для козачества лучшимъ укрѣпленіемъ, нежели грозные замки латинскаго рыцарства, которыхъ некому да и не изъ чего было здѣсь построить. Вся сила ихъ Сѣчи была въ ея безвѣстности и страхѣ, который наводили вездѣ Запорожцы до послѣднихъ дней своего быта; въ этой сѣти островов, каналовъ и пловучихъ лѣсковъ [плавень], которые ее окружали; а еще болѣе въ твердомъ и непоколебимомъ рыцарствѣ, котораго она была матерью и палладіумомъ. При внезапномъ или въ превосходныхъ силахъ вражьемъ наѣздѣ съ суши, Запорожцы легко могли скрываться и долго защищаться на своихъ островахъ; со стороны же Днѣпра безъ опытныхъ Днѣпровскихъ лоцмановъ о проходѣ въ Сѣчь и думать нельзя было.

Въ Капуловкѣ, т. е. Старой-Сѣчи была тоже церковь во имя Св. Покрова Богоматери; въ памяти народной осталось свѣдѣніе, что она была на островѣ и до сихъ поръ показываютъ вамъ яму, очень похожую на бывшіе фундаменты храма Божія [лит. А. А.]. Но была-ль она срыта до основанія во время разоренія самой Сѣчи въ 1709 г. или же она была унесена Запорожцами во время бѣгства въ Турцію, при Мазепѣ, ничего не знаемъ. Теперь, кромѣ, упомянутаго островка, всякій годъ болѣе и болѣе подмываемаго водою и на которомъ слабые слѣды укрѣпленія, впрочемъ довольно замѣтны и полуобрушившагося вала надъ самымъ Чертомлыкомъ, внутри селенія, ничего другаго отъ прежнихъ Кошей не осталось; такъ усердно разрушено все временемъ или рукою человѣческою. За то могильныхъ камней гораздо больше, чѣмъ въ Покровскомъ и даже гораздо любопытнѣе видѣнныхъ нами. Но всѣ они не древни и почти всѣ принадлежатъ, по времени, къ Алешковскому Кошу Запорожья. Всѣ, за исключеніемъ двухъ памятниковъ, сходны по формѣ, надписямъ, отдѣлкѣ и матеріалу съ описанными выше въ Грушевкѣ и Новой-Сѣчи. Вотъ уцѣлѣвшія надписи:

1. *На обломкѣ креста*:

«Року 1728 мѣсяца Ноября дня 4. Помяни Господи душу усопшаго»....

2. *На цѣломъ крестѣ*:

«Помяни Господи душу усопшагося, здѣсь почиваетъ рабъ Божій Симеонъ.... товарищъ куреня Васюринскаго. Преставися року 1718».

3. На *цѣломъ*, отлично сохранившемся *крестѣ* полуистертая надпись:

«Здѣсь почиваетъ рабъ Божій Даніилъ Конеловскій [товарищъ]».

4. *На цѣломъ крестѣ:*

«Помяни Господи раба своего Ефрема Носѣвку, куреня Васюринскаго, а преставися року 1728 мѣсяца Декабря 12 дня.»

5. *На обломкахъ креста:*

....Преставися рабъ Божій Лукьянъ, товарищъ куреня Ведмедовскаго, року 1729 мѣсяца Сентября дня 17.»

6. *На цѣломъ крестѣ*, у подошвы котораго положенъ родъ саркофага изъ бѣлаго камня, въ видѣ гроба. Подобнаго памятника мы уже болѣе не находили. Жаль только, что изъ надписи уцѣлѣли только тѣ строки, которыя были на подножіи креста въ землѣ:

«Отъ Р. Х. 1720
мѣсяца Но-
ября 5 дня.

7. *На цѣломъ крестѣ:*

«Здѣ опочиваетъ рабъ Божій.... Волошинъ, атаманъ куреня Тимошевскаго.... року 1728 Генваря 28 дня.

8. *На цѣломъ крестѣ*:

«Здѣ опочиваетъ рабъ Божій Данило Говсѣенко, куреня Сергѣевскаго року 1729. Мѣсяца Марта 4-го дня.»

Всѣ восемь могилъ находятся въ самомъ селеніи Капуловкѣ, на городищѣ предмѣстья или базара *Старой-Сѣчи* и поселяне на немъ своихъ покойниковъ не хоронятъ [лит. Д.]. Слѣдующіе же здѣсь два креста принадлежатъ уже Новой-Сѣчи и находятся за селеніемъ, вверхъ по рѣчкѣ Чертомлыку, въ $2^1/_2$ верстахъ отъ прежнихъ могилъ.

9. *На цѣломъ крестѣ:*

«Здѣ преставися рабъ Божій Федоръ Товстоногъ, куреня Щербиновскаго козакъ; погребенъ року 1770. Ноября 4-го дня.»

Слѣдственно, это могила храбраго войсковаго старшины и эсаула Товстонога, бывшаго атаманомъ Щербиновскаго куреня въ 1766 и 1767 годахъ, и отличившагося въ войнѣ 1769 и 1770 г. Умеръ по возвратѣ изъ экспедиціи.

10. *На цѣломъ крестѣ*:

«Здѣ опочиваетъ рабъ Божій Семенъ Таранъ, козакъ куреня Шкуринскаго. Преставися року 1742 мца Декабря 3 дня.

Но какимъ образомъ восемь изъ поименованныхъ нами уцѣлѣвшихъ надписей зашли сюда, когда ни одного здѣшнему Кошу принадлежавшаго [1515—1709], креста мы не отыскали? Вѣроятно или это могилы оставшихся на родинѣ козаковъ послѣ разоренія этой Сѣчи въ 1709 г., или же товариство, умершее въ пагубномъ Алешковскомъ Кошѣ, просило, чтобы ихъ кости перенесены были когда либо на родину. Козаки, въ 1730 годахъ, возвратясь на р. Подпольную, желая почтить умершихъ на чужбинѣ несчастныхъ своихъ братій, вѣрно перенесли если не прахъ, то хотя воспоминаніе объ нихъ, т. е. могильные кресты. Ниже увидимъ еще два тому примѣра. Но видно, Сѣчь 1709 году уничтожали еще усерднѣе, чѣмъ въ 1775 г., когда отъ древняго Коша Запорожскаго не осталось не

только никакого зданія, но даже ни одного, кромѣ здѣсь описаннаго ниже, гробоваго памятника.

Но за то чудомъ, можно сказать, сохранился отъ Баторіевой Сѣчи самый любопытный и самый великолѣпный, по сравненію съ другими, памятникъ, изъ всѣхъ описанныхъ древнѣйшій, ибо доходитъ до второй половины XVII столѣтія. Это могильный камень Сѣрка, знаменитаго предводителя войска Запорожскаго въ самую героическую его эпоху. Онъ состоитъ изъ двухъ каменныхъ бѣлыхъ плитъ, изъ которыхъ одна почти овальная служитъ подножіемъ для другой конусообразной, или собственно памятника. *Иванъ Дмитріевичъ*, по прозванію *Сирко* [т. е. волкъ], былъ кошевымъ атаманомъ по выбору войска въ 1659, 1660, 1663, 1668, 1673, 1674, 1675, 1676, 1677, 1678, 1679 и 1680 до Мая мѣсяца, въ которомъ умеръ. О его подвигахъ упоминаютъ многія царскія грамматы и обширно разсказываютъ историки Малороссійскіе [1]. Онъ былъ грозою Турокъ и Татаръ, ходилъ на Очаковъ и въ Ногайскія степи, гдѣ Запорожцы «не разъ [говоря языкомъ одного документа, приводимаго Г. Маркевичемъ] «Измайлову и грозному Аккерману крылья осмалили». Съ благоговѣніемъ смотрѣли мы на этотъ скромный монументъ, воздвигнутый храброму витязу и славному царскому слугѣ; — а никто въ Россіи даже не слыхалъ объ немъ. Онъ охраняется только просвѣщенною попечительностію управляющихъ с. Капуловкою и суевѣрнымъ благоговѣніемъ къ нему поселянъ, говорящихъ, что кто будетъ охранять могилу Сѣрка, тотъ

---

[1]) Одну такую граммату помѣщаемъ въ приложеніяхъ.

будетъ такимъ же героемъ, какъ и онъ. Этотъ памятникъ находится на старомъ городищѣ Сѣчи, уединенно отъ другихъ могилъ, сзади дому поселянина *Михаила Немины* [лит. Е.], ничѣмъ неогражденный отъ степи; вблизи вѣтряная мельница, на немъ сохранилась вполнѣ слѣдующая надпись:

«Р. Б. [року Божого] А̅ Х̅ П̅ [1680] Мая Д̅ [4] преставися рабъ Божій, Іоаннъ Сѣрко Дмитровичъ Атаманъ Кошевый войска Запорожскаго, Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, Федора Алексѣевича. Памятникъ отъ всего поспольства....

Остальныхъ буквъ не видно. Какъ уцѣлѣлъ онъ при всеобщемъ разрушеніи Сѣчи въ 1709 г., не знаемъ. Но объ немъ упоминаетъ уже и Бантышъ-Каменскій [1]. Быть можетъ могила столь знаменитаго и вѣрнаго атамана была пощажена солдатами изъ команды полковниковъ: Галагана и Яковлева, по особому повелѣнію.

---

[1]) *Бантышъ-Каменскій* въ «Исторіи Малой-Россіи». Часть II, стр. 168, 169 и прим. 141 и 142. Только онъ ошибся въ днѣ смерти Сѣрка; вмѣсто 4 Мая написалъ 1 Августа. Вотъ слова историка патріота Георгія Конисскаго объ этомъ молодцѣ-атаманѣ. «Сѣрко храбрый, предпріимчивый, удачно воевалъ, предводительствуя малымъ войскомъ, почиталъ сраженіе игрушкою; гнушаясь корыстолюбіемъ, предоставлялъ добычу Запорожцамъ и частью дѣлился даже съ врагами своими. Гетманъ Самойловичъ однажды упрекалъ его, что онъ позволяетъ Татарамъ кочевать съ стадами на земляхъ Запорожскихъ. Сѣрко отвѣчалъ: что онъ это дѣлаетъ изъ милосердія къ Ногайцамъ, терпѣвшимъ отъ недороду травъ, и что они и Запорожцамъ тоже дозволяютъ дѣлать. «Колыбъ и чортъ (сказалъ онъ), пане гетмане, «помогавъ людямъ въ крайней ихъ нужди, то брезговаты тымъ не годится, бо кажутъ люди: нужда законъ зміняе».

Упомянутый нами искатель кладовъ на островкѣ, кромѣ монетъ тамъ найденныхъ, надѣлилъ насъ весьма оригинальною сказкою или преданіемъ объ основаніи всѣхъ четырехъ Кошей Запорожскихъ. Боюсь только, чтобъ моя перефразировка не уничтожила всей прелести его разсказа: «Въ давніе дни [«колысь то було, и мы того не бачилы», примолвилъ старикъ], здоровые, [рослые] и храбрые лыцари-козаки пустылись по Днѣпру до того мѣста, де начинаюця пороги. Звидки воны пришлы и за чимъ, я вамъ не скажу. Воны началы соби шукать *мисця* [гдѣ бы поселиться] и побачили здѣшнія мѣста. А острова и плавни поныжче порогивъ назывались уже «за-порожемъ». Зъ ными бувъ пысарь вельми ученый, мабуть знахоръ [дуже цѣкавый, поповичъ, чи що], который мавъ у себе такую бумагу, що въ ній написаны булы вси будущіи судьбы козацтва. И це козаки зибравшись въ сходку, зибралы межъ себе кошового, тай спыталы и пысаря: «дежъ намъ селитця, тай чи на довго?» Пысарь по приказу своеи бумаги веливъ имъ систы Кошемъ на Чертомлыкѣ, що теперь у Капуловки нашои, и тамъ пробуты 200 лѣтъ; такъ и сталось. Сидѣлы воны тутъ поты, поки зъ *нымъ* [т. е. Мазепою, ибо Запорожцы иначе его не называли] не пишлы пидъ Шведа. Тоди воны поставилы свій Кошъ въ Камянци, що на Мѣловомъ [оврагѣ]. Но пысарь, который все живъ, имъ сказавъ: «не дуже будуйтесь [не слишкомъ стройтесь] не просыдите». Такъ и було. Пишлы наши козаки звитце пидъ Турка и пробулы у Турка 20 лѣтъ, якъ сказано въ бумази, а пысарь все ще живъ зъ ными. Но колы на Запорожскихъ «вольностяхъ» началы

строить *Линію* [старую Украинскую], пысарь сказавъ: «що воны скоро пыдуть на старе мизце, що Кошъ тамъ буде стоять 40 лѣтъ, а потимъ уже и війска не буде», — самъ взявъ тай умеръ. Такъ все и збулось, прибавилъ разскащикъ, то булы люды здоровые [рослые,] славные рыцари, истинные козаки, уже такихъ людей нема на свѣтѣ»

Вотъ все, что осталось отъ этихъ двухъ столь знаменитыхъ въ исторіи нашей урочищъ. Теперь обѣ Сѣчи имѣютъ видъ мирныхъ селеній посреди очаровательныхъ низовьевъ Днѣпра. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ какой-то курень, мы въ каменномъ нѣмецкомъ домикѣ съ удовольствіемъ видѣли тарелки съ котлетами и бивштекомъ, о которыхъ Запорожцы и не слыхали, а одна малютка услаждала нашъ слухъ варіаціями Генсельта и Черни. На обратномъ пути въ Никополь между страшными скалами Базавлуцкой — Каменки, гдѣ не смотря на близость Сѣчи, въ 1750-хъ годахъ вѣчно гнѣздились *Харцизы* [гайдамаки], я встрѣтилъ длиннаго, худощаваго менониста, везущаго арфу и струны въ Покровское, а далѣе обогнали толстую повивальную бабку, которая спѣшила въ Капуловку, т. е. Старую-Сѣчь. Такъ время все измѣнило!

Могильные памятники Запорожскіе раскинуты были во многихъ мѣстахъ ихъ «волностей», особенно въ мѣстахъ, гдѣ были ихъ зимовники. Такого роду гробовой крестъ, найденный г. А. Г. Борзенкомъ въ с. Шолоховомъ въ верстахъ 8 отъ Капуловки и 16 отъ Сѣчи въ Покровскомъ, находящійся на самомъ устьѣ р. Солоной въ Базавлукъ. Тамъ издревле были зимовники и былъ даже мостикъ для переправы почты.

Здѣсь на мысѣ въ весьма пріятномъ мѣстоположеніи, среди старыхъ дикихъ грушъ и терновъ, столь любимыхъ Запорожцами, на небольшомъ курганѣ лежитъ каменная плита и въ нее вставленъ крестъ почти тойже наружности и отдѣлки, что и описанные нами выше, съ слѣдующею на немъ надписью:

«Здѣ опочиваетъ рабъ Божій Кирилло козакъ куреня Медведовскаго, представися року 1719 мѣсяца Ноября дня 29».

Близъ него усадьба священника, и вотъ легенда объ этой могилѣ. Вскорѣ послѣ бѣгства Запорожцевъ съ Мазепою въ Крымскіе предѣлы, козакъ Ведмедовскаго куреня *Кирилло* съ нѣсколькими своими молодиками остался спокойно въ своей землянкѣ или зимовникѣ и разводилъ свои стада, не заботясь о политикѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ какъ въ этотъ край прибылъ родственникъ изъ Гетманщины, чтобъ узнать объ участи этого Запорожца. Пріѣхавъ на устье Солоной, онъ напрасно стучался въ избу; выломавъ дверь, онъ нашелъ хозяина и молодиковъ мертвыми, быть можетъ, отъ чумы. Собравъ кой-кого изъ жителей, онъ повалилъ хату, составилъ изъ развалинъ могилу и поставилъ на ней крестъ, доселѣ существующій. Быть можетъ и такъ, но чтожъ тогда значитъ годъ и день смерти козака?

Кстати о Никополѣ, т. е. «Никитиномъ перевозѣ». Уже четвертое столѣтіе какъ учреждена была тамъ «главнѣйшая Татарская переправа на Никитинскомъ рогу» и до сихъ поръ дубы и баржи, отправляющіеся съ Таврическаго берега на Никопольскій, причаливаютъ не въ Никополь, а въ «Никитинъ рогъ», какъ рыбаки

и лоцманы называютъ мысъ въ этомъ городѣ, гдѣ учреждена пристань для судовъ. О Сѣчи въ Никитинѣ, о которой говоритъ Малороссійскій историкъ Маркевичъ, здѣся никто не знаетъ, тогда какъ всякій поселянинъ укажетъ вамъ на Сѣчи: въ Покровскомъ, Капуловкѣ или на Мѣловой — Каменкѣ. За то рыбаки здѣсь народъ самый поэтическій. Стоя надъ Днѣпромъ я увидѣлъ лодку, въ которой сидѣли два дюжихъ гребца а старый, бѣлый отъ дряхлости старикъ, вѣроятно лоцманъ, правилъ ее длиннымъ шестомъ, какъ прутикомъ. Когда пристали къ берегу, старуха лѣтъ 50, росту въ 2 арш. 11 вершк. вышла изъ ближней избы, и отправивъ гребцовъ домой, привязала лодку къ обгорѣлому пню, вбитому у берега, выгрузила ее, забрала рыбу ими добытую, развѣсила по берегу сѣти и взявъ на плеча три огромныхъ весла, столь же легко понесла ихъ, какъ наши дамы свой зонтикъ. Старикъ сидѣлъ и отдыхалъ, а я шагахъ въ пяти любовался этою группою. Украинцы страстные любители природы, и старикъ, забывъ усталость и ожидавшій его ужинъ, казалось былъ очарованъ великолѣпнымъ Іюнскимъ вечеромъ, какому равнаго нигдѣ кромѣ степей при-Днѣпровскихъ не бываетъ. Чтобы познакомиться поближе, я подошелъ и спросилъ его, не знаетъ ли онъ, гдѣ была Сѣчь въ Никитинѣ. Онъ не отвѣчалъ ни слова. На вторичный вопросъ онъ сказалъ: «да въ Никитинѣ Сѣчи никогда не было. Тутъ не сидѣли кошемъ никогда, ибо тутъ была какъ бы проѣзжая дорога». Я сказалъ, что видѣлъ уже всѣ три бывшія Сѣчи и еще хочу посмотрѣть на Никополь. Между тѣмъ его позвала *баба* въ хату, я пошелъ туда же и за мискою

свѣжей рыбы, которую я окропилъ имъ привезенною изъ Грушевки вишневкою, старикъ такъ разговорился, что разсказалъ одно свое похожденіе, которое, не смотря на время, лежало въ его памяти какъ свинецъ въ ранѣ. «Однажды [я рѣшаюсь повторить его разсказъ] тому лѣтъ съ 20, уже въ глубокую осень, сидѣлъ я на песчаномъ мысу и вычерпывалъ воду изъ своей лодки. Фуртуна [буря] была жестокая и фаля заливала мою лодку и брызгала далеко на берегъ. Наша *тафа* [ватага рыбаковъ] измучась порядкомъ, *подуванясь* рыбою [раздѣлясь] разбрелась по хатамъ. Начало смеркать, ажъ ко мнѣ подходитъ какой то молодецъ, чорненькій, сухенькій, какъ съ иголки снятый. «Добрый вечеръ, рыбаче», сказалъ онъ мнѣ. — «Добрый вечеръ» сказалъ и я снимая шапку. «А перевези мене чоловиче на ту сторону». — «Перевезти? сказалъ я съ удивленіемъ, да теперь и самъ чортъ не перевезетъ, не замочивъ своихъ лапокъ». Онъ засмѣялся и сказалъ: «перевези, добрый чоловиче, не бойся, не скупаемся». А фаля такъ и брыжжетъ и мочитъ меня. Я тянулъ *ляму* [канатъ, т. е. трудился] цѣлый день, усталъ, да и опасно, не хотѣлъ перевозить. Тотъ все понукаетъ да проситъ, не можно и отвязаться. Вотъ бѣда! подумалъ я, дай перевезу, нехай отчепитца. Только одно удивляло меня. Фали забрызгали и мене и лодку, а онъ стоитъ себѣ сухенькій, сапоги такъ и блестятъ, да еще палочкою пыль съ себя сбываетъ. Вотъ я перекрестился да и сталъ отвязывать канатъ, копаюсь, копаюсь, не могу распутать узла, не знаю или злой духъ меня опуталъ или *ляловщикъ* его такъ завязалъ, а молодчикъ такъ и понуждаетъ и проситъ. Вдругъ, не знаю уже откуда

взялся дидокъ съ бородою и посохомъ.... «А что ты морочишь тамъ, рыбаче?» спросилъ онъ меня. «А вотъ, паноче, сказалъ я, чоловикъ проситъ, чтобъ перевезти его на ту сторону [Днѣпра], да я боюсь, фаля крѣпко сильня». Старикъ посмотрѣлъ на моего панича, тай вскрикнулъ: «а! такъ это ты? дамъ же я тебѣ, проклятый», — да ну его чесать своимъ посохомъ, что мнѣ ажъ искры въ глазахъ показались. Паничь гацъ въ воду, дидъ за нимъ, такъ и бѣгутъ по Днѣпру, будьто по степу. «Господи помилуй» закричалъ я, — гляжу, ночь на дворѣ, никого нѣтъ, только фуртуна еще больше разыгралась и я, сидя на лодкѣ, промокъ до кости. Тогда я побрѣлъ до хаты, думая про себя: вѣрно нечистый хотѣлъ утопить меня грѣшнаго, да Св. Пророкъ Илія мой «патронъ» спасъ меня отъ внезапной смерти. «Слава Богу милосердому»! повторилъ я нѣсколько разъ и обѣщалъ сходитъ въ Софроніевскую пустынь, что подъ городками [Бериславлемъ], на поклоненіе.

Наконецъ, чтобъ довершить мое паломничество, я пустился и въ Каменку, которую Запорожцы называли *Камяныимъ базаромъ* по причинѣ торговли здѣсь съ Ногайцами и Каменкою «де стара Сичь була». Извѣстно, что выгнанные изъ Коша на Чертомлыкѣ Запорожцы основали было себѣ здѣсь Сѣчь, почти на землѣ Турецкой, ибо граница оканчивалась на лѣвой сторонѣ этой рѣчки. Но Императоръ Петръ Великій повелѣлъ гетману Скоропадскому и своему генералу Бутурлину выгнать оттуда козаковъ и Сѣчь разорить. Съ того времени по 1740 г. это мѣсто было пусто; пока въ немъ не устроился постъ для торговли и

пограничныхъ сношеній съ Крымомъ." Выѣхавъ изъ станціи Мѣловой по дорогѣ изъ Никополя въ Бериславль, на 8-й верстѣ повернулъ я въ лѣво по направленію къ Днѣпру, держась двухъ кургановъ, видныхъ на возвышеніи. Такимъ образомъ я обогнулъ оврагъ или рѣч. Каменку, тогда сильно разлившуюся посредствомъ наводненій отъ Днѣпра. На самомъ ея устьи, съ правой стороны, на границѣ двухъ помѣщичьихъ межей: Вертильяка [потомка кошеваго Калнишевскаго по женской линіи] и Эсаулова увидѣлъ я довольно возвышенный мысъ, входящій въ одинъ рукавъ Днѣпра, тоже называемый рѣч. Подпольною, лежащій въ самомъ очаровательномъ положеніи и такъ сходномъ, по мѣстоположенію, съ городищами Покровской и Капуловской Сѣчи, что я безъ проводника догадался, что это была *Сѣчь 1711 года.* Слѣды вала, обломки очень простыхъ зданій, ямы и наконецъ нѣсколько каменныхъ бѣлыхъ крестовъ такой же величины и отдѣлки, какъ описанные выше. Вечеръ темнѣлъ и я не могъ прочитать надписей, но они уже извѣстны читателямъ изъ записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей [стр. 607] по снимку его корреспондента Вертильяка. Эти надписи столь замѣчательны, что я не могу не помѣстить ихъ здѣсь въ числѣ прочихъ.

1. *На одномъ крестѣ*:

«Во имя Пресвятыя и животворящія и нераздѣлныя Тройцы, аминь. Здѣ опочиваетъ рабъ Божій Василій Ерофѣевичъ Атаманъ Кошовый славнаго войска Запорожскаго Низоваго, а куреня Титоровскаго. Преставися въ року 1731 л. въ м. Маѣ дня 23».

Признаюсь чистосердечно, что объ этомъ кошевомъ,

равно и о двухъ кошевыхъ братьяхъ Пашковскихъ, которыхъ только аттестатъ выданный ихъ внукамъ отысканъ, я ничего не зналъ и приношу искреннюю благодарность г. Вертильяку за этотъ новый документъ для исторіи Запорожья. Объ немъ тоже и почтенный авторъ «Исторіи Малороссіи» не говоритъ ни слова.

2. *На другомъ*

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Зде почиваетъ рабъ Божій, Константинъ Гордѣевичь Атаманъ Кошевый славнаго войска Запорожскаго Низоваго, а куреня Платнирѣвскаго. Преставися року АѰЛ [1730].

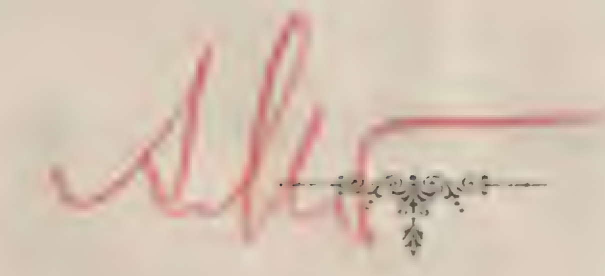
И вотъ объясненъ годъ смерти этого знаменитаго и преступнаго кошеваго, котораго козаки столь высоко цѣнили, что не смотря на обѣщаніе Монарха, — что если Запорожцы его отрѣшатъ, а другаго кошеваго изберутъ, то получатъ Его прощеніе, — рѣшились лучше «бѣдовать подъ Туркомъ», нежели измѣнить своему «батьку» кошевому. Но какимъ случаемъ прахъ или хотя могильный крестъ изгнанника, умершаго вѣроятно въ Олешкахъ, зашелъ въ Камянскую Сѣчь? — рѣшить трудно, развѣ предположить сказанное выше, что его крестъ принесли съ собою Запорожцы по возвращеніи уже на родину въ 1734 и 1735 г. Хотя его молодечество и храбрость восхищали козаковъ, но предательство Шведамъ и бѣгство въ Олешки «подъ Крымскую руку» будутъ вѣчнымъ пятномъ на его славѣ. Объ Алешковской Сѣчи всегда съ горестію воспоминали Запорожцы и въ одной пѣсни поютъ:

«Эй братци, якъ бы воно не було,
А лучше Христіанской Царици служиты

Чимъ въ Алешкахъ намъ житы
И бѣсурманамъ въ ярмѣ робыты».

что нынѣшніе потомки Запорожцевъ: бывшіе Черноморцы, Дунайцы и Азовцы — [нынѣ Кубанское козачье войско], — вполнѣ постигаютъ, служа вѣрно и со славою своему Царю и отечеству.

Конецъ III-й и послѣдней части.

ИСТОРІЯ

НОВОЙ-СѢЧИ

или

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО

ЧАСТЬ III.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ИСТОРІЯ НОВОЙ-СѢЧИ

или

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

ЧАСТЬ III.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Универсалъ Гетмана Богдана Хмельницкаго на права «владѣній» войска Запорожскаго.

1576—1655.

«Богданъ Хмельницкій, Гетманъ обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ».

«Панамъ, панамъ, енеральной старшинѣ, полковникамъ, полковой старшинѣ; сотникамъ, атаманьи и черни всего войска Украинскаго и всякой кондиціи людемъ, также кому бы о семъ теперь и въ потомніе часы (времена) вѣдать надлежало, объявляемъ симъ нашимъ универсаломъ: ижь Атаманъ Кошовій войска Запорожскаго панъ *Демьянъ Барабашъ*, в'обецъ зъ старшиною войсковою и атаманами куренными, положилы передъ нами грамоту найясвѣйшаго короля Польскаго Стефана Баторія въ року въ 1576 мѣсяца Августа 20, на прошеніе антецессора (предшественника) нашего Гетмана *Якова Богдана* и Кошеваго Нызоваго Запорожскаго войска *Павлюка* данную; въ якой Королевской грамотѣ написано, ижъ: «Его Королевская мосць, видячи козаковъ Запорожскихъ до Его Королевскаго маестату зичливую прихильность и рыцерскіе отважные службы, которыми завжды великіе

бѣсурманскіе погромляючи силы, гордое ихъ прагнене (жажду) на кровь Христіанскую, до конца затлумили и пащоку ихъ на корону Польскую и на народъ благочестивый Украинскій рыкающую замкнули и въ ходъ в'Польщу и Украину заступили, всѣ ихъ непщетніе силы и нагліе на народъ Христіанскій набѣги, грудмы своими сперли; яцые ихъ службы нагорожаючи, и дабы имъ войска Запорожскаго козакамъ для зѣмовыхъ станцій (квартиръ), гдѣ було прихильность мѣти, также отъ непріятеля раненныхъ своихъ заховуваты и лѣчиты, въ другихъ долѣгаючихъ нуждахъ отпочинокъ маты и всякой пожитокъ ку волѣ своей забираты, а чтобъ также и напередъ заохочены были зичливо въ войску служиты и противъ неприятелей отчизны своей охочо и неомилно отпоръ чиниты, — надаетъ Его Королевская мосць козакамъ Низовымъ Запорожскимъ вѣкуисте, городъ Терехтимировъ з'Монастыремъ и перевозомъ, опрочь складоваго старинкаго ихъ Запорожскаго города Чигрина и Запорожскихъ степовъ ку землямъ Чигринскимъ подойшлихъ, всѣ земли со всѣми на тихъ земляхъ насаженными мѣстечками, селами и футорами, рыбными по тому берегу въ Днѣпрѣ ловлями и иными угодіи; а вширъ отъ Днѣпра на степь якъ тыхъ мѣстечокъ, селъ и футоровъ земли здавна находилысь и теперь такея тое въ ихъ завѣданьи маетъ заховаты. Городокъ старинный же Запорожскій Самаръ, съ перевозомъ и землямы въ гору Днѣпра по рѣчку Орель, а въ нызъ до самыхъ степовъ Ногайскихъ и Крымскихъ; а чрезъ Днѣпръ и лиманы Днѣпровый и Буговый, якъ изъ вѣковъ бувало по Очаковскіе улусы [1]) и въ гору рѣки Богу по рѣчку Синюху; отъ Самарскихъ же земель, чрезъ степъ до самой рѣки Дону, гдѣ еще за Гетмана козацкаго *Прецлава Ланцкорунскаго* (Przeclaw Lańckoroński), козаки Запорожскіе свои зѣмовныки мѣвалы. Иже бы то все не порушно во вѣки при козакахъ Запорожскихъ найдовалось, — Его Королевская мосць тоею грамоту своею козакамъ Запорожскимъ укрѣпилъ и утвердилъ». И просилъ онъ панъ кошевій Запорожскій Барабашъ, со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, нашого на тое Гетманскаго универсалу, прекладаючи (излагая przekładając) жалобу, же (что)

[1]) Улусы, т. е. кочевья, кибитки Ногайцевъ Очаковской арды.

чрезъ многіе перешедшіе года отъ войны съ Татарамы, Турками, Волохамы, а на остатокъ и зъ Ляхамы, войско Запорожское вњвецъ зъ руиновалось и въ такихъ утыскахъ, всѣ оные ихъ городкы и земли зъ рукъ у ихъ вылупленны (wyłupione захвачены, заграблены) що не тылько коней своихъ на якихъ въ войску служатъ, але и себе чимъ прокормить съ чего не маютъ. Мы теди (слѣдственно) Богданъ Хмѣльницкій Гетманъ, хотя и удалялись отъ такой войска Запорожскаго прозьбы, вѣдаючы ихъ и самыхъ, отъ стародавныхъ королей Польскыхъ привилегіямы умоцненныхъ и особливые клейноты и армату войсковую маючихъ; но же Мы, отъ сего войска Запорожскаго и Украинскаго по обоимъ сторонамъ Днѣпра на оборону отчизны нашой назначенные звѣрхностью найдуемся, и полною отъ Бога и отъ всего войска и народа Украинскаго по обѣимъ сторонамъ Днѣпра далеко разширючогось, намъ врученную моцъ (силу) и владзу, якъ въ войску, такъ и по всѣхъ городахъ, и всѣмъ Украинскимъ народамъ дириговать (dirigere, управлять) маючи; — такъ по той звѣрхней владзы нашой на тую прозьбу Пана Кошевого и всего войска Запорожскаго, прихиляючись, тими всѣми городами, мѣстечкамы, селами и футорамы, и зъ ихъ всякими угодіи, якъ отъ Найяснѣйшаго короля Польскаго Баторія войску Запорожскому наданно, владѣть и пожитковатись снова дозволяемъ, и чтобъ тое все непорушно въ ихъ владзи во вѣки было, симъ нашимъ универсаломъ стверждаемъ въ року АХНЕ (1655). Януарія 15 въ Бѣлой церквы.»

«Свидѣтельствовалъ (въ 1773) войска Запорожскаго Низоваго войсковый писарь *Иванъ Глоба*».

№ 2.

Королевское на сеймѣ постановленіе о морскихъ Запорожскихъ набѣгахъ на Турцію и о постройкѣ «Стараго Кодака».

1635.

Извлеченіе изъ Конституціи (опредѣленія) большаго (walnego) короннаго шестинедѣльнаго сейма, начатаго въ послѣдній день Января и оконченнаго XIV Марта 1635 года.

Titul. *Прекращеніе морскихъ наъздовъ войска Запорожскаго.* [1])

«Хотя по милости Божіей не страшны намъ arma враговъ нашихъ и сей рѣчи посполитой, однакожъ pacta et faedera съ ними заключенныя желаемъ неразрывно съ Нашей стороны сохранять. А, какъ Императоръ Турецкій, провидѣніемъ Божіимъ, а Нашею готовностію къ войнѣ, быстрымъ на Украину, послѣ окончанія Московской кампаніи, движеніемъ Нашимъ, мужествомъ войскъ Нашихъ и усердіемъ чиновъ коронныхъ съ ними присовокупившихся, подъ начальствомъ Ясне-Вельможнаго Станислава Конецпольскаго, Кастеляна Краковскаго, великаго Гетмана Короннаго, ушедши съ поля битвы къ миру склонился; почему съ нимъ миръ cum dignitate Reipublicae и заключенъ. — Желая слѣдственно всему свѣту доказать, что и врагамъ Нашимъ fidem pactorum содержать умѣемъ и желаемъ, положили Мы прекратить своевольства козаковъ, которые до сихъ поръ ad hostiles conatus невѣрнымъ (pogańskwu) поводъ давали. Въ слѣдствіе сего, auctoritate praesentis conventus, съ согласія всѣхъ чиновъ Государства, повелѣваемъ, чтобы козаки никакого и малѣйшаго поводу, сухопутно или моремъ, къ разрыву этого союза не давали, подъ опасеніемъ лишенія всѣхъ дарованныхъ имъ отъ предковъ Нашихъ и Рѣчипосполитой правъ, вольностей и привиллегій. Injungimus также и старостомъ Нашимъ, чтобы они въ предупрежденіе такихъ шалостей, не позволяли въ своихъ староствахъ лѣсъ на лодки рубить и отдѣлывать, ниже заготовлять провіанты, порохъ, ядра и другіе припасы, безъ которыхъ всѣ такіе морскіе наѣзды производиться не могутъ. За чѣмъ и городскія Начальства смотрѣть имѣютъ sub poena polli. Тѣже городскія Начальства sub iisdem poenis должны наблюдать, чтобы сыновья ихъ и молодежь ихъ городовъ, въ войско Запорожское не вступали. А какъ часто случается, что въ той Украинѣ нѣкоторые дворянскаго достоинства люди, въ тѣхъ морскихъ экспедиціяхъ Запорожскимъ козакамъ помогаютъ и разныя имъ adminicula къ такому своевольству дѣлаютъ, сами же съ

[1]) Изъ сборника подъ заглавіемъ: *Konstitucija Seimów waln. Warsaw* и пр. Съ 1590 по 1660. Ann. 1635. Titul. *Pohamowanie inkursij morskiej ad woyska Zaporoskiego.*

ними на море ходятъ и добычею съ ними дѣлятся; въ слѣдствіе сего повелѣваемъ, чтобы въ такихъ дѣйствіяхъ замѣченные, ad delationem cujusvis, чрезъ Нашего Прокурора, (Instigator, обвинитель и слѣдственный Приставъ), на судъ сейма были позваны, eo processu судимы и iisdem poenis наказаны, какія законами опредѣлены de crimine perduellonis (о поединкахъ). Число этого войска Запорожскаго болѣе 7000 чел. никогда auctoritate praesentis conventus быть не должно, за чѣмъ и Гетманы наши наблюдать должны; а на *вписаніе* (наборъ) этихъ 7000 ч. коммисары Наши пришлются. Жалованье на 7000 ч. этого войска всегда въ Каневѣ получаться будетъ; а если бы кто изъ этихъ *реестровыхъ* козаковъ явился бунтовщикомъ, или Гетманамъ Нашимъ, ихъ намѣстникамъ, или своей старшинѣ не послушнымъ, или зачинщикомъ «войсковой рады» *Czernieckiej* (т. е. простонародной rady), тотъ не только изъ строевыхъ списковъ исключенъ, но и смертной казни преданъ будетъ. Желая также, какъ можно прочнѣе, воспрещеніемъ козачьихъ наѣздовъ, вновь заключенныя съ Турецкимъ Императоромъ pacta et faedera сохранить, ex consensu ardinum постановляемъ, чтобы на избранномъ отъ инженеровъ на берегу Днѣпра мѣстѣ, которое и отъ Гетмановъ признано будетъ способнымъ, построена была крѣпость. Каковая крѣпость firma praesidio какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ людей и военными припасами въ достаточномъ количествѣ снабжена быть имѣетъ. А на скорѣйшую крѣпости постройку и на упомянутое praesidium (гаризонъ) сумму 100000 злот. (по курсу 1630-хъ годахъ болѣе 60.000 руб. сереб.) на счетъ будущихъ податей по срокамъ, казначейство выдаетъ, дабы въ постройкѣ этого замка остановки быть не могло.

№ 3.

Милостивая граммата Государя Царя Алексѣя Михайловича кошевому Атаману Ивану Сѣркѣ и всему войску Запорожскому.

1673.

«Божіею милостіею отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и

Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ Отчича и Дѣдича и Наслѣдника и Государя и Обладателя, Нашего Царскаго Величества подданному войска Запорожскаго кошевому Атаману Ивану Сѣрку и всему войску Запорожскому, верховому и низовому, на лугахъ, на поляхъ, на полянахъ и на всѣхъ Днѣпровыхъ и полевыхъ урочищахъ, Наше, Царскаго Величества, милостивое слово.

Въ нынѣшнемъ, во 7181 году, Августа въ 21 день, къ Намъ, Великому Государю, къ Н. Ц. В., писалъ ты, Нашего Царскаго Величества подданной, кошевой Атаманъ, о промыслѣ своемъ и войска Запорожскаго Кошеваго надъ турскимъ городомъ Очаковымъ, также и о калмыцкомъ промыслѣ надъ Крымомъ, и прислалъ къ намъ, къ Великому Государю, къ Н. Ц. В., посланцевъ своихъ, бывшаго Кошеваго Дениса Кривоноса съ товарищи, со взятыми языки, и Мы, Великій Государь, Н Ц. В., Тебя, Нашего Царскаго Величества подданнаго, Кошеваго Атамана Ивана и все войско при тебѣ будучее, за промыслъ жалуемъ, милостиво похваляемъ, и посланцовъ твоихъ пожаловавъ Нашимъ, Царскаго Величества, жалованьемъ, велѣли отпустить къ тебѣ не задержавъ. А что Намъ, Великому Государю, Н. Ц. В., били челомъ о присылкѣ вамъ въ Кошъ пушекъ ломовыхъ, гранатъ и ракетъ и мастера, чтобъ который умѣлъ стрѣлять, и спошь и трубъ, и по Нашему, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества Указу, ломовыя пушки и гранаты и иные воинскіе запасы присланы къ вамъ на Кошъ будутъ впредь, и о томъ посланцамъ вашимъ сказано. Писана въ Государствія Нашего Дворѣ, въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7181 (1673) Августа 29 дня».

№ 4.

Граммата Святѣйшаго Патріарха Іоакима о церковномъ устройствѣ въ Кошѣ.

1688.

«Іоакимъ, Милостію Божіею московскій и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархъ».

«Въ Господѣ возлюбленнымъ нашея мѣрности сыномъ, святыя общежительныя кіево-межигорскія ставропигіальныя обители предводителю, пречестному Игумену *Феодосію Васковскому* и всей еже о Христѣ братіи: Божіе и наше Архипастырское благословеніе.

«Всегдашнее и непрестаемое мѣрность наша имать желаніе, да тая святая кіево-межигорская ставропигіальная, Патріаршему нашему одному трону подсудственная обитель, во общемъ единомысліи, братолюбномъ и безропотномъ дѣланіи, о Бозѣ же и церкви Его святой православномъ и непоколебимомъ мудрованіи, благополучномъ житіи и спасеніи и въ требованіяхъ изобильномъ довольствѣ, безпрепонно и ненарушимо пребываетъ во вѣки.

«Сего 7196 (1688) лѣта Февруарія въ 24 день посланныя братія ваши — іеромонахъ *Иродіонъ*, діаконъ *Гавріилъ*, да монахъ *Филаретъ*, къ намъ въ царствующій великій градъ Москву прійдоша, ихъ же по неотмѣнной нашея мѣрности къ святой Вашей кіево-межигорской обители любве, благочестно пріяхомъ, притомъ же по учиненному намъ отъ сихъ письменному извѣту увѣрихомся, яко пастырствующій нынѣ тамо въ Кіевѣ Преосвященный Митрополитъ *Гедеонъ*, вознамѣрился безпристойно и безналежно сущую въ войскѣ Запорожскомъ Низовомъ Божію церковь, отъ святыя вашея, межигорской обители усильно отдалити и отринути и своей власти подвергнути, почему де ваше преподобство состоящую изъдревле при той церкви межигорскую братію хощешь въ тотъ твой монастырь перевесть. Вѣдать же при семъ вамъ и всему христіанскому сословію подобаетъ: яко наша мѣрность совѣтомъ всея восточныя церкви православныхъ Патріарховъ: константинопольскаго, александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго, и многихъ тамо сущихъ Архіереевъ, имуще отъ самаго великаго Архіерея прошедшаго небеса, Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, данную намъ власть на правленіе патріаршаго престола, управляемъ, наблюдаемъ и со власти своей содержимъ, вся православныя храмы Божіи молитвенныя, и вся во всемъ обладательствѣ великаго Государства Московскаго и въ сѣверныхъ странахъ и

гдѣ либо обрѣтаются, не точію въ Малой, Бѣлой и Черной Россіи славянскаго языка сущія, но и въ иныхъ государствахъ и иныхъ языковъ православные народы суть нашему патріаршему трону не отриновенно подсудственны: тѣмъ же во всѣхъ митрополіяхъ и епископіяхъ мѣрность наша, власть ко назиданію христіанскаго благочестія, что либо восхотѣть творити и устроевати, а нешному кому, ибо по гласу святаго Апостола Павла «никто же самъ отъ себѣ пріемлетъ честь, но и званный отъ Бога»—Наша же мѣрность, получахомъ честь и притомъ и патріаршую власть, по дару и благодати Пресвятаго Духа отъ святыя, яко же вышерѣхомъ, восточныя соборныя Апостольскія церкви, еже есть столпъ и утвержденіе истины; и ради сицевыхъ предглаголаній и церковь Божію въ Сѣчи Запорожскаго будучую, имѣючи мѣрность наша въ полной своей и непрерывной патріаршей власти, имъ же хощемъ ее поручаемъ. а имъ же не хощемъ, тѣхъ отъ нея отдѣляемъ и вѣдать отрицаемъ и отрѣкаемъ; по чему и нынѣ послахомъ въ Кіевъ къ тамо сущему Митрополиту Преосвященному Гедеону, нашу увѣщательному патріаршую граммату, да отъ сего времяни не точію онъ Преосвященный Митрополитъ и кто по немъ впредъ грядущіе лѣта, на ономъ архіерейскомъ престолѣ предсѣдатель будетъ, но и прочіе Архіепископы, Епископы и ихъ Епархій Архимандриты, Игумены и всякаго священнаго и мірскаго чиноначалія люди, въ преподаніи воинству Запорожскому христіанскихъ требъ, въ отправленіи въ тамосущей церкви богоугодныхъ, по церковному чиноположенію, священнословій, во исправленіи и наставленіи на богоугодное и вѣрнымъ душамъ полезное житіе и въ прочихъ православныхъ молитвословіяхъ, предпомянутаго мѣрности нашея Ставропигіальнаго Кіево-Межигорскаго монастыря, отправляючимся онамо въ Сѣчь Запорожскую іеромонахомъ, діакономъ, монахомъ же и бѣлымъ послушникомъ отнюдь ни подъ какимъ же образомъ, ни какова воспротивословія, помѣшательства и вступленія да не творятъ, и ни въ чесомъ же ихъ вѣдаютъ, и мѣста онаго во вѣкъ себѣ да не пристяжаваютъ. Аще же кто отъ священнаго или мірскаго чина, сему мѣрности нашея уставленію воспротивится и гордостно

вознегодуетъ, преслушателемъ же и презрителемъ явно себя окажетъ, таковаго яко противника и пререкателя и нашей патріаршей власти уничтожителя, Божіему и нашему Архипастырскому непрощаемому подвергаемъ неблагословенію, да будетъ на немъ вѣчное и никогда же разрѣшаемое отъ Бога проклятіе и неблагословеніе. Чего ради и сію нашу уставную граммату препоручаемъ въ сохраненіе и непрестающее соблюденіе, соборныя нашея Россійскія апостольскія церкве пренепорочной и преблагословенной Дѣвы Маріи Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія, и великимъ Святителямъ Петру, Алексѣю, Іонѣ и Филиппу Московскимъ и всея Россіи Чудотворцамъ; яко да исполняющимъ и невредимо блюдующимъ, будутъ въ семъ вѣку и въ будущемъ, отъ всѣхъ навѣтованій временныхъ и вѣчныхъ хранители, защитники и ко всякому благу пособители и споспѣшцы, паче же ко всещедрому Богу молитвенницы и и предстатели. Пререкающимъ же и сію нашу граммату преслушающимъ, да будутъ вѣчные отмстители, наказатели и искоренители. При семъ же чрезъ сію нашу граммату всеприлѣжное прошеніе творю по мнѣ будущимъ святѣйшимъ Московскимъ, Всероссійскимъ же и сѣверныхъ странъ Патріархомъ, братіи моей, ради милости Вседержителя Бога, какъ тотъ Межигорскій монастырь, да имѣютъ въ своемъ благословеніи и милостивномъ призрѣніи, во ежебы въ немъ Архіерейскомъ ихъ наблюденіемъ издревле и въ недавныхъ лѣтѣхъ, утвержденный ставропигіонъ, соблюдался и хранился непорушно на вѣки; такъ и сія наша уставная граммата подобнѣжъ, да будетъ вѣчно неподвижима и отъ всякаго сословія христіанскаго, неприкословляема и невредима.

«Чего ради въ предваршія потомнія времена, во укрѣпленіе и вѣчное непоколебимое, сего мѣрности нашея установленія, утвержденіе, дадеся той святой Кіево-Межигорской Ставропигіальной обители сія граммата, съ подписаніемъ руки нашей и приложеніемъ нашея же патріаршія печати. Благодать же Господа нашего Іисуса Христа и любви Бога и Отца и причастіе Святаго Духа, да будетъ со всѣми, сей нашей патріаршей грамматѣ послушными исполнительми же и непрезиратели, во вѣки вѣковъ Аминь!

«Писася сія граммата въ Богоспасаемомъ и царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, при велицѣй церквѣ Успенія Пресвятой Богородицы и великихъ Іерарховъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа Московскихъ и всея Россія чудотворцевъ, въ нашемъ патріаршемя домѣ, въ лѣто мірозданія 7196, отъ воплощенія жъ Богочеловѣка 1688. Индиктіана 11-го, мѣсяца Марта въ 5 день»

«На подлинной грамматѣ написано сице: «Милостью Божіею Московскій и всея Россіи всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріарха Іоакима, рукою».

№ 5.

Царская Граммата о Самарской Крѣпости.

1688.

«Божіею милостію, отъ Пресвѣтлѣйшихъ и Державнѣйшихъ Великихъ Государей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и Великой Государыни Благовѣрныя Царевны и Великія Княгины Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и Сѣвѣрныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, нашего Царскаго Величества подданному, Низоваго войска Запорожскаго Кошевому Атаману, *Григорію Сагайдачному* и всему при тебѣ будучому поспольству, Нашего Царскаго Величества милостивое слово.

«Указали мы, Великіе Государи, Наше Царское Величество, ближнему Нашему окольничему и намѣстнику Карачевскому. Леонтію Романовичу *Неплюеву* съ Великороссійскими съ конными и пѣшими ратными многими людьми, да вѣрному подданному Нашему, войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Гетману, Ивану Степановичу (Мазепѣ) съ Малороссійскими полками, итти на Нашу Великихъ Государей службу, для промыслу надъ непріятельскими Крымскими людьми, и подъ городки подъ. Кизикерманъ и иные, да имъ же окольничему Нашему и воеводѣ и

подданному Нашему Гетману, указали Мы Великіе Государи за помощью Божьею и за предстательствомъ Пресвятыя Богородицы и за молитвами Московскихъ и Кіевопечерскихъ Чудотворцевъ, на рѣкѣ Самарѣ, для найвящшаго непріятелю утѣсненія и для защищенія отъ ихъ же непріятельскаго приходу, на Великороссійскіе и Малороссійскіе городы, а паче защищая самыхъ васъ, Нашихъ Царскаго Величества подданныхъ, въ Сѣчи живущихъ, построить городъ и быть тому городу для пристанища Нашихъ Царскаго Величества ратныхъ людей и для складу всякихъ запасовъ, впредь дастъ Богъ (для) воинскаго на Крымъ походу. Анынѣ Намъ Великимъ Государемъ, Нашему Царскому Величеству вѣдомо учинилось, что у тебя Атамана и всего войска Низоваго, о городовомъ строеніи, нѣкое сомнѣніе быть имѣетъ, будьто—бы тѣмъ строеніемъ права и вольности ваши были нарушены, и въ рыбныхъ ловляхъ и пасѣкахъ и въ звѣриныхъ добычахъ учинились убытки, о чемъ вы и подданному нашему Гетману писали, и Мы Великіе Государи, Наше Царское Величество, васъ атамана милостиво обнадеживаемъ, что Вамъ Кошевому Атаману и всему войска Запорожскаго поспольству, та на Самарѣ крѣпость, въ тяготу и отъятіе пожитковъ вашихъ, ни чемъ быти не имѣетъ и права ваши и вольности нарушены никогда не будутъ, а пасѣки и рыбныя ловли и всякую добычь на обыклыхъ мѣстцѣхъ имѣти-бъ вамъ по прежнему, безъ всякаго сомнѣнія, и обидимы ни отъ кого не будете, въ томъ бы вамъ на Нашу Царскаго Величества милость быти надежнымъ; а когда по милости Божьей у Насъ Великихъ Государей, у Нашего Царскаго Величества, нынѣшняя война съ Крымскими людьми перестанетъ, и тогда о той Самарской Крѣпости, Нашъ Царскаго Величества указъ милостивый учиненъ будетъ. А то вышеупомянутое городовое строеніе не иного чея, только для славы имени Божія и на защищеніе Великороссійскимъ и Малороссійскимъ народамъ, а паче и самихъ васъ, отъ нашествія поганныхъ бусурманъ и надъ ними для промыслу, и вамъ бы Кошевому атаману и всему войска Запорожскаго Низоваго поспольству, Намъ Великимъ Государемъ Царскому Величеству, служить вѣрно и надъ общими всѣхъ

Христіанъ непріятели, надъ Турскими и Крымскими людьми воинской промыслъ, при помощи Божьей чинить, обще съ Нашими Царскаго Величества Великороссійскими и Малороссійскими ратьми, а съ Крымскимъ Ханомъ, съ Турецкими городами не мириться и ни о чемъ съ ними не ссылаться. А служба ваша у Насъ Великихъ Государей никогда забвена и милость Наша Царская отъ васъ отъемлема не будетъ. Данъ государствія Нашего въ дворѣ, въ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7196. (1688) мѣсяца Іюня 14 дня, Государствованія Нашего семого году».

«Свидѣтельствовалъ войсковый писарь *Иванъ Глоба*».

№ 6.

Отвѣтъ Запорожскаго Коша измѣннику Филиппу Орлику.

1734.

«Ясне вельможній Мосце Пане Филиппъ Орликъ, Гетмане, нашъ вельце ласкавій мосце Пане и добродѣю.

«Получивши мы войско Запорожское Низовое два листы сего Мая 6., единъ отъ Ганскаго величества, а другій отъ вельможности вашей, нарочне паномъ Гетманомъ и стражникомъ Дубоссарскимъ присланіе, и оніе вычитавши *публичнѣ въ общой Нашей восковой радѣ*, зъ онихъ а найпаче зъ вашего Гетманскаго листу всѣ довольніе пункта положенные виразумѣлисьмо: перве, что теперешняго часу по указу Порты Оттоманской зъ града Солуни до боку Ганскаго величества и къ Каушанамъ прибулисте, а потомъ въ немъ объявляете: же много французскаго войска, Гишпанскаго и Сардинскаго сколько сотъ тысячей на Цесаря Христіанскаго и на войско Е. И. В. Московское войну точить прибралися, албо то вже тачивши битву надъ Цесарскимъ войскомъ здѣсь въ Италіи звытяжство одержали и Королевство Ломбардѣйское и два княженія Медіоланское и Мантуанское отъ Цесарскаго величества одобрали; албо рачей (или лучше сказать) Шведское или Литовское войско приуготовилось

и мислитъ за Станислава Лещинскаго на тоежъ Христіанское войско Московское и Цесарское помсту чинить, причитуючи и Гана Крымскаго зъ Ордами за тогоже Лещинскаго въ помоць статы, только вельможность ваша на насъ Низовое Запорожское войско зѣло скорбите, же насій часъ за нимъ Ганомъ Крымскимъ тамо не пойшли и въ помоць зъ вами ему не стали, но удалисьмыся отъ него подъ протекцію прежняго Нашего православнаго Монарха сіе есть Е. И. В. въ якій будто теперешній барзо погодній часъ, за поводамъ рейменту вашего могли бъ себи отчизну Малороссійскую совокупне, для пожитку и для вольностей, отстоять; припоминаючи намъ войску и тое, якіе вольности и права въ Е. И. В. вимовили, албо карностью (строгостью) Московскою страшите, жебы по первомъ якъ Сѣчь-Старую взяли, албо якъ негдись зъ подъ городковъ Кизикерменскихъ на службу у войско нашихъ Козаковъ затягши потратили и на каторги позадавали, и теперь тако не показнили, да къ томужъ и народъ Малороссійскій вспоминаете нжбы на насъ войско о помсту до Бога не волалъ, чито не плакалъ, что за нашимъ войсковымъ же нерадѣніемъ отъ подданства Московскаго, при правахъ таковыхъ якъ за Богдана Хмельницкаго было не зосталъ. Зачимъ противъ онихъ пунктовъ до вашей вельможности отвѣтствіе сіе наше листовное воздаючи тако ознаймуемъ: *первое* ижь нужди ради таковой отъ Ганскаго величества мы мусѣли были вынуждены отдалиться, же превеликую кривду отъ Татаръ, за утѣкающіе ихъ Крымскіе и Ногайскіе невольники маемъ, алба рачей за кони, товаръ и овцы невѣсть, гдѣ погибающіе, по суду ихъ Татарскому напастне платячи и снагиби нашей дале не стало; *другое*, Ногайцы взявши отъ Лиману великого горѣ (въ верхъ) по саміе пороги у весь Днѣпръ и степь отняли, же малое есть зъ чего намъ войску контентоватися; *третее*, яко може сами вельможность ваша слышали, нашихъ Козаковъ на полтори тысячи за *Бегли-Герей-Гана* (Менгли-Гирей II. Хана, сына Селимъ-Гирея-Хана 1724) у Бѣлгородщинѣ на каторги запродали, якихъ не по волѣ, но всиловнѣ теразнѣйшій (нынѣшній) *Адиль-Герей*, Калга-Султанъ, поднимаючи Бѣлогородскую орду на Кримъ изъ Богу рѣки до себе затягалъ; — и

весьма тогда помилованія отъ нихъ не имѣли; опрочей тихъ еще нашихъ Козаковъ, что Паши Очаковскіе много попродали, а подъ Азовомъ за звѣринною добычею коло Калміуса рѣки ходячихъ, на килкадесятъ въ неволю забрали; далей мовивши и Ляхамъ Е. М. Ганъ въ драчу насъ допустилъ, а за нашихъ Козаковъ которыхъ въ Брацлави и по иныхъ городкахъ, Ляхи Украинскихъ за торгомъ зъ рыбами ходящихъ невинне позабиравши повѣшали и худобами ихъ завладѣли, а и зыску жадного намъ войску не достоилъ; а на остатокъ горше всѣхъ тихъ причинъ, уважаючи себѣ тое, еслибысмо пошли за нимъ Ганомъ и за вами Гетманомъ въ помощь проты войска Е. И. В., то яко Орда не звикла городковъ добувать, токмо людей нашихъ Христіанскихъ набрала-бы якъ минувшихъ годовъ подъ Бѣлою Церквою и подъ слободамы, и вступивши въ Крымъ зъ собою въ неволю вѣчную запроважала; то певне вжебы тогда сугубое неблагословенство отъ Бога за плачь Христіанскій и за пролитіе крови невинной и проклятіе вѣчное одержали и милости бы еже отъ Е. И. В. о принятіе никогда подъ Ея область весьма не надѣятися; для чего можете разсудити и въ томъ, не тако яко у вашемъ письмѣ положенно что будто мы войско на прелестніе письма Московскіе отъ Гана удалилисмося, але саміе мы по изволенію нашемъ войсковомъ челобитніе наши письма да Е. И. В. уносили и просили, чтобы давнихъ нашихъ преступленій, якое будучи зъ *препростаго нашего Казацкаго ума* и невѣжества за поводомъ и указомъ покойнаго Мазепы сотворили и о принятіе до первой ласки о милость просилисьмо. Аже слава Богу найвишшему и получили, и во томъ не вонтпимо, воля Е. И. В. да будетъ насъ войско казнить или зволитъ животомъ даровать, то гдѣ же собыхся грѣхъ, тамо нехай буде и покута (покаяніе)! Еднакже яко она милостивая есть Императрица, видячи наши войсковіе вѣрніе услуги якіе впредь обѣщалисьмося показовать Ей, надѣемося же не подастъ насъ войско никому въ поруганіе и по заслугахъ нашихъ при ласцѣ своей Императорской садержоватиметъ. Раяли бы (совѣтовали) мы войско и вельможности вашей, впредѣ еще сего Ганскаго походу, аще бы гдѣ въ недалекомъ отъ насъ мѣстцу заставали, зъ нами войскомъ

посполу (вмѣстѣ) до Ея жъ Императорскаго Величества доношенія подносить и о мылость такуюжь якъ и мы прохать, то и вашу особу чаемъ изволила бы принять и при давнихъ вашихъ угодіяхъ и маетностяхъ тримати. А теперь ежели въ союзъ зѣ Ганскимъ величествомъ соединилися, на увагу (uwaga, разсужденіе), тое якъ изволите чинити слагаемъ, ибо хотя Ганъ Крымскій и Украину, чего не дай ему Боже! отстоялъ бы. то несподѣваемся, нжбы подъ вашъ рейментъ вручилъ; то такъ знайдеть онъ вспять иному кому, якъ прежде сего Ляхамъ былъ на поругание нашей вѣры и обращеніе святыхъ церквей до Уніи подалъ,—вручити. За чимъ уже сего рады же для помощи къ вамъ нашего войска да не изволите больше до насъ писати, занеже естесмо уже Ея Императорскаго Величества мы войско Запорожское слуги, а не Ганскіе, которой имѣемо до живота отъ рода въ родъ служить и за счастливое Ея владѣніе и всего посполитаго Христіанскаго народу становитися; тако отвѣтствуемъ и поклонъ нашъ войсковый вашей вельможности воздаючи назавше застаемъ,

«Вельможности вашей всего добра желательствующіе и до услугъ готовые».

«Ея Императорскаго Величества войска Запорожскаго Низоваго Атаманъ Кошовій Иванъ Малашевичъ со всѣмъ товариствомъ».

З'Коша. 1734 года Мая 8.

№ 7.

Ордера и инструкція Графа Фонъ-Вейсбаха.

1734.

«Благородный и высокопочтенный господинъ Кошевой Атаманъ (Малашевичу).

«Вашего Благородія Господина Кошеваго Атамана съ товарищи войска Низоваго Запорожскаго письмо, отъ 27 минувшаго Марта изъ Коша отправленное, я чрезъ козаковъ Ивана Ковальчука да Сещенка сего Апрѣля 1 дня исправно получилъ,

изъ котораго я усмотря, что Ваше Благородіе съ войскомъ Низовымъ Запорожскимъ по прежнему совѣту моему, на старомъ мѣстѣ и отъ Татаръ не могли успдѣть. Но уже къ новому мѣсту, называемому *Базавлукъ* увирнулись, куда и къ пану коневому Атаману Бѣлицкому съ войскомъ отправленнымъ къ Хану Крымскому въ походъ, дабы прибылъ писали, извѣстенъ и быть тому такъ. Гдѣ по требованію Вашего Благородія съ товарищи войска Низоваго Запорожскаго въ наставленіе надлежитъ учинить посему:

«Курени или домы построить тамъ себѣ и всегда отъ Крымской стороны укрѣпляя, себя во опасности и въ доброй осторожности состоить и ежелибъ Татаре какую противность предъ вами показали, то силу силою ихъ отвращать и тѣмъ не дая въ ихъ руки, себя оборонять и на Высочайшую Е. И. В. обнадеживаемую милость всегда несумнѣнно уповать, а до того ежели подъ чаяніемъ кто изъ Очакова или изъ Крыму имѣлъ къ вамъ присланъ быть съ угроженіемъ или съ требованіемъ, дабы вы по прежнему въ подданствѣ ихъ Татарскомъ остались, но на то по моему мнѣнію можете вы имъ отвѣтствовать нижеслѣдующее, а именно:

1.

«Что вы люди вольные, изъ доброй воли а не съ принужденія въ ихъ Татарскую протекцію отдались, за чѣмъ и нынѣ зъ доброй же воли, паки къ своей природной протекціи ретироваться могли, для того, что по призыву Хана Крымскаго противъ Е. И. В. яко вашей (и родственниковъ вашихъ) истинно природной Всемилостивѣйшей Государыни служить нехощете и не можете.

2.

«Понеже можете легко разсудить, что они Татары въ недавнемъ времени, въ границѣ Е. И. В. на село Баркутъ напали, да изъ вашихъ войска Низоваго Запорожскаго нѣкоторые зимовники атаковавъ порубили и нѣкоторыхъ же козаковъ въ палонъ взяли, почему егда би какъ скоро у нихъ Татаръ съ войскомъ

Е. И. В. война началась, тобъ мусили вы отъ нихъ напрасно погибнуть.

3.

«Ктомужъ можете изъ призыву *Агаметъ-Гирея*-Салтана, Орбея Порекопскаго (какъ онъ васъ Господина Кошеваго Атамана съ прочими къ себѣ требовалъ) признать, что они Татары подлинно намѣрены противъ насъ войну начать, ибо отъ нихъ Татаръ объявлено было, яко нынѣ у нихъ съ Россійскими только на время миръ содержится и о томъ они впредъ заблаговременно дать вамъ хотѣли; а тотъ ево Орбіевъ призывъ (какъ уже вы сами узнали) не для какого совѣту, но имѣлъ васъ какъ Аманатовъ или невольниковъ (чрезъ чтобъ войско Низовое Запорожское не могло въ протекцію Е. И. В. поддатца), — при себѣ содержать.

4.

«Буде бы они Татары имѣли сказать вамъ, чтобъ вы отъ ихъ земель отступили, то на то вамъ объявить имъ, яко та земля изъ давнего времяни ваша съ войскомъ Низовымъ Запорожскимъ, а не Крымская, ибо вы ея силою своею достали, при чемъ и то сказать, что отъ нихъ Татаръ, въ время бытія вашего у нихъ въ протекціи, весьма въ непорядкѣ и въ явной обидѣ и налегливости содержаны были; то есть, когда у Ногайцовъ одна лошадь пропала, то за оную вы принуждены десять платить: а отъ нихъ Ногайцевъ когда вамъ обида чинилась, то никогда справедливость давана не была; да и сверхъ того, нѣкоторыхъ изъ вашихъ людей брали и на галеры въ каторжную работу продавали Туркамъ.

5.

«Однакожъ чрезъ все то можете вы отъ себя ихъ Татаръ симъ обнадежить; яко вы (пока они Татары съ Е. И. В. войною поступать, такожъ и васъ въ нынѣшнемъ новомъ мѣстѣ безпокоивать небудутъ) имъ Татарамъ ни жаднаго зачину къ ссорѣ и убытку чинить не будете, но всякою пріятностію обходиться имѣете.

6.

«Надлежитъ же имъ Татарамъ объявить, яко вы отъ Е. И. В. ради ходу на новое мѣсто не наговорены и принуждаемы не были, токмо то учинили съ одной своей совѣсти, понеже (какъ выше сего въ 1 пунктѣ показано) вы противъ своей природной Государыни, да и отцевъ, братьевъ, сестеръ и нѣкоторыхъ оставшихся въ Украинѣ дѣтей своихъ, еще меньше противъ ихъ Татарскихъ закойниковъ служить не могутъ, егда бъ они Татаре могли на то сказать: «что еще у нихъ съ Россіею войны нѣтъ,—надлежало было вамъ размиру обождать;» на оное имъ въ такой силѣ отвѣтствовать: «Уже бы оный розмиръ не задолго имѣлъ учиниться, ибо вы при нынѣшнемъ изъ Крыму Ханскомъ выступленіи, отъ самово ево Хана устнѣ слышали, что онъ противъ Россійскихъ пойдетъ и вамъ велѣлъ къ тому въ походъ готовымъ быть, понеже онъ только послѣдняго курьера изъ Царяграда ожидалъ и потомъ скоро крѣпчайшой указъ, дабы вамъ выступить и съ нимъ Ханомъ соединитца, получили, изъ чего вы довольно разсудить могли, что помянутый воинскій курьеръ прибылъ, да и съ тѣхъ рѣчей, которыми въ то время самъ Ханъ съ вами устнѣ говорилъ, что онъ Ханъ противъ Россійскихъ войскъ итти весьма склоненъ и намѣреъ былъ, довольно узнали.

7.

«О вышеписанномъ же о всемъ подтвердить Господину Полковнику съ товарищи, кои съ войскомъ Низовымъ Запорожскимъ надъ Самарою рѣкою обрѣтаютца, дабы они по томужъ отъ нихъ Татаръ въ опасности и во осторожности состояли, и егдабъ къ нимъ съ Крымской стороны присланъ былъ и спрашивалъ о вашихъ войскахъ причины перехожденія на новое мѣсто, и объ вашихъ намѣреніяхъ, то бы они по вышеозначеннымъ же объявленіямъ отвѣтствовали, а понеже ихъ жительство отъ Нашей Украинской Линіи не подальности имѣется, того ради егда имъ о какомъ Крымскомъ или Ногайскомъ собраніи, приближеніи и намѣреніи увѣдано будетъ, то тогда безъ всякого медленія по своей къ Е. И. В. вѣрности до той Линіи,

къ которому ни есть состоящему тамъ Командиру, смотря способость, дали знать. И потомъ, егда они Татары къ Линіи или въ другіе пограничные мѣста, набѣгъ показали, тобъ они Козаки, да и вы за ними, для совокупленія съ вашими, къ знатному ихъ Татаръ поиску, въ тылъ атправились, а кои Козаки безъ позволенія Вашего Благородія съ солью въ Украину отошли, оные не имѣютъ чрезъ форпостъ въ Украину пропущены, но отосланы къ вамъ по прежнему будутъ».

«Что же у васъ происходить будетъ, о всемъ по прежнимъ моимъ объявленіямъ, немедленно мнѣ знать давать, почему бы я мѣры свои могъ брать и вамъ помогать.

«А въ какой силѣ вы въ Крымъ о переходѣ своемъ писали, прошу прислать ко мнѣ копію. Впрочемъ пребываю.

«Вашего Благородія
«даброжелательнымъ слугою
«J. Er. V. Weisbach».

«Апрѣля 4 дня.
1734 года Кіевъ».

1734.

«Благородный и высокопочтенный господинъ Кошевой Атаманъ («Пану Малашевичу»).

«Вашего Благородія два письма и со включенными отъ 3 и 10 сего Апрѣля изъ Коша отъ урочища *Подпольнаго* пущенныя, а одно чрезъ присланныхъ бывшаго судью *Стефана Решетилы* да Атамановъ *Прокопа Федорова, Василія Богацкаго* и *Петра Денисова*, другое чрезъ казаковъ Ковальчука и Сещенка исправно получилъ, на которые отвѣтно вамъ симъ ознаймую.

«О прибытіи вашемъ съ стараго на *новое* мѣсто урочище Подпольное извѣстенъ.

«Въ какой силѣ отъ Хана Крымскаго и отъ Салтана Перекопскаго въ отвѣтъ на ваши письма получено будетъ, прошу ко мнѣ сообщить.

«Изъ вышеписанныхъ бывшаго судью Стефана Решетилу, да Атамана Прокопа Федорова, для всеконечнаго вашего отъ Е. И. В. Высочайшей милости увѣренія, со всеподаннѣйшимъ

моимъ доношеніемъ къ Е. И. В. давъ имъ надлежащую провизію на дорогу, отправилъ, откуда до возвращенія ихъ, приводомъ къ присягѣ оставилъ, ибо подлинно о всемъ отъ Е. И. В. Всемилостивѣйшее повелѣніе по желанію вашему воспослѣдуетъ.

«Другихъ же двухъ атамановъ Василія Богацкаго и Петра Денисова послалъ къ полковнику и командиру Чичерину, для принятія ассигнованныхъ предъ симъ вамъ *дву тысячъ* рублевъ денегъ въ Полтаву, на которые деньги можно за нынѣшнею новостью въ переходѣ мѣста купить себѣ въ довольствіе хлѣба и строить, какъ уже предъ симъ я писалъ, себѣ домы или курени и крѣпости ограду того мѣста, а чтобъ изъ Малороссіи возили охочіе люди муку и прочій харчъ, и для покупки тамъ чего, указы отъ меня въ способные къ вамъ мѣста, яко то въ Полтавской, Лубенской и Миргородской полки посланы, по которымъ тому привозу и быть имѣетца, а да точа ежели необходимо нужда обстоитъ, то хутчѣе въ ближайшія мѣста, по прежнему вашему опредѣленію, съ письменнымъ свидѣтельствомъ изъ Коша вашего, сколько пристойно отправить, а чтобъ такіе не возбранно пропущаемы были, и ежели лошадей и скотъ для продажи отправлятца, торгъ безъ всякой обиды имѣли, потому жъ какъ на форпосты, такъ и старшинѣ означенныхъ полковъ предложилъ.

«Отъ здѣшняго Кіевскаго Преосвященнаго Архіепископа Рафаила въ строеніи церкви благословеніе дано и о томъ предложеніе до отца Архимандрита вашего Гаврилы, съ показанными Атаманы послано.

«Всемилостивѣйше пожалованную отъ Е. И. В. вамъ грамоту оригинально при семъ посылаю, которую надлежитъ до полной, какъ выше сего упомянуто, отъ Е. И. В. всемилостивѣйшей резолюціи при себѣ содержать и по необходимой нуждѣ другимъ до того не объявлять, а можете и въ то время, да и лутчѣе всему войску пріятнѣе будетъ публично объявить. И пребываю

«Вашего Благородія доброжелательнымъ слугою

«J. Er. V. Weisbach».

«Апрѣля 19 дня 1734 году

Кіевъ».

№ 8.

Пѣснь о Савкѣ Чаломъ

1737—1740.

«Бувъ' панъ Сава въ Немировѣ въ пана[1]) на обиди,
Ой ще не знавъ тай не чувавъ о своей тяжкой биди
Сидлай хлопче коня мого, соби вороного;
Поидемо до домоньку, бо ту насъ не много.
Стоитъ явиръ надъ водою, верхомъ похилывся:
Іиде Савва до домоньку чігось зажурывся;
Ой прiихавъ до домоньку, тай скрипнувъ дверима,
Пытается челядонки: «що чуваты въ дома?»
— «Гораздъ, гораздъ, пане Саво, щаслыва годына,
Твоя жинка, наша пани породыла сына» —
Гей сивъ Сава въ конецъ стола, тяженько думае
А Савына молоденька дытыну купае:
— «Иди хлопче до пивныцы наточи горилки
Най ся напью за-здоровле хорошои жинки;
Иди хлопче до пивныцы наточи мии вина,
Най ся напью за здоровле молодаго сына;
Иди хлопче до пивныци наточи ми меду,
Щось ми тяжко, щось ми нудно головки не зведу. —
Гей сивъ Сава въ конецъ стола, дрибны листы пише,
А Савина молоденька дитыну колыше:
«Люляйже, люлий, моляй вродливый синочку!
«Найся лягну, найсночину, зложу головочку».
Гей ще хлопець не поспишивъ по медъ до пивныци,
Обступыли козаченьки до кола свитлыци;
Не вспивъ хлопецъ-ся вернуты съ пивныци до хаты,
Прiихалы козаченьки Саву рабоваты.
«Помогай Богъ! Пане Саво, гораздъ намъ ся маешь?
Седышь соби въ свитлычаньци, вино попываешь;
Чоломъ, чоломъ пане Саво, гораздъ намъ ся маешь;
Далекiи гости маешь, чимъ же ихъ прiймаешь»?
— «Прiмавбы васъ виномъ, медомъ, не будете питы,
Певно (вѣрно) вы ся козаченьки прiихали биты....»
Гей пирвався та панъ Сава до своеи зброи

---

[1]) Графа Потоцкаго, владѣльца Немирова.

«Почкай, почкай пане Саво, то не въ чистомъ поли!»
Гей пирвався та панъ Сава до яснаго меча;
Взялы его на три списы видъ праваго плеча.
Втымъ Савина молоденька безъ викно втикала
Зъ чистыхъ устокъ на словонько кухарци виддала:
«Ой кухарко вирна слуга, подай ти дитыну,
Будешь доси пановаты, доки я не згину».—
— «А дежь твей пане Саво, сукни (платья) гайдамацки,
Щось въ нихъ ходывъ по Вкраини, водячи затяжки?
А дежь, твои пане Саво, бытые таляры,
Щось ихъ набравъ, по Вкраини, водячи ватаги?
А дежь твои пане Саво китайки, атласы,
Щось ихъ набравъ, по Вкраини, жиници на запаски?
А дежь твои пане Саво коштовны (дорогіе) дамашки,
Щось ихъ набравъ, по Вкраине, жиницы на запаски?
А дежь, твоя пане Саво, великая зброя?
Озьде виситъ на килочку ане вже не твоя»!—
Гей вдарывся та панъ Сава пополахъ рукою:
«Пришложь мини погибаты зъ дитьми и женою»
Гей вдарывся та панъ Сава по полахъ руками.
Оглянься назадъ себе, тече кровь рикамы.
«Годи, годи пане Саво, годи воеваты
Ой не було пане Саво, церковь рабоваты»!
Зашумила шабелечка якъ зъ лиса притинка,
Ни зисталася по Сави, по молодая жинка.
Гей бачилы многи люде Вкраинску совочку;
Що принесла пану Савѣ смертельну сорочку.
Прилетили къ пану Сави Вкраински вороны,
Задзвонили пану Сави разомъ во вси дзвоны!

№ 9.

Гостинцы (подарки) Запорожцевъ. [1])

1) *въ 1757 году.*

«Реэстръ, что изъ посланныхъ гостинцей въ Кіевѣ надлежитъ отдать изъ собою въ Кіевъ въ возки взять:»

[1]) Посланные отъ Коша въ 1757 году, чрезъ войсковаго довбыша Григорія Никитова, отправленнаго въ Петербургъ за жалованьемъ.

«Господину губернатору Костюрину лисицъ 6, баликовъ 4, осетровъ 2, и письмо.

«Кіевскому секретарю Алексѣю Фотѣеву лисицъ 5 и письмо.

«Кіевскому канцеляристу Козлову, лисица 1, осетеръ 1, безъ письма.

Въ Глуховъ:

«Господину писарю Безбородку короповъ 30, щукъ 15, балыковъ 4, да рыбячаго масла суденце одно, и письмо.

«Г. Теплову Совѣтнику, короповъ 30, щукъ 15, баликовъ 4, и письмо.

Въ Санктпетербургъ:

«Надлежитъ отдать гостинцы, а именно:

«Князю Трубецкому, короповъ 10, балик. 10, лис. 10 и письмо.

«Графу Воронцову, короповъ 10, баликовъ 10 и письмо.

«Сенатскому Секретарю Пуговишникову, лисицъ 5, баликовъ 2 и письмо.

«Регистратору Сенатскому Латинину, лисицъ 2, баликовъ 2 и письмо.

«Сенатскому канцеляристу, лисица 1, безъ письма.

«Струтинскому, (переводчику) короповъ 2, баликовъ 2 и письмо.

«Духовнику Государеву Дубянскому, щукъ 4, короповъ 6, лимоннаго соку бочонокъ и письмо.

«Троимъ преосвященнымъ: С.Петербургскому, Резанскому и Тверскому, три бочонка соку лимоннаго и 3 письма.

«Двомъ Архимандритамъ: Донскому и Троицы-Сергіевскому, два бочонка соку и два письма.

«Третьему Архимандриту Футинскаго монастыря Іосафу, осетеръ 1, баликовъ 2, и письмо.

«Отцу Кириллу, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго Капеляну, въ Аничковскомъ домѣ, короповъ 2, баликовъ 1, и письмо.

«Варлааму Григорашу, въ Невскомъ монастырѣ, 2 балика и письмо.

«Таможь Іеромонаху Сильвестру, баликовъ 2 и письмо; таможь Іоанникію Свитковскому, баликовъ 2 и письмо.

«Въ Кадетскомъ корпусѣ Іеромонаху отцу Кириллу, Іеродіакону Наркизу Синявскому баликъ 1 и письмо.

«Войсковому товарищу Стефану Рудѣ, который ежели естя посылается ему коропъ 1 и сокъ.

«Совѣтнику иностранной колегіи Михаилу Новоторжцеву, 1 лисица и 1 осетеръ.

«Кременчугскому Директору, (Тимофѣеву) 1 лисица и 1 осетеръ.»

Кромѣ этихъ подарковъ отъ войска были подарки отъ Кошеваго и писаря отдѣльно:

«Отъ г. Кошеваго Духовникови, 2 коропа и 2 щуки да визиги 2 пучка.

«Струтинскому да Кириллу Капеляну Алексѣя Григорьевича по 2 коропа, да по 1 щуки и по 2 пучка визиги.

«Вышеописанному Стефану Рудѣ послано отъ г. Кошеваго красніе чоботи.

«Архіереямъ и Архимандритамъ всѣмъ и прочимъ Іеромонахамъ, по усмотрѣнію вашему (посланца войсковаго довбыша Никитова) 10 пучковъ, каждому по единому визиги посылается.

«Отъ г. писаря О. Варлааму да Свитскому, по два коропа при письмахъ.»

2) *1769 году* [1]).

«Въ презентъ: къ графу Петру Ивановичу Панину:

Аула Буркутъ, Илесъ, сынъ Джалте Гаджея.

Туте сынъ Кутлу-Ахай-Гаджеа, Верблюдовъ 4, жеребцовъ 3.

«Князю Василію Михайловичу, Долгорукову:

Татаринъ Едисанской орды Шакла-Хаджи-Уэлди сынъ Ардъ-Али. Верблюдовъ 2, жеребецъ 1.

«Государинѣ:

Татары Едисанскіе, Аула Буркутъ, мальчикъ Кутай, сынъ, черкесовъ; Аула Есебой, Боэтай, сынъ Мустафинъ.

---

[1]) Отправленные въ С. Петербургъ съ войсковымъ переводчикомъ Турецкаго языка, Андреемъ Константиновымъ въ Октябрь 1769.

«Его Высочеству (Павлу Петровичу):

Хаджибейскій житель, мальчикъ Джеферъ, Татаринъ Едисанскій, Аула Капбашь, Гассанъ сынъ Тармаза.»

Графу Никитѣ Ивановичу Панину, графу Григорію Орлову, князю Александру Михайловичу Голицыну, Графу Чернышеву, князю А. А. Вяземскому и графу Роману Ларіоновичу Воронцову, тоже посланы въ подарокъ плѣнные Татаре.

№ 10.

Показанія Гайдамаки Герасима Котляра

1757.

1757 года сентября 1 дня, присланный при ордерѣ отъ его высокородія, г. бригадира, крѣпости св. Елисаветы коменданта, А. И. Глѣбова, колодникъ, крѣпости св. Елисаветы мѣщанинъ Герасимъ *Котляръ* допрашиванъ и показалъ слѣдующее:

Сего году, о праздники Сошествія святаго Духа, живущій здеся, при крепости святыя Елисаветы, мѣщанинъ, прозваніемъ *Безпоясній*, пришедъ къ нему Котляру, между разговорами сказивалъ что Сѣчи Запорожской въ Мигійскомъ островѣ какъ онъ былъ для ловлѣ рыбы, то видѣлъ, что Гайдамацкая партія знатно въ Полшу на грабительство въ немаломъ числѣ збирается. То онъ Котляръ, вздумавъ, что на немъ болѣе ста рублевъ долгу остается и оныхъ заплатить нечемъ, спустя послѣ праздника Сошествія святаго Духа четири дни, подъ видомъ якобы для отисканія на козаку войска Запорожскаго, куреня Кущевскаго Івану Шульзѣ, долговыхъ денегъ, а умисленно для того единнаго воровства, взявъ въ здѣшняго крепости святія Елисавети магистрата пашпортъ, съ тѣмъ Безпояснимъ, на одной своей лошадѣ, запрягши въ телегу, въ тотъ Мигійскій островъ поехали. И не доезжая оного острова, въ стоящего на броду речки Синюхи въ карантинномъ домѣ прапорщика (а какъ зовутъ и прозываютъ, не знаетъ) явился и данній ему Котляру изъ магистрата пашпортъ объявилъ. И оной прапорщикъ тотъ пашпортъ прочтя, у себя оставилъ, а ихъ въ Мигійскій островъ пропустилъ.

Одъколя они поехали и прибывъ туда, оную воровскую Гайдамацкую партію, въ *шестидесяти пятихъ* человѣкахъ, при Атаманѣ войска Запорожскаго куреня дядковскаго Яковѣ Солони нашли, въ которую и онъ Котляръ присталъ и съ ними въ томъ островѣ болѣе недели жилъ. И чрезъ ту его, Котляра битность еще къ нимъ Гайдамаки прабавилися, и какъ всѣхъ семьдесять пять человѣкъ ихъ собралось (изъ коихъ онъ Котляръ знаетъ Сѣчи Запорожской козаковъ, куреней: мышастовскаго Григорія Калиту, Бурила, а имя не знаетъ, корсунскаго Федора Волка и Сукора, а имя не знаетъ, крыловскаго Івана Жаболду и малого Жаболденка, а имя не знаетъ, и Івана Малого, пашковскаго Андрѣя Караджу, роговскаго Ивана Бойка, поповичевскаго Федора Писменнаго, а другаго прозваніемъ Бороду, ивановскаго Григорія Писменнаго, батуринскаго прозваніемъ Малого, а имени не знаетъ, конеловскаго Сукура, бруховецкаго Савелія Кравця, калниболоцкаго Івана, прозванія не знаетъ, васюринскаго, прозваніемъ Кузему, конеловскаго, прозваніемъ Павла, а протчихъ всѣхъ гайдамакъ, кромѣ вышеописанныхъ, какихъ оны куреней и какъ ихъ зовутъ и прозываютъ, не знаетъ), то всѣ, согласясь, въ Полщу, для разбитія состоящаго подъ полскимъ мѣстечкомъ Медвиномъ польского обозу, пеши пошли. И въ пути, близъ полского села Шестеринецъ, въ сумерки, какъ оны, гайдамаки, чрезъ плотину хотели переходить, то, знать по извѣстію, изъ того полского обозу до несколко человѣкъ поляковъ и ихъ козаковъ, не допуская чрезъ плотину переходить, только что изъ ружей випалили, то прописаній выще сего гайдамацкій атаманъ Яковъ Солонь на гайдамакъ закричалъ, чтобъ уходили, одъколя тогда-жъ оный Гайдамацкій атаманъ зъ двома человѣки (а какъ ихъ зовутъ и прозиваютъ, не знаетъ) ушелъ, а съ нимъ Котляремъ осталось тамо семьдесятъ одинъ человѣкъ. И онъ Котляръ на тѣхъ своихъ товарищей закричалъ, дабы не уходили, а какъ остановилися и къ той полской партіи, закрича, вдругъ бросилися на списахъ, то оніе поляки и при нихъ козаки въ имѣющій тамо лугъ и въ болото съ лошадьми вбѣжали, за коимы оны гайдамаки ночью и не гналисъ, а толко около того лугу свой Гайдамацкій караулъ, дабы ночью уйти не могли,

поставили. А на утреній день, какъ стало видно кого изъ техъ полскихъ хорунгъ [1]) и козаковъ въ томъ болотѣ нашли, то съ ихъ поляковъ плате и шабли поснимали и лошадей семъдесятъ зъ сѣдлами, да пистолетовъ тридцять пять паръ взяли. И при томъ, какъ стали тѣ хорунги и козаки отъ нихъ гайдамакъ бѣжать, тогда Сѣчи Запорожской, мышастовскаго куреня, Григорій Калита трехъ поляковъ закололь, а болѣе тамо какъ онъ Котляръ, такъ и протчіе гайдамаки никого до смерти не убили. И отътудова оны, гайдамаки, сѣвши на лошадѣ, а которымъ не достало лошадей, пѣшіе тѣмъ-же, куда и въ Полщу пшли, трактомъ въ показанной Сѣчи Запорожской въ Мигійскій островъ, где всѣ-жъ злодѣи гайдамаки собраніе имѣли, пошли. И не доходя оваго, перешедъ чрезъ границу подлѣ Новой Сербіи, олшанскаго шанца верстахъ въ четырехъ остановилися и теми пограбленными лошадми, пистолетами и шаблями и протчимъ розделилися. И ему, Котляру изъ оныхъ досталось лошадь гнѣдая зъ сѣдломъ, да пара пистолетъ, епанча бѣлаго простаго сукна, да шапка полская съ сѣрою опушкою, шабля зъ желѣзною оправкою, протчимъ-же гайдамакамъ кому что досталося, онъ не знаетъ, да еще изъ тѣхъ грабленныхъ вещей, — какъ то и всегда у гайдамакъ бываетъ, что, будучи въ гайдамачествѣ, по приходѣ Сѣчи Запорожской въ Гардъ, тамо полковника гардового и старшину, дабы имъ гайдамакамъ въ оному Гарду пиянствувать не запрещали и ихъ не ловили, дарують для гостинця,—шаблю, да ладовицю оставили. И по раздѣлѣ того, съ той ихъ гайдамацкой партіи пять человѣкъ, куреня корсунскаго Іванъ Жаболда, Іванъ Бойко и Өедоръ Волкъ, а двохъ, какъ звать не знаетъ, поехали Новой Сербіи въ показанной ольшанской шанецъ, а онъ Котляръ зъ шестидесяти семи человѣками поехалъ въ означенній Мигійскій островъ. И какъ по тракту, здешняго новопоселяемаго слободского козацкого полку чрезъ слободу Красную ехали, то изъ оной ихъ гайдамацкой партіи осталось въ оной слободѣ для пиянства и взятія харчей болѣе сорока человѣкъ, а онъ Котляръ зъ двадцатью гайдамаками (и

[1]) Хорунгъ—хоругвей, т. е. отрядовъ, въ родѣ эскадроновъ.

съ коихъ онъ, Котляръ, помнитъ запорожскихъ козаковъ, куреня мишастовскаго Грицка Калиту, Бурилу, а имя не знаетъ, васюринскаго Кузямку, івановскаго Грицка Писменнаго, батуринскаго Остроуха, а имя не знаетъ, а другихъ, какихъ куреней и какъ имя и прозванія не знаетъ-же) поехали въ Мигійскій островъ и прибывъ туда, переночовали, а на другой день изъ вышщеписанныхъ, зоставшихъ въ слободѣ Красной, гайдамакъ десять человѣкъ къ нимъ въ Мигійскій островъ прибыли (а прочіе гайдамаки, оставшіе въ показанной слободѣ, где дѣвалися, оніе прибившіе десять человѣкъ ему, Котляру, не обявляли) и переночовавъ въ ономъ, на другой день съ тридцати человѣки, для отданія оставленнаго отъ подѣлу въ гостинецъ, въ Гардъ поехали. И прибывъ туда, гардовому полковнику, куреня брюховецкаго (а имя и прозванія не знаетъ), полскую шаблю зъ серебряною оправкою и ладунку, да есаулу гардовому, куренному величковскому Игнату Мандру шаблю зъ желѣзною оправкою, заведомо, что пограбленную ими въ Полщѣ, отдали. И тамо побывъ дня зъ два, поехали по прежнему въ тотъ Мигійскій островъ, где имъ всегда злодѣйское пристанище по укрывательству состоитъ. Куда по прибытіи отъ находящихся въ ономъ островѣ гайдамакъ (а какъ ихъ зовутъ и которыхъ куреней, онъ не знаетъ) услыша, что Сѣчи Запорожской ивановскаго куреня козакъ Іванъ Неежжалій, собравши болѣе восмидесяти человѣкъ гайдамакъ, подлѣ рѣчки Добрянки въ балки состоитъ и намѣренъ де итить въ Полщу на грабительство, то и онъ Котляръ, взивъ свою лошадь, къ той рѣчки поехалъ. И какъ прибылъ въ балку, то злодѣйскую партію съ восмидесяти семи человѣка, при атаманѣ показанномъ Неежжалимъ, наехалъ и во оную присталъ. Въ которой партіи гайдамаки были: за асаула куреня платнеревскаго Кузма Таранъ, крыловскаго Іванъ Жаболда, да Купчикъ, медведовскаго Капевець, конеловскаго Грива и Чернецкій, мышастовскаго Грицко Калита, поповичевскаго Федоръ Писменній, леушковскаго Алексѣй Ковбаса, кущевскаго Яцко Зубъ, калниболошкаго Кузма Козолупъ, пашковскаго Боровій, величковскаго Шарій, а прочіихъ гайдамакъ, какихъ куреней и какъ зовутъ и прозваніемъ,

не знаетъ. Между которыми будучи, слышалъ онъ, Котляръ, что въ Польщѣ, подъ мѣстечкомъ Уманю не малое число Татаръ съ лошадьми находится и что ко онимъ они намѣренни итить и имѣющихъ лошадей ограбить, а подлѣнно-ли тамо татаре въ Уманѣ находятся, для провѣдованія гайдамака, житель слободы Добрянки, Волошиненко посыланъ былъ. Которой чрезъ три дни по развѣдованіи, что подленно немалое число татаръ съ лошадми подъ онимъ Уманю стоятъ, какъ обявилъ, тогда они, гайдамаки, и показанной Волошиненко, согласившися и переехавъ выше новопоселяемаго слободского козацкого полку слободы Ново-Архангельской въ бродъ, верхами поехали и чрезъ двое сутокъ отъ оной Уманѣ какъ верстъ за три приехали, то изъ оныхъ татаръ съ лошадинимъ табуномъ девятнадцатъ человѣкъ наехали, которіе, оставя тотъ свой лошадиной табунъ, въ городъ Умань ушли, а они гайдамаки тотъ ихъ татарской табунъ въвесь (въ коемъ оныхъ лошадей зъ стриженями было до четырехъ сотъ, а сколько доподлѣнно всѣхъ имѣлось, не знаетъ) пограбя, погнали. И по извѣстію одъ тѣхъ татаръ изъ оного мѣстечка Умани козаковъ человѣкъ до сорока или болѣе, какъ нагнавъ ихъ на степу, одъ мѣстечка Умани верстахъ въ двадцати, стали съ ружи на нихъ палить и изъ гайдамакъ одного до смерти убили, а четырехъ поранили, тогда и они, гайдамаки, на нихъ выпаля изъ ружжя залпомъ и по своей злодѣйской ярости бросившись вдругъ всѣ зъ списами, ихъ козаковъ кололи до смерти, и толко изъ нихъ ушло живыхъ пять человѣкъ, а сколко подлѣнно всѣхъ числомъ покололи, и изъ гайдамакъ хто сколко закололь, какъ они по своему злодѣйству всѣ кололи, не знаетъ, а только онъ Котляръ изъ оныхъ въ смерть одного козака закололь. И потомъ тотъ табунъ занявъ погнали и порегнавъ черезъ реку Синюху, не доехавъ Сѣчи Запорожской до Гарду верстъ за десятъ, оставя изъ тѣхъ Сѣчи Запорожской гардовому полковнику зъ старшиною пару лошадей, протчихъ-же всѣхъ лошадей они, гайдамаки, на восѣмъдесятъ девять человѣкъ разделили по жеребъямъ, и съ которыхъ ему Котляру досталось два мерина, одинъ серой, а другій половой, да кобыла сиво-железая зъ жеребенкомъ. И по роздѣлѣ

они, гайдамаки, кто куда захотѣлъ, съ тѣми лошадми въ рознь разъѣхались, а атаманъ Неежжалій зъ гайдамаками Яковомъ Козолупомъ, Алексѣемъ Ковбасою, Кузмою Тараномъ впредъ для отдачи гардовому полковнику бруховецкаго куреня, прозваніемъ Шевцу, асаулу величковскаго куреня Игнату Мандру вышеписанныхъ, оставленныхъ имъ, двухъ лошадей поехалъ, а онъ-же Котляръ съ протчими Гайдамаками (а въ коликомъ числѣ и кто именемъ были, не знаетъ) для отдачи доставшихъ имъ по роздѣлѣ лошадей въ гардовій табунъ поехали. И прибывъ тамо гардовымъ стадникамъ отдали, съ обявленіемъ, что оніе у ихъ лошади пограблени въ Полщи, въ Уманской губерніи, и за то, чтобъ табунщики ихъ лошадей смотрѣли, дали двѣ кобили гнѣдіе. И по отдачѣ тѣхъ лошадей нѣкоторіе Гайдамаки по Запорожскимъ зимовникамъ разъехалися, а онъ Котляръ съ пятнадцатью человѣки (а какъ ихъ зовутъ, не знаетъ) въ Гардъ для пянства ездилъ и тамо съ оными Гайдамаками у полковника всѣ явись и о бытіяхъ на Гайдамачествѣ въ Полщѣ обьявись, четыри дни, пянствуя, находилися. И отътоль онъ, Котляръ, поехалъ на бродъ реки Синюхи для взятія оставленнаго въ карантинномъ домѣ у стоящаго тамо офицера данного ему изъ магистрата пашпорта, съ намѣреніемъ, чтобъ, взявъ лошадей, коихъ ему изъ грабителнихъ достались, отвесть для продажи Новой Сербіи въ Новомиргородской шанець, на бывшей тамо тогда ярманокъ. Однако, не доежжая онаго карантиннаго дому, встрѣтя его одинадцять человѣкъ Гайдамакъ (а отколь они и какъ по имени и прозванію, не знаетъ) ему Котляру обявили, что вышедшій де изъ Полщи Федоръ Швидкій Сѣчи Запорожской въ Мигійскомъ островѣ не малую гайдамацкую партію итп въ Полскую область, въ городъ Немеровъ, збираетъ съ намѣреніемъ на грабительство, то потому и онъ Котляръ въ тотъ островъ на другой день поехалъ и прибывъ туда, показанного Швидкого съ тою злодѣйскою гайдамацкою партією въ шести-десять пяти человѣкахъ сыскалъ. И къ оной онъ Котляръ какъ присталъ, то жили въ томъ островѣ съ недѣлю, а атаманъ Швидкій отъ ихъ для покупки пороху и селитри въ полское мѣстечко Торговицю ходилъ и по возвращеніи своемъ одътос ѣ оюдоэ чэ эйчгэ мнадцять

человѣкъ гайдамакъ привелъ. И такъ уже ихъ собралось восѣмъдесятъ два человѣка, и съ которыхъ онъ, Котляръ, знаетъ Сѣчи Запорожской козаковъ, куреней: иванивскаго Павла Тарана, Грицка Письменнаго, переяславскаго прозваніемъ Полового, иркліевскаго Колмика, пашковскаго Андрѣя Гараджу, куреневскаго Мойсѣя Шевця, дву Ивановъ Бойковъ, незамаевскаго Карпа Кирпу, платнеревскаго Чабака, кислековскаго Григорія Злодѣя, батуринскаго малого Остроуха, поповичевскаго Безкровнаго, корсунскаго Бандурку, бруховецкаго Яцка Кравця, Савку Кравця, а протчихъ всѣхъ, какъ зовутъ и прозиваютъ и которыхъ куреней, не знаетъ. И тѣ всѣ, согласясь на то грабительство, въ показанной городъ Немеровъ пошли изъ Мигійскаго острова чрезъ рѣку Бугъ на бродъ и перешедъ ногайскій и полскій степы даже до лѣсу, состоящаго подъ полскимъ мѣстечкомъ Хощеватымъ, пошли. И прибывъ въ тотъ лѣсъ, въ имеющой тамо насѣки чрезъ ввесь день находились. И услиша въ ономъ Хощеватомъ стрелбу и колоколную тревогу, оной гайдамацкой атаманъ Швидкій имъ обявилъ: «знать то де та тревога чинится къ собранію народа для поимки ихъ гайдамакъ». И какъ ночь пришла, то атаманъ со всѣми гайдамаками и онъ Котляръ изъ того леса ночью пошелъ, и следуя въ купи, не въ далнемъ одъ того местечка Хощеватого разстояніи, въ селѣ Могилномъ три пари воловъ съ возами, да у жида кобилу съ возомъ пограбили и харчевій запасъ, муку, пшено и масло корове, и у коихъ гайдамакъ рубашекъ не было, съ обывателей снимали, да у жида-жъ шесть копѣекъ денегъ, да мыла мешокъ взяли. И по грабительствѣ того, какъ изъ села съ версту отошли, то показанній атаманъ Швидкій, оставя при харчевихъ возахъ сорокъ человѣкъ (а кто именно, за ночною порою знать не можетъ), самъ съ нимъ, Котляремъ, въ сороку человѣкахъ гайдамаками (исъ коихъ онъ знаетъ Сѣчи Запорожской козаковъ бруховецкаго Савку Кравця, да Яцка Кравця-жъ, криловскаго Ивана Бойка, пашковскаго Андрѣя Гараджу, платнеревскаго прозваніемъ Чабака, незамаевскаго Карпа Кирпу, поповичевскаго Безкровнаго, переяславскаго Полового, а протчихъ гайдамакъ какъ ихъ по имени и прозванію, не знаетъ)

для взятія въ состоящемъ въпереди хуторѣ воловъ на харчь пошелъ, и раздѣлясь на двѣ партіи, по двадцяти человѣкъ, однимъ велелъ онъ атаманъ до броду рѣчки Синюхи следувать, а самъ съ нимъ Котляремъ въ девятнадцяти человѣкахъ гайдамакъ въ показанной хуторъ пошелъ. И только что въ тотъ хуторъ передъ свѣтомъ пришли и четири воли да кобылу съ возомъ взяли, то услишили стрелбу, и онъ атаманъ съ одинадцятью человѣки гайдамаки къ той стрелбѣ побѣжалъ, а девять человѣкъ при харчевихъ возахъ оставилъ. И какъ только изъ оной рѣчки Синюхи къ броду приближились, тогда усмотрели, что на ихъ товарищей гайдамакъ, посланнихъ къ речки Синюхѣ, стоящія на дороги купци палять; то и онъ атаманъ съ нимъ Котляремъ и одинадцятью человѣки гайдамаки, къ своимъ товарищамъ гайдамакамъ поспеша, совокупилися и обще на тѣхъ купцовъ съ ружей стали палить, напротивъ чего и оние купци на нихъ палили. И при томъ какъ изъ нихъ гайдамакъ тѣ купци Яцка, а прозваніемъ не знаетъ, поранили, тогда они гайдамаки на нихъ залпомъ випалили и, разъярясь, всѣ вдругъ бросились на списахъ на нихъ и начали въ томъ обозе грековъ купцовъ и ихъ фурманщиковъ немилостиво колоть, и съ коихъ и онъ Котляръ двухъ человѣкъ заколол, а протчіихъ, какъ онъ видѣлъ, кололи атаманъ Швидкій, гайдамаки: незамаевскаго куреня Карпо Кирпа, пашковскаго Андрѣй Гараджа, криловскаго Іванъ Бойко, бруховецкаго Яцко Кравець, Савка Кравець, да поповичевого прозваніемъ Безкровній, а имя не знаетъ, батуринского Остроухъ, платнеревского Чабанъ, а хто именно и сколко кто, тожъ и другіе, кромѣ вишшеписаннихъ, хто онихъ купцовъ кололи, какъ-то оны, по своей злодѣйской злой ярости, всѣ кололи, не знаетъ. И какъ всѣхъ кололи, тогда тотъ часъ гайдамакъ куреня бруховецкаго Яцко Кравець, вскоча на бричку, а на возъ, на коемъ была будка, атаманъ гайдамацкій Швидкій, и розрѣзавъ онія,— одну бричку и возъ, товари и пожитки на землю бросали и изъ будки-жъ всѣ товари и пожитки, а изъ одной брички меншую половину товаровъ толко что на землю вибросили, тогда и оставленніи ихъ товарищи гайдамаки, сорокъ человѣкъ, при харчевихъ возахъ и къ

нимъ при самомъ светѣ приехали. И въ то время оніе товари и пожитки всѣ гайдамаки на оніе вози какъ стали класть, то онъ Котляръ видѣлъ, что были лисіи три меха, горностаевіе, тхоревіе, бѣліе и чорніе сѣбѣрковіе мехи-жъ, и лисьи горла, а сколко чего, онъ за темъ, что одинъ передъ другимъ всякъ хватая, бросали на вози, тожъ и денегъ, серебранной и золотой монети, сколко взято, не знаетъ. И при той поклажѣ товаровъ какъ увидѣли, что полскіе, уманскіе и савранскіе козаки за ними гайдамаками погоню чинять и къ нимъ приближаются, тогда они гайдамаки, спѣша, чтобъ одъ той погонѣ уйти, одъ техъ возовъ съ пограбленними десятми лошадми съ возами во уходъ пошли. И одъ техъ возовъ съ версту отошли, или нетъ, то какъ та козацкая погоня къ нимъ приближася, даже до состоящей за рекою Бугомъ Опиской Стейки, стреляя на нихъ, гналися, а они гайдамаки противу пустя вози свои впередъ, въ отпоръ палбу чинили, точію какъ изъ ихъ гайдамакъ, такъ и изъ уманскихъ козаковъ ни одного человѣка не убили и не поранили, а толко при той Опиской Стейки исъ пограбленнихъ ими гайдамаками десяти лошадей восѣмъ уманскіе и савранскіе козаки одъбили и одътоля съ оними возвратилися, а они гайдамаки пошли полскимъ савранскимъ трактомъ и пришедъ до вершини реки Кодими, тамо оные пограбленніе въ показаннихъ купцовъ товари изъбросали съ возовъ въ одно место, такожъ и денги атаманъ, червонцовъ до пяти, россійской рублевой турецкой и полской монетъ, на килимъ висыпалъ, а всего было по рощоту атаманскому сто рублевъ, да после того гайдамаки куреня крыловского Іванъ Бойко, незамаевского Карпо Кирпа две бумажки, какъ-бы червонци, принесли, то онъ атаманъ взялъ оніе и обявилъ якобы «личмани» *) и онихъ въ поделъ не представилъ, а протчіе всѣ вещи и сто рублевъ денегъ раздѣлилъ онъ, атаманъ, всѣмъ. По которому роздѣлу досталося ему Котляру рубль и пять копѣекъ, и мѣхъ сѣбѣрковій одинъ, тхоровій одинъ, горносталивого половина, кошечій черной одинъ, куница видѣланная одна, смушекъ болгарскій одинъ, лисѣхъ

*) Мѣдные для игры въ карты жетоны.

горлъ десять, бѣлокъ недѣланнихъ пять, горносталя одинъ, тхоровъ два, а кому съ товаровъ въ подѣлъ недостало, то вмѣсто того исъ пограбленного въ техъ купцовъ платья, тожъ три ружья, пару пистолетовъ и протчіе въ подѣлъ давали, а сколько кому чего досталось какихъ вещей, не знаетъ. А часи золотіе карманніе, лисѣй мѣхъ и саміе лучшіе и съ товаровъ вещи, и двѣ пари пистолетъ атаманъ Швидкій оставилъ безъ роздѣлу для подарунку обрѣтающемуся Сѣчи Запорожской въ Гарду полковнику зъ старшиною, какъ-то у нихъ гайдамакъ всегда бываетъ, что по возвратѣ изъ грабительства оную гардовую старшину дарують, и для того въ Гардъ какъ зъ гайдамачества пріидутъ, то дають они гайдамаки исъ пограбленнихъ пожитковъ старшинѣ, и потому ихъ гайдамакъ какъ полковникъ, такъ и старшина, хотя они гайдамаки, приходя въ Гардъ, въ базаре пиянствують и харчъ покупають, подъ караулъ не берутъ, да еще естли когда изъ Сѣчи Запорожской для поиску ихъ гайдамакъ обездка бываетъ, то ихъ старшина скриваетъ.

По роздѣлѣ-жъ онихъ пожитковъ они гайдамаки, переночовавъ, пошли въ Мигейскій островъ, где самое ихъ гайдамацкое укривателное мѣсто состоитъ. И по приходѣ въ оной островъ на другой день оной атаманъ изъ гайдамакъ двухъ человѣкъ, одного Карпа, а другого какъ звать и прозваніемъ, не знаетъ, послалъ въ Гардъ за полковникомъ и за асауломъ гардовими, съ объявленіемъ, что де они гайдамаки прибыли зъ гайдамачества съ пограбленными изъ Полщи вещми и дабы для взяття оставленнихъ имъ подарковъ пріежжали къ нимъ, гайдамакамъ, въ оній островъ, а его Котляра оній-же гайдамацкій атаманъ для покупки и привозу имъ, гайдамакамъ, за шестьдесятъ копѣекъ хлѣбного вина, на бродъ рѣки Синюхи послалъ. И онъ Котляръ, выкопавъ въ томъ островѣ закопанніе имъ деньги восѣмъ рублей, кои онъ, напередъ того продавъ двѣ лошадѣ, получилъ и взявъ въ томъ островѣ у рыбалокъ возъ, туда и поехалъ, а по пріездѣ въ карантинномъ домѣ, у маркитанта, а какъ зовутъ, не знаетъ, оного вина за восемъ рублевъ и шестьдесятъ копѣекъ купя и тѣмъ гайдамакамъ чрезъ два дни въ оной островъ привезъ. И по приездѣ его Котляра въ оной

островъ на другой день изъ Гарду асаулъ гордовій, куреня величковскаго, Игнатъ Мандро, къ тѣмъ гайдамакамъ въ полдни приехалъ, гдѣ переночевавъ они гайдамаки изъ оставленнихъ гайдамацкихъ вещей для подарку полковнику гардовому и оному асаулу зъ старшиною дали: часи золотіе карманніе, лисей мѣхъ, цепочку медную съ футляромъ, въ коемъ зеркало, табакирка и пороховая натруска, а еще что атаманъ гардовому асаулу давалъ, онъ не знаетъ, да гайдамаки каждій отъ себе ему-жъ асаулу давали смушки булгарскіе, куници и другіе вещи (а что именно кто давалъ, не знаетъ), а онъ Котляръ далъ ему асаулу смушекъ булгарскій. Какъ-же продалъ оной Котляръ тѣмъ гайдамакамъ купленное вино рублей за пятнадцать или болѣе (а подлѣнно за сколко, не знаетъ): ружье за чотири рубли, рогъ пороховой за восѣмъдесятъ копѣекъ, шапку за едного рубля, списъ за пятьдесятъ копѣекъ, шаравары за два рубли и сорокъ копѣекъ, то на тѣ всѣ деньги у оннхъ товарищей своихъ покупилъ мехи тхоровіе, сѣбѣрковіе, лисѣи горлы, горносталъ и тхори недѣланніе (а сколко чего и у кого именно купилъ, не знаетъ) да вѣвчуру [1]) волчую у запорожского козака, куреня переясловского, прозваніемъ Полового, за шесть рублей. Которое поклавъ въ боченокъ, у оного забивъ дна, а другія положивъ въ сакви волосеніе и одинъ мешокъ, и нанявъ будущого тамо для рибной ловлѣ рибалку (а отъкуда онъ тотъ рибалка, не знаетъ; заведомо, что онъ для одъвозу), до карантинного дому поехалъ. И прибывъ въ оной, явился въ состоящего тамо оберъ-афицера, у коего и данной ему, Котляру, изъ магистрата пашпортъ находился, и оному объявилъ, что уже онъ, Котляръ, съ рибной ловлѣ едетъ въ домъ свой, въ крѣпость святія Елисавети. Тогда ему, Котляру, оной оберъ-афицеръ сказалъ, что однако де карантиннаго дому лекарь едетъ въ крепость-же святія Елисаветп, а съ нимъ и козацкой порожной возъ будетъ, то де и его Котляра свезетъ, почему онъ тѣмъ козакамъ какъ боченокъ, такъ сакви и мешокъ съ тѣми вещми въ вечеру на возъ положилъ, которыхъ вещей какъ оберъ-афицеръ, такъ и

---

[1]) Тулупъ, мѣхомъ вверхъ; вѣвчура волчая—шуба волчья.

нихто не видалъ, а козаки хотя съ нимъ Котляремъ на возъ тотъ бочонокъ, сакви и мешокъ съ вещами и клали, но что въ онихъ есть, не спрашивали и онъ имъ не сказивалъ. Съ которымъ лекаромъ на томъ казацкомъ возу онъ Котляръ даже до крепости святія Елисавети ехали, и какъ передъ заходомъ сонца къ крепости пріехали, то лекарь въ передѣ ихъ поехалъ на квартиру, а онъ Котляръ умишленно, чтобъ его нихто не видалъ и подъ караулъ не взялъ, а только-бъ въ ночи сходя къ бургомистру Звенигородскому явиться, сказалъ тому козаку, чтобъ вдаль стать слободы и лошади попасть, гдѣ и пасли даже до ночи. А какъ смеркло, то они, запрягъ въ возъ лошади, поехали. И прибывъ въ домъ, бочонокъ и сакви и мешокъ зложа; тому козаку за пять копѣекъ хлѣбнаго вина какъ далъ и оной выпилъ, тогда тотъ козакъ отъ него и поехалъ (а какъ его зовутъ и прозиваютъ и которого полку, не знаетъ), а онъ Котляръ, поужинавъ и выпивъ за пять-же копѣекъ вина, мало еще обождавъ, чтобъ попозние было, вынявъ изъ саковъ исъ техъ гайдамацкихъ вещей сѣбѣрковій мѣхъ и куницу едну, къ магистратскому бургомистру Звенигородскому въ домъ его пойшолъ, и оное принесши, ему Звенигородскому въ руки отъдалъ. Которой бургомистръ его, где оное взялъ, спрашивалъ, и онъ ему бургомистру объявилъ, что де купилъ въ Мигейскомъ островѣ, почему оной бургомистръ, принявъ отъ него Котляра тѣ вещи и взявъ его, Котляра, и асаулця Якима Лозовенка съ собою, пошедъ въ домъ, и какъ только съ нимъ онъ бургомистръ пришелъ въ домъ, то онъ Котляръ, какъ былъ пянъ, легъ въ сѣняхъ спать, а онъ бургомистръ зъ асаулцемъ пошелъ къ женѣ его Котляревой и тѣ въ боченкѣ и саквахъ всѣ вещи при женѣ его Котляра осмотря, взялъ вѣвчуру волчую (а еще что исъ товаровъ бралъ, не знаетъ), и оставля его Котляра въ домѣ исъ тѣми пожитками, пошелъ въ свой домъ, а поутру, еще до пробитія утренной зорѣ, онъ Котляръ, проспавшися, всталъ и пошелъ въ избу. Тогда жена его Котляра сказала, что бургомистръ де Звенигородской приказалъ, когда онъ Котляръ проснится, тобъ де пришелъ къ нему Звенигородскому, почему онъ Котляръ тотъ часъ къ нему Звенигородскому въ домъ и пошелъ.

И какъ только въ избу вошелъ, то оной Звенигородской ему Котляру обявилъ, чтобъ ишелъ къ брегадирному канцеляристу Данилѣ Івановичу, и потому онъ Котляръ, пошедъ въ домъ и взявъ изъ тѣхъ гайдамацкихъ вещей сѣбѣрковой мѣхъ, чтобъ нихто не видалъ, подъ полу, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ оному канцеляристу Иванову подарить, пошелъ, и толко что въ дворъ оного канцеляриста вошелъ, какъ за нимъ и оной бургомистръ въ слѣдъ на дворъ вошедши, ему Котляру сказалъ, чтобъ онъ въ его канцеляриста Иванова людскую избу ишелъ, а онъ де бургомистръ объ немъ Котлярѣ обявитъ, и бывъ у оного, объ немъ Котлярѣ Звенигородскій что говорилъ-ли, не знаетъ. А какъ одъ него канцеляриста онъ бургомистръ вишедъ, то сказалъ ему Котляру, чтобъ ишелъ съ нимъ въ домъ, почему онъ съ нимъ бургомистромъ и со взятіемъ для подарунку оному канцеляристу сѣбѣрковымъ мѣхомъ пошли. И по приходѣ въ здешнюю слободу бургомистръ Звенигородскій въ свой, а онъ Котляръ въ свой-же дворъ пошелъ, и какъ только въ избу онъ Котляръ войшелъ; то вслѣдъ за нимъ магистратской асаулецъ Лозовенко пришедъ, взялъ его Котляра безъ тѣхъ гайдамацкихъ вещей и привелъ къ крепости святія Елисавети въ магистратъ, гдѣ и оддано подъ караулъ, а посля того погодя мало и оніе гайдамацкіе вещи какъ принесении, то его Котляра, забивъ въ колодки, исъ того магистрата въ канцелярію его високородія господина брегадира и крѣпости святія Елисавети коменданта, Алексѣя Ивановича Глебова отосланъ, а одътоль сюда присланъ. Кромѣ-же вишеписаннаго на воровствахъ и грабительствахъ не бивалъ, пожегъ и смертноубійства не чинилъ и о всемъ показалъ праведно, въ чемъ и подписуюся своеручно».

«Подлинній черный допросъ по листамъ скрѣпилъ и съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ заднепрского слободского новопоселяемого за чертою Новой Сербіи козачего полку.

«Полковій писарь *Василій Семеновъ*».

№ 11.

Границы части Запорожскихъ владѣній.

1764.

»Опись войска Запорожскаго Самарскимъ землямъ, по кои мѣста отъ рѣчки Орели, Водолаги, Слободскихъ полковъ, Бахмутскаго и Донскаго войска, Запорожскому владѣнію, прежде и нынѣ принадлежатъ, учинена 1764 года Сентября мѣсяца, войсковымъ старшиною асауломъ, Андреемъ Порохнею, и др.

»Отъ устья рѣчки Орели, Лысой-Горки по Коммисарову, Шуляковскаго могилу, которая потому называется Шуляковскою, что на оной коммисара Шуляковскаго Запорожскими козаками, въ то время когда Ляховъ Запорожцы зъ Самары гнали, убыто. Нынѣжь сія могила называется Олейниковою. Отъ той могилы по могилу Цегловату (т. е. Кирпичную), которая разроблена давними временами. Отъ той могилы Цегловатой, по три могилы, да по Ряжскіяжь могилки. Отъ Ряжскихъ могилокъ по Громовую могилу, а нынѣ прозываемую Майданецъ (лукъ), которая по той причинѣ Громовою называется, что козака на оной громъ убилъ съ конемъ. Отъ той же могилки до могилокъ Трибраты-могилки прозываемыхъ, которые потому называются Три-браты-могилки, что при оныхъ, давними временами, три брата отъ нападенія татарскаго отбивались, съ коихъ одного убито, а двоихъ живцемъ взято; а тамъ между Майданцемъ могилою и Радовыми могилами, на балцѣ Прядивцѣ, колодезь сдѣланъ давнихъ временъ Татарами, а нынѣ вновь подчиненный Царицанскимъ человѣкомъ. Отъ тѣхъ же Радовыхъ могилокъ до Скотоватой, а отъ Скотоватой до Аслановой могилы, которая по той причинѣ называется Аслановою, что на оной козака Стеблевскаго куреня Аслана, давнихъ временъ Татарами убито; отъ Аслановой могилы до Окатыхъ могилокъ, которые потому называются Окатыми, что между ими козакъ женучись за звѣремъ, какъ впалъ конь, то ему и коневи по одному оку выдралось. Отъ Окатыхъ могилокъ до Довгой могилы, отъ Довгой до Деевой, отъ Деевой до Лебежихъ могилъ разробленныхъ; отъ Лебежихъ могилъ до рѣчки Бузевки, на вершины

могилъ роскопанныхъ Бузевскихъ. Отъ Бузевскихъ могилъ Лычковскаго лиману, который по сей сторонѣ Орели, а оттоль границею рѣчки Орели до устья Богатой, которая впадаетъ отъ Самари въ Орель, а отъ устья Богатой до броду Кондрата Сухого куренного Щербиновскаго, а нынѣ той бродъ прозывается Сташинъ. Отъ сташиного броду до устья Орели и тамо хутора, сѣно, косы и скотъ на сей сторонѣ Орели, въ войсковыхъ дачахъ нынѣ находятся, а чіи именно хутора прописуются: Водолажскихъ жителей прозваніемъ Заводы, да Федора Яковенка. Вышежъ тѣхъ, по сей сторонѣ Орели въ гору Степана Колодежнаго. За симижъ хуторами два хутора въ кутѣ (въ углу) Семена Кузьменка, до Кондрата Боченка; вышежъ сихъ два хутора Степана Червоненка, да отца Якова священника Водолажскаго, и тако даже до Гонѣбнымъ байраковъ, Орелью, сею стороною, чрезъ степъ до Хрещоватой могилы; отъ Хрещоватой могилы до Дунаевскаго байраку въ урочищѣ Берцѣ, въ которомъ урочищѣ въ байраку, сидѣвъ зимовникомъ козакъ куреня Леушкивскаго Сидоръ Дунай, давними временами и тамо его набѣгши орда порубила, и потому называется Дунаевъ байракъ. По вершинахъ и кряжахъ, просто суперникомъ до Отпалихи и Торца, которая Отпалиха Запорожскихъ а Торецъ Узюмскихъ[1]) дачь. Оттоль же по вершинахъ Зеленой, которая Зеленая Запорожскихъ, а Локновaха Узюмскихъ дачь; отъ Локновахи и Зеленой суперникомъ на вершинахъ Самарскихъ, подъ который суперникъ поподтягали вершинами и изъ Торской дачи Бычокъ и Маячьи балки съ байраками. Отъ Бычка и Маячки и Самарскихъ вершинъ, до вершинъ Быка суперникомъ, который Быкъ Запорожскихъ дачей; подъ той же суперникъ подтягли вершинами Добрѣвки изъ Торскихъ дачей; между Быкомъ и Добрѣвками могила разроблена. Отъ тѣхъ же урочищь, на вершинѣ Гришиной балки могила разроблена и тамо козакъ куреня Динскаго (Донскаго) Гриша, давними времени, Татарами пострѣлянъ, потому и балка называется Гришиной. Отъ тѣхъ же врочищь, просто суперникомъ, изъ Запорожскихъ дачь балка прозываемая Торъ-Каменный. Той же Торъ подтягъ подъ Вовчу, которая

[1]) Узюмскія, т. е. Изюмскія дачи Слободскихъ полковъ.

Вовча Запорожскихъ дачь, а Торъ Торской дачи. Вовча подтягла вершинами подъ Калміускіе вершины; подъ тіежъ вершины Калміускіе притягъ Торъ-Кривой Бахмутскаго владѣнія. Тою стороною Калміуса, войска Донскаго дачи, а сею стороною Калміуса Запорожскія войсковыя дачи, до самаго моря Азовскаго. а тамъ между границами тромя: Донскою Запорожскою и Бахмутскою, укопанъ пень обгорѣлый, войсками: Донскимъ и Запорожскимъ, надъ Калміусомъ рѣчкою, для знатя всякому своей границы.»

№ 12.

Наказъ выборнымъ войска Запорожскаго въ коммисіо «Проекта Новаго Уложенія.»

1767.

«Войско Запорожское Низовое, приступая со всеподданнѣйшимъ послушаніемъ ко исполненію Высочайшаго отъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни нашей повелѣнія, избралисмы по общему согласию васъ депутатами къ проэкту Новаго Уложенія, имѣя несумненную надежду, что вы какъ усердные сыны отечества, потщитесь снайвящею ревностью употреблять трудъ свой, во всемъ томъ, что къ лутшей пользѣ и благоденствію войска Запорожскаго служить можеть; и каковы нужды и недостатки, по нашему общему разсужденію, нами дознаны, объ оныхъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества сматерняго благоутробія дозволеныхъ, и поднесенію подвысочайшее разсмотрѣние, изъясняя по нижеслѣдующему полагаеміе на васъ съ тѣмъ: что вы повсему тому, къ достиженію высокоматерняго Е. И. В. благопризрѣнія и опредѣления, учинитесь ревностними попечители и ходатаями: для чего и всеподданнѣйшое наше прошеніе, къ поднесенію Е. И. В. Нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, при семъ вамъ вручаемъ о вdespite нижеслѣдующемъ:

1-е.

«Прежде всего, всеподданнѣйшее Ея Императорскаго Величества войско Запорожское Низовое, проситъ: подтвердить

права, прежние обыкновения, привилегіи, волности ipреимущества, данние отъ королей Польскихъ, и великихъ князей Литовскихъ, утвержденные отъ предковъ Е. И. В., въ Бозѣ почивающихъ Пресвѣтлѣйшихъ Всероссійскихъ Государей, а особливо Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, Самодержца Всероссійскаго, во время подданства Гетмана Богдана Хмельницкаго, войску Запорожскому и Малороссійскому народу, шляхетству и духовному чину; — чтобъ оние ввѣчние времена содержанни исохраняеми были безвсякого нарушения, и въ такомъ точно разумѣніи и силѣ, какъ оние написани и заключени; чтобъ какъ всемъ генерально, такъ и каждий партикулярно своими правами обыкновеніями, волностями, и преимуществами ползоватся, оные вовсѣхъ случаяхъ употреблять, итѣмъ себѣ охранять могли; идля того Всемилостивѣйше о правахъ, волностяхъ ипреимуществахъ указать прежние привилегіи и статьи Гетмана Богдана Хмельницкаго, накоторихъ онъ, войско Запорожское и снародомъ Малороссійскимъ приступили поддержаву Всероссійскую, внесть и напечатать особо въ генеральное уложеніе, ко известию и непременному содержанию навѣчное время, и отомъ публиковать и въ войско Запорожское пожаловать Всемилостивѣйшую Ея Императорскаго Величества мылость, войско Запорожское тѣмъ болѣе получить уповаетъ, чемъ Всемилостивѣше і обнадежени пожалованиемъ въ 1763 году, войску Запорожскому Низовому, войсковихъ клейнотъ.

2-е.

Войско Запорожское, забытности еще подъ державою Полскою, завѣрние и отличние сему отечеству службы, было пожаловано отъ королей Полскихъ городомъ Терехтемировомъ съ монастиремъ и перевозомъ, и землями и угодиями: отъ Терехтемирова на низъ по надъ Днепромъ рекою, до самаго Чигрина и Запорожскихъ старинныхъ степовъ, къ землямъ Чигринскимъ подошлихъ, и совсѣми на тѣхъ земляхъ насаженными мѣстечками, селами и хуторами, и рыбними потому берегу въ Днепру ловлями, и иными угодіями, а вширь отъ Днепра на степь якъ техъ мѣстечокъ, селъ и хуторовъ земли издавна находились, да

городъ старинiй Запорожскiй Самаръ съ перевозомъ, и съ землями въ гору Днепра по речку Орель, а внизъ до самихъ степовъ Ногайскихъ и Кримскихъ, а чрезъ Днепръ и лиманы Днепровий и Буговий, якъ изъвѣковъ бывало, по Очаковскiе улуси, и вгору рѣки Богу по рѣчку Синюху, отъ Самарскихъ же земель, чрезъ степь до самой рѣки Дону, где еще за гетмана козацкого Прецлава Лацькорунского козаки Запорожскiе свои зимовники мѣвали. Которие мѣстэчка, села и земли, извесному испокойному войско Запорожскаго владѣнiю, отъ найяснѣшаго короля Польскаго Стефана Баторiя грамотою утверждено, что и Богданъ Хмелницкiй гетманъ войска Запорожскаго и народа Малороссiйскаго, по прошенiю войска Запорожскаго, универсаломъ данымъ отсебе потвердилъ, чемъ тогда, такожъ поотходѣ отъ короны Полской и находясь съ единою властiю гетмана Богдана Хмелницкаго, а потомъ пришедши добровольно подъ державу Всероссiйскаго престола, не только тѣми пожалованними всѣми землями, мѣстечками и селами, но и доставшими отъ Полской корони козацкими землями, войско Запорожское владѣли и користовались. Изъ онихъ пожалованнихъ и доставшихъ отъ Полской корони земель, при разграниченiи въ 1686 году Россiею съ Поляками, земли зъ мѣстечками, селами и хуторами по реку Тясьминъ впадающую въ Днепръ, подъ Полское владѣнiе, а потомъ при положенiи границъ между Россiйскою и Турецкою имперiями въ Турецкую сторону земли и зъ протчими угодьями знатную часть отданно въ 1746 году Донскому войску, Азовскаго моря приморскихъ береговъ и степу, болѣе трохъ сотъ верстъ безъ малѣйшей войска Запорожскаго винности взято а козаковъ Запорожскихъ изъ тамошнихъ рыбнихъ ловлей изъ земель, зъ сильнымъ козачимъ убиткомъ зогнато. Такожъ подъ Новую Сербiю и Слободское при крепости святыя Елисавети поселенiе, въ ширину и въ довжъ немало земли, съ лѣсами и рибними ловлями занято, козаковъже зимовниками тамо сидящихъ согнато. Да сверхъ того подъ Екатеринискую правинцiю: река Самарь съ протчими угодiями и землями, уже послѣдними, отписуется указами Ея Императорскаго Величества; —очемъ хотя по всеподданнѣйшему войска Запорожскаго Низового, съ паномъ Кошовимъ Атаманомъ Калнишевскимъ и съ

нимъ старшинамы, Е. И. В. взнесенному прошенію онъ панъ Кошовій и зъ старшинами, словесно неприбытія ввойско, отъ Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества двора, войску обявилъ: что опредѣленние отъ Е. И. В. для разсмотрѣнія съ нимъ отправленнихъ отъ войска прозбъ, господа генералы: Никита Ивановичъ Панинъ, графъ Захарь Григориевичъ Чернышевъ и князь Александръ Алексѣевичъ Въяземской, 1765 году Августа 26 дня, призасѣдании въ коммисии имъ, по всеподданнѣйшимъ войско Запорожского прозбамъ обявили: Яко Ея Императорское Величество, по усмотрѣнію изъ ланкартовъ, что крепость святия Елисавети устроена и Новосербія да слободы поселены на Запорожской землѣ, милосердствуя матерски надъ войскомъ Запорожскимъ, оние земли по прежнему и Самарь реку оставитъ во владѣние, насъ войска Запорожскаго Всемилостивѣйше соизволили, о чемъ и Всевысочайшею Е. И. В. грамотою, чрезъ него пана Кошового присланною Всевысочайшею Е. И. В. милостию обнадежено и увѣренно: уповать войску Запорожскому на матернюю Ея Императорскаго Величества щедроту и втомъ благонадежными быть. Но и по сю пору къ спокойному войску Запорожскому тѣми землями владѣнію, крепости святия Елисавети и къ ней принадлежащихъ ретренжаментовъ и редутъ, такожъ командъ тамо находячихся Новосербского (что нынѣ пикинерное) поселенія, и слободъ несведено, и отъ тамо находичихся командировъ, впродоволствии тамо лѣсами и протчимъ, Запорожскаго войска козакамъ чинится препятствіе, а понеже вовремя прихода гетмана Богдана Хмелницкаго, войска Запорожскаго зъ народомъ Малороссійскимъ, подъ державу Всероссійскаго престола, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяты Государь Царь и Великой Князь Алексѣй Михайловичь, и зъ своими бояры вдоговорнихъ пунктахъ Всемилостивѣйше указать соизволилъ: имѣній козацкихъ чтобъ нихто неотнималъ, которие земли имѣютъ и всѣ пожитки и стѣхъ земель, чтобъ притехъ имѣнияхъ вольоо владѣли и всѣ войско Запорожскаго волности, которые оно отъ короны Полской имѣло, на всѣ ему наданные земли къ свободному оными навѣкъ владѣнію и користованию. рибними и

звѣрними ловлями, насеками и всякими пожитками, ненарушимими быть на всегда посвященни. Что взаключенномъ между Россиею и Польшею мирномъ договорѣ и въ грамотахъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государей, Царей и Великихъ Князей Иоана Алексѣвича, Петра Алексѣевича и Государыни и Великия Княжни Софии Алексѣевны, да блаженния и вѣчной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елисавети Петровны, вселюбезнѣйшей Е. И. В. тетки, грамотахъ, Всемилостивѣйше утвержденожъ. Чтожъ войско Запорожское въ ономъ отходѣ земель и протчего, имѣетъ крайнѣйшую обиду, утѣснение и разорение, для того всеподданѣше Ея Императорскаго Величества войско Запорожское просить дерзаетъ, вышеписанные, съ подъ владѣния войска Запорожского отшедшия земля, въ прежнее войско Запорожского Низового, при прежнихъ войска Запорожскаго Низоваго войсковихъ правахъ и волностяхъ, владѣние, оставить и утвердить, и отомъ, куда слѣдуетъ, повелѣть пожаловать Высочайшіе Е. И. В. указы, а въ войско Запорожское грамоту, въ безпрепятственномъ владѣніи войску Запорожскому Низовому навсегда оными.

3-е.

По взнесенному отъ войска Запорожского всеподданѣйшому прошенію, что при рѣкѣ Самарѣ состроенъ городъ и чрезъ то войску Запорожскому въ рыбныхъ ловляхъ і насекахъ, такъ же въ звериныхъ добичахъ, чинится утѣсненіе, Всемилостивѣйше отъ Ихъ Царскихъ Величествъ, Великихъ Государей и Великихъ князей: Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и Великия Государыни Царевны и Великия княжны Софіи Алексѣевны чрезъ присланную Всевысочайшую грамоту, войско Запорожское обнадежено: что отомъ городѣ по окончаніи съ Кримскими Татарами тогда бывшей войны, милостивый Ихъ Царскихъ Величествъ указъ, присланъ будетъ. Да 1742 году, тожъ по всеподданѣшому прошенію войска Запорожскаго, что отъ состоящихъ по Запорожскимъ землямъ въ ретреншаментахъ Великороссійскихъ командъ, чинится Запорожскимъ козакамъ великое разо реніе и обиды, вбозъ почивающей блаженния и вѣчния славы;

достойныя памяти, Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Вселюбезнѣйшей Ея Императорскаго Величества тетки, въ Всевысочайшей и Всемилостивѣйшей грамотѣ, къ намъ войску Запорожскому присланной указано: чтобъ Запорожскимъ козакамъ никакихъ обидъ и озлобленій, отъ солдатъ чиненно не было, а какіе Великороссійскіе караулы на Запорожскихъ земляхъ учреждены, естли въ нихъ по нынѣшнему времени нужда? о томъ Кіевскому генералъ-губернатору прислать вѣдомость въ Сенатъ для разсмотрѣнія почему съ нѣкоторыхъ редутъ и ретренжаментовъ команды хотя сведены, однако еще остались въ ретрежаментахъ четырехъ, а именно: въ Новосѣченскомъ, Камянскомъ, Старосамарскомъ и Биркутскомъ; да редутахъ троихъ: Никитинскомъ, Соколскомъ и Кодацкомъ. Сверхъ же того въ построенной крѣпости святыя Елисавети и редутахъ, также ретренжаментахъ къ оной принадлежащихъ, съ оныхъ командъ, отъ нѣкоторыхъ разнообразные обиды и разорения, а въ протчиихъ и смертноубійства причиняются; отъ сего войско крайне разорнетця, и узнаетъ немалую обиду; и всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества просить отваживается, въ означенниихъ въ крепости святыя Елисаветы, такожъ вышеписанныхъ ретренжаментахъ и редутахъ состоящие команды, съ принадлежащихъ войска Запорожскою владѣнію земель, свесть.

4-е.

По приходе войска Запорожского зъ гетманомъ Богданомъ Хмелницкимъ, подъ высокославную державу Всероссійскаго престола, отдавна за царей Россійскихъ и за дражайшаго дѣда Ея Императорскаго Величества, Императора Петра Великого, войско Запорожское у Москвѣ изъ посольскаго приказа свои дѣла имѣло и жалованье получало. Такожъ изъ подъ державы Турецкой, въ 1734 году пришедши, найдовалось вѣдомо въ государственной Ея Императорскаго Величества коллегии иностранниихъ делъ; какъ же въ малой Росии, гетманомъ его сіятельства графа Кирила Григориевича Разумовского произведено то и Запорожское войско въ вѣдомо ему препоручено; нынѣжъ, что онъ господинъ гетманъ Разумовскій, отъ гетманскаго чина

уволился; войско Запорожское попрежнему желаеть быть подъ вѣдѣніемъ Государственной Ея Императорскаго Величества коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и всеподданѣше Е. И. В. дерзаеть просить, Всемилостивѣше повелить: войску Запорожскому по жительству при границахъ Татарскихъ, Турецкихъ, Польскихъ и по состоянію зъ народовъ пограничныхъ, по прежнему быть подъ вѣдомомъ Ея Император. Величества коллегии иностранныхъ делъ; ибо войску Запорожскому быть подъ вѣдомомъ Малоросійской коллегіи по частымъ тамо перемѣнамъ, и что никогда подъ командою того правительства не были несходственно. А когда зъ гетманомъ Богданомъ Хмелницкимъ, съ обраннымъ въ тое его достоинство войскомъ Запорожскимъ, свободя народъ Малоросійской съ подъ Полской державы, пришли подъ державу Всероссійского престола, не толко съ нимъ гетманомъ и по немъ будучими, имѣли дружелюбную, подъ случай защищенія отъ набеговъ Татарскихъ на Украину, переписку; о другомъ-же ни очемъ и дѣла не было, — нынѣжь уже до того дошло, что тое Малоросійское правительство, ордеруетъ и придлагаетъ въ войско, ибы подчиненную себѣ команду, вчемъ войско узная себѣ не малую обиду, подъ онымъ правителствомъ быть не желаетъ.

5-е.

Ізстари войско Запорожское какъ съ Кримскою солью, такъ и за разными собственнаго продукта товары, торги свои въ Малую Росію, и въ Полскую область имѣло свободно, безъ всякого пошлинного платежа, а изъ того получая себѣ подобную користь исправлялось найлутче, яко-то: лошадми, ружьемъ, одѣяніемъ, обувомъ и протчими припасы, надобными къ службѣ Е. И. В. А какъ не давними лѣты, по Днепру и по линіи отъ Малой Россіи учреждены пограничныя таможни и заставы и на оныхъ пошлинные зборы, то войско Запорожское. видя свою въ томъ крайнѣйшую обиду, объ отрѣмененіи той пошлины съ провозимыхъ Запорожскими козаками въ Малую Россію соли, рыбы и всякой рухляди, также и съ вывозимыхъ оттоль сюда, къ тутешнему употребленію и промыслу разныхъ

товаровъ, къ блаженной достофальной памяты въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы, Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійской, взносило всеподаннѣйшую прозбу, по которой Всемилостивѣйше, впрошломъ 1760 годѣ опредѣленно: всякимъ съ ѣстнимъ, питейнимъ, для здѣшняго пропитанія припасовъ и ко обуву, одѣянію и для собственного Запорожскихъ козаковъ, тутешнего промыслу товару, изъ Малоросіи сюда, а зъ Сѣчи Запорожской туда рыбы и всякой мягкой рухляди, провозъ и прогонъ лошадей, рогатого скота и всего, что есть здешнего собственного продукта и промыслу, имѣть войску Запорожскому безпошлинъ; а зъ соли Крымской и протчихъ заграничныхъ товаровъ, положенную по тарифу пошлину платить до указу; которую войско Запорожское до нынѣ и платитъ; да сверхъ того въ Новороссійской губерніи, во всей Елисаветградской провинціи, Запорожскими козаками на ярманкахъ товаровъ, и кромѣ оныхъ лошадей и рогатой скотины, и съ провозимого съ Польщи въ Запорожскую Сѣчь горячого вина немалая пошлина, недавно взыскиватця начала, чего прежде никогда небывало. Отчего Запорожскимъ козакамъ, лишеніе своихъ промысловъ и крайнѣйшая обида происходитъ, ибо на своихъ земляхъ, гдѣ изстари войско Запорожское въ торгахъ и во всякихъ промыслахъ, свободно, безъ всякихъ платежей користи имѣть обыкло, по жалованнымъ отъ многихъ Государей, Королей и предковъ Е. И. В. грамотамъ, нынѣ принуждено не толь съ провозной чужестранной соли и протчего, но и изъ рыбы въ Польщу провозимой, также и прогонимого туда скота рогатого и лошадей, а оттоль для своенужнаго употребленія съ провозимого сюда горячого вина, также: отъ продоваемыхъ въ той Елисаветградской и въ Екатерининской провинціи, собственныхъ своихъ заводовъ лошадей и рогатого скота, платить пошлину, того ради дабы Запорожское войско, чрезъ платежъ таковыхъ пошлинъ, въ торгахъ лишенія и крайнѣйшей своей обиды миновать, но оные сходно вольности своей, по матерней Всевысочайшей Е. И. В. милости продолжая, найлутше навсегда, къ службѣ Е. И. В. исправлятся и найусерднѣйшимъ быть могло, всераболѣпнѣйшее Е. И. В. войско проситъ: Всемилостивѣйше

призрѣть повелеть: такову пошлину съ козаковъ войска Запорожскаго съ провозимой въ Малую Росію и въ Польщу соли Крымской и протчего заграничного товару, да въ Польщу-жъ съ провозимой-же рыбы, и прогонимого туда товару и во всю Новороссійскую губернію къ продажѣ скота и лошадей, такожъ съ вывозимого въ войско Запорожское хлѣба, горячего вина и протчего пошлину снять, понеже за наложенною и взимаемою пошлиною, привозъ всего съ Польщи до Сѣчи оставленъ, и не безъ крайней войску втомъ следуетъ нужды; яко войско Запорожское тѣмъ довольствовалось всегда съ области Польской.

6-е.

Что войска Запорожскаго на земляхъ, въ Зеленой балкѣ, близъ Буераковъ Княжихъ и Вовчихъ, да на устѣ речки Синюхи и въ другихъ мѣстахъ, разставлени многіе команды, въ коихъ никакой пользы и въ соблюдение Государственнаго Ея Императорскаго Величества интереса надобности, яко они внутри Запорожской земли, а не на границѣ находятся, не состоитъ,— по взнесенному въ прошломъ 1761 году отъ войска Запорожского прошенію, состоявшогося въ 1762 Генваря 29 дня Высочайшою грамотою, повелено: тѣ команды ставками раставленные свесть; но по нынѣ оные не сведены, а какъ отъ оныхъ крайне войску утѣсненіе слѣдуетъ, того ради Е. И. В. раболѣпнѣше войско Запорожское просить дерзаетъ, въ прописанныхъ и въ другихъ мѣстахъ по запорожской землѣ, где есть разставленные команды, Всемилостивѣйше повелѣть свесть; чтожъ принадлежитъ до воздержанія при границѣ осторожности и обереженія, то войско Запорожское по своей землѣ где надлежитъ, оному наблюденію быть по присяжной своей должности, какъ прежде въ наблюдении содержали, такъ и нынѣ содержать имѣетъ.

7-е.

Въ прежніе годы отправляющимся отъ войска Запорожского Низового въ Москву и въ Санктпетербургъ, къ Высочайшому Ея Императорскаго Величества Двору, для полученія Всемилостивѣйшаго Е. И. В. жалованья и по войсковимъ

нуждамъ, старшинамъ, по выдаваемымъ за бывшей генеральной войсковой канцеляріи выписямъ, провозъ ржаного вина и наливного на ягоды, на тамошное ихъ старшинъ въ Москвѣ и въ Санктпитербургѣ употребленіе, свободенъ былъ беззадержно, а нынѣ отправливаный отъ войска Запорожского Низового въ 1766 годѣ, для полученія Всемилостивѣйшого Ея Императорскаго Величества войску жалованья, полковникъ Федоръ Завизонъ съ товарищи, въ бытность пана Кошового атамана въ Санктпитербургѣ, ему и за возвратомъ въ войскѣ, представилъ что везомое нимъ по имѣющойся въ него зъ Малоросійской коллегіи виписи, вино ржаное, каморъ-коллегіею въ Москвѣ, — что Высочайшимъ Е. И. В. указомъ, пропускать вина никому, и по выписямъ запрещено, — задержано было чрезъ цѣлую недѣлю; которое хотя и процущено, однакожъ въ задержании ихъ понесли немалой убытокъ. А яко отправляющимся съ войска Запорожскаго Низового Кошевому атаману и старшинамъ въ Москву и въ Санктпитербургъ, отправляющимся къ Высочайшему Е. И. В. двору, для полученія войску Всемилостивѣйшого жалованья и по нуждамъ войсковимъ, провозъ вина ржаного и наливного на ягоды и на собственное ихъ употребленіе, Всемилостивѣйше дозволить, и чтобъ даваны были на то выписи по прежнему опредѣлены повелѣть учинить.

8-е.

Въ войско Запорожское изъ разныхъ націй, для прожпвательства и службы малолѣтними и уже совершенныхъ лѣтъ люде приходятъ, и по принятіи ими закона Грекоросиского и на вѣрность Ея Императорскому Величеству присяги, записываются въ службу и выучивсь совсѣмъ какъ должно регулы козацкой, живутъ нѣкоторіе, протчіежъ по желанію ихъ и по вольности поживши, идутъ въ Малую Россію, въ Польщу, въ Волощину и тамо женятся, и хотя они имѣютъ усердное желаніе чтобъ имъ паки на здешніе земли сфамиліями выйтить и жить, но тѣсности ради, по причинѣ занятой подъ Новую Сербію и Слободское поселеніе земли и что въ ономъ поселении командиры не отъ войска Запорожскаго, а въ другихъ быть подъ

командою кромѣ войска неприбикли, выходъ свой удерживаютъ, и для того Е. И. В. войско всеподаннѣйше проситъ: Новосербского вѣдѣнія и записавшихся въ пикинеры людей, изъ Запорожскихъ земель, где они нынѣ жительствуютъ, свесть вдругіе отдалнѣйшие отъ границы мѣста внутрь, а вышеписанним въ Польщи и въ Волощинѣ поженившимся Запорожскимъ козакамъ, дозволить на техъ мѣстахъ, или где войско Запорожское заблагоразсудитъ, селится и какъ имъ, такъ и въ Малой Росии поженившихся Запорожскимъ козакамъ, дозволить на техъ мѣстахъ, или где войско Запорожское заблагоразсудитъ, селится и какъ имъ такъ и въ Малой Росии поженившимся козакамъ Запорожскимъ и ихъ дѣтямъ и наслѣдникамъ, яко они на своихъ наслѣдних и купленныхъ земляхъ живутъ, употребляеми-жъ бываютъ отъ тамошнихъ комендировъ тамо, втаковие командирацін что имъ снесть съ трудностию, а они къ службѣ воинской, по ихъ искуству, могутъ быть всегда исправными, Всемилостивѣйше повелѣть: имъ быть подвѣденіемъ и командою Коша войска Запорожского Низового, которые, такожъ и виходящіе зъ Польщи и Волощины. Запорожскіе козаки, могутъ равную съ войскомъ Запорожскимъ, во время военного случая, отправлять службу.

9-е.

Подлинное известіе имѣетъ войско Запорожское Низовое, что на земли принадлежацін войску Запорожскому, лежацін по сю сторону реки Днепра, на поселеніе расколниковъ съ Польщи и слободъ расколническихъ, что въ Стародубовскомъ полку, переводять; да въ Малую Россію на земли тамо имѣющіеся, выводять иновѣрцовъ и селютъ, а какъ войско Запорожское съ народомъ Малоросійскимъ и зъ гетманомъ Богданомъ Хмелницкимъ, вмѣстѣ пришли подъ державу Всероссійскаго престола, то имѣетъ причину о семъ обозватся и понеже войску Запорожскому, по жительству ихъ при границахъ, уставъ таковъ, чтобъ въ войску Запорожскомъ и на принадлежащей войску Запорожскому землю, иновѣрнымъ не быть и не жить, что и въ пунктахъ гетмана Богдана Хмелницкого упоминается, ибо

иновѣрцы и паче расколники, своими ухищреніями, въ здешнихъ простолюдиныхъ въ вѣрѣ могутъ вредить, а сверхъ того расколники какъ народъ къ умерщвленію и ограбленію людей приоблыклый, тѣмъ и здѣсь промышлять начнутъ; якожъ уже, — что расколникъ подрядясь козаку Запорожскому свезть его и товаръ, его на пути умертвилъ а товаръ забралъ и послѣдовало,—того ради покрайней о семъ нестерпимости, и отъ ихъ вредительства и опасности, принуждены мы войско Запорожское осталисъ, Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше о семъ внесть, рабски прося, о сводѣ тѣхъ расколниковъ и иновѣрцовъ зъ земель здешнихъ и зъ Малой Россіи; въ другіе во внутрь Ея Императорскаго Величества Государства земли, — учинить Ея Императорскаго Величества Высокомонаршее матернее милосердіе.

10-е.

По представленію находившагось въ Крыму консуломъ, примеръ маіора Никифорова, что якобы серебраная монета Великороссійскими и Малороссійскими купцами, къ Запорожскимъ козакамъ чрезъ Днѣпръ и Украинскую Линѣю до Сѣчи Запорожской, а отъ оной въ Крымскую сторону тайно и явно чрезъ рѣку Днѣпръ, где покупая виноградные вина, товари и соль, возвращается, Ея И. В. Правительствующаго Сената опредѣленіемъ и присланною къ господину Гетману графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому грамотою, повелѣно: для пресѣчения преисходившого, Великороссійскими и Малороссійскими купцами и Запорожскими козаками, чрезъ Днѣпрь и Украинскую линѣю до Сѣчи Запорожской, а отъ оной чрезъ рѣкужъ Днѣпрь и другіе разные протоки, тайного провоза здешной серебренной монеты на Крымскую сторону, во всѣ мѣста найкрѣпчайше, где надлежитъ, прятвердить и войску Запорожекому жалованье, медною а не серебранною монетою отпускать, почему въ Сѣчь Запорожскую войску жаловане мѣдною монетою, а не серебранною и отпускатся съ 1764 году началось. А при таможняхъ и заставахъ съ купцами въ Сѣчь слѣдуемыми, серебранной монети никакой и серебра, кромѣ мѣдной непропущается, Великоросискіежъ и Малоросиские купцы, торговлю съ Татарами имѣющіе,

вывозя съ Россіи разной товаръ, за оной виноградные вина и протчіе въ Крыму товары вымѣниваютъ и получаютъ на одномъ и другомъ товарѣ прибель; а еже ли торговать наличными деньгами, то съ того не прибель, а всегда убытокъ получать моглибъ; а къ Запорожскимъ козакамъ, Татары приезжая въ Сѣчь, привозятъ епанчи, сѣдла, стрѣлы, луки, стремя, сабли, удила, и протчое къ козачей надобности способное, и въ козаковъ Запорожскихъ по зимовникамъ, за оные привозные свои товари вымѣниваютъ, а за башлыки покупаютъ себѣ для харчей, старые и вовся къ ѣзде неспособные лошади и рогатую таковужъ скотину; козакижъ Запорожскіе на объявленные башлыки, яко имъ нигдѣ кромѣ въ войску Запорожскомъ, да въ Краму хожденія нѣтъ, отвезти въ Крымъ, покупаютъ соль и вышеписанной товаръ, такожъ сафяны, бугасы и протчое, отвозя въ Малую Россію и продавъ, покупаютъ къ одѣянію нужное и харчовые и питейные припасы въ Сѣчь Запорожскую. И сверхъ того, учрежденными отъ войска по границѣ караулами, и разьездами и Никитинскою заставою, по предложеніямъ, чтобъ серебранной монеты провозимо никакъ небыло, наблюданно и наблюдается крепко: и такъ серебранная Россійская монета, чрезъ неспособность никакъ выходитъ въ Кримъ не можетъ, по причинѣжъ выше писанного непропуску серебранной монеты въ Сѣчи Запорожской една толко медная монета хожденіе имѣетъ, съ которою и за покупкою въ Малую Россію ѣздитъ было; а нынѣ въ таможняхъ и заставахъ въ едучихъ Запорожскихъ козаковъ и промысленниковъ, оной медной монеты осматривая, если сыщется, въ Малую Россію не пропускаютъ. Зачѣмъ козаки принуждены, яко означенная медная монета, ни въ Польщи ни въ Крыму хожденія своего имѣть крайне не можетъ, промысла ихъ, коимъ бадаясь, приспособляютъ себѣ къ службѣ, лиглатся (?) паче же сего воинскіе наряды исправляя, понося не малой убитокъ, къ томужъ и Малороссіяне, провозъ въ Сѣчь Запорожскую всякихъ припасовъ, что въ Сѣчи ихъ продатъ надобно на мѣдную монету, коей при возвращеніи у Малую Россію при таможняхъ и заставахъ не пропущается, оставляютъ, да и вовся оставили. И такъ Запорожскіе козаки

во всякой ихъ нужной надобности несуть немалую обиду; о чемъ хотя находившійся въ Санктпетербургѣ, здешній панъ Кошовый Калнишевскій, зъ старшинами, чрезъ поданное изшедшаго 766 году. Мая 15 дня, Ея Императорскому Величеству въ Правительствующій Сенатъ всеподданѣйше челобитье, представлялъ, о свободномъ зъ Сѣчи Запорожской медной монеты, въ Малую Россію, а съ нутри ее въ Сѣчь сребраной монеты, на заставахъ и таможняхъ пропускѣ, и ежегодно войску Запорожскому жалованя, оноюжъ серебранною монетою отпуска, просилъ; но въ резолюцію войско Запорожское потому ничего получить отъ Ея И. В. неудостоилыся поынѣ, того ради о вышеписанномъ вторично Ея Императорскому Величеству представляя, рабски войско проситъ во пресѣченіе впредъ слѣдуемыхъ войску Запорожскому обидъ и разореній, мѣдную зъ Сѣчи Запорожской въ Малую Россію, а зъ внутри Россіи до Сѣчи Запорожской серебранную монети, на заставахъ и таможняхъ пропущать, и ежегодное войску Запорожскому жалованя оноюжъ серебраною монетою отпускатъ по прежнему. Всемилостивѣйше повелѣть, и о томъ куда надлежитъ предложить 1767 году Іюля 23 дня.

№ 13.

Имена Кошевыхъ и Судей Запорожскаго войска, по документамъ Сѣчеваго архива.

1655—1775.

I. Имена Кошевыхъ:	Годы правл. Кош.
Демьянъ Барабашъ............	1655
Иванъ Сѣрко................	1659—1660
Иванъ Брюховецкій...........	1662
Иванъ Сѣрко................	1663—1668
Григорій Дорошенко..........	1668
Суховѣй....................	1669
Михаилъ Ханенко............	1670
Денисъ Кривоносъ............	1672

	Годы.
Иванъ Сѣрко	1673—1680
Иванъ Стягайло	1680—1681
Григорій Ивановичь	1682—1683
Федоръ Иванпка	1686
Григорій Сагайдачный	1687—1688
Иванъ Гусакъ	1691
Иванъ Шарпило	1694
Иванъ Гусакъ	1695
Яковъ Чалый	1696
Григорій Яковенко	1697
Костя Гордѣенко	1705
Лукьянъ Тимофѣевъ	1706
Петро Сорочинскій	1707
Костя Гордѣенко	1708—1710
Якимъ Богушь	1710
Иванъ Малашевичь	1715—1716
Иванъ Малашевичь	1719—1720
Иванъ Филиповъ	1721
Василій Гужь	1725
Иванъ Малашевичъ	1731
Иванъ Бѣлицкій	1732
Яковъ Тукало	1733
Иванъ Малашевичъ	1734
Иванъ Бѣлицкій	1735
Иванъ Милашевичь	1736
Иванъ Бѣлицкій	1738
Костя Покотило	1739
Яковъ Тукало	1740
Стефанъ Гладкій	1741
Семенъ Еремѣевичъ	1742
Иванъ Малашевичъ	1743
Якимъ Игнатовичъ	1744
Василій Григорьевичъ	1745—1746
Павелъ Козелецкій	1747
Данило Гладкій	1748

	Годы.
Якимъ Игнатовичъ............	1749
Василій Григорьевъ...........	1750
Якимъ Игнатовичъ...........	1751—1752
Данило Гладкій...............	1753
Якимъ Игнатовичъ...........	1754
Григорій Федоровъ...........	1755—1756
Данило Гладкій...............	1757
Григорій Федоровъ...........	1758
Алексѣй Бѣлицъ.............	1759—1760
Григорій Федоровъ...........	1761
Петръ Калнишевскій..........	1762
Григорій Федоровъ...........	1763
Филипъ Федоровъ.............	1764
Петръ Калнишевскій..........	1765—1775

II. Имена Судей.

Степанъ Решетило............	1730
Семенъ Еремеѣвичъ...........	1734—1737
Николай Багно...............	1748
Павелъ Кириловъ.............	1757
Петръ Калнишевскій..........	1758
Демьянъ Терентьевъ..........	1759
Прокопъ Донской.............	1761
Федоръ Сохацкій.............	1762
Федоръ Бабура...............	1763
Моисей Сухій................	1764
Павелъ Головатый............	1765
Никита Самборъ..............	1766
Иванъ Бурносъ...............	1769
Андрей Носачъ...............	1772
Николай Тимофѣевичъ (Косапъ).	1773—1775

№ 14.

Имена Крымскихъ Хановъ.

1707—1775.

Годъ Гиджры.	Годъ отъ Р. Х.	*Имена Хановъ.*
1119.	1707.	Капланъ-Гирей I, сынъ Селимъ-Гирея.
1121.	1709.	Девлетъ-Гирей II.
1124.	1713.	Капланъ-Гирей I, (вторично).
1129.	1716.	Кара-Девлетъ-Гирей, сынъ Адиль-Гирея.
1133.	1720.	Саадетъ-Гирей II, (вторично).
1137.	1724.	Менгли-Гирей II, сынъ Селима.
1143.	1730.	Капланъ-Гирей I. (въ 3-й разъ)
1149.	1736	Фетъ-Гирей II, сынъ Девлетъ-Гирея.
1150.	1737.	Менгли-Гирей II, (в ричично).
1152.	1739.	Селаметъ-Гирей II.
1156.	1743.	Селимъ-Гирей II, сынъ Капланъ-Гирея.
1161.	1748.	Арсланъ-Гирей, сынъ Девлетъ-Гирея.
1169.	1757.	Халимъ-Гирей, сынъ Саадетъ-Гирея.
1172.	1758.	Крымъ-Гирей, сынъ Девлетъ Гирея.
1178.	1764.	Селимъ-Гирей III, сынъ Фетъ-Гирея.
1180.	1766.	Арсланъ-Гирей, (вторично).
1181.	1767.	Максудъ-Гирей, сынъ Селаметъ-Гирея.
1182.	1768.	Крымъ-Гирей (вторично).
—	1769.	Девлетъ-Гирей III, сынъ Арсланъ-Гирея.
1173.	1770.	Капланъ-Гирей II, сынъ Селимъ-Гирея.
1184.	1771.	Селимъ Гирей III, (вторично).
1185.	1772.	Шегинъ-Гирей, сынъ Ахмедъ-Гирея-султана.
1189.	1775.	Девлетъ-Гирей III, (вторично).
1191.	Съ 1775 по 1783,	т. е. до разрушенія ханства, Шегинъ-Гирей-Ханъ.

+ 1 карта /18.04.90

